Акт № 2

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
ГАЛ

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ

обозначенного здесь срока

1.31				
3-III.75-П-1				
				V

Картотип. ГУРКВМФ. Зак. 476—20000

Проверено-63

ПРОВЕРЕНА
1952 г.

Проверена-56 г.

ПРОВЕРЕНА-58

ПРОВЕРЕНО - 06

Е. Шмурло
1913 г.
1/X

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

ВЪ ОЦѢНКѢ

СОВРЕМЕННИКОВЪ И ПОТОМСТВА

Е. ШМУРЛО

Выпускъ I
(XVIII вѣкъ)

1496

ГЛАВНАЯ МОРСКАЯ
Инв. № 18266
„14" III 1939 г.
БИБЛИОТЕКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1912

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предисловіе III

ГЛАВА I.

Время Петра Великаго 1

Движеніе, создавшее эпоху преобразованія.—Роль Петра Великаго.—Реформа Петра Великаго, ея цѣли и способы проведенія.—Точка зрѣнія противниковъ Петра Великаго и возраженія, ими выставленныя.—Соборное Дѣяніе 1157 года.—Сторонники реформы.—Защита Петромъ Великимъ своей дѣятельности: баронъ Гюйссенъ, Рабенеръ, „Разсужденіе о причинахъ войны", „Гисторія Свейской войны".

ГЛАВА II.

Гласъ народа 13

Народная сатира; „Какъ мыши кота погребаютъ" и др.—Вопросъ о бородѣ.—Лицевой сборникъ XVIII вѣка.—„Тетради" И. Павлова.—Петръ-антихристъ.—Солдатъ Евѳимій и его ученіе.—„Сказаніе объ антихристѣ, еже есть Петръ I".—„Разглагольствованіе тюменскаго странника". — „Апокалипсій". — „Книга о случаехъ послѣдняго времени".—Духовные стихи.—Поворотъ на новую дорогу въ представленіяхъ о Петрѣ Великомъ.—Петръ Великій въ пѣснѣ народной.

ГЛАВА III.

Время ближайшихъ преемниковъ Петра Великаго (1725 — 1762 гг.) 31

Хвалебные голоса.—Впечатлѣніе, вызванное смертью Петра Великаго.—„Плачъ" Тредьяковскаго.—„Петрида" Кантемира.—Проповѣди Ѳеофана Прокоповича и Гавріила Бужинскаго.—„Краткая повѣсть о смерти Петра Великаго".—Мѣры Екате-

Стран.

рины I къ увѣковѣченію памяти Петра Великаго.—Крекшинъ, Сумароковъ, инвалидъ Кириловъ, Неплюевъ, Ушаковъ и ихъ отношеніе къ памяти Петра Великаго.—Легенды о рожденіи Петра Великаго.—Личность Петра Великаго на фонѣ антинаціональной политики временщиковъ.—Императрица Елизавета, какъ залогъ возврата къ національной программѣ; придворныя проповѣди.—Ломоносовъ и его „Петръ Великій", „Похвальное Слово", IV-я ода, „Надписи къ статуѣ Петра Великаго".—Сумароковъ и его ода на восшествіе на престолъ императора Петра III, „надписи", „Слово похвальное".—Мѣры къ увѣковѣченію памяти Петра Великаго въ царствованіе Елизаветы Петровны.—Плачевное состояніе бумагъ Петровскаго царствованія.—„Описаніе преславныхъ и великихъ дѣлъ Петра".—„Краткое описаніе дѣлъ", Зміева (?).—Переводъ книги Катифоро.—Крекшинъ и его труды по исторіи Петра Великаго.—Вольтеръ: западно-европейская литература о Петрѣ Великомъ, предшествовавшая появленію „Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand"; Фокеродтъ; переговоры съ русскимъ правительствомъ; взгляды Вольтера на исторію; программа и исторія составленія его книги; оцѣнка Вольтерова труда.

ГЛАВА IV.

Оцѣнка Петра Великаго въ царствованіе Екатерины II. . . . 61

Восторженные голоса и слѣпое преклоненіе: Херасковъ, Державинъ, митр. Платонъ, второстепенные піиты.—Зарождающаяся потребность объективной оцѣнки: Бецкій, императрица Екатерина.—Просвѣщеніе, какъ стимулъ въ оцѣнкѣ реформы: сатирическіе журналы, Челищевъ, Карамзинъ.—Графъ Сем. Ром. Воронцовъ.—Постепенное освобожденіе отъ прежней шаблонной оцѣнки Петра Великаго; начало критики. — Защита старины тѣми, кто не противъ реформы: Манштейнъ, Г. Фр. Миллеръ, Новиковъ, Екатерина II и программа, данная ею Сенакъ де Мельяну.—„Мысли о Россіи".—Оцѣнка Петра Великаго на Западѣ: Фонтенель, Лакомбъ, Милло, Монтескье, Ж. Ж. Руссо, Мабли, Левекъ, Дидро, Кондильякъ, Ферранъ.—Прямыя нападки на Петра Великаго: Бецкій, Болтинъ, княгиня Дашкова. — Начало исторической критики: Радищевъ, князь Щербатовъ.

ГЛАВА V.

Литература о Петрѣ Великомъ въ царствованіе Екатерины II 91—108

А. Сборники: Голиковъ и его „Дѣянія".—Туманскій, „Собраніе разныхъ записокъ и сочиненій".—Новиковъ, „Древняя Россійская Вивліоѳика".—*Б. Источники:* Поденная записка, Тетрати записныя, Книга Марсова, „анекдоты", переписка Петра Великаго и др. матеріалы.—*В. Попытки дать исторію*

Стран.

царствованія во всемъ его объемѣ: 1) отечественныя: Туманскій, Крекшинъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ, Манкіевъ-Хилковъ, Рубанъ, Нехачинъ, гр. С. П. Румянцовъ, Сумароковъ, Г. Фр. Миллеръ, Соймоновъ; 2) переводныя: Катифоро, Ѳеодози, „Храмъ безсмертныя славы", Алецъ.—*Г. Сочиненія съ характеромъ монографій*: „О высочайшихъ пришествіяхъ Петра на Двину".—„Кабинетъ Петра Великаго", Бѣляева.—Записки Гордона и ихъ мѣсто въ русской литературѣ XVIII столѣтія.—Сочиненія о городѣ Петербургѣ и о памятникѣ Петру Великому на Сенатской площади..—Сношенія азіатскія.—„Списокъ кораблямъ россійскаго флота".—„Россійскій магазинъ".—Труды Крестинина и Чулкова по исторіи русской торговли.

Примѣчанія.

Къ главѣ первой 1
„ „ второй 19
„ „ третьей. 39
„ „ четвертой. 84
„ „ пятой. 95
Опечатки 146
Указатель . . . . . 147—161

ВВЕДЕНІЕ.

Настоящая книга печаталась первоначально въ „*Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*“ (1911 г., №№ 10, 11, 12; 1912 г., №№ 5, 6) и является переработкою статей, ранѣе появившихся въ томъ же журналѣ (1889 г., №№ 7, 8), подъ заглавіемъ „Петръ Великій въ русской литературѣ (Опытъ историко-библіографическаго обзора)“, въ свою очередь, подъ этимъ самымъ титуломъ выпущенныхъ отдѣльнымъ изданіемъ въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ (С.-Пб. 1889. 136 стр.). Отличія настоящаго изданія отъ прежняго въ его внѣшнихъ размѣрахъ, въ новомъ матеріалѣ, въ иной системѣ изложенія и, наконецъ, въ указателѣ и въ оглавленіи, которыхъ тамъ совсѣмъ не было. Къ сожалѣнію, отвлеченный другими обязанностями, авторъ не могъ всецѣло посвятить себя этому труду, отдаваясь ему лишь урывками, и даже теперь онъ даетъ только часть его, доводя изложеніе до начала XIX вѣка, грани случайной и, конечно, мало соотвѣтствующей тѣмъ историческимъ этапамъ, по какимъ совершалась смѣна нашихъ представленій о Петрѣ Великомъ. Эту грань гораздо правильнѣе было бы отодвинуть лѣтъ на 30, на 40 далѣе, такъ какъ царствованіе импе-

тора Александра I и даже первые годы царствованія Николаевскаго, по существу, не прибавили ничего новаго къ представленіямъ, сложившимся о Петрѣ въ эпоху Екатерины II. Но составленіе книги прерывалось такъ часто и такъ подолгу; правильное и постоянное пользованіе отечественными книгохранилищами—а безъ ихъ содѣйствія о дальнѣйшей работѣ нечего и думать!—попрежнему обставлено для автора такими существенными помѣхами, что онъ рѣшился, не откладывая, дать теперь же то, что могъ представить на судъ читателя, въ надеждѣ, что книга и въ такомъ видѣ имѣетъ право на вниманіе.

Римъ, октябрь, 1912 г.

I.

Эпоха Петра Великаго давно уже стала достояніемъ прошлаго; отъ преобразовательной дѣятельности перваго русскаго императора насъ отдѣляютъ цѣлыхъ два столѣтія; казалось бы, много воды утекло съ тѣхъ поръ, а между тѣмъ мы какъ будто все еще стоимъ подъ обаяніемъ этого времени, какъ будто все еще не пережили этой тревожной, лихорадочной поры и не въ силахъ отнестись къ ней вполнѣ объективно. Духъ Петра точно еще вѣетъ среди насъ, и минутами мы готовы думать, что царственный реформаторъ покинулъ насъ всего лишь вчера, далеко еще не успѣлъ стать, какъ слѣдуетъ, исторической личностью. Мы чувствуемъ, что это не Иванъ III, не царь Грозный, даже не Алексѣй Михайловичъ, всего лишь на одно поколѣніе отстоящій отъ преобразователя: эти государи отошли для насъ такъ далеко, что намъ возможно, выражаясь словами поэта, говорить о нихъ, „добру и злу внимая равнодушно“. Не таковъ Петръ: его „добро“ слишкомъ еще осязательно и наглядно; отъ его „зла“ все еще, минутами, трудно дышится. Великій императоръ ребромъ поставилъ вопросы, которыхъ мы и до сихъ поръ окончательно не рѣшили, и волей-неволей живемъ въ томъ обиходѣ понятій и практической дѣятельности, каковой впервые только съ него получилъ свою осязательность и рѣзкую опредѣленность.

Эта близость Петровскаго времени неизбѣжно сказалась и на его оцѣнкѣ. Отсутствіе исторической дали мѣшало соблюсти въ своихъ представленіяхъ надлежащую перспективу, и литература, посвященная преобразовательной дѣятельности Петра, скорѣе напоминаетъ судебныя рѣчи въ защиту или въ обвиненіе подсудимаго, чѣмъ спокойный анализъ научной исторической критики.

Движеніе, создавшее эпоху преобразованія, началось еще въ XVII

столѣтіи. Страшный погромъ, пережитый въ началѣ этого вѣка, заставилъ насъ встрепенуться отъ долговременной спячки и серьезно задуматься надъ своими недочетами. Хотя основное ядро русскаго общества и продолжало еще коснѣть въ старой неподвижности, но отъ него уже отдѣлилась небольшая кучка передовыхъ людей, — всѣ тѣ, кого не могли удовлетворить однѣ традиціи прошлаго, порядокъ, унаслѣдованный отъ старины. Въ ихъ сознаніи всего отчетливѣе выяснился недостатокъ *образованія* и необходимость заимствовать его оттуда, гдѣ оно было, т. е. съ Запада. Такъ мало-по-малу стали обозначаться два направленія, старорусское и европейское. Одинаково неудовлетворенные тогдашнею жизнью, одни, меньшинство, искали лѣкарства за рубежемъ, другіе, большинство, хотѣли огородить себя отъ иновѣрца еще болѣе высокою стѣною, чѣмъ даже та, какую воздвигли монгольское иго и вѣковая оторванность русскаго племени отъ его собратьевъ по духу и крови.

Но среди противниковъ Запада не всѣ были противниками образованія вообще—они лишь искали его въ направленіи, освященномъ вѣками, у единовѣрной Византіи, твердо держась старыхъ традицій, чуждаясь обновленія. Въ то же время расколъ церковный и самую массу раздѣлилъ на двѣ враждебныхъ половины. Такимъ образомъ, движеніе началось, и при томъ сильное, стихійное, теперь его ничѣмъ не остановить; но само общество пока еще жило, будучи далекимъ отъ мысли, что оно уже *двинулось*, находится въ пути. Еще не сознавали, что настоящій моментъ, въ сущности, есть уже канунъ крупныхъ событій. Покажи этимъ людямъ сегодня, какъ далеко ушли они отъ вчерашняго дня,—они съ недовѣріемъ и негодованіемъ отвергли бы вашу мысль, а завтра они сами восторженно выкинутъ новое знамя и съ упрямствомъ фанатика станутъ его защищать.

Среди такого-то общества появился Петръ. Онъ прямо и открыто поставилъ вопросъ, на который, я полагаю, можно смотрѣть, какъ на исходную точку всей его государственной дѣятельности: коснѣть ли завѣдомо въ старинѣ, или обильно черпать знаніе у тѣхъ, кто имъ обладаетъ? Запереться ли въ свой уголъ и сознательно закрыться отъ свѣта истины, или широко растворить дверь этому свѣту и расчистить имъ мракъ, накопившійся за многіе годы?... Петръ какъ бы спрашивалъ: будемъ ли мы смотрѣть назадъ, на пройденный путь и на немъ искать своихъ образцовъ, или признаемъ, что для обладанія счастьемъ надо завоевать его работой, борьбой, надо идти впередъ, не боясь заимствованій и общенія съ людьми? Сохранимъ ли, спра-

шивалъ царь, старое только потому, что оно старое, прадѣдовское, или послѣдуемъ голосу разума, если онъ докажетъ, что новое есть истинное, лучшее?

Въ старой Московской Руси колесо жизни поворачивалось черезчуръ медленно; тамъ болѣе смотрѣли назадъ, тревожно относясь къ мысли хоть чуточку быстрѣе пустить тотъ паровозъ, что̀ тащилъ по дорогѣ громоздкій поѣздъ—Россію. Девизомъ Московской Руси были слова: „Будьте осторожны; заботьтесь, какъ бы не потерять изъ *вчерашняго* то хорошее, что въ немъ есть“. На знамени Петра начертано было иное: „Впередъ, не бойтесь перемѣнъ, старайтесь о томъ, чтобы *завтрашній* день былъ лучшимъ, чѣмъ день сегодняшній“.

Петръ далъ рѣшеніе въ послѣднемъ смыслѣ, и вотъ движеніе началось, движеніе быстрое, головокружительное. Не забудемъ, что *цѣли*, поставленныя царемъ-реформаторомъ, осуществлялись *способами*, которые сами по себѣ уже способны были вызвать отпоръ и возраженіе: старая Русь не знала уваженія къ личности и силой физическою сплошь и рядомъ замѣняла воздѣйствіе моральное. Энергія, съ какою насаждалъ русскій царь новое знаніе; самодержавная вѣра въ правоту своей программы и самыхъ способовъ ея осуществленія; необычайная нервная напряженность, въ какой держалъ онъ страну въ теченіе болѣе четверти вѣка, — все это восхитило однихъ, вселило ужасъ въ другихъ. Люди стараго закала, захваченные стремительнымъ ураганомъ, не могли не идти, не бѣжать: они вѣдь составляли органическую часть государственнаго тѣла, приведеннаго въ движеніе; но они двинулись противъ желанія, оскорбленные въ самыхъ завѣтныхъ своихъ чувствахъ. Въ реформѣ Петра необходимо рѣзко отдѣлять здоровое зерно правды отъ ненужныхъ, подчасъ прямо отвратительныхъ наслоеній,—отъ той нездоровой оболочки, въ какую облекалась тогда эта правда. Истинный сынъ своего вѣка, Петръ не уважалъ личности, далекій отъ мысли, что и у нея есть свой міръ законныхъ желаній, привычекъ, понятій и убѣжденій. Удивительно ли, если это породило взрывъ жгучаго негодованія, вызвало горечь несмываемой обиды?...

Въ самомъ дѣлѣ станемъ на точку зрѣнія противниковъ Петра. „Святая Русь“ должна сторониться одинаково какъ басурманъ на востокѣ, такъ и нѣмцевъ на западѣ; между тѣмъ знаніе, эту заморскую новинку, приходится брать именно черезъ иноземныя, иновѣрныя руки. Удивительно ли, если культурный кличъ Петра получилъ въ глазахъ сторонниковъ московской старины значеніе рели-

гіознаго, національнаго вопроса? Скажутъ: приверженные къ буквѣ и формѣ, они пугались не столько знанія, сколько той оболочки, въ которой оно заносилось къ намъ. А хотя бы и такъ? Чѣмъ это было хуже того фанатизма, съ какимъ противная сторона доказывала, будто, только оголивъ подбородокъ и облачившись въ кургузое платье, можно стать образованнымъ человѣкомъ? Можно ли винить ихъ за то, что въ бородѣ и длинномъ кафтанѣ, въ постѣ и отчужденіи отъ иновѣрца они видѣли свой завѣтъ, свою религію? Вѣдь они всосали эти понятія съ молокомъ матери! Самые авторитетные люди внѣдряли въ нихъ эти мысли. Ихъ постоянно учили: въ церковь Божію подобаетъ ходить въ русскомъ платьѣ; да будетъ проклятъ надѣвшій иноземное — онъ уподобился басурманину. Брадобритіе было „мерзостью предъ Богомъ“, уподобленіемъ обезьянѣ, псамъ и котамъ; въ Ветхомъ Завѣтѣ бороду сбривали „въ наруганіе и казнь“; а если такъ, то неужели вся Русь стала теперь преступною? И въ умахъ русскихъ людей само собою возникалъ вопросъ: гдѣ, въ такомъ случаѣ, правда и справедливость, если рѣшились столь легкомысленно оскорблять цѣлый народъ?... Борода, по справедливому замѣчанію Буслаева, стала „символомъ русской народности, русской старины и преданія“. Обрить подбородокъ—значило исказить образъ Божій. Стоглавъ, Кормчая книга, патріархи, церковные уставы—всѣ запрещали бритье, какъ еретическую выдумку, посягновеніе на чистоту православной вѣры. Какое право имѣемъ мы говорить, что для искренно вѣрующаго человѣка борода была лишь простою формою, пустою вывѣскою, если, по его убѣжденію, запретъ восходилъ до самихъ вселенскихъ соборовъ, установлялся правилами св. Апостолъ, не допускавшими, послѣ смерти брадобрійцы, ни отпѣванія его, ни служенія сорокоуста, ни подачи просфоръ за поминовеніе его души?.. Пусть критика доказываетъ ошибочность ссылокъ на отцовъ церкви, но, разъ такое представленіе, правильное или неправильное — все равно—сложилось, возможно ли было его игнорировать и презирать? Вотъ почему безъ малѣйшей улыбки или насмѣшки читаемъ мы разсказъ иностранца о томъ, какъ иные носили за пазухой сбритую бороду, въ надеждѣ, что когда придетъ имъ смертный часъ, то ихъ похоронятъ вмѣстѣ съ нею и тѣмъ дадутъ оправдаться передъ лицомъ Вышняго Судіи. Да, эти убѣжденія были ихъ религіей, и эту-то религію такъ оскорбляли! Съ чѣмъ они сжились, что стало для нихъ священнымъ, духовною потребностью, все это исчезало теперь навѣки. Для человѣка сколько-нибудь убѣжденнаго, съ самоуваженіемъ,

легче перенести физическую боль, чѣмъ безнаказанно отдать на поруганіе свой нравственный міръ, все то, въ чемъ выражается его я. Сомнѣній, какъ поступить, не можетъ быть въ данномъ случаѣ: вызванный на борьбу, человѣкъ съ отчаяніемъ безнадежности хватается за посильное оружіе [1]).

Говорятъ, московская старина не сумѣла отличить формы отъ содержанія, судорожно ухватилась за бороду и кафтанъ, наивно вѣря въ ихъ душеспасительность. Но истинный трагизмъ положенія въ томъ и заключался, что за европейскою формою скрывалось, по мнѣнію противниковъ нововведеній, самое омерзительное содержаніе. Позднѣйшія поколѣнія разберутся (да и то съ какимъ трудомъ! да и вполнѣ ли?) въ этомъ сложномъ вопросѣ, выдѣлятъ здоровое зерно отъ ненужной примѣси; пока же, въ глазахъ громаднаго большинства, мѣропріятія Петра колебали самыя основы церкви и государства. Антинаціональный, неправославный характеръ этихъ мѣропріятій — вотъ коренная причина разлада. На умъ приходила мысль о Гришкѣ Отрепьевѣ, а ужъ что хуже Дмитрія Самозванца придумать могъ русскій народъ?..

Все страшнѣе, необычайнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ колоссальнѣе казалась сторонникамъ московской старины фигура царя. И вотъ онъ выростаетъ у нихъ въ сверхчеловѣческое существо, въ одержимаго бѣсомъ, въ родившагося отъ нечистой дѣвы, въ самого антихриста... А! говорили современники: — потому-то и водится онъ съ нѣмцами, потому-то и рекрутчину ввелъ, и новобранца клеймитъ раскаленнымъ желѣзомъ—печатью антихриста; потому-то и стрѣльцовъ мучитъ лютыми казнями, родного сына убилъ! Теперь понятно, почему онъ не соблюдаетъ постовъ, у Бога восемь лѣтъ укралъ, восхитилъ первенство у Іисуса Христа, принялъ титулъ патріаршескій. Вотъ почему онъ бреетъ бороду, одѣлся въ короткое платье, звѣриный образъ принялъ и носитъ кудри собачьи, ввелъ новые налоги и поборы съ христіанскаго міра... Было семь антихристовъ; по Писанію, долженъ народиться восьмой: онъ и есть теперь во образѣ Петра. Антихристъ, антихристъ сидитъ на престолѣ!

И эти ужасныя рѣчи слышатся во всѣхъ углахъ русскаго государства, объ этомъ толкуютъ всѣ слои общества: крестьянки и жены солдатскія; холопы и монахи; эти зажигательныя мысли тайно лелѣетъ или открыто высказываетъ сынъ боярскій, крестьянинъ, нищій, хлѣбенный старецъ монастырскій, раскольникъ, посадскій человѣкъ, драгунскій капитанъ и отставной прапорщикъ; кликуша, старица-чер-

ница, дьячекъ и священникъ, каждый на свой ладъ, но всѣ на одну тему: „Какой это царь! Весь міръ переѣлъ, нѣмцы обошли его! Давно бы раздѣлаться съ нимъ надо!“ Напрасно жестокими казнями думали заглушить оскорбительную молву, напрасно потайной литературѣ противопоставляли правительственную, прибѣгали къ авторитету Димитрія Ростовскаго, къ содѣйствію лубочныхъ картинъ—поношеніе государя производилось безбоязненно и открыто: поносители были увѣрены, что народная масса на ихъ сторонѣ. Сочиненіе Ростовскаго въ защиту брадобритія успѣха не имѣло; казни же... Что такое казни!... Тѣхъ, кто добровольно шелъ въ Преображенскій приказъ и, заранѣе зная ожидавшія тамъ его муки, безтрепетно, подчинялсь единственно голосу совѣсти, заявлялъ: „Государево дѣло за мною такое: пришелъ я извѣщать государю, разрушаетъ онъ христіанскую вѣру“ — тѣхъ, очевидно, казнями не напугать. Люди гибли, сотнями умирали въ страшныхъ мученіяхъ, но Петръ, увы! попрежнему оставался для сотенъ и сотенъ тысячъ проклятымъ антихристомъ, жидовиномъ отъ колѣна Данова, но не царемъ-батюшкой, не боговѣнчаннымъ помазанникомъ Божіимъ; народное недовольство продолжало рости, и всѣ ужасы пытки лишь удесятеряли его размѣры [2]).

Къ тому же, надо замѣтить, въ своей полемикѣ съ расколомъ православное духовенство прибѣгало къ пріемамъ, которые не только не достигали цѣли, но приводили къ результатамъ совершенно противоположнымъ. Димитрій Ростовскій и другіе пастыри церкви обзывали двуперстное сложеніе „армянскимъ кукишемъ“, „чертовымъ преданіемъ“ и тому подобными именами, чѣмъ, конечно, въ корень подрывали уваженіе къ своимъ словамъ. „Когда же“ — говоритъ Мельниковъ — „за непмѣніемъ подлинныхъ доказательствъ о древности трехперстнаго сложенія и другихъ Никоновскихъ нововведеній, рѣшились прибѣгнуть, съ согласія Петра I, къ неизвинительной хитрости, къ составленію подложнаго дѣянія небывалаго собора на Мартина армянина, тогда раскольники потеряли всякое довѣріе къ православнымъ пастырямъ. Со стараго пергамента соскоблили (и довольно неискусно) прежнія письмена и почеркомъ XVIII столѣтія, новымъ языкомъ написали на немъ дѣяніе, бывшее будто бы въ 1157 г.“. Нижегородскій епископъ Питиримъ напечаталъ текстъ этого дѣянія въ 1721 году въ приложеніи къ своей „Пращицѣ“, съ заявленіемъ, что первоначально онъ ознакомился съ нимъ по списку Димитрія Ростовскаго, а позже по еще болѣе древнему, яко бы отысканному въ Кіевѣ. Правительство, съ своей стороны, озаботилось о возможно бо-

лѣе широкомъ распространеніи книги въ народѣ. Опираясь на „Дѣяніе“, Питиримъ доказывалъ, что еще въ XII вѣкѣ сугубая аллилуія и двуперстное знаменіе креста были преданы анаѳемѣ, какъ соборомъ русскихъ іерарховъ, такъ и церковью Константинопольскою. „Но раскольники русскую исторію, русскій языкъ и русскую палеографію знали несравненно лучше составителей подложнаго манускрипта“. Извѣстный Андрей Денисовъ, этотъ, по выраженію его единомышленниковъ, „мужъ ученый и церковнаго писанія премного начитанный“, подвергъ „Соборное Дѣяніе“ обстоятельному разбору и совершенно его уничтожилъ солидностью доводовъ, ясностью логическихъ разсужденій.

Правительству послѣ такой неудачи ничего не оставалось иного, какъ запечатать подложное дѣяніе царской печатью и спрятать въ синодальную типографскую библіотеку, гдѣ оно, кажется, хранится нетронутымъ и по настоящее время. Но было уже поздно. Неловкая подтасовка фактовъ произвела неизгладимое впечатлѣніе: провалъ „Дѣянія“ былъ полный, и престижъ „никоніанцевъ“ палъ сильнѣе, чѣмъ когда либо. Къ тому же исторія съ „Мартиновой ересью“ какъ разъ совпала съ годами особенно напряженной литературной дѣятельности раскольниковъ; появились знаменитые „Отвѣты Діаконовы“, „Поморскіе Отвѣты“— этотъ своего рода кодексъ и катехизисъ старообрядческаго вѣроученія, получившій „авторитетъ, равносильный авторитету твореній св. Отецъ“. Съ тѣхъ поръ доводы фанатизма нашли новую опору въ доводахъ логики, и борьба стараго порядка съ новымъ стала еще упорнѣе, еще убѣжденнѣе [3]).

Но если такое впечатлѣніе выносили закоснѣлые противники Петра, то совсѣмъ иное чувство возбуждалъ послѣдній своею дѣятельностью въ новыхъ людяхъ, въ сторонникахъ реформы. Вопль отчаянія однихъ сливался съ крикомъ торжества у другихъ. Тому, кто еще ранѣе, хотя однимъ глазомъ, видѣлъ краешекъ новаго міра, куда его теперь вводили; кто по натурѣ своей былъ склоненъ отозваться на новый призывъ; кто въ душѣ своей разорвалъ со старымъ, но еще не присталъ къ другому берегу, при чемъ и самый берегъ носился ему въ неясномъ туманѣ,—какимъ новымъ свѣтомъ озарялась ему теперь его жизнь! Захолустный провинціалъ, неожиданно попавшій въ круговоротъ шумной столичной жизни и совершенно ослѣпленный невиданными диковинками,—вотъ на кого походилъ всякій, кто питалъ сочувствіе къ Петру и крѣпко держался его преобразованій. Какъ ничтожна, мелка должна была казаться ему теперь вся его прежняя

обстановка и дѣятельность! Теперь онъ выросталъ въ собственныхъ своихъ глазахъ, заново рождался, чтобы зажить болѣе широкой и осмысленной жизнью. И все это совершилось въ мгновеніе ока, по мановенію прямо волшебной руки! Честь и хвала этой силѣ! Кто въ состояніи сравниться съ нею? Это сила необычная, свѣтоносная, божественная,—это самъ Богъ!

Чѣмъ были мы раньше и не сводилось ли все наше прошлое къ пустому мѣсту?... Въ самомъ дѣлѣ, развѣ по существу не эта самая мысль звучитъ въ привѣтственныхъ словахъ канцлера Головкина, когда, по заключеніи Ништадскаго мира, онъ подноситъ Петру, отъ имени сената и государственныхъ чиновъ, титулъ императора: „единыя вашими неусыпными трудами и руковожденіемъ мы, ваши вѣрные подданные, изъ тьмы невѣдѣнія на феатръ славы всего свѣта и тако рещи изъ *небытія* въ *бытіе* произведены и въ общество политичныхъ народовъ присовокуплены“. Церковная каѳедра въ ту пору отражала на себѣ общественныя настроенія гораздо ярче, чѣмъ въ наше время, и мы видимъ, что духовные витіи той эпохи не остаются глухи къ событіямъ текущей жизни: Ѳеофанъ Прокоповичъ, Гавріилъ Бужинскій славятъ подвиги Петра, его успѣхи военные, его преобразованія.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что это былъ голосъ меньшинства, отдѣльныхъ единицъ. Необъятный трудъ, возложенный царемъ на Россію, подавлялъ своими размѣрами даже и тѣхъ, кто отстаивалъ преобразовательную программу; только позже, уже по смерти Петра, когда его работа скажется наглядными результатами, только тогда станетъ сколько-нибудь замѣтнымъ число убѣжденныхъ сторонниковъ его идеи. Пока же громко звучалъ голосъ враговъ, взывавшій къ отмщенію. Застѣнокъ и пытка, тюрьма и эшафотъ не могли его заглушить. Но Петръ, не отказываясь отъ силы внѣшней, вѣрилъ и въ могучую силу убѣжденія. Чѣмъ ожесточеннѣе проявлялась оппозиція его реформамъ, тѣмъ настоятельнѣе чувствовалъ онъ необходимость найти себѣ оправданіе въ глазахъ подданныхъ; чѣмъ сдержаннѣе и непріязненнѣе относились на Западѣ къ попыткамъ его занять видное мѣсто въ ряду европейскихъ государей, тѣмъ необходимѣе было Петру привлечь на свою сторону общественное мнѣніе этого Запада. Какъ ни увѣренъ былъ преобразователь въ правотѣ своего дѣла, какъ ни высоко держалъ знамя самодержавныхъ правъ своихъ, но въ общественномъ мнѣніи видѣлъ онъ силу, съ которою приходилось считаться и избѣгать столкновеній. Онъ первый въ Россіи призналъ громадное вліяніе за печатнымъ словомъ и поспѣшилъ имъ

воспользоваться, какъ могучимъ воспитательнымъ средствомъ. Одна внѣшняя сила еще не создавала устойчивости нововведеніямъ; опираясь на нее одну, реформа не могла бы прочно привиться въ Русской землѣ. Приходилось воспитать умы, убѣдить въ необходимости преобразованій,—за это и берется Петръ Великій.

Еще въ 1702 году русское правительство вошло въ соглашеніе съ барономъ Гюйссеномъ, обязавъ его пропагандировать за-границей, путемъ печати, идеи царя, знакомить Европу со всѣми его распоряженіями, сочинять книги и статьи, оправдывающія дѣятельность преобразователя, переводить правительственые указы, полемизировать съ враждебными мнѣніями, нанимать для той же цѣли журналистовъ въ иностранной печати, доставлять имъ матеріалъ, сырой и обработанный и т. п. Изданіе Рабенера *Europäische Fama* въ теченіе многихъ лѣтъ помѣщало сочувственныя Россіи статьи, служа такимъ образомъ нѣкотораго рода официознымъ органомъ русскаго правительства за границей.

Но это все была пропаганда русскихъ идей передъ иноземцами. Для своихъ подданныхъ Петръ поручаетъ Шафирову написать знаменитое „Разсужденіе о причинахъ войны“. Сочиненіе это — своего рода оправдательная записка царя въ отвѣтъ на ропотъ народный: оно стремилось представить борьбу съ шведскимъ королемъ, какъ необходимость и насущную потребность государства. Въ то же время сочиненіе это оправдывало правительство и передъ лицомъ Европы въ взводимыхъ на него обвиненіяхъ. Извѣстно непосредственное участіе Петра въ составленіи „Разсужденія“; перу царя принадлежитъ такъ названное „Заключеніе къ читателю“, гдѣ проводится мысль о необходимости довести дѣло до конца и не мириться, прежде чѣмъ не обезпечено будетъ обладаніе Балтійскимъ побережьемъ [4]).

Впрочемъ, Петръ начиналъ войну съ Карломъ XII безъ достаточно яснаго сознанія тѣхъ послѣдствій, какія она повлечетъ за собою; съ каждымъ годомъ борьба увеличивалась въ размѣрахъ, поглощая всѣ силы страны и становясь центральнымъ событіемъ для Россіи въ глазахъ современниковъ. Понятно поэтому громадное значеніе Полтавской побѣды: помимо ея вліянія на ходъ военныхъ событій и международное положеніе Россіи, она вносила свѣжесть и бодрость духа, разсѣивала сомнѣнія въ плодотворности прежнихъ усилій, наглядно осмысливала самую войну. Положительное значеніе предшествовавшихъ лѣтъ выяснялось теперь съ каждымъ новымъ успѣхомъ, и у Петра зарождается вполнѣ понятное желаніе сохра-

нить на память эти трудные годы умственнаго и физическаго напряженія, а предъ потомствомъ найти оправданіе своимъ поступкамъ. Однимъ словомъ, онъ задумываетъ исторію Шведской войны.

Исторія ея составленія сама по себѣ могла бы служить предметомъ особаго этюда. Еще въ самые первые годы заведенъ былъ *діаріушъ* военныхъ событій, съ каковою цѣлью въ мартѣ мѣсяцѣ 1705 г. велѣно всѣ извѣстія „о поведеніи нынѣшней Свѣйской войны, что будетъ чиниться въ воинскихъ походахъ“, присылать въ посольскій приказъ. Съ 1711 года приступили къ составленію и самой „Гисторіи Свейской войны“. Много заботы и личнаго труда положилъ на нее Петръ. Тщательно собирались необходимые матеріалы: походные журналы государя, правительственныя распоряженія, реляціи о сраженіяхъ, разсказы непосредственныхъ участниковъ событій; не забыты были и чисто литературныя пособія, иностранныя и отечественныя. Но задача въ цѣломъ оказалась дѣломъ далеко не легкимъ. Нова была форма литературнаго изложенія; съ другой стороны, война затягивалась, приходилось писать о событіяхъ буквально вчерашняго дня и *исторію* превращать въ простой перечень хронологически расположенныхъ фактовъ. Шиллингъ, Поликарповъ, Шафировъ, Гюйссенъ, Макаровъ и, вѣроятно, Ѳеофанъ Прокоповичъ послѣдовательно одинъ за другимъ старались, каждый по мѣрѣ силъ и умѣнья, разобраться въ обширномъ матеріалѣ и придать ему хотя бы по внѣшности болѣе стройный видъ; но едва ли не болѣе всѣхъ работалъ самъ царь. По заключеніи Ништадскаго мира онъ отвелъ особое утро, разъ въ недѣлю, по субботамъ, на занятія „Гисторіей Свейской войны“. Этой „Гисторіи“ насчитывается восемь редакцій, такъ называемыхъ „черненій“, и пять изъ нихъ, несомнѣнно, правлены рукою государя. Второе черненіе подъ перомъ царя подверглось значительнымъ передѣлкамъ и существенно отличается отъ перваго; редакція Макарова, послѣдняго по времени изъ участниковъ въ составленіи книги, также не миновала царской руки, такъ что истиннымъ авторомъ труда въ томъ видѣ, въ какомъ мы его знаемъ, едва ли не правильнѣе всего будетъ назвать именно Петра, а не кого другого. Конечно, опредѣлить съ точностью степень участія каждаго изъ сотоварищей по работѣ было бы возможно (если только вообще возможно) лишь послѣ тщательнаго анализа всѣхъ восьми „черненій“; во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію тѣсная связь работы Петра съ редакціями Гюйссена и Макарова: „Гисторія Свейской войны“ является ихъ завершеніемъ и органически съ ними связана. Особенно это нужно замѣтить

по отношенію Гюйссена, можетъ быть, потому, что работа его дошла до насъ въ болѣе законченномъ и обработанномъ видѣ [a]), и у насъ имѣются фактическія данныя для сопоставленій, чего, къ сожалѣнію, нельзя сказать про Макарова.

Въ „Исторіи Свейской войны“ Петръ вставилъ множество подробностей фактическаго содержанія, цѣнныхъ не для одного историка войны, но и для біографа царя. Такимъ образомъ, государь самъ положилъ начало исторіи своего времени. Его трудъ важенъ прежде всего, какъ личное свидѣтельство наиболѣе главнаго участника событій, какъ источникъ первой руки; кромѣ того, во многихъ случаяхъ онъ даетъ авторитетную точку опоры для провѣрки и исправленія хронологіи другихъ источниковъ. Если, какъ *исторія*, трудъ этотъ и не можетъ считаться удовлетворительнымъ, будучи, въ сущности, сырымъ, едва тронутымъ матеріаломъ,—то именно какъ матеріалъ, онъ пріобрѣтаетъ громадную цѣну въ нашихъ глазахъ. „Свейская война“, однако, еще не скоро стала достояніемъ читающей публики: она была издана лишь въ царствованіе императрицы Екатерины II извѣстнымъ историкомъ Щербатовымъ, подъ именемъ „Журнала или Поденной Записки Петра Великаго“ [5]).

Но Петра занимала мысль не объ одной исторіи борьбы съ могущественнымъ сосѣдомъ. На фонѣ этой борьбы въ сознаніи царя и его ближайшихъ сотрудниковъ все яснѣй и отчетливѣе выступала тѣсная связь событій спеціально военныхъ съ явленіями внутренней жизни страны. Однимъ словомъ, въ представленіи героя Полтавской битвы исторія *войны* превращается въ исторію *царствованія*. Въ 1722 г. государь дѣлаетъ характерную отмѣтку въ своей записной книжкѣ: „Вписать въ исторію, что въ сію войну сдѣлано, какихъ когда порядковъ земскихъ и воинскихъ, обоихъ путей регламентовъ и духовныхъ; такожъ строенія фортецъ, гавановъ, флотовъ корабельнаго и галернаго, и манифактуръ всякихъ, и строенія въ Питербурхѣ и на Котлинѣ и въ прочихъ мѣстахъ“. Но если не легка была исторія войны, то, разумѣется, тѣмъ труднѣе оказалась исторія царствованія. Въ результатѣ почти весь матеріалъ остался безъ обработки и въ Поденную Записку не вошелъ. Мысль царя, однако, нашла свое осуществленіе, хотя и въ болѣе скромныхъ размѣрахъ и далекая отъ окончательнаго завершенія, въ сочиненіи Ѳеофана Прокоповича:

---

[a]) Она напечатана въ извѣстномъ сборникѣ Туманскаго подъ названіемъ: „Журналъ государя Петра I съ 1695 по 1710 годъ“.

„Исторія императора Петра Великаго“. Прокоповичъ, есть основаніе полагать, принималъ нѣкоторое участіе въ составленіи „Гисторіи Свейской войны“, что̀, вѣроятно, и навело государя на мысль поручить ему, въ 1722 г., приняться за описаніе всего царствованія. Задача осталась выполненною на половину; далѣе Полтавской битвы Ѳеофанъ не пошелъ и работу свою свелъ, въ сущности, къ разсказу о той же Шведской войнѣ. Не будетъ большимъ преувеличеніемъ назвать трудъ псковскаго архіепископа, въ его основѣ, лишь сокращеннымъ пересказомъ „Гисторіи Свейской войны“, хотя, несомнѣнно, болѣе стройнымъ и связнымъ по изложенію. Во всякомъ случаѣ, Макаровская редакція „Журнала“ послужила однимъ изъ источниковъ Ѳеофану. Отъ себя Ѳеофанъ внесъ немногое, и исторіи *царствованія* Петра Великаго въ его сочиненіи искать было бы совершенно безполезно. Подобно Поденной Запискѣ, и этотъ трудъ увидѣлъ свѣтъ не раньше воцаренія императрицы Екатерины II [6]).

II.

28-го января 1725 года смерть прекратила кипучую дѣятельность Петра, и для него насталъ судъ потомства. Приговоръ ближайшихъ поколѣній былъ столь же разноголоснымъ, какъ и отзывы современниковъ. Одни глубоко оплакивали потерю, другіе не знали, какъ выразить свою радость. Одни—это Россія офиціальная, правительственная, сознательно или по расчету порвавшая со старымъ; сотрудники государя, „птенцы гнѣзда Петрова", гордые соучастіемъ въ великомъ дѣлѣ; другіе—та многомилліонная масса, для которой вся „реформа" пока еще сводилась къ одному надруганію надъ самымъ святымъ и завѣтнымъ, да къ напряженной работѣ ради непонятныхъ и чуждыхъ ей цѣлей.

Присмотримся первоначально къ послѣднимъ.

Сила народной ненависти едва ли не ярче всего сказалась въ лубочной картинѣ „Какъ мыши кота погребаютъ",—картинѣ, получившей весьма широкое распространеніе и выдержавшей безчисленное количество изданій. „Чисто русское",—говоритъ Ровинскій,—„вполнѣ оригинальное произведеніе народнаго буффа", картина эта, съ соотвѣтственнымъ текстомъ, въ наивной и грубой формѣ заклеймила все, что претило народному уму въ реформахъ Петра. Съ безпощадной ироніей набросилась она на брадобритіе, куреніе табаку, введеніе музыки въ погребальный обрядъ; досталось и всепьянѣйшему собору, и богопротивной одноколкѣ, на которой въ свое время такъ любилъ разъѣзжать покойный котъ; затронула народная сатира и насильственное плетеніе лаптей, клейменіе рекрутовъ-новобранцевъ; больно задѣла она и котовую вдову, „чухонку-адмиральшу Маланью". Царственное происхожденіе покойника легко вскрывается въ прозрачномъ его титулѣ: „котъ казанскій, умъ астраханскій, разумъ сибирскій", и еще болѣе въ указаніи на время смерти: въ сѣрый (т. е. зимній) четвергъ,

въ шестопятое число [a]). Собственно *государственную* дѣятельность Петра „Погребеніе кота“ не затронуло; но въ данномъ произведеніи мы во всякомъ случаѣ имѣемъ дѣло съ защитой далеко не одного только *обряда*, старой *формы*: въ „Погребеніи“, несомнѣнно, ясно сказалось пониманіе того, что наплывъ иноземцевъ, вторженіе новыхъ порядковъ кореннымъ образомъ мѣняетъ весь старый укладъ жизни, не только его формы, но и *содержаніе*, и что безобразныя выходки всешутѣйшаго собора идутъ гораздо дальше простой забавы пьяной компаніи.

Къ вліянію иноземки Екатерины на своего супруга народная сатира возвращалась не разъ. Картина „Какъ Баба-Яга дерется съ крокодиломъ“, по справедливому толкованію Ровинскаго, имѣетъ въ виду царственныхъ супруговъ. „Старообрядцы и донынѣ зовутъ своего недруга Петра Перваго крокодиломъ“. Другая лубочная картина „Нѣмка верхомъ на старикѣ“ имѣетъ связь съ разсказами, ходившими въ народѣ о слабости Петра къ шведской дѣвицѣ. Къ этой же категоріи произведеній народнаго творчества относитъ В. В. Стасовъ и нѣкоторыя другія картинки: „Старый нѣмецъ на колѣняхъ у молодой нѣмки“, „Молодая нѣмка кормитъ стараго нѣмца соской“, „Баба-Яга съ плѣшивымъ старикомъ“, въ которыхъ Петръ и Екатерина представлены уже не враждующими, а, наоборотъ, мирно пляшущими и живущими въ ладахъ, при чемъ первый изображенъ подъ башмакомъ у второй. Наконецъ, на Петра же были направлены и картины: „Христосъ побѣждаетъ антихриста“ и „Быкъ не захотѣлъ быкомъ быть“: головы антихриста и мясника, двухъ фигуръ, опрокинутыхъ вверхъ ногами, очень схожи и лицомъ напоминаютъ Петра [7]).

Неуклонно отрицательное отношеніе къ Петру людей, цѣпко державшихся за формы московской старины, можно прослѣдить на всемъ пространствѣ XVIII столѣтія. Оно впрочемъ и не удивительно, если вспомнимъ, что порядки, заведенные неукротимою волею всемогущаго императора и ниспровергавшіе старый обрядъ, нашли себѣ авторитетную поддержку въ лицѣ его преемниковъ. Надежды, оживившіяся было съ воцареніемъ Петра II и породившія среди поморскихъ старообрядцевъ нѣчто въ родѣ манифеста о моленіи за новаго императора, быстро исчезли, что и понятно, если вспомнить, что какъ разъ при этомъ новомъ государѣ послѣдовало, въ 1729 году, измѣненіе въ

---

[a]) Петръ Великій скончался въ четвергъ, зимнимъ мѣсяцемъ, въ шестомъ часу утра.

обмундированіи русскаго войска, не только не возстановившее стариннаго покроя одѣянія, но шедшее еще дальше въ дѣлѣ подражанія европейской модѣ: солдатамъ привязали косы, заставляли ихъ пудриться... Бороды сбривали по прежнему, кургузое платье заставляли носить, какъ и раньше, неправославный укладъ жизни поддерживали неизмѣнно. Сенатскій указъ 19-го февраля 1743 года возобновлялъ прежнія правила о неукоснительномъ бритьѣ бороды и усовъ, о ношеніи нѣмецкаго платья; за ношеніе бороды полагался штрафъ; запрещалась и торговля русской одеждой. Въ 1748 году запрещеніе было подтверждено. Борьба на почвѣ литературной — изображеніе брадолюбія въ смѣшномъ видѣ—цѣлей не достигала; а въ то же время презрѣніе къ старинѣ, въ извѣстныхъ слояхъ, дошло до того, что табакъ начали нюхать даже въ церкви, такъ что пришлось (въ царствованіе Елизаветы) запрещать это особымъ указомъ. Конечно, подобныя явленія, въ глазахъ бородачей, лишь подтверждали справедливость ихъ точки зрѣнія, и протесты противъ бритья бороды, нюханья табаку раздаются въ царствованіе императрицы Елизаветы довольно часто.

На этой почвѣ слагаются даже цѣлыя легенды. Въ семьѣ Нарышкиныхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе хранили, какъ фамильную святыню, бороду нѣкоего блаженнаго Тимоѳея Архипыча. Легенда повѣствуетъ, что Нарышкина, современница Петра, до глубины души возмущавшаяся преобразованіями государя, однажды „пала на колѣни и, въ пылу религіознаго увлеченія, возносила къ небесамъ молитву о томъ, чтобы родъ ея неизмѣнно оставался вѣренъ истинному православію и не прекращался никогда. Внезапно ее озаряетъ видѣніе: она видитъ передъ собою, „на воздусѣхъ“, колѣнопреклоненнымъ Тимоѳея Архипыча, держащаго въ рукѣ свою длинную сѣдую бороду, и обращаясь къ ней онъ произнесъ: „Настасья, ты молила Бога, чтобы родъ твой не пресѣкался и пребывалъ въ православіи; Господь опредѣлилъ иначе, и молитва твоя вполнѣ услышана быть не можетъ; но я умолилъ Всевышняго, и доколѣ въ семьѣ твоей будетъ сохраняться въ цѣлости моя борода, желаніе твое будетъ исполнено, и родъ твой не прекратится на землѣ“. Устрашенная и взволнованная этимъ видѣніемъ и этими словами, Настасья Александровна упала и лишилась чувствъ. Когда ее подняли и она пришла въ себя, то въ рукахъ ея оказалась длинная сѣдая борода“. Мы можемъ не вѣрить тому, что борода очутилась въ рукахъ экзальтированной женщины, но несомнѣннымъ остается тотъ фактъ, что какая-то борода, чья бы

она ни была, долгое время сохранялась въ семьѣ Нарышкиныхъ и переходила изъ рода въ родъ, какъ завѣтный талисманъ, съ существованіемъ котораго связывалась вѣра въ домашнее счастье и благополучіе.

Выше мы ознакомились съ народными картинками сатирическаго содержанія; что было ненавистно и чуждо народному уму, то онъ заклеймилъ безпощаднымъ глумленьемъ; но если для однихъ художественная кисть или перо служили орудіемъ смѣшной каррикатуры, то изувѣръ-фанатикъ прибѣгалъ къ нимъ въ цѣляхъ изобразить свой богобоязненный ужасъ, руководясь мотивами исключительно религіознаго характера. Въ одномъ изъ лицевыхъ сборниковъ второй четверти XVIII столѣтія содержатся любопытныя иллюстраціи къ тексту толковаго Апокалипсиса и очень популярнаго среди старообрядцевъ сказанія о концѣ міра,—такъ называемаго „Слова блаженнаго Ипполита папы римскаго и мученика о скончаніи міра и о антихристѣ и о второмъ пришествіи Господа нашего Іисуса Христа и о страшномъ его судѣ“. Художникъ, всецѣло проникнутый непримиримой ненавистью и отвращеніемъ къ Петру и его реформамъ, прекрасно воспользовался подходящимъ случаемъ для того, чтобы старинный текстъ растолковать явленіями близкаго ему времени. Передъ нами проходятъ солдаты въ кафтанахъ Петровской эпохи, съ подписью подъ рисункомъ изъ пророка Исаіи: „страну вашу чуждіи поядятъ“, такъ что не остается никакого сомнѣнія, кого надо подразумѣвать подъ „чуждими“; тѣ же петровскіе солдаты разстрѣливаютъ старцевъ, связанныхъ и облеченныхъ во власяницы, или сражаются съ казаками; у воротъ города человѣкъ въ красномъ кафтанѣ держитъ въ рукѣ развернутый свитокъ, рядомъ съ нимъ барабанщикъ бьетъ въ барабанъ—это приводятъ въ подданство антихристу; укрывшихся ведутъ къ нему насильно, отпавшіе знаменуются его печатью, вѣрные предаются на муку. Самъ антихристъ на нѣкоторыхъ рисункахъ изображенъ съ чертами лица, не оставляющими никакого сомнѣнія въ тожествѣ ихъ съ чертами императора Петра I. Мрачнымъ характеромъ запечатлѣна картина съ надписью: „Тогда послетъ въ горы и въ вертепы и въ пропасти земныя бѣсовскія полки, во сже взыскати и изобрѣсти скрывшаяся отъ очію его и тѣхъ привести на поклоненіе его“. Внизу, подъ краснымъ балдахиномъ, сидитъ на престолѣ антихристъ; слѣдуя указанію его руки, военный отрядъ, руководимый синимъ дьяволомъ, направляется къ скиту, что стоитъ среди дремучаго лѣса; вверху картины изображены высокія горы съ тремя пеще-

рами—тамъ спасаются міряне и иноки; одинъ изъ нихъ молится передъ иконой, два отряда петровскихъ солдатъ, руководимые дьяволами, поднимаются вверхъ по лѣснстымъ склонамъ. Не трудно догадаться, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ изображеніемъ тѣхъ военныхъ командъ, которыя такъ часто тревожили мирный покой старообрядцевъ и безпощадно разрушали ихъ ветлужскія и олонецкія убѣжища. Иллюстраціи названнаго сборника, по словамъ г. Щепкина, давшаго первое ихъ описаніе, „отнюдь не могутъ быть названы политическими каррикатурами: это вполнѣ серьезныя произведенія гонимаго религіознаго фанатизма, отожествившаго традиціонныя описанія конца міра съ русской дѣйствительностью начала XVIII вѣка. Глубокимъ суевѣрнымъ чувствомъ дышатъ эти рисунки, и условія исторической эпохи отражаются въ нихъ весьма реально“ [8]).

Подобно тому, какъ при жизни Петра были не только противники его мѣропріятій, но и исповѣдники враждебнаго ему ученія, такъ и теперь мы встрѣчаемся, и при томъ среди не однихъ только раскольниковъ, съ людьми, готовыми отдать жизнь за право бросить открытый вызовъ памяти ненавистнаго царя. Въ 1737 году въ Преображенскомъ приказѣ велось дѣло о бывшемъ солдатѣ и канцелярскомъ служителѣ Иванѣ Павловѣ и „тетрадяхъ“, имъ составленныхъ. Рядомъ съ обычнымъ негодованіемъ на „евхитскую ересь“ и „дьявольскій образъ“ (брадобритіе), на заведеніе „школъ математическихъ и академій богомерзкихъ“, въ которыхъ погодно печатаются „отъ звѣздочетія зловѣрующіе календари“ и русскій народъ приводятъ въ „планеты и въ прочіе знаки, яко въ Бога, вѣровати“,—мы встрѣчаемъ и новыя указанія на то, что смущало душу тогдашняго православнаго человѣка.

Пошатнулась благочестивая вѣра! Ей открыто стали предпочитать иноземную! Когда страшный пожаръ истребилъ массу московскихъ церквей, господа Строгановы ни единой церкви не помогли, въ Нѣмецкую же слободу, для постройки погорѣлой кирки, 200 рублей послали! Въ той же Москвѣ, у гостинаго двора, на новой каменной церкви воздвигли маленькій крестъ, совсѣмъ не такой, какъ на соборныхъ и прочихъ церквахъ. Тяжелыя времена! „Нынѣ кто что вздумалъ, то и сдѣлалъ!“

И всему этому злу причина—царь Петръ. Устранивъ патріарха, онъ принялъ на себя патріаршую и церковную власть, вступался въ духовныя дѣла и рѣшалъ ихъ своими указами—тогда какъ заповѣдями св. апостолъ царямъ этого отнюдь не дозволено: ихъ дѣло за св. цер-

ковъ стоять и оборонять ее отъ невѣрныхъ. Между тѣмъ Петръ, какъ истый антихристъ, повсюду профанировалъ церковные обряды: чинилъ комедіи и наряжалъ людей въ хари, кощунствовалъ на святкахъ, разъѣзжая со славленьемъ, распѣвая бѣсовскія пѣсни; въ маскарадной одеждѣ, непристойно, съ великимъ звономъ, пародируя крестные ходы, объѣзжалъ со своими приспѣшниками по трижды вокругъ собора и тѣмъ „древней святынѣ руганіе и посмѣшество творилъ“... Тѣ же бѣсовскія пѣсни, непристойныя слова и шутки составляли неотъемлемую принадлежность и свадебныхъ празднествъ. „Хульникъ и богопротивникъ“, онъ приказывалъ встрѣчать себя въ торжественные пріѣзды въ Москву подобно Сыну Божію: дѣти, одѣтыя въ бѣлые подстихари, разставленныя у тріумфальныхъ воротъ, съ вайями и вѣтвями, пѣли при его проѣздѣ: „Благословенъ грядый во имя Господне! Осанна въ вышнихъ!“ И въ другомъ хотѣлъ онъ уподобиться Христу: во время маскарадныхъ игрищъ, съ нарочно устроеннаго корабля бросалъ онъ на площадь живую рыбу, „яко бысть во явленіи Господни апостоломъ, ловящимъ рыбы въ морѣ на кораблѣ“; изъ Спасскаго монастыря выходилъ, возложивъ на главу свою терновый вѣнецъ; въ такомъ же вѣнцѣ изображалъ себя на монетахъ... [9]).

Да, Петръ умеръ, но память о содѣянныхъ кощунствахъ пережила царя и сильно бередила религіозное чувство русскихъ людей. Борода оставалась неизмѣннымъ символомъ православія; и литературное перо убѣжденнаго старовѣра охотно направляло свои стрѣлы противъ ненавистнаго ему сочиненія Димитрія Ростовскаго, допускавшаго, какъ мы видѣли, „богопротивное и гнусное брадобритіе“. Поколѣнія будутъ смѣняться за поколѣніемъ, а ненависть и омерзѣніе къ „ложному Мессіи“ въ взволнованной душѣ клокотать будутъ по прежнему. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ необходимо оговориться и нѣсколько съузить ту сферу, къ которой можно было бы приложить только что сказанное. Въ исторіи раскола царствованіе императрицы Екатерины II внесло важный переломъ. Указъ 14-го декабря 1762 года, вызвавъ изъ-за границы бѣжавшихъ туда раскольниковъ, дарованіемъ льготъ, о какихъ въ предыдущія царствованія имъ и не снилось, нанесъ сильный ударъ чувству непримиримости и отчужденности старообрядцевъ. На этой почвѣ съ одной стороны выросло позднѣйшее единовѣріе, а съ другой—готовность безпоповщинской секты пойти на разнаго рода уступки. Поморцы признали для себя необходимость брака и, вмѣстѣ съ федосѣевцами, ограничили прежнее ученіе о воцареніи антихриста, допустивъ, что послѣ Петра антихристъ царствуетъ не чувственно, а

лишь духовно, и что поэтому преемники перваго императора суть только слуги, исполнители антихристовой воли, а не сами антихристы. Прежняя враждебность стала мало по малу сглаживаться; рѣже встрѣчалось противодѣйствіе государственнымъ законамъ; запись подъ двойной окладъ, въ ревизскія сказки, мысль о податяхъ и паспортахъ, отправленіе рекрутчины, молитва за царя и т. п. перестали пугать въ такой степени, какъ это бывало раньше.

Но именно эта самая примирительная струя и вызвала реакцію среди наиболѣе фанатическихъ приверженцевъ старины. Изъ поморцевъ выдѣлился новый толкъ филипповцевъ, для которыхъ всѣ преемники Петра были одинаково антихристы; а потому какая-нибудь молитва за нихъ, повиновеніе поставленнымъ отъ нихъ властямъ разсматривались, какъ отступленіе отъ „древляго благочестія“. Еще дальше пошла секта странниковъ или, какъ она иначе еще называется, бѣгуновъ. Тутъ не только отказывали въ повиновеніи властямъ предержащимъ, но съ фанатической нетерпимостью относились и къ раскольникамъ прочихъ толковъ. Антихристъ, по ученію странниковъ, все осквернилъ своимъ присутствіемъ; жить въ современномъ обществѣ значитъ, хотя бы косвенно, признавать его власть надъ собой, подчиняться ему, а потому единственный исходъ для благочестиваго человѣка—бѣжать возможно скорѣе изъ этого общества. Такимъ образомъ, оппозиція Петру среди старовѣровъ, проигравъ количественно, едва ли не выиграла въ интенсивности и сознательности.

Основателемъ секты странниковъ былъ нѣкто Евѳимій, бѣглый солдатъ, человѣкъ большой энергіи и глубокаго убѣжденія (1743—1792). Его перу принадлежатъ: 1) Толкованіе на слова Ипполита, папы Римскаго объ антихристѣ; 2) О злополучныхъ послѣднѣхъ временѣхъ и о знаменіяхъ антихристовыхъ; 3) Цвѣтникъ, собранный на старообрядцевъ, и нѣкоторыя другія. Особенному распространенію секта обязана крестьянину Никитѣ Семенову (ум. 1893 г.). Основныя положенія ученія бѣгуновъ [а]) сводятся къ слѣдующему.

Первый антихристъ, связанный на 1.000 лѣтъ [б]), появился по истеченіи перваго тысячелѣтія по Р. Хр., воцарившись въ греческомъ царствѣ, подъ греческимъ именемъ Аполлуенъ, указаннымъ въ Апокалипсисѣ [в]); по истеченіи новыхъ 666 лѣтъ, составляющихъ имя

[а]) Мы имѣемъ въ виду преимущественно тѣ стороны ученія Евѳимія, которыя непосредственно относятся къ личности и дѣятельности Петра В.

[б]) Апокалипсисъ, гл. XX, ст. 2.

[в]) Гл. IX, ст. 11: „имя ему по-еврейски Аваддонъ, а по-гречески Аполліонъ“.

его [а]), явился въ Россіи второй антихристъ, уже видимый—патріархъ Никонъ. Это былъ первый *звѣрь*, предсказанный Апокалипсисомъ [б]), съ семью головами и десятью рогами [в]). Наконецъ, появился третій и послѣдній антихристъ въ лицѣ Петра, о которомъ Откровеніе св. Іоанна такъ говоритъ: „И увидѣлъ я другого звѣря, выходящаго изъ земли; онъ имѣлъ два рога, подобные агничмъ, и говорилъ, какъ драконъ“ [г]). Не безъ нѣкотораго противорѣчія самому себѣ, но съ очевиднымъ желаніемъ дать подобающее мѣсто и Алексѣю Михайловичу, первому изъ государей, нарушившихъ „древлее благочестіе“, Евѳимій, въ дальнѣйшемъ изложеніи, называетъ и Петра, и его отца *рогами* этого двурожнаго звѣря: царя Алексѣя первымъ, Петра же—вторымъ рогомъ. Подобно тѣмъ двумъ антихристамъ, и третій тоже скрылъ себя, назвавшись императоромъ: „оный Петръ не пріялъ на ся царскаго имени, но восхотѣлъ поримски именоватися: императоръ. А въ римлянѣхъ оное императорское наименованіе безъ *мыслете* состоится, яко о томъ показуется въ троязычныхъ букваряхъ, сирѣчь: *іператоръ*“. Смыслъ этого слова тотъ же, что *титинъ*, знаменующій сатану: „исчисли обое, титинъ и іператоръ, и узриши: 666“ [д]).

Еще св. Кириллъ Іерусалимскій предрекъ его появленіе, говоря, что придетъ и возсядетъ гордый князь міра во имя Симона Петра. „Всѣ повинующіеся императору антихристу заклеймены его печатью, отрицаются Христа и предаются дьяволу. Петръ I есть чувственный антихристъ. Всѣ его повелѣнія ложны, законопреступны и богопротивны. Обложивъ денежнымъ окладомъ православныхъ, онъ записалъ ихъ въ еретики. Чувственные бѣсы, посланные антихристы учинили народную перепись, назвали православныхъ раскольниками и обложили ихъ двойнымъ денежнымъ окладомъ. Бѣсовскіе полки, воинскія и

Евѳимій въ данномъ случаѣ читаетъ: ἀπολλύεις; сумма буквъ этого слова, прочитанныхъ цифрами, дастъ 666: а (1)+п (80)+о (70)+л (30)+л (30)+у (400)+е (5)+и (50)=666. Между тѣмъ правильное начертаніе слова: ἀπολλύων (Ἀπολλύων).

а) „Кто имѣетъ умъ, тотъ сочти число звѣря, ибо это число человѣческое: число его шестьсотъ шестьдесятъ шесть“ (Апок. гл. XIII, ст. 18).

б) Гл. XIII, ст. 1.

в) Слово Νικήτας (Никита, мірское имя Никона) Евѳимій читаетъ въ искаженной формѣ: Νικήτιος, что̀ даетъ ему: н (50)+и (8)+к (20)+и (8)+т (300)+і (10)+о (70)+с (200)=666.

г) Гл. XIII, ст. 11.

д)

і п е р а т о р	т и т и н
10+80+5+100+1+300+70+100=666	300+8+300+8+50=666

гражданскія власти, исполнили царскіе указы отъ 8-го февраля 1716 и 2-го марта 1718 годовъ". Какъ и подобаетъ истинному антихристу, Петръ приказалъ прославлять себя, говоря въ началѣ указныхъ своихъ повелѣній: „Мы, Божіею милостію, императоръ"; соотвѣтственно двумъ рогамъ, принялъ два титула: „царь благовѣрный" и „императоръ благочестивѣйшій". Раньше всѣ были свободны, а теперь всенародною переписью Петръ „народъ въ груду собра, хотя его во власти своей удержати", что̀ предрекъ еще римскій папа Ипполитъ словами: „антихристъ соберетъ расточенные люди". Кто, какъ не онъ, „по сатанину велѣнію", учредилъ цехи и гильдіи, ввелъ брадобритіе, новое платье, куренье табаку и разныя другія богопротивныя изъ латинскихъ и нѣмецкихъ странъ установленія? раздробилъ всѣхъ людей на разные чины, размежевалъ между ними землю, лѣса и воды, надѣливъ однихъ обильно, другихъ недостаточно, кому же и вовсе ничего не давъ, „токмо едино рукодѣліе повелѣвъ", „да каждый знаетъ свое и наблюдаетъ за нимъ, другого же надѣла не прикасается"? Но коммунистическіе идеалы Евоимія не мирятся съ такимъ распредѣленіемъ собственности, слова „мой" онъ не признаетъ: „сей же глаголъ св. Златоустъ проклятымъ и сквернымъ нарицаетъ, глаголя: *мое*—отъ діавола введеся, все намъ общее сотворилъ Господь, и нѣсть можно рещи: *мой* свѣтъ! *мое* солнце! *моя* вода!" Всѣ такія новшества въ результатѣ сказались порчею общественныхъ нравовъ: „начаша бывати обманы, неправыя мѣры, неистовые вѣсы, и во всякую вещь неудобные примѣсы; родишася божбы и клятвы, жаждательства имѣнія, ненависть, зависть, вражда и драки и междоусобныя брани до свирѣпства, обиды до грабительствъ".

„Змій седмиглавый", Петръ обложилъ народъ семигривенною подушной податью и „почтилъ семь главныхъ страстей: гордость или славолюбіе, стяжаніе богатства, сластолюбіе, гнѣвъ, зависть, чревоугодіе и небреженіе; установилъ многіе языческіе обычаи, какъ то: брады брити, платье нѣмецкое носити, банты и петли на шеяхъ имѣти, табакъ носомъ пити и курити, въ комедіяхъ, маскарадахъ, пирахъ и балахъ нощеденствовати и прочее". Наконецъ, указомъ 5-го февраля 1722 года (закономъ о престолонаслѣдіи) Петръ „устроилъ оному мысленному антихристу домъ царствующій", повелѣвъ наслѣдникомъ признавать того, кто будетъ имъ назначенъ.

Съ негодованіемъ вспоминаетъ Евоимій объ оскорбительныхъ отличіяхъ въ одеждѣ—червленыхъ козыряхъ съ тремя инціалами ε.ρ.ѡ. („еже есть: еретикъ, раскольникъ, отступникъ")—о томъ, какъ даже

„св. богодухновенныя книги оглаголуя расколническими... а свою еретическую церковь“ „богохульно“ называлъ „святою“; о томъ, какъ учредилъ синодъ, посягнувъ тамъ своею персоною изображать упраздненнаго патріарха.

Начатое беззаконіе не прекратилось со смертью Петра: указы 1731, 1744, 1745 и 1764 гг. оскорбительно называли старовѣрцевъ раскольниками; а императрица Елизавета, кромѣ того, именуя покойнаго государя „благочестивѣйшимъ императоромъ“ и возобновивъ его прежнія повелѣнія, направленныя противъ приверженцевъ старой вѣры, тѣмъ самымъ явно обоготворила антихриста. „Все идетъ противъ Бога и все противъ правды; до конца тлѣетъ благочестіе, во всемъ царствуетъ нечестіе; вмѣсто законовъ водворилось вездѣ беззаконіе, лихоимцы вси грады содержатъ: во всемъ убо духъ антихристовъ возвѣя на насъ“. Чтобъ избѣжать этого духа, остается одно—спасаться отъ него *бѣгствомъ*... [10]).

Нельзя сказать, чтобы Евѳимій своимъ ученіемъ внесъ что либо особенно новое, какъ-нибудь иначе освѣтилъ личность и государственную дѣятельность Петра Великаго сравнительно съ другими противниками государя-реформатора; но то, что раньше было отдѣльнымъ несвязнымъ представленіемъ, съ характеромъ индивидуальнаго пониманія, теперь получило извѣстную связность и законченность, стало именно *ученіемъ*, системой. Евѳимій не ограничивается простымъ изложеніемъ фактовъ, но ставитъ ихъ во взаимодѣйствіе, подчеркиваетъ послѣдствія, изъ нихъ вытекающія. Онъ борется противъ основного смысла петровскихъ преобразованій, противъ того духа, какимъ, по его мнѣнію, они проникнуты. Отрицательное отношеніе къ настоящему порождено не чѣмъ инымъ, какъ глубокимъ убѣжденіемъ, что современный строй жизни, церковный, соціальный, государственный есть прямой продуктъ недавняго прошлаго. Такимъ образомъ въ ученіи Евѳимія субъективная оцѣнка *личности*, оставаясь такою же страстною и непримиримою, какъ и у современниковъ Петра, переходитъ, хотя, можетъ быть, и безсознательно, въ критику *реформы*, какъ общественнаго явленія. Это послѣднее обстоятельство, несомнѣнно, придало много яркости и живучести ученію Евѳимія; но зато, параллельно, когда съ годами отрицательныя стороны этой реформы, въ сознаніи массы, начали постепенно терять свой острый характеръ, ученіе бѣглаго солдата все болѣе и болѣе должно было замыкаться въ тѣсный кругъ немногихъ фанатическихъ послѣдователей, становиться дикимъ пережиткомъ и анахронизмомъ.

Дальнѣйшее развитіе идей Евѳимія слѣдуетъ видѣть въ „Сказаніи объ антихристѣ, еже есть Петръ I“ (иначе: „Собраніе отъ святаго Писанія о антихристѣ“),—страстномъ памфлетѣ противъ царственнаго реформатора, полномъ горячаго воодушевленія и бѣшеныхъ порывовъ. Тутъ передъ нами одновременно и непреклонная вѣра, и оскорбленное чувство, и непримиримая ненависть. Перомъ составителя названнаго памфлета руководитъ, разумѣется, не серьезное изученіе вопроса, а нетерпимость фанатика, непримиримаго врага. Называя Петра антихристомъ, авторъ произноситъ не бранный эпитетъ, но искренно вѣритъ въ реальность этого отожествленія, именно отожествленія, а не сравненія. Страстная филиппика въ перемежку со ссылками и выписками изъ Отцевъ церкви, съ постояннымъ повтореніемъ и возвращеніями къ только что сказанному; возбужденное состояніе, прорывающееся чуть не въ каждой строкѣ,—все это повліяло и на внѣшнюю форму памфлета, безпорядочную, невыдержанную, безъ системы.

Со времени звѣринаго 1666 года (когда новоисправленныя книги получили санкцію Московскаго собора) царь Алексѣй сталъ, въ глазахъ автора „Собранія“, „жидовиномъ“ и „мучителемъ“; царь же Петръ постоянно называется „лютымъ звѣремъ“, „воли сатанинои исполнителемъ“. Это „ложный мессія“, „противникъ Христовъ“, „сынъ погибельный“, „жидовскій царь“, „лжепомазанникъ“, „лжехристосъ“, „злой сосудъ сатанинъ“, скрывшій „пагубное имя свое подъ литерою М“, такъ какъ въ остальныхъ буквахъ слова *Императоръ* благочестивому старовѣру чудится, подобно Евѳимію, то же звѣриное число 666. Сильно достается Петру за учрежденіе синода, за именованіе себя отцомъ отечества, что̀ являлось, по мнѣнію безыменнаго автора, кощунствомъ надъ самомъ патріарха. Съ такимъ же негодованіемъ читаетъ онъ въ книжкѣ Бѣляева: „Кабинетъ Петра Великаго“ выдержки изъ Ломоносовской оды: „Онъ богъ твой, богъ твой былъ, Россія“. Особенно сильны нападки за перемѣну лѣтосчисленія; сѣтованія на это разбросаны по всему сочиненію. Что же касается до введенія подушной переписи, то она кажется нашему автору такимъ богоотступнымъ дѣломъ, что мысль его никакъ не можетъ примириться съ этимъ фактомъ. Онъ съ рѣшительностью провозглашаетъ, что „таковому лжехристу въ послушество отдатися не хощемъ и въ книги его законопреступныя писатися никогда не будемъ, да и хотящимъ спастися никому не совѣтуемъ. Творите съ нами, что хощете... ибо мы отъ святаго крещенія записаны есмы въ книги животныя у Царя небеснаго на небесѣхъ“.

Мысли, однородныя съ „Сказаніемъ объ антихристѣ“ и „Цвѣтникомъ“ Евоимія, высказываетъ другой послѣдователь секты бѣгуновъ, Василій Москвинъ въ своемъ „Разглагольствованіи тюменскаго странника“, сочиненномъ около двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія. Отрицательное отношеніе къ Петру является здѣсь результатомъ цѣлаго міровоззрѣнія. Весь міръ дѣлится на два царства: на міръ Божій съ небеснымъ градомъ Сіономъ, и міръ сатанинъ съ великимъ темнымъ градомъ Вавилономъ (Россіею). Въ этомъ Вавилонѣ антихристъ воплотился въ лицѣ царя Алексѣя Михайловича, патріарха Никона и справщика Арсенія Грека; первое обновленіе его—въ лицѣ Петра, принявшаго императорскій титулъ: „императоръ наречеся, спрѣчь монархъ или единовластитель, не имѣя равнаго себѣ, дабы кромѣ его никакихъ дѣлъ не творили, но имѣли бы его себѣ превысочайшею главою“. Вотъ почему иное дѣло царь благочестивый, иное—императоръ: за перваго молиться слѣдуетъ, за второго—никогда, и все, исходящее отъ „императора“, есть богопротивное и нечестивое. Поэтому въ глазахъ Тюменскаго странника святѣйшій синодъ есть „жидовскій синедріонъ“, а правительствующій сенатъ—„антихристовъ совѣтъ“; а въ словѣ *сенаторы*, которое бѣгуны пишутъ „сенатрі“, скрыто то же звѣриное число [a]).

Нѣсколько особнякомъ отъ двухъ только-что разсмотрѣнныхъ произведеній стоитъ сочиненіе неизвѣстнаго автора: „Апокалипсій“. Насколько можно судить по неполнымъ даннымъ, проникшимъ въ нашу печать, авторъ „Апокалипсія“ особенно смущенъ „языческими“ формами, какія усвоила русская жизнь въ XVIII вѣкѣ. Памятникъ Петра на Сенатской площади въ Петербургѣ, портретъ государя, рѣзанный въ 1764 году, съ стихотворной подписью Сумарокова, и другой, гдѣ императоръ изображенъ рядомъ съ Минервой, представляются ему „антихристовыми иконами“, „образами звѣриными“, предсказанными еще у пророка Даніила въ Апокалипсисѣ. Конь и змѣя на дивномъ произведеніи Фальконета служатъ ему оправданіемъ словъ Іезекіиля: „отъ гласа ржанія яжденія коня потрясеся вся земля, и пріидетъ и пожретъ землю, и исполненія ея, градъ и обитающихъ въ немъ“; а также словъ Псалмопѣвца: „яко се азъ послю на васъ зміи умерщвляющыя, имже нѣсть заклинанія, и угрызутъ васъ“. Въ стихахъ Сумарокова богиня славы толкуется всемірною вавилонскою блудни-

---

[a]) с е н а т р і.
200+5+50+1+300+100+10=666.

цею, чью преступную связь съ антихристомъ предугадалъ Апокалипсисъ: тотъ же смыслъ приданъ и Минервѣ. Что Петръ антихристъ—этому доказательство и самое его происхожденіе: онъ отъ смѣшенія рабской крови (Нарышкиныхъ) съ царскою (царь Алексѣй) и священническою (прадѣдъ, патріархъ Филаретъ). Всевозможными издѣвательствами осыпана „полюбовница Петрова, римлянка“ Екатерина I, главная совѣтница и подстрекательница всѣхъ нововведеній Петра; не менѣе достается и императрицѣ Елизаветѣ, новой „Венерѣ“ и „еллинской богинѣ“. Въ восторженныхъ одахъ стихотворцевъ XVIII стол., сравнивавшихъ время Петра съ золотымъ вѣкомъ, фанатику чудится богохульное поклоненіе богу Сатурну—властителю этого вѣка лишь по мнѣнію язычниковъ, а по ученію церковныхъ писателей—самому сатанѣ.

Вопросъ объ антихристѣ, столь тѣсно связанный съ заботою о спасеніи человѣческой души и уже по одному этому крайне тревожный, волнующій, представлялъ благодарную тему для благочестивой, ищущей правды души. Перо раскольника не ограничивается страстнымъ памфлетомъ, горячею исповѣдью—оно создаетъ цѣлые трактаты, пытаясь всесторонне, хотя и крайне туманно подойти къ рѣшенію наболѣвшаго вопроса. Такова „Книга о случаехъ послѣдняго времени“. Развитіе мысли запутанное, тонъ рѣчи торжественный, болью сердечной и фанатизмомъ отчаянія дышетъ каждая страница. Новыхъ положеній относительно Петра и его реформы названное сочиненіе не выставило; но въ немъ, можно сказать, какъ въ фокусѣ, сконцентрировались вся злоба и негодованіе раскольничьяго міра, весь ужасъ, вызванный дѣятельностью преобразователя. Извѣстное (апокрифическое, но весьма авторитетное среди старовѣровъ) сочиненіе св. Ипполита „Слово въ недѣлю мясопустную о скончаніи міра и о антихристѣ и о Второмъ пришествіи Господа нашего І. Христа“ служитъ въ данномъ случаѣ нашему автору отправною точкою для его разсужденій. Слѣдя за поступками и мѣропріятіями ненавистнаго ему русскаго императора, онъ находитъ въ нихъ блестящее доказательство справедливости пророчаній св. отца. „Книга о случаехъ послѣдняго времени“ дошла до насъ въ составѣ обширнаго рукописнаго сборника, представляющаго собою (примѣняясь къ современному типографскому языку) богатое, прямо даже роскошное изданіе, и одно уже это даетъ основаніе думать, что въ извѣстныхъ кругахъ внутренняя цѣнность этого сочиненія ставилась очень высоко [11]).

Представленіе о Петрѣ, какъ объ антихристѣ, удержалось вплоть до

нашихъ дней. Двѣсти лѣтъ времени прежней точки зрѣнія не измѣнили. И до сихъ поръ, по удостовѣренію г. Розова, „у раскольниковъ странническаго согласія существуетъ картина, изображающая Петра I въ видѣ антихриста, въ вѣнцѣ и порфирѣ. Сатана, подавая ему свѣчу, говоритъ: «твори волю мою; одного Іуды мнѣ нынѣ мало, а чрезъ тебя я привлеку къ себѣ много людей». Подлѣ Петра I изображена православная церковь въ видѣ блудницы“. Въ деревнѣ Талицахъ, Макарьевскаго уѣзда, Костромской губерніи, откуда былъ, кажется, родомъ Григорій Талицкій, и до сихъ поръ держится мысль, что Петръ Великій—антихристъ, а также сохранилось преданіе, что онъ кого-то изъ ихъ деревни мучилъ, жегъ живьемъ на Москвѣ.

Ученіе, видѣвшее въ императорскомъ титулѣ скрытый апокалипсическій знакъ, съ логической послѣдовательностью переноситъ свои воззрѣнія и на преемниковъ Петра Великаго. Подобно тому какъ современники Елизаветы Петровны считали ее „не прямою царицею“, говоря, что законный государь—„отрасль благочестиваго царя Ивана Алексѣевича“, внукъ его Іоаннъ Антоновичъ; такъ точно и Петръ III [а]), Александръ Благословенный, Николай I были, каждый, новыми „обновленіями“ антихриста. Послѣдователь ѳедосѣевскаго толка Ермаковъ заявлялъ въ 1855 году: „вашего синода и всего духовенства вашей церкви совершенно не признаю и не терплю, ибо они богомерзкіе отступники, гонители и мучители насъ, правовѣрныхъ, и самаго царя опутали своимъ бѣсовскимъ лжемудрованіемъ и лукавствомъ. *Императоромъ* Александра Николаевича не признаю, а признаю его *царемъ*. Титулъ же императорскій, вмѣстѣ съ гербомъ двуглаваго орла, Петромъ Великимъ заимствованъ отъ нечестиваго сатанинскаго папы римскаго. Титулъ *императоръ* значитъ Перунъ, Титинъ или Дьяволъ: гербъ двуглаваго орла есть тоже дьявольскій, ибо человѣкъ, звѣрь и птица имѣютъ по одной головѣ, а двѣ головы—у одного дьявола... Властей мірскихъ я признаю только тѣхъ, кои поставлены были царемъ, а не императоромъ. Начальниковъ надъ нами, правовѣрными, нынѣ вовсе нѣтъ никакихъ, а прежде были бояре и воеводы. Сенатъ же вашъ—есть дьявольскій комитетъ“.

Повышенное настроеніе сказалось и въ созданіи пѣсенъ, оплакивающихъ горькую судьбу православія. Въ одномъ изъ такъ называемыхъ „духовныхъ стиховъ“ І. Христосъ говоритъ: „Народился злой

[а]) г о л с т е и н.
3+70+30+200+300+5+8+50=666.

антихристъ", „наложилъ печать свою на людей"—благочестивому человѣку одинъ исходъ: бѣжать въ лѣса и дальнія пустыни, засыпаться песками, пепломъ и умереть

За крестъ святой, за молитву,
За свою браду честную,
За мою вѣру Христову.

Въ другой пѣснѣ Спаситель обращается къ Аллилуевой женѣ и говоритъ ей:

Ты скажи мою волю всѣмъ моимъ людямъ,
Всѣмъ православнымъ христіанамъ,
Чтобы ради меня они въ огонь кидались,
И кидали бы туда младенцевъ безгрѣшныхъ,
Пострадали бы всѣ за имя Христа свѣта...
Что антихристъ на землѣ взялъ силу большую...
Онъ брады всѣмъ брить повелѣвастъ,
Креститься щепотью всѣмъ завѣщаетъ,
Мою вѣру Христову хощетъ искоренити.

Вообще на всемъ пространствѣ XVIII и XIX в. не трудно прослѣдить одну общую ноту: Петръ Великій—антихристъ и все его твореніе, а, значитъ, и вся жизнь, какою мы живемъ теперь, есть исчадіе ненавистнаго ада. Мѣропріятія царя-реформатора коснулись самаго священнаго и дорогого, и отчаяніе наболѣвшей души нашло себѣ выходъ въ мрачной проповѣди самосожженія и самопстребленія.

Тѣмъ не менѣе, годы, образованіе дѣлаютъ свое дѣло. Даже въ сектѣ бѣгуновъ въ настоящее время замѣчается поворотъ на новую дорогу: въ сопѣлковскомъ толкѣ, по словамъ г. Розова, „Евѳиміеву ученію объ антихристѣ-Петрѣ хотя и нынѣ буквально слѣдуютъ всѣ простые и несвѣдущіе въ писаніи... но болѣе свѣдущіе въ этомъ догматѣ согласились съ прочей безпоповщиной: что антихристъ есть *вообще* отступленіе отъ вѣры, что всѣ еретики и отступники отъ истинной вѣры—антихристы, и что Петръ есть антихристъ по преимуществу, потому что имѣетъ преимущество власти". Конечно, это уже шагъ впередъ. Чувствуется, что обрядовая сторона, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ нѣкоторыхъ представителей раскола, потеряла значеніе религіознаго догмата. Борода и длинное платье будутъ отстаиваться съ прежней энергіей, но уже скорѣе во имя нравственнаго права каждаго одѣваться такъ, какъ онъ хочетъ. Павелъ Любопытный, извѣстный историкъ-поморецъ, авторъ „Хронологическаго ядра

старовѣрческой церкви, объясняющаго отличныя ея дѣянія съ 1650 по 1814 годъ", не только сочувствуетъ образованію, но даже восхваляетъ Петра за учрежденіе Академіи Наукъ, негодуя на него собственно за насильственность мѣръ, за презрѣніе къ русской народности. Требованіе брить бороду отвратительно и жестоко, потому что выражаетъ собою „звѣрскій фанатизмъ"! Запретъ торговать русскимъ платьемъ, замѣчаетъ Любопытный, философъ заклеймилъ бы, какъ „варварство и безчеловѣчіе". Тотъ же характеръ внутренней несправедливости носитъ въ себѣ и указъ о наложеніи на раскольниковъ двойной подати: „философія можетъ созерцать въ своемъ предметѣ буйство царей, сколько они до лѣтъ премудрой Екатерины истребили въ Россіи рода человѣческаго, сколько сотъ тысячъ разогнали своими варварскими законами въ иноплеменные языки своихъ подданныхъ! Все это видитъ мудрый! о цари, цари! Грубѣйшіе"! [12]).

Такимъ образомъ, прежній фанатизмъ, если и держится, то въ кругу значительно съуженномъ; если сила застарѣлой ненависти тутъ и не ослабла, зато въ массѣ она, несомнѣнно, поблекла, смягчилась— время взяло свое! Два столѣтія протекли съ того дня, какъ подъ царскими ножницами пала первая борода и обрѣзаны были полы длиннаго кафтана. Къ бритому подбородку привыкли, по крайней мѣрѣ онъ сталъ терпимъ. Рядомъ съ убѣжденіемъ, что „борода образъ и подобіе Божіе", „борода дороже головы" въ народномъ сознаніи стало возможнымъ и совсѣмъ иное: „борода выросла, а ума не вынесла", „мудрость въ головѣ, а не въ бородѣ". Примирились и съ синодомъ, съ сенатомъ; очевидно, острая форма боли ослабла, народный умъ съумѣлъ въ концѣ концовъ отдѣлить внѣшность отъ содержанія и простить реформѣ ея темныя стороны. Наконецъ, что-нибудь да значили же богатырская личность царя-работника, всеиспытующій и проникающій взоръ его, простота обхожденія и сближеніе съ народомъ, неустанная энергія и гигантскій трудъ, подъятый на благо родины, наконецъ, слава побѣдителя шведовъ!.. И дѣйствительно, все это нашло свое выраженіе въ народныхъ преданіяхъ, сказкахъ и пѣсняхъ, посвященныхъ уже не антихристу, а „православному царю Петру Алексѣевичу", „Петру Первому Великому", „полковничку преображенскому, капитану бомбардирскому". Эти пѣсни и сказки до нѣкоторой степени сыграли примиряющую роль. Онѣ не только стали складываться съ давнихъ поръ—начало ихъ можно относить къ самой эпохѣ Петра— но и удержались до нашего времени. Правда, въ розовый цвѣтъ эпоху реформъ онѣ не окрасили; болѣе того — только скользнули по ней;

переворотъ, совершившійся во внутренней жизни народной, онѣ, можно сказать, не отпечатлѣли: понять его народному уму было не по силамъ; воспѣть и прославить—еще менѣе. Вотъ почему на петровской пѣснѣ лежитъ отпечатокъ чего-то суроваго, мрачнаго; въ ней слышится что-то недосказанное, какъ бы невыраженное желаніе, чтобъ слушатель прочиталъ между словъ затаенную мысль.

Мать земля сырая унимаетъ зеленую травушку:

Не плачь, не плачь, трава-мурава;
Не одной тебѣ въ чистомъ полѣ тошненько,
И мнѣ еще того тошнѣе.

Пѣсня не скрываетъ тяжелыхъ сторонъ народной жизни; устами князя Голицына она обращается къ государю:

Охъ ты батюшка, государь-царь ты нашъ православный,
Ты зачѣмъ, государь-царь, черня-ть раззоряешь?
Ты зачѣмъ большихъ господъ сподобляешь?

Солдаты, отправляясь подъ Азовъ, поютъ:

Ахъ, бѣдныя головушки солдатскія,
Какъ ни днемъ, ни ночью вамъ покою нѣтъ

или:

Не роса пала на травушку,
Что катился горючи слезы,
Горючи слезы солдатскія,
Идучи, братцы, въ землю Шведскую.
Всѣ солдаты во слезахъ идутъ.
Во слезахъ идутъ, возрыдаючи:
Что прощаются ль солдатушки
Какъ съ отцами и со матерьми,
Что съ женами и со дѣтками,
Съ родомъ-племенемъ, съ пріятельми.

Это горе намъ станетъ понятнымъ, когда мы узнаемъ, что для солдата проститься съ родней равносильно тому, чтобы уйти

Во неволюшку—службу царскую,
Во всегдашнюю во заботушку.

Однако тутъ же рядомъ слышится сознательное и убѣжденное:

И мы рады государю послужити,
И одинъ за одного умерети.

Какъ ни страшны, напримѣръ, были стрѣлецкія казни, но народъ примирился съ жестокой расправой царя. По справедливому замѣчанію Лавровскаго, въ пѣсняхъ, посвященныхъ этой расправѣ, „гос-

подствуетъ полное примиреніе съ событіями и его виновникомъ, полное объективное представленіе того и другого съ народно-поэтической точки зрѣнія; въ нихъ нѣтъ ничего, или почти ничего, что бы обнаруживало недовольство, раздраженіе, присутствіе страсти; тамъ, гдѣ замѣтны признаки раздраженія и страсти, они сглажены и смягчены взглядомъ на нихъ народа и обычными пріемами народнаго творчества. Основная тема всѣхъ этихъ пѣсенъ—великая провинность стрѣльцовъ, измѣна его царскому величеству, признаніе этой провинности, испрошеніе прощенія съ обѣщаніемъ загладить вину службою":

Возьмемъ мы тебѣ городъ, который надобно,
Безъ свинцу возьмемъ безъ пороху,
Безъ твоего снаряду государева,
Возьмемъ городъ грудью бѣлою.

Съ особенной любовью останавливается петровская пѣсня на военныхъ подвигахъ царя. Много заботъ приложилъ Петръ на устройство своей арміи, и духовное родство ея съ государемъ съ большою силою сказалось въ пѣсняхъ, оплакивающихъ смерть императора. „Молодой сержантъ плачетъ, какъ рѣка льется", и взываетъ:

И ты встань-пробудись, государь,
Пробудись, батюшка православный царь!
Погляди ты на свое войско милое,
Что на милое и на храброе:
Безъ тебя мы осиротѣли,
Осиротѣвъ, обезсилѣли.

Повторяемъ, не свѣтлымъ, не радостнымъ ореоломъ окружено въ сознаніи народномъ царствованіе Петра Великаго, а строгимъ, серьезнымъ; какъ бы ни было, во всякомъ случаѣ на личности могучаго императора не лежитъ ни единаго упрека. Здравый смыслъ народа заставилъ примириться съ временнымъ зломъ, и личныя невзгоды умолкли передъ внутренней правдой реформы. Этотъ смыслъ оправдалъ Петра, но на ряду съ оправданіемъ чувствуется и грустное сознаніе того, что великій преобразователь напрасно и неосторожно создалъ себѣ изъ общества противника вмѣсто того, чтобы идти съ нимъ всегда рука объ руку [13]).

III.

Въ предыдущей главѣ мы ознакомились съ тѣмъ, какъ взглянула на личность Петра и оцѣнила его государственное дѣло масса народная. Взглядъ этотъ, по существу оказавшійся отрицательнымъ, обладалъ одной характерною особенностью: на всемъ пространствѣ двухъ вѣковъ онъ не претерпѣлъ, можно сказать, почти никакого измѣненія: къ XX столѣтію нѣсколько развѣ поблекли краски, съузился первоначальный кругъ лицъ, отстаивающихъ его справедливость; но по существу онъ все тотъ же, какимъ былъ и въ началѣ XVIII вѣка: Петръ—необычайное существо, темная, грозная сила, къ которой не приложима обыденная человѣческая мѣрка,—антихристъ и „сынъ погибели". Никакого движенія, никакого историческаго роста въ однажды сдѣланной оцѣнкѣ, которая какъ бы окаменѣла разъ навсегда въ своихъ формахъ. И оно понятно. Данное опредѣленіе было результатомъ чувства, *вѣры*, и измѣниться могло только съ самой вѣрою.

Вотъ почему другой взглядъ на Петра, хвалебный и восторженный, представлялъ собою гораздо болѣе данныхъ для развитія—не въ силу внутреннихъ свойствъ своихъ, но въ силу условій, среди какихъ совершался процессъ его воспріятія въ общественномъ сознаніи. Люди, его усвоившіе, стояли къ дѣлу Петра ближе и непосредственнѣе, а, главное, могли вложить въ оцѣнку не одно чувство и вѣру, но также и *знаніе*, доводы логики, *разсудка*. Вслѣдствіе этого явилась возможность „идти вслѣдъ за вѣкомъ" и съ каждымъ поколѣніемъ рисовать образъ Петра все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ приближеніемъ къ истинѣ.

Не трудно было заранѣе предвидѣть, что смерть Петра болѣзненно отзовется въ рядахъ его сотрудниковъ, вообще сторонниковъ его направленія. И они, дѣйствительно, оплакали царя на всемъ пространствѣ Русской земли. Кто пролилъ слезу, охваченный сознаніемъ вели-

чія подъятаго царемъ труда, тревожной мыслью, какъ бы не рушилось дѣло, въ сущности только начатое, далеко не окрѣпшее; кто испытывалъ эгоистическій страхъ за себя, за свое положеніе; одни теряли въ Петрѣ государя, который вывелъ Россію на путь образованія и обезпечилъ ей могущество политическое; другіе—личнаго покровителя и благодѣтеля, творца ихъ собственной личности; для многихъ онъ былъ дорогъ и той и этой стороною.

Офиціальныя выраженія скорби перемѣшаны съ непосредственнымъ чувствомъ безъискусственнаго горя, и зачастую трудно отдѣлить, гдѣ начиналось одно, гдѣ кончалось другое. „Нѣтъ болѣе Петра Великаго съ нами“—говорилъ Партовъ—„однако духъ его въ душахъ нашихъ живетъ, и мы, имѣвшіе счастіе находиться при семъ монархѣ, умремъ вѣрными ему и горячую любовь нашу къ земному богу погребемъ вмѣстѣ съ собою. Мы безъ страха возглашаемъ объ отцѣ нашемъ, для того что благородному безстрашію и правдѣ учились отъ него“. „Сей монархъ“—говорилъ въ свою очередь Неплюевъ—„отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими; научилъ узнавать, что и мы люди,—однимъ словомъ, на что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣетъ, и что бы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ“.

Русскіе люди оплакивали кончину царя одинаково и въ Москвѣ, и во вновь завоеванномъ Дербентѣ, и въ заграничномъ Амстердамѣ. Не будемъ настаивать на буквальномъ пониманіи „неутѣшныхъ“ рыданій, „воя, крика“ и „вопля слезнаго“, о которыхъ свидѣтельствуютъ современники,—дѣло не въ смоченныхъ глазахъ и не въ количествѣ пролитыхъ слезъ, но въ томъ чувствѣ растерянности, подавленности и жгучей боли, которыя вызвала смерть императора,—то чувство, что̀ прекрасно подмѣтилъ сторонній, безпристрастный наблюдатель [а]). „L'affliction de sa mort est universelle... on ne remarque aucune espèce de mouvement que ceux de la tristesse parmi les troupes et le peuple“.

Стихотворное искусство въ ту пору находилось еще въ зародышѣ, и поэтическая мысль не умѣла найти соотвѣтственной формы для своего выраженія. Условная реторика, неизбѣжные миѳологическіе образы [б]), гиперболизмъ въ прославленіи, переходящій всякую мѣру, назойливо выступаютъ въ произведеніи Тредьяковскаго „Плачъ о кончинѣ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государя императора и

[а]) Французскій посланникъ при русскомъ дворѣ, Кампредонъ.

[б]) Авторъ заставляетъ Славу, Вселенную, Палладу, Марса и Политику оплакивать Петра.

самодержца всероссійскаго Петра Великаго, отца отечества". Въ этихъ условныхъ и тѣсныхъ рамкахъ, сковывавшихъ свободный полетъ чувства, негдѣ было проявиться искреннему чувству: его надо искать не въ тѣхъ или иныхъ выраженіяхъ, сравненіяхъ, а въ общемъ тонѣ, въ торжественности настроенія, каковое автору, дѣйствительно, удалось провести чрезъ весь „плачъ". Вотъ, напримѣръ, нѣкоторыя строфы:

Все добро съ тобой нынѣ умираетъ;
Былъ всему учитель въ россахъ ты единъ (326)...
Новый государства своего творецъ (327)...
Разсмотрѣлъ все внервыхъ, примѣнилъ и ввелъ,
Нравы украсилъ и страну велику
Величайшу сдѣлалъ, не градовъ и селъ,
Ни земель и странъ покорилъ что много,
Но что гнусну грубость отъ свонхъ отгналъ,
Но прокляту злость истребилъ что строго,
И ученыхъ, добромъ, подданнымъ быть далъ (329).

То же слѣдуетъ сказать и о Кантемирѣ. Поэтъ задумалъ было обширную поэму, разсчитанную, повидимому, на значительно бблышій объемъ сравнительно съ дошедшимъ до насъ отрывкомъ; но задача оказалась ему не по силамъ. Кантемировская „Петрида или описаніе стихотворное смерти Петра Великаго императора всероссійскаго" обрывается на первой же „книгѣ". Авторъ разсказываетъ, какъ Господь Богъ, воззрѣвъ на землю и увидавъ на ней повсюду царящее зло и коварство, призналъ ее недостойною носить на себѣ Петра и потому

Къ себѣ мужа возвести и духомъ, и тѣломъ
Божественна, смертныхъ всѣхъ превзошедша дѣломъ
Восхоти.

Вслѣдствіе этого Господь призываетъ архангела Михаила и поручаетъ ему исполнить Его волю. Михаилъ спускается въ адъ, выводитъ оттуда Странгуріо („запоръ мочи") въ Петербургъ и, введя ее къ Петру, поручаетъ исполнить свое назначеніе: отнять у земли великаго человѣка. На этомъ обрывается поэма (въ 250 стиховъ). Не смотря на незаконченность, въ ней не мало яркихъ картинъ: адъ, испуганный появленіемъ Божія посланника; цвѣтущій Петербургъ; Петръ среди вельможъ въ своемъ дворцѣ и др. [14]).

Неизмѣримо выше въ эпоху Петра Великаго стояло духовное краснорѣчіе, и Ѳеофанъ Прокоповичъ, Гавріилъ Бужинскій оставили рядъ проповѣдей, въ которыхъ, несомнѣнно, отразилось ярко не только настроеніе минуты, но и сознательное пониманіе тяжелой утраты.

Какъ ни условны надгробныя рѣчи обоихъ витій, но было бы ошибкой объяснять ихъ одной обстановкой, необходимостью или желаніемъ приспособиться къ данной минутѣ. Одного оппортунизма еще мало для того, чтобы сегодняшняя мысль завтра же не была окончательно забыта. Кто помнитъ надгробныя похвалы по смерти Екатерины Первой? Петра Второго?.. Наоборотъ, кому не памятны знаменитыя слова Ѳеофана: „Что се есть? до чего мы дожили, о Россіане? что видимъ? что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ! Не мечтаніе ли се? не сонное ли намъ привидѣніе?“ Пускай Ѳеофанъ былъ страстный врагъ враговъ Петра, пускай со смертью царя онъ терялъ или рисковалъ потерять для себя очень многое; но одни личныя соображенія не въ силахъ были бы подсказать проповѣднику тѣ образы и сравненія, какими богата его знаменитая рѣчь при погребеніи императора. „Виновникъ безчисленныхъ благополучій“, „воскресившій аки отъ мертвыхъ Россію“, „рождшій и воспитавшій“ ее, лежитъ теперь въ гробу—и это какъ разъ тогда, когда для него настала желанная минута впервые пожать плоды своихъ неустанныхъ трудовъ!.. Онъ, какъ Самсонъ, засталъ тебя, Россія, слабой и далъ тебѣ силу адамантову; онъ, какъ Іафетъ, создалъ новый флотъ; какъ Моисей, далъ тебѣ законы; подобно Соломону, проявилъ мудрость, введя порядокъ жизни, облагородивъ нравы, придавъ всему лучшій видъ. Новый Давидъ и Константинъ, онъ боролся съ суевѣріемъ и расколомъ, заботился объ усовершенствованіи духовенства, распространеніи въ народѣ истиннаго богомудрія. Однако у насъ есть и лучъ надежды: великій монархъ покинулъ насъ не сирыми и не нищими: „безмѣрное богатство силы и славы его при насъ есть. Какову онъ Россію свою сдѣлалъ, такова и будетъ; сдѣлалъ добрымъ любимою—любима и будетъ; сдѣлалъ врагомъ страшную—страшная и будетъ; сдѣлалъ на весь міръ славную—славная и быти не престанетъ“. Тѣло разрушено, но „*духъ свой* оставилъ намъ“.

29-го іюня 1725 года, въ день тезоименитства Петра, Ѳеофанъ произнесъ новую рѣчь. Это тоже оцѣнка трудовъ Петра, но на этотъ разъ взятая въ болѣе широкомъ масштабѣ, своего рода сжатый очеркъ преобразованій за первую четверть XVIII столѣтія. Ораторъ разбираетъ заслуги царя въ Шведской войнѣ, преклоняется предъ силою генія, совмѣстившаго способности военачальника и правителя государства, перечисляетъ сдѣланное Петромъ на пользу просвѣщенія, въ области управленія, суда и промышленности, съ чувствомъ благодарности вспоминаетъ мѣры его противъ старовѣровъ, суевѣровъ и цер-

ковныхъ фарисеевъ; восхищенный, рисуетъ характеръ Петра, какъ человѣка. Ты возлетѣлъ, обращается онъ къ нему, на самый верхъ славы, и намъ нечего заботиться прославлять тебя, сооружать памятники, воспѣвать твои подвиги: „Россія вся есть статуя твоя; міръ же весь есть и стихотворецъ, и проповѣдникъ славы твоея“.

Выше мы познакомились съ отзывомъ Неплюева: „На что въ Россіи ни взгляни, все его *началомъ* имѣетъ“. Ту же мысль, еще только сильнѣе, высказываетъ и Ѳеофанъ, говоря: онъ „всю Россію, каковая уже есть, *сдѣлалъ* и *создалъ*“. Это совершенно то же, что думали русскіе люди, подводя итогъ дѣятельности Петра еще при его жизни. Напомнимъ приведенную выше [a]) рѣчь канцлера Головкина, когда, по заключеніи Ништадскаго мира, поднося государю титулъ императора, отъ имени сената и всѣхъ государственныхъ чиновъ, онъ торжественно утверждалъ, что Россія выведена была Петромъ къ свѣту „изъ тьмы невѣденія“ и приведена „изъ *небытія* въ бытіе“. Нельзя не признать, что во всѣхъ этихъ отзывахъ сказалась одна общая руководящая идея: прошлое, до-Петровское время, отгорожено отъ настоящаго высокой стѣною, даже болѣе—сводится къ нулю: людьми въ настоящемъ смыслѣ этого слова русскіе стали только теперь.

Великія дѣла не умираютъ: исчезнетъ тлѣнная оболочка, но самый духъ, жившій въ ней, безсмертенъ. Эту мысль, какъ мы сейчасъ видѣли, высказываетъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, а нѣсколько позже ее подробно разовьетъ рязанскій епископъ Гавріилъ Бужинскій. Основная тема его проповѣди (въ первую годовщину смерти царя) сводится къ тому, что „Петръ Великій аще и умре, но живъ есть“, живъ въ своихъ дѣлахъ. Надобно только проникнуться его примѣромъ и во всемъ слѣдовать ему. „Петръ Великій живъ есть: *азъ есмь воскресеніе и животъ... и всякъ вѣруяй въ мя не умретъ во вѣки* (Іоанн. гл. II, ст. 25). Се уже имаши, Россіе, пластырь на сердечную язву твою“.

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ изъ-подъ пера Ѳ. Прокоповича выходитъ „Краткая повѣсть о смерти Петра Великаго“, очень простое, наглядное описаніе послѣднихъ дней и минутъ Петра, а также церемоніи погребенія императора и дочери его Наталіи Петровны. Въ этомъ свидѣтельствѣ очевидца найдутся черты, которыя историкъ не оставитъ безъ вниманія [15]).

Едва скончался Петръ, какъ заказана была его статуя (восковая) и „тріумфальный столбъ“; императрица Екатерина спѣшно вызвала

---

[a]) Глава I, стр. 8.

изъ ссылки барона Шафирова, поручивъ ему составить исторію царствованія своего предшественника. Одновременно стали готовить къ печати и „Исторію Свейской войны“; но ни исторія не появилась въ свѣтъ, ни Шафировъ ничего не написалъ. Ясно, что средства пока еще не соотвѣтствовали желаніямъ. Записки Матвѣева, составленныя въ это время и по всей вѣроятности въ связи съ указанными предположеніями, идти въ счетъ не могли.

Да и какой ждать *исторіи* тамъ, гдѣ людьми руководило главнымъ образомъ желаніе *прославить* великаго мужа, *преклониться* передъ нимъ?... Крекшинъ, десятки лѣтъ собирая матеріалы о Петрѣ, откровенно заявлялъ, что онъ „недостоинъ отрѣшити и ремень сапога его, долженъ блаженныя дѣла его прославлять, а не образомъ исторіи писать дерзать“. Онъ такъ прямо и обращался къ Петру съ воззваніемъ: „Отче нашъ, Петръ Великій! ты насъ отъ небытія въ бытіе привелъ!“ Сумароковъ идетъ еще далѣе, сравнивая Петра съ Іисусомъ Христомъ, а Коломенское, предполагаемое мѣсто рожденія Петра, съ Виелеемомъ:

Россійскій Виелеемъ, Коломенско село,
Которое на свѣтъ Петра произвело!
Ты счастья нашего источникъ и начало,
Въ тебѣ величіе россійско возсіяло!

Такія сопоставленія современникамъ отнюдь не казались кощунственными. Еще ярче, но и еще наивнѣе проявляетъ свое благоговѣніе къ памяти Петра инвалидъ Кириловъ, имѣвшій случай дѣлить съ государемъ труды и опасности жизни и теперь, переживъ царя на много лѣтъ, доживавшій на покоѣ остатокъ своихъ дней. У него былъ небольшой финифтяный портретъ Петра, который онъ держалъ посреди образовъ, въ переднемъ углу и поклонялся ему, какъ иконѣ: ежедневно лобызалъ, теплилъ передъ нимъ свѣчу, точно это было изображеніе какого-нибудь угодника. На замѣчаніе мѣстнаго архіерея о несоотвѣтствіи его поступковъ съ предписаніями православной церкви, Кириловъ съ негодованіемъ возразилъ: Петръ былъ нашъ ангелъ хранитель, защищалъ отъ враговъ, наравнѣ дѣлилъ всѣ трудности походовъ, ѣдалъ съ нами общую кашу, обращался какъ равный и отецъ; „самъ Богъ прославилъ его побѣдами, не допустя коснуться до него смерти и раны, а ты говоришь: не должно образу его молиться“! Единственное, на что согласился старикъ, это не ставить свѣчи; но самый портретъ продолжалъ стоять на ряду съ образами.

Лучшіе люди Россіи первой половины XVIII столѣтія привыкли

сколько-нибудь значительный шагъ свой связывать съ именемъ Петра и учиться у него любви къ родинѣ, исполненію долга. Татищевъ пишетъ свою исторію, побуждаемый главнымъ образомъ желаніемъ посильно отблагодарить царя за его милости. Онъ чувствуетъ себя всѣмъ обязаннымъ покойному государю, не только „чинами, честью, имѣніемъ“, но еще болѣе—„разумомъ“: Петръ сдѣлалъ изъ него человѣка, пробудилъ въ немъ духовную жизнь, направилъ на истинный путь его силы.

Стократъ счастливы тѣ, кто прошелъ Петровскую школу, былъ свидѣтелемъ, а тѣмъ болѣе участникомъ великихъ событій того времени; и, наоборотъ, какими маленькими, ничтожными должны были выглядѣть люди новаго поколѣнія! На согласіе Екатерины II уволить его отъ службы подъ условіемъ найти ей вмѣсто себя человѣка съ такими же, какъ онъ, достоинствами, извѣстный уже намъ Неплюевъ даетъ такой характерный отвѣтъ: „Нѣтъ, осударыня, мы Петра Великаго ученики, проведены имъ сквозь огнь и воду, инако воспитывались, инако мыслили и вели себя, а нынѣ инако воспитываются, инако ведутъ себя, и инако мыслятъ; и такъ я не могу ни за кого, ниже за сына моего ручаться“. Неплюевъ безъ слезъ не могъ вспоминать великаго императора; съ такимъ же чувствомъ умиленія и со слезами на глазахъ вспоминалъ о Петрѣ и Ѳ. И. Ушаковъ, на смертномъ одрѣ.

Оцѣнка, основанная на чувствѣ, даетъ вездѣ одинаковые результаты, въ какую бы сторону ни было это чувство направлено. Если противники Петра создали легенду о подмѣнѣ настоящаго царя иноземнымъ; если ихъ болѣзненная фантазія превратила въ антихриста обыкновеннаго смертнаго; то среди не менѣе восторженныхъ и страстныхъ поклонниковъ реформы уже въ сороковыхъ годахъ XVIII стол. слагается легенда о преподобныхъ и о блаженныхъ, которые будто бы задолго предсказывали рожденіе Петра или опредѣляли число лѣтъ, назначенныхъ ему жить на землѣ; согласно этимъ легендамъ, Симеонъ Полоцкій молитъ Бога о продленіи родовыхъ мукъ царицы-матери, дабы тѣмъ продлить жизнь будущаго императора, и даже самыя звѣзды небесныя принимаютъ участіе въ появленіи на свѣтъ великаго человѣка [16]).

Въ такой атмосферѣ понятій умѣстенъ и возможенъ былъ лишь дифирамбъ, но не исторія. Близость минуты, непосредственное обаяніе мощной фигуры преобразователя допускали оцѣнку петровской эпохи въ духѣ исключительно лично-субъективной; внѣшней точки

опоры для сужденія пока еще не находилось. Но жизнь идетъ впередъ, и новыя событія не замедлятъ выдвинуть соображенія болѣе объективнаго характера.

Время отъ смерти Петра до воцаренія Елизаветы было преимущественно эпохою временщиковъ. Это была тяжелая пора для всѣхъ, кому были дороги Петровскіе идеалы; великое дѣло попало въ мелкія руки; великаго борца смѣнили жалкіе эпигоны; интересъ національный былъ забытъ, и тотъ завѣтъ, что нѣкогда преобразователь далъ на поляхъ Полтавы, говоря: „а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, жила бы только Россія во славѣ и благоденствіи“,—завѣтъ этотъ отдавался на поруганіе Бирономъ и разнымъ заѣзжимъ авантюристамъ. Негодованіемъ бились сердца птенцовъ Петровыхъ, его учениковъ, и чѣмъ ничтожнѣе представлялось имъ настоящее, тѣмъ величавѣе вставало въ воображеніи недавнее прошлое, тѣмъ бо́льшимъ ореоломъ окружался образъ Петра.

Но испытывали негодованіе не одни сторонники реформы. Чувство національной гордости заговорило одинаково сильно и у ея противниковъ. Можно было негодовать на широкое гостепріимство, оказанное въ царствованіе Петра иноземцамъ, но время доказало, что послѣдніе, по мысли великаго государя, всецѣло служили Россіи орудіемъ ея цѣлей и интересовъ,—а теперь они стали господами положенія и самую Россію превратили въ орудіе своихъ личныхъ интригъ! Раньше можно было коситься на европейскій покрой военной формы, въ какую одѣлъ своихъ солдатъ Петръ Великій, но съ тѣхъ поръ эта форма получила свое освященіе на поляхъ Лѣсной, Полтавы, подъ Калишемъ и Штетиномъ, стала *русскимъ* мундиромъ, *своимъ*,—а теперь ее исказили, вводя нѣмецкіе штиблеты, уродливыя косы и пудру, манжеты на рукахъ! Можно было кряхтѣть и сгибаться подъ непосильной тяжестью Шведской войны, но по крайней мѣрѣ ясны были ея мотивы, тѣмъ болѣе блестящи результаты, — а чѣмъ руководились теперь, уступая Персіи прежнія завоеванія, посылая войска къ берегамъ Рейна и послѣ славныхъ побѣдъ Миниха надъ турками позорно довольствуясь условіями Бѣлградскаго мира? Въ попыткѣ ограничить самодержавіе императрицы Анны Іоанновны приняли участіе, какъ извѣстно, далеко не одни такъ называемые верховники; проектъ кондицій нашелъ энергичную поддержку въ разныхъ кругахъ тогдашняго шляхетства, одинаково какъ среди сторонниковъ преобразованій, такъ и среди ихъ противниковъ; когда же „замыслы“ кончились неудачей и новая государыня, не довѣряя болѣе русскому дворянству, бросилась

въ объятія курляндскаго проходимца, стала мстить наиболѣе виднымъ дѣятелямъ 1730 года ссылками и казнями, то позоръ государственный, оскорбленіе обществу почувствовали одинаково сильно и питомцы идей Петра, и тѣ, кто идеалы свои искалъ позади себя, въ XVII вѣкѣ.

Артемій Волынскій явится въ высшихъ кругахъ борцомъ за поруганную честь и достоинство національное, а народная пѣсня заставитъ молодого сержанта „въ раздумьи горько плакать“ и держать такую, несомнѣнно сильную и вылившуюся изъ глубины взволнованнаго сердца рѣчь:

Ты ударь въ набатъ, громкой колоколъ,
Простони кругомъ, мать сыра земля,
Распахнись-ка ты, золотой покровъ,
Ты откройся-ка, гробова доска,
Изъ гробницы встань, русской Бѣлой царь,
Ты взгляни-ка, царь, радость гвардіи,
Какъ полки твои во строю стоятъ,
Опустивъ на грудь свои головы!
Что не царь нами теперь властвуетъ
И не русской князь отдаетъ приказъ,
А командуетъ, потѣшается
Злой тиранъ Биронъ изъ Нѣмечины.
Встань-проснись, царь, наше солнышко,
Хоть одно слово полкамъ вымолви,
Прикажи весь соръ метлой вымести
Изъ престольнаго града Питера [17]).

Новое направленіе въ русской политикѣ, очевидно, должно было повліять и на группировку самыхъ партій. У недавнихъ соперниковъ оказался общій врагъ, и для борьбы съ нимъ пришлось если не забыть, то во всякомъ случаѣ отодвинуть на задній планъ свою собственную распрю. Такимъ образомъ новый духъ, какимъ повѣяло отъ правительственныхъ мѣропріятій ближайшихъ преемниковъ Петра, явился первымъ толчкомъ къ примиренію. Къ тому же непосредственные дѣятели Петровскаго царствованія одинъ за другимъ сходили со сцены, на смѣну имъ выступало новое поколѣніе, выросшее среди иныхъ условій и воззрѣній; дѣти, уже безъ большого различія относительно того, на чьей сторонѣ стояли ихъ отцы въ эпоху преобразованій, начинали свыкаться съ необходимостью жить среди условій, созданныхъ покойнымъ государемъ, и старина XVII столѣтія тускнѣла все болѣе и болѣе. Указъ 1736 года положилъ прочное начало облегченію для дворянства этихъ условій; служба перестала пугать, какъ раньше, а школа и еще болѣе привычка мало по малу сдѣлали арха-

измомъ прежній взглядъ на европейскій кафтанъ и бритый подбородокъ, какъ на какое-то заморское пугало. Вотъ почему въ верхнихъ слояхъ русскаго общества, въ обѣихъ его группахъ, восшествіе на престолъ императрицы Елизаветы было встрѣчено съ самымъ искреннимъ восторгомъ. Въ дочери Петра видѣли залогъ возврата къ національной программѣ, къ дальнѣйшему преуспѣянію. Не даромъ новая государыня и сама спѣшила укрѣпить эту мысль заявленіемъ, что отнынѣ Россія будетъ управляться по указамъ ея родителя.

Это настроеніе прекрасно оттѣнено въ современныхъ проповѣдяхъ, говоренныхъ въ то время. Петръ Великій изображается въ нихъ то сѣятелемъ, то воскресившимъ спящую въ летаргическомъ снѣ Россію, то великимъ художникомъ, извлекшимъ изъ грубаго матеріала прекрасныя статуи: „Запамятовали были, коимъ образомъ Петръ Великій обрѣте насъ подобныхъ древу лѣсному, криву, суковату, дебелу, ожелтѣлу, неотесанну, ни на каково дѣло неудобну, своима рукама коль въ красные статуи передѣлалъ, да еще и небездушные?“ Надо имѣть слабую память или стать совершенно неблагодарнымъ, чтобы не сознавать, какъ многимъ обязаны мы Петру: раньше была Россія „некрѣпкая, немудрая, нестройная, у всѣхъ презрѣнная“, а теперь... Кто учредилъ коллегіи, заводы и фабрики съ разнообразнымъ производствомъ? Кто показалъ образецъ для „велелѣпныхъ домовъ, не токмо къ житію, но къ прохладному житію довольныхъ?“ Кто воздвигнулъ училища и семинаріи? Кто соорудилъ флотъ? Петръ, одинъ Петръ. „Одна всѣхъ повѣсть, что Россія все свое лучшее состояніе Петру должна. Общенародный голосъ, что у насъ тое только не Петрово, что худое“. Желая сказать пріятное наслѣднику престола, проповѣдники сороковыхъ годовъ XVIII столѣтія не находили ничего лучшаго, какъ признать въ немъ или пожелать ему тѣ же качества и добродѣтели, какими обладалъ первый нашъ императоръ.

На торжествахъ коронаціи новой императрицы іеромонахъ Гедеонъ возглашалъ: „Теперь уже къ тебѣ я обращаюсь, о Россія! помнишь ли ты, въ какомъ находилась состояніи за нѣсколько лѣтъ предъ симъ временемъ? Приходитъ ли тебѣ въ память бердышами и копьями вооруженная твоя армія? Флотъ изъ рыбачьихъ лодокъ состоявшій; купечество почти въ однихъ россійскихъ предѣлахъ заключенное? Носишь ли опять изображены въ мысли твоей слѣды оныхъ несказанныхъ обидъ, которые начерталъ былъ звѣрскими своими ногтями, въ растерзанной твоей утробѣ левъ Свѣйскій? Можешь ли припомянуть наконецъ то, что ты не только у другихъ народовъ

европейскихъ за грубость жителей твоихъ, но и у самихъ варваровъ, можетъ быть, за неосторожность и неискусныя въ бранѣхъ поступки, въ крайнемъ презрѣніи и посмѣяніи была? И за тѣмъ просила ты денными и нощными молитвами, предстоя олтарю благоутробія Божія, просила, чтобъ воставилъ тебѣ такова царя, которой бы неисчетные оные недостатки твои дополнилъ, худое исправилъ, непріятелямъ праведное отмщеніе здѣлалъ, и во всѣхъ народахъ лучшія о тебѣ мысли всѣялъ. И послушалъ тебѣ Господь, приникнулъ на твоя слёзы, и воздыханій не презрѣлъ: посадилъ на престолъ твой Петра и именемъ и дѣлами Великаго. Онъ вмѣсто бердышей, какъ такихъ орудій, которые, не столько непріятелемъ, какъ своимъ вреда наносятъ, вложилъ въ твои руки страшная огнедышущая оружія, завелъ регулярное воинство, наполнилъ ихъ своимъ примѣромъ великодушія, и показалъ, какъ отечеству полезными, а непріятелю страшными удобнѣе быть могутъ. Онъ флотомъ ужаснымъ покрылъ брега Балтійскіе. Онъ купечествующимъ отворилъ далекій путь по мбрю. Онъ лву помянутому исторгнулъ зубы. Онъ варварскія опровергнулъ силы. Онъ разныя основалъ въ тебѣ училища и фабрики. Онъ очистилъ тебе отъ многихъ суевѣрій, отъ неразумныхъ сыновъ твоихъ за Евангеліе почитаемыхъ. Онъ ввелъ въ твои предѣлы богословію истинную, философію совершеннѣйшую; астрономіи, геометріи, химіи и другимъ преполезнымъ наукамъ и художествамъ онъ отверзъ къ тебѣ двери. И такимъ бразомъ учинилъ тебе изъ презрѣнной преславною, изъ безобразной благообразною, и изъ такой, которая многимъ была причиною немалаго смѣха, такою, на которую теперь вся вселенная со удивленіемъ смотритъ. Не милость ли убо непзреченная чрезъ сего несравненнаго монарха ниспосланна тебѣ была тогда свыше: исповѣдай сама, о Россіе?“ [18]).

Но едва ли кто полнѣе и восторженнѣе популяризовалъ въ это время имя Петра и разъяснялъ значеніе его царствованія, какъ Ломоносовъ. Проникнутый глубокимъ уваженіемъ къ величію его дѣяній, онъ пользовался каждымъ случаемъ напомнить о заслугахъ царя и вызвать благодарное о нихъ воспоминаніе. Ломоносова не даромъ сравниваютъ съ Петромъ. По духу это родственныя натуры, и въ царствованіе Елизаветы не было никого иного, кто проникся бы, подобно Ломоносову, въ такой степени просвѣтительнымъ значеніемъ петровскихъ преобразованій, грандіозностью государственныхъ плановъ царя, такъ ясно понялъ глубокую связь и зависимость настоящей минуты съ недавно пережитой эпохой. Вотъ почему Ломоносовъ такъ не-

устанно славитъ Петра. „Пѣвецъ Елизаветы“, онъ съ одинаковымъ правомъ можетъ быть названъ пѣвцомъ Петровыхъ дѣлъ. Его „героическая“ поэма „Петръ Великій“ (1761) и „Похвальное слово“ (1755)—восторженная дань благодарнаго ученика геніальному учителю. Въ первомъ изъ названныхъ произведеній, взявъ за образецъ Вергилія, Ломоносовъ поставилъ цѣлью показать, какъ Петръ „превыше человѣка понесъ труды для насъ неслыханны отъ вѣка“, какъ любилъ отечество, подвергался опасностямъ и проч. Поэма осталась неоконченною и первыя двѣ пѣсни, воспѣвавшія поѣздку царя къ Архангельску и Бѣлому морю, да взятіе Шлиссельбурга, могли служить [a]) самое большее что введеніемъ въ прославленіе истинныхъ заслугъ государя.

Гораздо полнѣе рисуется Ломоносовъ, какъ почитатель и духовный ученикъ Петра, въ своемъ „Похвальномъ словѣ“ ему. Это рядъ похвалъ и прославленій. Петръ славится за устройство войска, флота, за покровительство торговлѣ, за сношенія съ Европою, но всего болѣе—за распространеніе просвѣщенія, и, конечно, не только потому, что эта область самая близкая сердцу оратора, но и потому что просвѣтительный мотивъ служилъ двигающимъ началомъ и конечною цѣлью всѣхъ преобразованій Петра въ ихъ совокупности. Реторическіе пріемы, въ особенности гиперболы, подобно „Плачу“ Тредьяковскаго, даютъ всему произведенію характеръ чего-то ходульнаго, такъ что самую мысль иногда трудно отыскать въ изворотахъ затѣйливой формы; но это особенность псевдоклассическаго направленія, дань которому отдалъ въ ту пору не одинъ Ломоносовъ. Какъ раньше Вергилій, такъ здѣсь Плиній младшій служилъ автору литературнымъ образцомъ.

Содержанія форма однако не заглушила. Въ концѣ своей рѣчи, какъ бы резюмируя все имъ сказанное, Ломоносовъ возвышается до истинной поэзіи и произноситъ нижеслѣдующія слова: „Я въ полѣ межь огнемъ; я въ судныхъ засѣданіяхъ межь трудными разсужденіями; я въ разныхъ художествахъ между многочисленными махинами; я при строеніи городовъ, пристаней, каналовъ, между безчисленнымъ народа множествомъ; я межь стенаніемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтійскаго, Каспійскаго моря и самаго Океана духомъ обращаюсь: вездѣ Петра Великаго вижу, въ потѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени; и не могу самъ себя увѣрить, что одинъ вездѣ Петръ, не многіе; и не краткая жизнь, но лѣтъ тысяча. Съ кѣмъ сравню

[a]) Какъ ни значителенъ былъ самъ по себѣ размѣръ этихъ пѣсенъ: 1186 строфъ.

великаго государя! Я вижу въ древности и въ новыхъ временахъ обладателей, великими названныхъ. И правда, предъ другими велики; однако предъ Петромъ малы. Иной завоевалъ многія государства, но свое отечество безъ призрѣнія оставилъ. Иной побѣдилъ непріятеля, уже великимъ именованнаго, но съ обѣихъ сторонъ пролилъ кровь своихъ гражданъ, ради одного своего честолюбія, и вмѣсто тріумфа слышалъ плачъ и рыданіе своего отечества. Иной многими добродѣтелями украшенъ, но вмѣсто чтобъ воздвигнуть, не могъ удержать тягости падающаго государства. Иной былъ на земли воинъ, однако боялся моря. Иной на морѣ господствовалъ, но къ земли пристать страшился. Иной любилъ науки, но боялся обнаженной шпаги. Иной ни желѣза, ни воды, ни огня не боялся, однако человѣческаго достоянія и наслѣдства не имѣлъ разума. Другихъ не употреблю примѣровъ кромѣ Рима. Но и тотъ недостаточенъ. Что въ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ отъ первой пунической войны до Августа Непоты, Сципіоны, Маркеллы, Регулы, Метеллы, Катоны, Суллы произвели: то Петръ сдѣлалъ въ краткое время своея жизни. Кому жъ я героя нашего уподоблю? Часто размышлялъ я, каковъ Тотъ, который всесильнымъ мановеніемъ управляетъ небо, землю и море; дхнетъ духъ Его, и потекутъ воды; прикоснется горамъ и воздымятся. Но мыслямъ человѣческимъ предѣлъ предписанъ: Божества постигнуть не могутъ! Обыкновенно представляютъ Его въ человѣческомъ видѣ. Итакъ, ежели человѣка Богу подобнаго, по нашему понятію, найти надобно, кромѣ Петра Великаго не обрѣтаю".

Выше мы видѣли, что духовная проповѣдь охотно сближала великаго князя Петра Ѳеодоровича съ его великимъ дѣдомъ. Подобное же наблюдается и въ современной поэзіи. Тотъ же Ломоносовъ въ одной изъ одъ (IV) высказываетъ пожеланія, чтобы Россія нашла въ наслѣдникѣ престола преемника славныхъ дѣлъ. Если Господу угодно излить свои щедроты на Россіянъ, то да дозволитъ Онъ внуку превзойти дѣда—не въ дѣлахъ: они несравнимы, а хотя бы продолжительностью жизни. Въ этой же одѣ находятся знаменитыя строки:

Нептунъ позналъ его [т. е. Петра I] державу,
Съ Минервой сильный Марсъ гласитъ:
Онъ богъ, онъ богъ твой былъ, Россія,
Онъ члены взялъ въ тебѣ плотскія,
Сошедъ къ тебѣ отъ горнихъ мѣстъ;
Онъ нынѣ въ вѣчности сіяетъ
. . . . . .
Среди героевъ, выше звѣздъ.

Таково отношеніе Ломоносова къ Петру I. Послѣ всего вышесказаннаго чего либо новаго дать уже не могутъ ломоносовскія „надписи къ статуѣ Петра Великаго“ (числомъ 5): мысль и форма оставались въ сущности безъ измѣненія. Надписи перечисляютъ подвиги „земнаго бога“ (надпись первая), про котораго

Не вѣрили, что онъ единъ отъ смертныхъ былъ,
Но въ жизнь его уже за Бога почитали (надпись четвертая) [19]).

Личность Петра настолько полна была обаянія, что самые непримиримые враги сходились въ оцѣнкѣ своего великаго царя. Сумароковъ, подобно Ломоносову, славитъ Петра и въ прозѣ, и въ стихахъ. Въ одѣ на восшествіе на престолъ императора Петра III, сплетая новому государю вѣнецъ пожеланій, Сумароковъ въ сущности только повторяетъ Ломоносова, когда говоритъ:

Дабы ты, Петръ, былъ Петръ Великій.

Въ массѣ „надписей“—этой излюбленной въ XVIII столѣтіи литературной формѣ—Сумароковъ идетъ вслѣдъ за вѣкомъ, надѣляя Петра эпитетами въ родѣ:

Когда бы въ древній вѣкъ,
Каковъ былъ ты, такой явился человѣкъ,
Отцемъ ли бъ тя народъ, великимъ ли бъ нарекъ?
Ты названъ былъ бы Богомъ!

Гиперболѣ, повидимому, не было границъ: Петръ поднялъ Россію до небывалой высоты; не только народы—самыя стихіи склонились предъ ней:

Хина вопитъ за стѣною,
. . . . . .
Паки Кодоманъ трепещетъ,
Индъ, робѣя, смутно плещетъ
И страшится Океанъ.
. . . . . .
О, премудро Божество!
Отъ начала перва вѣка
Таковаго человѣка
Не видало естество.

Впрочемъ Сумароковъ, подобно Ломоносову, полнѣе высказалъ свой взглядъ на Петра не въ стихотворной, а въ прозаической формѣ. Быть можетъ, не безъ намѣренія состязаться со своимъ соперникомъ, онъ готовитъ въ 1759 году „Слово похвальное о государѣ императорѣ Петрѣ Великомъ“. Задача автора, по его собственному опре-

дѣленію, не увеличить славу Петра, и безъ того гремящую во всей подсолнечной, но освѣжить ее въ памяти слушателей. Недавнія побѣды русскихъ войскъ надъ Фридрихомъ прусскимъ являются лучшимъ оправданіемъ и доказательствомъ положительной стороны Петровскихъ преобразованій. Сумароковъ вполнѣ сторонникъ новаго направленія: „до времени Петра Великаго"—замѣчаетъ онъ—„Россія не была просвѣщена ни яснымъ о вещахъ понятіемъ, ни полезнѣйшими знаніями, ни глубокимъ ученіемъ; разумъ нашъ утопалъ во мракѣ невѣжества, искры остроумія угасали и воспламениться не имѣли силы" [20]).

Елизаветинское царствованіе, усиленно подчеркивая духовное родство свое съ временемъ Петра Великаго, дѣлало разныя попытки увѣковѣчить и внѣшнимъ, болѣе осязательнымъ образомъ память о преобразователѣ. Извѣстный актеръ Волковъ работалъ надъ бюстомъ царя; итальянскіе художники Растрелли и Мартелли отливали конную статую императора, а Ломоносовъ, какъ мы сейчасъ видѣли, готовилъ къ ней надписи; Штелинъ сочинялъ рисунки для медалей на важнѣйшія событія; Ломоносовъ же готовилъ мозаичный портретъ государя. Въ послѣдніе годы жизни императрицы Елизаветы Петровны явилась мысль соорудить въ Петропавловскомъ соборѣ гробницу на возвышеніи подъ сѣнью на колоннахъ, а въ простѣнкахъ между ними размѣстить мозаичныя картины съ соотвѣтственными изображеніями. Къ дѣлу былъ привлеченъ тотъ же Ломоносовъ, да и первоначальная мысль принадлежала, кажется, ему же. Но гробница осталась въ проектѣ, а намѣченная серія картинъ не пошла дальше первой — *Полтавскаго боя.* Со смертью Ломоносова работа окончательно пріостановилась и даже то, что было сдѣлано, осталось заброшеннымъ безъ вниманія [21]).

Слѣдуя общему настроенію, Академія Наукъ готовилась выполнить нравственный долгъ свой и принялась было за составленіе исторіи Петра Великаго, но создать что либо серьезное ей было пока еще не по силамъ. Точно также и шаги, сдѣланные въ этомъ направленіи сенатомъ, остались безъ какихъ либо послѣдствій. Напрасно Ломоносовъ, въ похвальномъ словѣ императрицѣ Елизаветѣ, заставлялъ ее говорить и взывать къ нравственному долгу россійскихъ гражданъ: „Не описаны еще дѣла моихъ предковъ и не воспѣта по достоинству Петрова велікая слава!"—для исторіи требовалось предварительно собрать матеріалы, а между тѣмъ дифирамбы, въ изобиліи расточаемые покойному государю, легко уживались съ полнымъ пре-

небреженіемъ къ драгоцѣннымъ документамъ, непосредственно относящимся къ предмету этихъ дифирамбовъ. Бумаги валялись безъ призора, неразобранныя, сваленныя въ груды, и при сыромъ петербургскомъ климатѣ легко подвергалися порчѣ. Время отъ времени въ правительственныхъ сферахъ какъ будто спохватывались, отдавали распоряженія привести все въ порядокъ; но на это не оказывалось ни людей, ни, надо думать, охоты. Распоряженія сената 1740 и 1742 гг. мало подвинули дѣло. Въ 1749 году Крекшинъ доносилъ, что въ Петропавловской крѣпости, въ каменной казармѣ съ сырыми стѣнами, безъ всякой охраны гніютъ дѣла походной канцеляріи кн. А. Д. Меншикова; бумаги велѣно было разобрать, матеріалу оказалось на цѣлые возы; въ апрѣлѣ 1750 г. для одной Академіи Наукъ нашлось до 2.000 писемъ и рапортовъ, „а прочее за гнилостію и не надлежащее въ Академію осталось въ казармѣ“. Роль архива выполняла не одна эта казарма: въ другихъ подобныхъ же зданіяхъ Крекшинъ отыскалъ массу новыхъ документовъ и тоже безъ описей и порядка. Однихъ дѣлъ государевыхъ, привезенныхъ изъ Воронежа, нашлось 17 сундуковъ, которые „ежели не разставлены, то истлѣли“. Сенатъ опять распорядился заняться разборкой бумагъ, но изъ новаго его указа отъ 9-го января 1755 г. видимъ, что онѣ продолжали гнить по прежнему. Въ томъ же 1755 году гр. М. Л. Воронцовъ проектировалъ всѣ собственноручныя бумаги Петра переплести и хранить особо, но сколько-нибудь дѣйствительная разборка ихъ началась лишь въ царствованіе Екатерины II [22]).

При всей неудовлетворительности внѣшнихъ условій, попытки, и при томъ не одна, написать исторію Петра—въ Елизаветинское время были все-таки сдѣланы. Еще въ царствованіе Анны Іоанновны неизвѣстный сочинитель изложилъ въ законченномъ очеркѣ жизнь и дѣятельность императора, начиная съ его рожденія и вплоть до кончины; но въ основѣ очеркъ этотъ оказывается простымъ пересказомъ, мѣстами почти дословнымъ, Поденной Записки съ весьма широкимъ использованіемъ Шафировскаго „Разсужденія о причинахъ Шведской войны“. Большихъ претензій на самостоятельность авторъ, повидимому, не имѣлъ, или, по крайней мѣрѣ, не придавалъ особеннаго значенія въ различеніи своего отъ чужого, такъ какъ характеристику Петра закончилъ обширною выдержкою изъ слова Ѳеофана Прокоповича, произнесеннаго 29-го іюня 1725 года, совсѣмъ не упоминая о своемъ источникѣ.

Авторъ не отрицаетъ, что въ другія времена и у другихъ наро-

довъ было не мало замѣчательныхъ государей, выдававшихся или на поприщѣ политической, военной жизни, или по личной отвагѣ и милосердію—отрицать это значило бы, говоритъ онъ, явить себя „явственно ласкателемъ и похлѣбцемъ“; но тѣмъ не менѣе нѣтъ и не было другого, который бы соединилъ въ себѣ одномъ всѣ эти высокія качества и достоинства. Раньше о русскомъ народѣ, можно сказать, не имѣли почти никакого понятія; его третировали точно какихъ-нибудь индѣйцевъ или персовъ, совершенно игнорировали въ жизни международной; теперь же Россія поднята на небывалую высоту величія и значенія политическаго. И всего этого достигъ Петръ единственно собственными силами: проводя дѣтство „по тогдашнему обычаю во внутреннихъ царскихъ чертогахъ и ради юности своея между дамъ, безъ всякаго обхожденія“, онъ лишенъ былъ возможности правильно подготовиться къ высокому положенію, какое готовила ему судьба; но природный умъ, таланты, дарованные Богомъ, помогли ему выполнить свое назначеніе и дали возможность въ самое короткое время превзойти всѣхъ европейскихъ монарховъ [23]).

Въ томъ же духѣ и другая исторія Петра, составленная коллежскимъ асессоромъ Зміевымъ (?). Авторъ далъ въ ней сжатый и довольно стройный очеркъ тоже всего царствованія; но если разсказъ о событіяхъ 1682 года, изложенный по запискамъ Матвѣева, вводитъ читателя, по самому существу, въ явленія внутренней жизни Россіи, то почти всѣ остальныя страницы посвящены исключительно военной дѣятельности императора и его сношеніямъ съ иностранными державами. Излишне подчеркивать компилятивный характеръ исторіи Зміева. Восторженное отношеніе къ „дѣяніямъ“ преобразователя Россіи, ставъ общимъ мѣстомъ, разумѣется, отнюдь не содѣйствовало историческому пониманію его личности и всего его царствованія, и тамъ, гдѣ приходилось говорить, такъ сказать отъ себя, наши историки предпочитали повторять чужія мысли и даже слова. Зміевъ, подобно неизвѣстному автору, писавшему въ царствованіе Анны Іоанновны, закончилъ свою книгу характеристикой государя, которая, по сличеніи оказывается не болѣе какъ простымъ перифразомъ той, что помѣщена у этого другого [24]).

Обязаны ли двѣ названныя работы личной иниціативѣ ихъ составителей или воздѣйствію правительства, судить объ этомъ, за отсутствіемъ данныхъ, довольно трудно. Но дочь Петра вообще не могла не озабочиваться о прославленіи своего великаго родителя. Въ 1736 году въ Венеціи вышло, на итальянскомъ языкѣ, сочиненіе

одного грека, аббата Катифоро, „Vita di Pietro il Grande, Imperator della Russia“, и правительство Елизаветы Петровны поручило перевести ее на русскій языкъ нѣкоему Писареву. Послѣдній, однако, предпочелъ выдать свой трудъ за переводъ не оригинала, а перевода же, именно греческаго, при чемъ выдалъ автора за православнаго, а не католика, какимъ тотъ былъ въ дѣйствительности. Судьба не особенно благопріятствовала переводу. Впослѣдствіи Писаревъ жаловался, что „нѣкіи недоброхоты“ стали ему поперекъ дороги; и дѣйствительно, переводъ, представленный императрицѣ Елизаветѣ еще въ 1743 году, увидѣлъ свѣтъ не ранѣе царствованія Екатерины II [25]).

Одновременно съ Писаревымъ, но уже не простымъ переводчикомъ, а въ роли болѣе самостоятельной, выступилъ „дворянинъ Великаго Новгорода“, бывшій комиссаръ Крекшинъ. Собираніемъ матеріаловъ онъ началъ заниматься еще при жизни Петра. Въ теченіе многихъ лѣтъ съ восторженнымъ чувствомъ подбиралъ онъ разныя свѣдѣнія, письменныя и устныя, дѣлалъ выписки. Наконецъ, въ 1742 году онъ поднесъ императрицѣ Елизаветѣ первый томъ своей исторіи, доведенный до 1706 года, чѣмъ открылъ себѣ доступъ въ архивы. Повидимому, новые и обильные матеріалы подавили составителя: работа продолжалась, матеріалы, въ формѣ погодныхъ „журналовъ“ и „экстрактовъ“ изъ этихъ послѣднихъ, накапливались томъ за томомъ, но дальнѣйшая обработка ихъ пріостановилась, и вторая половина царствованія Петра, съ Полтавской побѣды, кажется, осталась неописанною.

Трудъ Крекшина представляетъ смѣсь истиннаго со сказочнымъ; критики исторической не могло быть у писателя, считавшаго себя, какъ мы видѣли, недостойнымъ „отрѣшить“ ремень сапога того, чьи дѣянія и поступки онъ собирался описывать. Молитвенное настроеніе, къ тому же усиленное еще наклонностью къ слащавой реторикѣ, не только лишило Крекшина возможности сколько-нибудь объективно отнестись къ предмету своихъ занятій, но даже подвинуло на благочестивый обманъ: сплошь и рядомъ Крекшинъ выдумывалъ факты, создавалъ небывалыя положенія, и при томъ въ самой категорической формѣ. Едва ли, впрочемъ, онъ строго отдавалъ себѣ отчетъ въ пріемахъ своей работы, наивно полагая дозволеннымъ все, что такъ или иначе могло служить къ прославленію его героя. Съ задачей своею, въ полномъ объемѣ, Крекшинъ не справился: значительная часть собранныхъ имъ матеріаловъ послѣ смерти его (1763) была растеряна;

но что манера его писанія была въ духѣ времени и отнюдь не казалась, какъ теперь намъ, безвкусной и тривіальной, это можно видѣть уже по одному тому, что въ теченіе почти столѣтія начальныя главы его труда—дѣтство и юношескіе годы—выдѣленныя въ отдѣльное сочиненіе, подъ заглавіемъ „Сказаніе (или „Лѣтопись“) о зачатіи и рожденіи императора Петра Великаго“, пользовались большой популярностью, разошедшись въ многочисленныхъ спискахъ и выдержавъ нѣсколько изданій, хотя въ большинствѣ случаевъ и безъ имени автора [26]).

Въ общемъ исторіографія петровскаго времени мало подвинулась въ царствованіе Елизаветы Петровны: матеріалъ лежалъ почти не разработанный, подъ спудомъ; не было опытной руки для обработки того, что уже имѣлось налицо; да и опытной рукѣ трудно было орудовать съ однимъ Матвѣевымъ, Шафировымъ и Поденной Запиской; компиляціи иностранныя были загромождены массою всевозможнаго литературнаго сора; что же до общихъ характеристикъ царствованія, то какъ бы подчасъ подробны и детальны онѣ ни были—въ данномъ случаѣ мы имѣемъ въ виду, въ особенности, трудъ, составленный въ 1749 году: „Славная сѣверная война и житіе Петра В.“, новая и столь же мало удовлетворительная попытка дать нѣчто законченное и цѣлое о всемъ царствованіи Петра,—во-первыхъ, онѣ слишкомъ отзывались общимъ мѣстомъ, а, во-вторыхъ, это были все же только „характеристики“, но не самая исторія жизни и дѣяній [27]).

Неудача съ Крекшинымъ, на котораго, видимо, надѣялись, заставила правительство Елизаветы Петровны искать историка въ иномъ мѣстѣ. Отъ Крекшина обратились къ... Вольтеру.

Крекшинъ и Вольтеръ! Что можно представить себѣ болѣе несходнаго, противорѣчиваго, даже уморительнаго при сопоставленіи этихъ двухъ именъ! Одинъ едва ли даже умѣлъ правильно держать перо въ рукахъ, другой — этимъ самымъ перомъ прогремѣлъ на всю Европу; одна мысль писать „образомъ исторіи“ казалась Крекшину неслыханной „дерзостью“, чуть не кощунствомъ, а французскій писатель, давно уже войдя въ роль литературнаго папы, спокойно и увѣренно надѣлялъ историческихъ дѣятелей безапелляціонными приговорами. Дѣйствительно, что могло быть общаго между наивнымъ невѣждой, воспитаннымъ на астрологическихъ бредняхъ, убѣжденно искавшимъ въ св. Писаніи пророческихъ указаній о Петрѣ и грядущей славѣ Россіи, и фернейскимъ скептикомъ, отрицавшимъ въ своей жизни гораздо болѣе, чѣмъ одну астрологію?...

Но въ самой уродливости сопоставленія этихъ двухъ именъ заключается, быть можетъ, наилучшая иллюстрація положенія, въ какомъ находилась въ ту пору исторіографія Петровской эпохи. Французская поговорка о крайностяхъ должна была оправдаться на нихъ. Литературные антиподы, Крекшинъ и Вольтеръ сходились въ одномъ, но зато въ самомъ существенномъ—въ полной неподготовленности къ своей задачѣ: если одному чужда была самая азбука исторіи, то другой не зналъ ни языка, ни быта, ни характера народа, ни страны, гдѣ жилъ и дѣйствовалъ историческій дѣятель, которому онъ собирался посвятить свое перо. При этомъ разумѣется само собою, что если оба труда, одинаково, далеки были отъ поставленныхъ къ нимъ требованій, зато во всемъ остальномъ они рѣзко расходились между собою.

Мысль обратиться къ Вольтеру, вообще къ постороннимъ силамъ, несомнѣнно, свидѣтельствовала о собственномъ безсиліи. Послѣднее не должно удивлять насъ, если вспомнить, что для увѣковѣченія въ литературной формѣ памяти великаго государя русская исторіографія пока не дала еще ничего, кромѣ слабыхъ попытокъ и жалкихъ потугъ. Русское перо плохо владѣло даже внѣшнимъ орудіемъ—техникой составленія, еще не навыкло въ достаточной степени конструировать свою мысль. Ничтожные результаты, несомнѣнно, не мало зависѣли отъ неумѣнья разобраться въ сыромъ матеріалѣ, архитектонически сложить имѣвшіеся на лицо кирпичи. Болѣе того: не смогли даже опубликовать того, что, такъ или иначе, уже было готово къ опубликованію: извѣстно, что трудъ Ѳеофана, переводъ Катифоро, Поденная Записка, книга Манкіева, самъ Крекшинъ увидѣли свѣтъ лишь въ Екатерининское царствованіе.

Западноевропейскій писатель могъ быть недостаточно и, пожалуй, даже еще менѣе чѣмъ нашъ отечественный, освѣдомленъ въ фактахъ; недостаточно проницателенъ въ критикѣ событій; подобно русскому собрату, онъ могъ тоже не всегда удовлетворительно разбираться въ своемъ матеріалѣ; но все же у него былъ извѣстный опытъ въ обращеніи съ нимъ, навыкъ къ концепціямъ, умѣнье придать своей работѣ форму разсказа, и при томъ довести этотъ разсказъ до конца, создать нѣчто цѣльное и самостоятельное. На Западѣ еще при жизни Петра начали появляться сочиненія, пытавшіяся нарисовать исторію его царствованія. Такова была книга Лоэнштейна: Des grossen Herrn, Czaars und Gross-Fürstens von Moscau, Petri Alexiewicz Leben und Thaten (1710). На смерть Петра тамъ сейчасъ отозвались двумя сочиненіями: Рабенеръ, издатель лейпцигскаго журнала Europäische

Fama, выпустилъ свою Leben Petri des Ersten und Grossen, Czaars von Russland (1725), а Жанъ Руссэ, подъ псевдонимомъ барона Нестессураноя, четырехтомныя Mémoires du règne de Pierre le Grand, empereur de Russie (1725—1726). Правда, составители всѣхъ трехъ названныхъ книгъ не были вполнѣ чужды Россіи: Лоэнштейнъ служилъ офицеромъ въ русской арміи, остальные два, профессіональные журналисты, обслуживали своимъ перомъ интересы русскаго правительства,— всѣ трое черпая необходимый къ тому матеріалъ при посредствѣ извѣстнаго барона Гюйссена; и если въ послѣднемъ обстоятельствѣ, можетъ быть, прежде всего слѣдуетъ искать объясненія сравнительной быстроты, съ какой, почти тотчасъ за смертью Петра В., были написаны и опубликованы обѣ книги, то вышеуказанный навыкъ компоновать свою работу только лишній разъ находитъ себѣ подтвержденіе.

Достаточно было десятка лѣтъ, чтобы европейская исторіографія, худо ли, хорошо ли, но оріентировалась въ недавнихъ событіяхъ и подошла къ нимъ уже какъ къ явленіямъ историческимъ: съ 1736 года начинаютъ почти изъ года въ годъ выходить, на разныхъ языкахъ, біографіи Петра и обзоры его царствованія. Таковы были сочиненія Катифоро: Vita di Pietro il Grande (1736); Скіады: Γένος, ἦθος, κίνδυνοι, καὶ κατορθώματα Πέτρου τοῦ Πρώτου (1737); Гассе: Die wahre Staats-Klugheit in gewissen Staats-Grund-Sätzen mit dem ruhmwürdigsten Exempel des russischen Kaysers Peter des Grossen (1739); Мотлея: The history of the life of Peter the First emperor of Russia (1740); Банкса: The history of the life and reign of the czar Peter the Great, emperor of All Russia and father of his country (1740); Мовильона: Histoire de Pierre I surnommé le Grand, empereur de toutes les Russies (1742) и, нѣсколько позже, Александра Гордона, родственника Патрика: The history of Peter the Great, emperor of Russia (1755) [28]).

Найти въ только что перечисленныхъ сочиненіяхъ недочеты и слабыя стороны не представило бы особаго затрудненія: въ большинствѣ случаевъ это были посредственныя компиляціи, механическій подборъ непровѣренныхъ фактовъ, часто съ грубыми ошибками; анекдотическая сторона заслоняла содержаніе серьезное; общее впечатлѣніе получалось чего-то громоздкаго и неуклюжаго; вдобавокъ одинъ историкъ повторялъ другого и безцеремонно черпалъ, не указывая источника. Тѣмъ не менѣе, при полномъ отсутствіи работъ на русскомъ языкѣ, книги эти оказывались единственнымъ средствомъ для ознакомленія съ недавнимъ царствованіемъ.

Впрочемъ русское правительство, заказывая книгу Вольтеру, хотѣло не простого повторенія, а чего-то большаго. Приподнято-восторженный тонъ, господствовавшій по отношенію къ Петру въ культурныхъ слояхъ русскаго общества, съ правительствомъ во главѣ, предопредѣлялъ первое требованіе къ будущей исторіи: она должна была прославить великаго царя, показать потомству во всемъ надлежащемъ блескѣ. Въ лучахъ этой славы однако замѣшались посторонніе, непріятные лучи; необходимо было парализовать ихъ и, если не затушевать совершенно, то хотя бы объяснить, оправдать: на Западѣ слишкомъ много говорили о жестокостяхъ, пьянствѣ, дебошахъ царя; съ обидной настойчивостью подчеркивали казни стрѣльцовъ и участіе въ нихъ государя; пересуживали дѣло несчастнаго, замореннаго царевича—авторитетное перо Вольтера приглашалось освѣтить эти темные факты въ благожелательномъ смыслѣ; наконецъ, попутно, уже чисто въ личныхъ интересахъ, дочь Петра Великаго не могла не желать болѣе красивой и „облагороженной“ версіи происхожденія своей матери.

Правительство, конечно, не ошиблось, разсчитывая на литературное имя Вольтера, а сознаніе, что за исторію прославленія Петра берется не кто иной, какъ тотъ, чье перо не задолго передъ тѣмъ прославляло его политическаго противника и соперника на полѣ брани,— сознаніе это могло только пріятно щекотать самолюбіе тѣхъ, кто смотрѣлъ на себя, какъ на преемниковъ и продолжателей великаго государя; вмѣстѣ съ тѣмъ оно вѣрно угадало, что съ помощью русскаго золота и сибирскихъ соболей найдетъ въ новой книгѣ не одну лестную страницу о самомъ себѣ. Зато оно обманулось въ другомъ: оцѣнивать Петра, какъ государя, реформатора, какъ человѣка вообще, не настала еще пора, не по силамъ было даже и Вольтеру; къ тому же, для созданія серьезнаго труда требовалась предварительная упорная, кропотливая работа надъ сырымъ матеріаломъ, къ чему авторъ „Опыта о нравахъ“ совсѣмъ не чувствовалъ себя расположеннымъ, не говоря про то, что, при всей покладливости на льстивое слово, Вольтеръ всего менѣе способенъ былъ писать подъ диктовку другихъ и былъ достаточно независимъ литературно, чтобъ руководиться собственной программой и собственными взглядами. Какъ бы ни было, но обѣ стороны сошлись въ одномъ общемъ желаніи: русское правительство желало видѣть исторію Петра, написанную знаменитымъ писателемъ, Вольтеръ, съ своей стороны, искалъ возможности стать исторіографомъ творца новой Россіи.

Мысль написать исторію Петра Великаго явилась у Вольтера срав-

нительно давно. Еще готовя въ 1737 году новое изданіе своихъ сочиненій, онъ обратился къ прускому королю Фридриху II, тогда только наслѣдному принцу, съ просьбой оказать ему содѣйствіе въ доставленіи необходимыхъ матеріаловъ. Исторія Карла XII была имъ уже составлена, и теперь Вольтера манила мысль нарисовать во весь ростъ фигуру другого героя Сѣверной войны, счастливаго побѣдителя при Полтавѣ, дать, какъ онъ выражался въ письмѣ къ своему царственному другу, „un abrégé des grandes choses qu'a faites Charles XII, et des choses utiles qu'a faites le czar Pierre“, скромно при этомъ умалчивая о тѣхъ новыхъ лаврахъ, что̀ должна была вплесть въ его литературный вѣнокъ новая книга. Хлопоча у Фридриха, Вольтеръ намѣтилъ даже вопросы, своего рода программу, заранѣе опредѣлявшую характеръ тѣхъ данныхъ, какія требовались для него. Вопросы эти любопытны уже сами по себѣ. Вольтеру хотѣлось знать, въ чемъ собственно заключалась реформа Петра въ области церкви, управленія, промышленности; что полезнаго ввелъ русскій царь въ своемъ войскѣ; каковы успѣхи, достигнутые въ дѣлѣ просвѣщенія; дѣйствительно ли русскій народъ такой необразованный и дикій, какъ обыкновенно о немъ говорятъ, и прочее тому подобное. Очевидно, въ ходѣ внѣшнихъ событій Вольтеръ оріентировался уже раньше; но ему не доставало знакомства съ самимъ строемъ страны, съ тѣми основными и далеко не всегда доступными непосредственному наблюденію факторами, что̀ собственно и обусловили могущество новой Россіи.

Въ результатѣ вольтеровскихъ запросовъ получилась извѣстная записка Фокеродта. Но взяться за перо съ одними этими данными Вольтеръ не рѣшался: краски, наложенныя Фокеродтомъ, казались черезъ чуръ мрачными, а главное весь трудъ этотъ, каковы бы ни были его достоинства, все же былъ въ сущности лишь небольшою крупицей по сравненію съ тѣмъ, что требовалось Вольтеру. Послѣдній понималъ, что главный матеріалъ ему необходимо пополнить въ самой Россіи, и при томъ непосредственно съ помощью русскаго правительства. Однако вопросъ представлялся довольно щекотливымъ, и подойти къ нему слѣдовало исподволь, возможно осторожнѣе [29]).

Въ 1745 г. Вольтеръ послалъ императрицѣ Елизаветѣ экземпляръ своей „Henriade“, а также „Sur la philosophie de Newton“ для Петербургской академіи наукъ и сталъ хлопотать черезъ французскаго посланника Д'Альона о чести быть принятымъ въ число членовъ послѣдней. Почетнымъ членомъ Академіи Вольтера выбрали (1746 г.), но историкомъ Петра дѣлать не спѣшили. Канцлеръ Бестужевъ-Рю-

минъ энергически противился такому порученію, находя его непатріотичнымъ, и полагалъ болѣе достойнымъ возложить трудъ составленія книги не на иностранца, а на свою русскую академію наукъ. Напрасно въ 1746 г. Вольтеръ вторично напоминалъ о своемъ желаніи; годъ спустя, въ 1748 году, онъ дополнилъ новое изданіе своихъ сочиненій собранными имъ „Anecdotes sur le czar Pierre le Grand“; но дѣла своего этимъ не подвинулъ нисколько. Въ 1751 году, вѣроятно, въ надеждѣ на непосредственное личное воздѣйствіе, онъ даже выражалъ намѣреніе пріѣхать въ Петербургъ, но и тутъ графъ Разумовскій, президентъ Академіи, очень недвусмысленно отклонилъ эту поѣздку.

Однако при дворѣ постепенно выросло вліяніе И. И. Шувалова, и для Вольтера подуло новымъ вѣтромъ. Давній поклонникъ Вольтера, въ частности, французскихъ манеръ и образованности вообще, Шуваловъ полагалъ, въ противность Бестужеву, лестнымъ и желательнымъ участіе знаменитаго писателя въ дѣлѣ прославленія великаго государя, и уже въ началѣ 1757 года Вольтеръ могъ самодовольно извѣщать своихъ друзей о томъ, что русская императрица зоветъ его къ себѣ въ Петербургъ, поручая написать біографію ея отца. Поѣхать въ Петербургъ Вольтеръ не поѣхалъ, но за самую работу принялся не медля [30]).

Взгляды Вольтера на исторію и ея задачи сложились въ противовѣсъ господствовавшему до него пониманію исторіи, какъ изображенія преимущественно дѣяній героевъ. Вольтеръ не придавалъ большого значенія исторіи личности; не то чтобъ онъ игнорировалъ самую личность; но онъ не вѣрилъ въ возможность, какъ слѣдуетъ, обрисовать характеръ людей, давно ушедшихъ со сцены, ярко и вѣрно возстановить ихъ мысли, идеи; кромѣ того онъ опасался (на почвѣ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ современной исторіографіи), что личность внесетъ съ собою много мелочнаго, ненужнаго, къ тому же еще баснословнаго, ложнаго. За мѣсто личности Вольтеръ выдвигалъ общество. Подробности битвъ, мелочныя даты, интриги, индивидуальныя страсти, приватная сторона жизни общественнаго дѣятеля, говорилъ онъ, имѣютъ значеніе слишкомъ преходящее, содержатъ въ себѣ слишкомъ мало поучительнаго для того, чтобъ стоило останавливаться на всемъ этомъ особенно долго. Не дѣянія и жизнеописанія государей, но событія, оказавшія вліяніе на развитіе, на ходъ жизни народовъ—вотъ на чемъ, по мнѣнію Вольтера, должна сосредоточиться работа историка. Отсюда его нелюбовь къ разнаго рода „анекдотамъ“, „портретамъ“, „рѣчамъ“; Вольтеръ допускалъ ихъ въ очень умѣренномъ

количествѣ, да и то лишь какъ неизбѣжную приправу для лучшаго оживленія историческаго факта, всегда болѣе или менѣе сухого. Вообще, можно сказать, исторія, въ глазахъ Вольтера, пріобрѣтала цѣну лишь съ того момента, когда она становилась *философіей исторіи*, — терминъ, имъ же впервые и пущенный въ оборотъ. Взглядъ этотъ отразился и на новомъ трудѣ Вольтера о Петрѣ Великомъ.

Европа половины XVIII столѣтія съ невольнымъ удивленіемъ взирала на сказочный ростъ сѣвернаго колосса; контрастъ между тѣмъ, чѣмъ была Россія за 60 лѣтъ и чѣмъ стала теперь, слишкомъ билъ въ глаза для того, чтобъ не приковать къ себѣ вниманія мыслящаго ума. Вольтеръ не ушелъ отъ общаго обаянія. Берясь за перо и набрасывая планъ предстоящей работы, онъ хотѣлъ прежде всего раскрыть передъ читателемъ картину цвѣтущаго состоянія современной Россіи, ознакомить съ ея арміей, торговлей, искусствами, вообще со всѣмъ тѣмъ, что сдѣлало столь внушительнымъ ея положеніе въ средѣ остальныхъ европейскихъ государствъ. Только нарисовавъ эту картину, краски которой (добавимъ отъ себя), разумѣется, готовились не безъ примѣси извѣстной вольтеровской лести, — только указавъ, что нынѣшній моментъ есть недавнее созданіе, дѣло рукъ великаго человѣка, предполагалъ онъ приняться за подробное ознакомленіе съ самимъ творцомъ всѣхъ этихъ чудесъ. Исторія лица должна была перейти въ исторію страны, такъ какъ въ дальнѣйшемъ Вольтеръ предполагалъ дать отчетливое представленіе о всемъ, что сдѣлано было Петромъ Великимъ, въ послѣдовательномъ изложеніи, годъ за годомъ, съ момента его вступленія на престолъ. Обмѣнъ мыслей Вольтера съ Шуваловымъ прекрасно знакомитъ насъ съ основными взглядами французскаго писателя на задачи своего труда, показывая вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ далеко ушелъ онъ впередъ въ своихъ требованіяхъ отъ тѣхъ писателей, которые ограничивались однимъ изложеніемъ внѣшней показной стороны дѣла: должна быть выдвинута исторія внутренняя; безъ нея не будутъ понятны ни войны, ни дипломатическія сношенія, ни всѣ подвиги отдѣльныхъ личностей. Рука писателя, заканчивавшаго какъ разъ въ это время свой Essai sur les moeurs et l'ésprit des nations, ярко сквозитъ въ желаніи знать количественный приростъ русскаго народа, населеніе страны передъ воцареніемъ Петра, соотношеніе числа дворянъ къ числу духовенства и числа монаховъ къ числу земледѣльцевъ. Мысленно возвращаясь къ вопросамъ, въ томъ видѣ какъ онъ ставилъ ихъ 20 лѣтъ тому назадъ, Вольтеръ и теперь, въ 1757 году, говоритъ Шувалову о необходимости знать, сколько регулярнаго войска

содержала Россія прежде и сколько содержитъ нынѣ; какова была ея прежняя торговля и насколько развилась она потомъ; какія искусства появились въ странѣ, что привито извнѣ и что лишь подвергнулось усовершенствованію; какъ великъ былъ, хотя приблизительно, обыкновенный доходъ государства и до какой суммы доходитъ онъ нынче; каково было происхожденіе и развитіе морского дѣла и пр. и пр.

Мелочи военныхъ событій, анекдотическую сторону частной жизни Петра Вольтеръ игнорировалъ заранѣе. Отсюда и заглавіе его труда: не „Жизнь“ Петра, не „Исторія“ его, а „Исторія *Россіи* при Петрѣ I“. Раскрывать тайны кабинета, спальни, столовой иностранецъ не можетъ, да и не долженъ. Если кто и могъ бы повѣдать о нихъ, то развѣ Меншиковъ, Шереметевъ или иной въ этомъ родѣ; но они ничего не сказали, и до насъ дошли однѣ только сплетни, пустыя росказни, не заслуживающія вниманія. Для серьезнаго ума гораздо важнѣе прослѣдить за 25-лѣтней работой великаго человѣка на благо своей страны, чѣмъ нагромождать себя сомнительными свѣдѣніями о томъ, что великій человѣкъ могъ имѣть общаго съ толпою. Особенную заботу прилагалъ Вольтеръ къ тому, чтобы заинтересовать своей книгою возможно бо́льшій кругъ читателей; онъ хотѣлъ, чтобы ее прочли повсюду, въ любой странѣ. Отчего, спрашиваетъ онъ, исторію Александра Македонскаго читаютъ всѣ, между тѣмъ исторія Чингисъ-хана, завоевателя еще болѣе замѣчательнаго, находитъ читателей сравнительно весьма малочисленныхъ? Разница въ томъ, какъ написана та и другая. По мнѣнію Вольтера, исторію слѣдуетъ обрабатывать по тѣмъ же пріемамъ, какъ и трагедію: далеко не все, что было, заслуживаетъ упоминанія; какъ въ трагедіи вы выдвигаете на сцену ровно столько дѣйствующихъ лицъ, сколько это необходимо, чтобъ лучше оттѣнить и обрисовать центральную фигуру, не больше и не меньше, такъ и въ историческомъ сочиненіи все второстепенное, весь балластъ, загромождающій сцену, надо оставить совершенно въ сторонѣ [31]).

Но намѣтить программу и выполнить ее было не одно и то же. Планъ Вольтера превышалъ средства, находившіяся въ распоряженіи русскаго правительства. Правда, множество документовъ очень цѣнныхъ и разнообразныхъ было ему переслано изъ Петербурга; на Академію Наукъ, главнымъ образомъ на Г. Ф. Миллера, была возложена обязанность снабдить Вольтера всѣмъ необходимымъ; на рабочемъ столѣ французскаго писателя появились письма царя къ Апраксину, Шафирову, Ягужинскому; переписка царскихъ сотрудниковъ, правительственныя распоряженія, бумаги дипломатическаго содержанія, По-

денная Записка, данныя о положеніи промышленности, торговли, арміи и флота, матеріалы для „анекдотовъ“; карты географическія, медали и пр.,—вообще масса самаго разнообразнаго матеріала. Но это была именно масса, груда, безъ системы, съ случайнымъ подборомъ, гдѣ на ряду съ дѣйствительно важнымъ было не мало и несущественнаго. Безсистемность, конечно, была неизбѣжна: приходилось давать, что было на лицо, да кромѣ того самый матеріалъ предстояло еще собрать, дѣлать оттуда извлеченія, переводить ихъ на французскій языкъ,—все это неизбѣжно затягивало работу, а Вольтера и безъ того торопили. Въ свою очередь и программа, набросанная имъ въ слишкомъ общихъ и широкихъ чертахъ, не могла служить для Академіи удовлетворительнымъ руководствомъ, и не даромъ Ломоносовъ указывалъ на необходимость предложить Вольтеру выработать предварительно обстоятельный планъ своей книги. Но тотъ же Ломоносовъ давалъ совѣты уже прямо сомнительной пользы: чтобъ не задерживать писателя, онъ полагалъ посылать ему переводы матеріаловъ по частямъ, по мѣрѣ ихъ изготовленія, въ порядкѣ намѣченнаго плана, и тѣмъ дать Вольтеру возможность приступить къ своей работѣ сейчасъ же, не дожидаясь послѣднихъ посылокъ. Конечно, требовать послѣ этого внутренней связи и большаго единства въ отдѣльныхъ частяхъ будущей книги уже не приходилось.

Насколько однако спѣшно производилась заготовка этихъ самыхъ матеріаловъ, и насколько, подчасъ, малоопытными руками, можно судить по тому, что въ числѣ рекомендованныхъ, одно и то же сочиненіе Шлейзинга обозначалось, какъ два различныхъ, подъ двумя разными заглавіями; извѣстныя записки Вебера—то съ именемъ, то безъ имени автора; такая же путаница произошла и съ похвальнымъ словомъ Петру Фонтенеля, а мемуаръ по дѣлу о царевичѣ Алексѣѣ,—данныя, которыхъ Вольтеръ поджидалъ особенно нетерпѣливо, въ надеждѣ найти въ нихъ свѣдѣнія первой руки,—оказался почти дословной копіей соотвѣтственныхъ страницъ изъ давно всѣмъ извѣстной книги барона Нестессураноя „Mémoires du règne de Pierre le Grand“, напечатанной, какъ мы видѣли, еще въ царствованіе Екатерины I [32]).

Въ свою очередь и Вольтеръ былъ далекъ отъ мысли погружаться въ кропотливую работу предварительныхъ разысканій; онъ брался за перо скорѣе какъ литераторъ, чѣмъ какъ строгій историкъ-изслѣдователь. Онъ слишкомъ полагался на силу своего таланта, слишкомъ вѣрилъ въ обаяніе своего стиля, чтобъ затрудняться той или иной „мелочью“ и бояться перескочить черезъ затрудненіе, если бы встрѣ-

тилось таковое. Манера изложенія, блескъ слога должны были искупить ту или иную неточность.

Въ 1759 году первый томъ „Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand“ былъ уже готовъ, и Вольтеръ послалъ его въ Петербургъ на предварительный просмотръ, безъ чего онъ не могъ выпустить книги въ свѣтъ. Но тамъ трудъ Вольтера былъ принятъ болѣе чѣмъ холодно. Академики жестоко раскритиковали его, отыскавъ массу ошибокъ, начиная съ искаженія собственныхъ именъ, личныхъ, географическихъ, и кончая передачею невѣрныхъ фактовъ или слуховъ, основанныхъ на свидѣтельствахъ крайне сомнительнаго достоинства. Находили, что Вольтеръ сознательно не воспользовался доброй половиною присланныхъ ему матеріаловъ, совсѣмъ не провѣрилъ ими своихъ сужденій и оставилъ часть свѣдѣній у себя про запасъ, въ расчетѣ, съ помощью ихъ, придать большій интересъ будущимъ изданіямъ. Выпускъ книги въ свѣтъ былъ пріостановленъ, и отъ Вольтера потребовали исправленій, съ каковою цѣлью Ломоносовъ, Миллеръ и Таубертъ составили длинный списокъ допущенныхъ промаховъ. Ихъ замѣчанія были потомъ отосланы къ Вольтеру для руководства, но тотъ воспользовался далеко не всѣмъ.

Въ поправкахъ Ломоносова слышится критикъ-патріотъ: ему хотѣлось бы, чтобы Москва была названа не просто городомъ, а большимъ городомъ; ему непріятно, что Шереметева и Шеина Вольтеръ считаетъ происхожденія прусскаго; что Лефорту приписано слишкомъ много значенія; что Ливонія названа одною изъ самыхъ плодоносныхъ областей на сѣверѣ и т. п. Миллеръ, въ свою очередь, не безъ желчи и съ большой дозою придирокъ указывалъ на всѣ мелочные недостатки книги и рядомъ съ сѣтованіями на пропускъ существенныхъ фактовъ особенно сильно скорбѣлъ за искаженіе транскрипціи собственныхъ именъ. Вольтеръ не остался въ долгу и отплатилъ своимъ критикамъ злою насмѣшкою. Въ отвѣтъ на замѣчаніе, что по французски слѣдуетъ писать не Scheremetu, а Scheremetoff, Wasiliewitsch, а не Basilovis и т. п., онъ отвѣчалъ: „подозрѣваю, что все это могъ посовѣтовать одинъ лишь нѣмецъ: ему бы побольше смысла въ головѣ, чѣмъ согласныхъ“.

Такимъ образомъ критика начала переходить въ простую брань. Между тѣмъ виноваты были обѣ стороны, и въ то же время у каждой было не мало основаній считать справедливою именно себя. Дѣйствительно, обидно было потратить такую массу труда, собрать и перевести значительное количество матеріаловъ, которымъ придавали

большую историческую цѣнность; лелѣять себя мыслью, что вотъ молъ царь литературнаго міра возстановитъ достойнымъ образомъ фигуру великаго царя Россіи—и вмѣсто того увидѣть сочиненіе поверхностное, скороспѣлое, изобилующее ошибками, которыя на каждомъ шагу бередили ухо, рѣзали глазъ. Закащикъ не принялъ во вниманіе, что какъ разъ въ той области, гдѣ самъ онъ былъ наиболѣе компетентенъ и легче всего могъ подмѣтить ошибку, тутъ-то менѣе всего и можно было требовать съ исполнителя его заказа. Вольтеръ совершенно добросовѣстно игнорировалъ произношеніе какого-нибудь Кіева или Воронежа, съ легкимъ сердцемъ превращая ихъ въ Кіовію и Веронизъ, тѣмъ болѣе что такая передѣлка шла въ соотвѣтствіи съ требованіями благозвучія французскаго языка; для него совершенно исчезала разница между грузинскимъ и армянскимъ принцами и по ходу работы прямо было некогда вдумываться, три или четыре поста въ году положено въ православной церкви, некогда долго останавливаться на Нарвѣ и говорить о ней болѣе того, что она „маленькій городъ“... Съ русской стороны указывали на цѣнность посланныхъ документовъ, а Вольтеру они казались далеко не такой важности; въ Россіи о Петрѣ не отзывались иначе, какъ о божествѣ, и были замѣтно шокированы тѣмъ, что Вольтеръ посмотрѣлъ на него просто какъ на человѣка, хотя и великаго. Сошлись два разныхъ пониманія, и потому разочарованіе было обоюдное. А тутъ еще примѣшались личности, мелочные уколы: повидимому, и Ломоносовъ, и Миллеръ были задѣты тѣмъ, что порученіе написать исторію Петра было возложено не на нихъ.

Всѣ эти препирательства содѣйствовать успѣху дѣла, разумѣется, не могли. Смерть императрицы Елизаветы и паденіе Шувалова тоже мало располагали Вольтера къ работѣ; второй и послѣдній томъ вышелъ уже въ царствованіе Екатерины II, въ 1763 году, и Вольтеръ считалъ свои обязательства покончеными [33]).

Еще по выходѣ перваго тома „Histoire de l'empire de Russie“ Дидро довольно вѣрно оцѣнилъ ее, сказавъ, что книга даетъ пріятное чтеніе, но что законченнаго, яснаго впечатлѣнія отъ фигуры царя не остается; что французскій писатель не съумѣлъ возвыситься до русскаго законодателя. „Впрочемъ“—добавляетъ Дидро—„если бы всѣ газеты писали такъ, какъ написана эта книга, я желалъ бы сохранить каждую ихъ строчку“. Сочиненіе Вольтера, дѣйствительно, не можетъ удовлетворить въ цѣломъ; написанное съ той легкостью краснорѣчія, съ тѣмъ умѣньемъ скользить по верхамъ, какимъ въ

такомъ совершенствѣ обладалъ знаменитый писатель, оно въ то же время мало даетъ и новаго по сравненію съ ранѣе появившимися за границей трудами о Петрѣ Великомъ. Но строгихъ требованій исторической критики прилагать къ книгѣ Вольтера и не слѣдуетъ: это произведеніе больше всего литературное. Въ то же время необходимо помнить, что это былъ первый трудъ о Петрѣ, написанный яснымъ, изящнымъ языкомъ, первая книга о русскомъ императорѣ, которая читалась легко и такимъ образомъ гораздо успѣшнѣе другихъ съ ней однородныхъ знакомила съ личностью преобразователя, популяризируя его имя, дѣлая его доступнѣе для пониманія западно-европейскаго общества.

Въ конечномъ результатѣ нельзя однако отрицать, что серьезнаго вліянія на развитіе литературы о Петрѣ, ни за границей, ни въ Россіи, книга Вольтера не имѣла. У насъ ее читали, переводили и... по прежнему надолго все еще оставались безъ надлежащаго жизнеописанія великаго государя [34]).

IV.

Мы видѣли, что восторженное чувство, съ какимъ относилось къ первому нашему императору ближайшее за нимъ поколѣніе, имѣло вполнѣ опредѣленную подкладку: переворотъ произвелъ ошеломляющее дѣйствіе на умы; хорошенько въ немъ еще не успѣли разобраться; лучи новаго солнца слѣпили глаза, офиціальное же признаніе этого солнца со стороны правительства и самому чувству придало болѣе высокопарный и вмѣстѣ обязательный характеръ. Указанное настроеніе не ослабло и во второй половинѣ XVIII-го столѣтія; чрезъ всю литературу Екатерининскаго царствованія легко прослѣдить, въ оцѣнкѣ Петровской реформы, тотъ же повышенный тонъ и преклоненіе, съ тѣмъ же обиліемъ гиперболъ и условной реторики. Херасковъ преклонится предъ царемъ, какъ законодателемъ, и назоветъ „безсмертнымъ“, а Іоанна Грознаго заставитъ отозваться о немъ словами: „се Богъ иль человѣкъ?“; у другого поэта того времени, Державина, въ цѣломъ рядѣ крупныхъ и мелкихъ стихотвореній, мы встрѣтимъ тѣ же эпитеты: „богъ“, „безсмертный“, „богъ свѣта“ и пр.

Какъ Богъ, великимъ провидѣньемъ
Онъ все собою озиралъ.....
Поднесь вселенну изумляетъ
Величіе его чудесъ;
Премудрыхъ умъ не постигаетъ,
Не Богъ ли въ немъ сходилъ съ небесъ?
Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, великій Петръ!

Во слѣдъ первокласснымъ поэтамъ идутъ, конечно, и второразрядные: въ устахъ одного [а]) Петръ Великій—„чуднѣйшій герой“; по

[а]) Я. Большаковъ.

словамъ другого [а]), дѣянія Петра столь необычайны, что потомки сочтутъ ихъ за вымыселъ; третій [б]) восклицаетъ: „Россъ Петромъ лишь просіялъ!“ и т. п. Поэтамъ вторятъ съ церковныхъ каѳедръ проповѣдники; блестящій витія, митрополитъ Платонъ, точно копируя Неплюева, говоритъ: „На что ни обратимъ взоръ свой, все ему одолжено началомъ, все плодъ его благоразумія и просвѣщенія... Все что ни видимъ, что ни вообразимъ, Петръ или изобрѣлъ, или утвердилъ, или основалъ, или къ тому случай подалъ“. Другому оратору церкви [в]) рисуется „Россія, имъ [Петромъ] прерожденная и, такъ сказать, изъ повсемственнаго ничтожества возведенная, и въ самомъ младенчествѣ на сухомъ пути и на морѣ враговъ своихъ устрашившая“. Наконецъ, даже сухой учебникъ географіи, и тотъ, стоило ему коснуться Петра, сейчасъ же повышалъ тонъ и отзывался о царственномъ реформаторѣ, какъ о „наивеличайшемъ изъ всѣхъ, доселѣ бывшихъ россійскихъ владѣтелей“, какъ о даровавшемъ „имперіи своей совсѣмъ новый видъ“ [35]).

Но одновременно съ этимъ напыщеннымъ восторгомъ въ русскомъ обществѣ второй половины XVIII-го вѣка начинаютъ раздаваться и болѣе спокойные голоса. Высокая заслуга государя остается по прежнему внѣ сомнѣній; но одними возгласами уже не ограничиваются: заслугами не только восторгаются, но начинаютъ *оцѣнивать*, объяснять ихъ. Разобраться въ реформѣ было полезно и необходимо уже по одному тому, что иначе, съ однимъ слѣпымъ преклоненіемъ, грозила опасность попасть въ безвыходный кругъ безсодержательнаго славословія. Прежде (и охотнѣе) всего стали подчеркивать духовную связь своего времени съ преобразовательною эпохой. Екатерининское царствованіе видитъ въ своей дѣятельности какъ бы отвѣтъ на запросы и отвѣты преобразовательной поры, дальнѣйшій шагъ по пути прогресса. Обращаясь къ Россіи, стихотворцы говорили:

Петра Великаго ты нынѣ
Въ премудрой зришь Екатеринѣ.

„Петръ Великій создалъ въ Россіи людей, ваше величество влагаете въ нихъ души“, говоритъ Бецкій Екатеринѣ, поднося ей уставъ воспитательнаго дома. „Петръ далъ намъ бытіе, Екатерина—душу“, го-

---

а) А. Лопухинъ.
б) Н. Николевъ.
в) Прот. А. Левшинъ.

воритъ Сумароковъ въ надписи къ статуѣ Петра I. Ту же мысль, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, высказываетъ и Херасковъ: „Петръ россамъ далъ тѣла, Екатерина—душу“ [36]).

Для самой императрицы Екатерины Петръ рисуется въ видѣ греческаго мудреца, учителя по преимуществу. Она беретъ у него уроки государственной опытности и, принимаясь за какое-нибудь дѣло, роется въ архивахъ, увѣренная, что оно „было уже имъ обдумано“. Она носила въ перстнѣ портретъ Петра Великаго; ея табакерка украшена была тоже его изображеніемъ—и это все для постояннаго напоминанія: прежде чѣмъ принять рѣшеніе по данному вопросу, она мысленно справляется: „а какъ бы Петръ поступилъ на моемъ мѣстѣ“? Бывали случаи, когда мысль Петра настолько усвоивалась ею, что получала характеръ какъ бы ея собственнаго достоянія; Екатерина усиленно пропагандировала ее, носилась съ нею и даже ставила въ заблужденіе современниковъ и потомство. Такъ извѣстныя слова въ Воинскомъ уставѣ Петра Великаго—лучше простить десять виновныхъ, чѣмъ наказать одного невиннаго—долгое время приписывались Екатеринѣ. Ея симпатіи къ императору Іосифу II опредѣлялись въ значительной степени тѣмъ, что послѣдній напоминалъ ей Петра Великаго живостью характера, преданностью государственному благу, постояннымъ желаніемъ учиться и учить другихъ. Въ одномъ изъ писемъ къ Вольтеру Екатерина признавалась, что всего болѣе она цѣнитъ въ Петрѣ—это истину, которая, несмотря на всю горячность его натуры, всегда однако одерживала надъ нимъ верхъ.

Князь де Линь свидѣтельствуетъ, что въ ея присутствіи нельзя было дурно отзываться о Петрѣ. Ближайшіе преемники преобразователя, говорила Екатерина, не поняли его предначертаній: „отъ кончины Петра Перваго до восшествія императрицы Анны царствовала невѣжества собственная корысть и борствовалась склонность къ старинамъ обрядамъ съ невѣдѣніемъ и непонимательствомъ новыхъ, введенныхъ Петромъ Первымъ“—и потому-то въ гордомъ сознаніи, что на ея долю выпала великая честь быть преемницей его дѣяній, Екатерина считаетъ себя вдвойнѣ обязанною дѣйствовать въ духѣ Петровской программы. Нужды нѣтъ, что фактически Екатерина во многомъ отступала отъ программы Петра—это отнюдь не мѣшало ей увѣрять другихъ и увѣрить вмѣстѣ съ тѣмъ и самое себя, что въ государственной дѣятельности она непзмѣнно идетъ по стопамъ своего великаго предшественника. Увѣковѣчить имя Петра въ достойномъ памятникѣ Екатерина считала своимъ нравственнымъ долгомъ: цѣлый

потокъ медалей—излюбленная форма того времени—долженъ былъ напомнить знаменательнѣйшіе моменты въ жизни императора, а величественный монументъ на Сенатской площади—вдохновенное произведеніе Фальконета и m-lle Колло—безмолвно, но выразительно раскрылъ истинный смыслъ гигантскаго труда, свершеннаго Петромъ на благо грядущихъ поколѣній [a]).

Императрицѣ же наука обязана и первымъ серьезнымъ приступомъ къ историческому изученію Петра и его времени: она поручила кн. М. М. Щербатову разобрать кабинетскій архивъ государя, а для Голикова открыла доступъ въ архивы государственные [37]).

Вообще нельзя не видѣть, что въ лицѣ Екатерины II рамки нашихъ представленій о реформѣ значительно раздвинулись и причина этого не въ личныхъ талантахъ императрицы: такими глазами смотрѣла на Петра въ эту пору далеко не одна она. Европейская школа, куда ввелъ Петръ Великій русское общество, успѣла сказаться своими положительными результатами: реформа въ ея цѣломъ получила наглядное оправданіе; сознательнѣе отстаивается идея просвѣщенія; больнѣе отзываются тѣневыя явленія жизни и самая борьба съ ними ведется какъ разъ подъ тѣмъ же знаменемъ, что̀ нѣкогда выкинулъ и царственный преобразователь. Въ этомъ обстоятельствѣ находитъ, между прочимъ, свое объясненіе тонъ сатирическихъ журналовъ 1769—1774 гг.: клеймя суевѣріе, невѣжество, распущенность нравовъ, пустую подражательность и внѣшній лоскъ, всѣ они, будетъ ли это „Живописецъ“, „Кошелекъ“ или „Всякая Всячина“, проникнуты самымъ глубокимъ уваженіемъ къ творенію Петра Великаго. Вообще *просвѣщеніе* является для многихъ основнымъ стимуломъ въ оцѣнкѣ реформы. Университетскій товарищъ Радищева, Челищевъ, проникнутый убѣжденнымъ сознаніемъ въ великомъ значеніи знаменательнаго царствованія, скорбитъ тѣмъ сильнѣе, когда во время поѣздки его по сѣверу Россіи передъ нимъ развертывается печальная картина народныхъ нуждъ, бѣдноты и суевѣрія мѣстнаго населенія, наглядно говорящая, какъ много еще остается сдѣлать въ томъ направленіи,

---

[a]) Любопытно, что Полтава предупредила Петербургъ: тамъ еще въ 1781 г. на частныя средства (Руденко) былъ поставленъ въ честь Петра каменный столбъ съ пирамидальной вершиной и съ изображеніемъ двухъ юношей въ римскомъ одѣяніи. Столбъ этотъ былъ сломанъ въ первые годы царствованія Александра I. Проектъ Ломоносова—воздвигнуть памятникъ Петру на одномъ изъ мостовъ черезъ рѣку Неву—такъ и остался проектомъ.

какое намѣтилъ и завѣщалъ позднѣйшимъ поколѣніямъ преобразователь.

Екатерининскій наказъ подхватываетъ фразу Монтескье относительно того, что русскій народъ есть европейскій народъ, и это положеніе, разумѣется, весьма на руку тѣмъ, кто отстаиваетъ внутреннюю справедливость преобразованій и заимствованій съ Запада. „Путь образованія или просвѣщенія"—пишетъ въ 1790 году Карамзинъ въ своихъ „Письмахъ русскаго путешественника"—„одинъ для народовъ: всѣ они идутъ имъ въ слѣдъ другъ за другомъ. Иностранцы были умнѣе русскихъ, итакъ надлежало отъ нихъ заимствовать, учиться, пользоваться ихъ опытами. Благоразумно ли искать, что сыскано"? Короткое платье покойнѣе, удобнѣе и пріятнѣе длиннополаго кафтана; борода—признакъ дикаго человѣка; не брить ее—то же, что не стричь ногтей. „Надлежало, такъ сказать, свернуть голову закоренѣлому русскому упрямцу, чтобы сдѣлать насъ гибкими, способными учиться и перенимать". Но наиболѣе вѣскій аргументъ въ пользу реформы Карамзинъ высказываетъ въ дальнѣйшихъ словахъ: „Все народное ничто передъ *человѣческимъ*. Главное дѣло быть *людьми*, а не славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для русскихъ; и что англичане или нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣчества, то мое, ибо я человѣкъ!... Какъ Спарта безъ Ликурга, такъ Россія безъ Петра не могла бы прославиться". И восемь лѣтъ спустя, въ 1798 году, проектируя (не выполненное) похвальное слово Петру, Карамзинъ держится того же взгляда: до-Петровская Русь, по его опредѣленію, безобразный, необдѣланный кусокъ мрамора, новая Россія—статуя Зевса, изваянная Фидіемъ; безъ подражанія Европѣ Россія не ушла бы далеко впередъ—стоитъ ли поэтому толковать объ измѣненіи народнаго характера, когда взамѣнъ его намъ былъ открытъ такой неисчерпаемый источникъ новыхъ благъ!

Прекрасно оцѣнилъ Петра Великаго графъ Сем. Ром. Воронцовъ. Онъ не боится признать ошибки въ его распоряженіяхъ, недостатокъ предусмотрительности въ Прутскомъ походѣ, излишнюю суровость по отношенію къ сыну, снисходительность ко второй женѣ, ниспроверженіе стараго порядка престолонаслѣдія; но какъ искупаются въ глазахъ Воронцова всѣ эти недостатки Петра его возвышеннымъ умомъ, примѣрною бережливостью, невообразимо-дѣятельною натурою! Что за осторожность въ дѣлахъ политическихъ! какая смѣлость замысловъ! быстрота въ ихъ выполненіи! какая ревность ко благу и славѣ своей

страны! умѣнье въ выборѣ людей! „Величіе Петра“ не пустая фраза въ устахъ Воронцова: оно заключалось для него не въ однихъ дѣлахъ, которыя по самому свойству своему кричатъ о себѣ: Воронцовъ съумѣлъ подмѣтить это величіе и въ мелкомъ фактѣ, и въ блѣдной чертѣ, и—еще болѣе—во всей совокупности поступковъ. „Истинный основатель величія Россіи“, „совершенно единичное явленіе въ исторіи“, Петръ, по мнѣнію Воронцова, былъ великъ уже однимъ умѣньемъ безбоязненно смотрѣть правдѣ въ глаза. Его готовность открыто признать предѣльность своихъ силъ и способностей, допустить возможность ошибокъ въ своихъ распоряженіяхъ, особенно восхищаютъ Воронцова и какъ бы служатъ ему руководствомъ въ его собственномъ поведеніи, какъ гражданина и подданнаго своего государя [38]).

Такимъ образомъ мы видимъ, что русское общество второй половины XVIII столѣтія начинаетъ мало по малу освобождаться отъ шаблонной оцѣнки Петра; глубокая дань великому императору отдастся по прежнему, но ее выражаютъ ровнѣе, спокойнѣе, разбираются въ ней сознательнѣе, убѣдительнѣе. И это не должно удивлять насъ. Поколѣніе позднѣйшее, люди Екатерининской эпохи не находились уже подъ непосредственнымъ обаяніемъ титанической фигуры царя и результатовъ его дѣятельности. Вторая половина XVIII вѣка успѣла уже сдѣлать самостоятельные шаги впередъ по пути прогресса. Временная задержка, наступившая по смерти Петра, очевидно для всѣхъ, окончилась. Извнѣ Россія успѣшно боролась съ Польшею и Турціей, и то, что составляло завѣтную мечту предшествовавшихъ поколѣній, теперь, наконецъ, осуществилось. Берега Азовскаго и Чернаго морей уже болѣе не оглашаются дикими криками татаръ, свившихъ было себѣ разбойничье гнѣздо въ степяхъ Тавриды; западно-русскія области возсоединены съ великорусскимъ населеніемъ; отношенія Европы къ Россіи полны уваженія и даже тайнаго страха; внутри просвѣщеніе духовное, культура внѣшняя дѣлаютъ видимые успѣхи; являются Болотовы, вносящіе гуманныя начала въ деревенскую, прежде столь одичалую, глушь. Самый „Недоросль“ показываетъ, что истинное образованіе для средняго класса считалось тогда не только необходимымъ, но и возможнымъ. Если казнокрадство, неправосудіе и другіе пороки можно было встрѣтить на каждомъ шагу, за то отношеніе общества къ этимъ явленіямъ становится уже инымъ. Прежде Петръ былъ одинокимъ со своей карающей дубинкой; теперь, хотя бы на примѣрѣ сатирическихъ журналовъ, можно было убѣдиться, что изъ массы выдѣлилась лучшая

часть и сознательно стоитъ на сторонѣ благихъ начинаній правительства. Уваженіе къ знанію увеличивалось, нравы замѣтно смягчались, явилась жизнь общественная, общественные интересы...

Конечно, всякій, кто только серьезно задумывался надъ этими явленіями, долженъ былъ признать ихъ корень въ реформѣ Петра. Но то высокопочтительное отношеніе, какое современники Екатерины питали къ царю, за рѣдкимъ развѣ исключеніемъ не переходило болѣе въ прежнее идолопоклонство. Для людей этого времени Петръ, какъ мы сейчасъ видѣли, скорѣе является въ образѣ греческаго мудреца, учителя по преимуществу. Да и то не для всѣхъ. Все чаще появляются лица, которымъ хочется разобраться въ своихъ чувствахъ и проанализировать ихъ. Въ Петрѣ готовы они видѣть не абсолютное зло или абсолютное добро, но только моментъ, за которымъ неизбѣжно послѣдуютъ другіе лучшіе моменты, лучшіе даже съ точки зрѣнія безусловныхъ почитателей великаго императора.

Такимъ образомъ эпоха Екатерины незамѣтно выходитъ на путь критики,—говоримъ: незамѣтно, потому что первые удары направлены еще не прямо противъ реформы: критическая мысль сводится пока къ попыткѣ доказать возможность хорошаго и за предѣлами Петровскаго горизонта. Это еще не столько нападеніе, сколько защита и оборона. Первые голоса, прозвучавшіе не въ унисонъ общему торжественному хору, еще нельзя назвать голосами враждебнаго направленія, но въ нихъ безусловно чувствуется иной оттѣнокъ, и—что характернѣе всего,—эти голоса раздались не со стороны тѣхъ, кто видѣлъ въ Петрѣ антихриста, а въ бородѣ все спасеніе; нѣтъ, они послышались среди бритыхъ короткокафтанниковъ, среди людей, освоившихся съ западною цивилизаціею. Это были голоса, еще не нападавшіе на Петра, но всю силу своихъ доводовъ употребившіе на защиту старины. Пока они не противъ реформы, но стоитъ только сдѣлать одинъ шагъ, логическій выводъ,—и они очутятся въ ряду противниковъ перваго нашего императора.

Гдѣ же искать причину такого раскола въ петровскомъ лагерѣ? Дѣло въ томъ, что реформа сказалась и обратною стороною: у многихъ презрѣніемъ къ національному, увлеченіемъ иноземнымъ ради одной моды. Противъ этого-то и послышались обвиненія. Раньше приходилось отстаивать *принципъ* сближенія съ Европою; теперь, когда принципъ восторжествовалъ, жизнь выдвинула новый вопросъ: *какъ* и *что* заимствовать, *чему* учиться въ той школѣ, куда насъ помѣстилъ преобразователь. Когда прошло или по крайней мѣрѣ ослабло

ошеломляющее впечатлѣніе, вызванное гигантскимъ размахомъ и непосредственными результатами Петровской реформы,—показалось дикимъ и невозможнымъ сводить на нѣтъ всю древнюю Русь: можно стремиться къ образованію, но не разрывать связи съ прошлымъ, такъ какъ это прошлое *есть*, его не вычеркнешь изъ нашей жизни; можно уважать иноземное, но не презирать своего родного, такъ какъ мы связаны съ нимъ—и этимъ самымъ прошлымъ, и всѣмъ нашимъ существованіемъ. Въ результатѣ два различныхъ потока: одни, преимущественно люди стараго поколѣнія, въ родѣ Неплюева, будутъ по прежнему видѣть единственно въ Петровской эпохѣ примѣръ и образецъ; другіе—сочтутъ необходимымъ вступиться съ посильнымъ отпоромъ общераспространенному взгляду о яко бы полной несостоятельности русскаго общества конца XVII вѣка.

Еще въ концѣ сороковыхъ годовъ Манштейнъ оспаривалъ мнѣніе, будто до Петра всѣ русскіе вообще были глупы и тупы. Онъ признавалъ въ массѣ народной сметку, здравый смыслъ въ размѣрѣ, пожалуй, даже большемъ, чѣмъ у другихъ народовъ Европы. Послѣ бѣдствій Смутнаго времени, говоритъ онъ,—русскіе съумѣли освободиться отъ Польши и Швеціи, вернуть потерянное и стать снова самостоятельною націею, а глупцу этого не сдѣлать. Сумароковъ, забывая о своихъ прежнихъ дифирамбахъ, такъ выражается на своемъ грубомъ нарѣчіи: „Бредятъ люди, проповѣдывающіе то, что мы до временъ Петра Великаго варвары или паче скоты были; предки наши были не хуже насъ, а сей послѣдній царь [Ѳеодоръ Алексѣевичъ] въ нашей древности былъ достойный братъ Петру Великому“. То же самое, но только еще съ бо́льшимъ авторитетомъ говоритъ академикъ Миллеръ: „На исторію Ѳедора можно смотрѣть, какъ на переходъ отъ великихъ дѣяній царя Алексѣя Михаиловича къ преобразованіямъ, совершеннымъ Петромъ Великимъ... Исторія должна справедливо... замѣтить, сколь многое уже было приготовлено отцомъ и братомъ Петра Великаго“.

Въ свою очередь Новиковъ съ горечью замѣчаетъ, что и самыя добродѣтели предковъ нашихъ подвергаются осмѣянію. Изданіемъ „Вивліоѳики“ онъ расчитывалъ противодѣйствовать этому направленію; онъ надѣялся, что читатели его сборника „съ восхищеніемъ познаютъ великость духа ихъ [предковъ], украшеннаго простотою. Полезно знать“—такъ наставляетъ онъ: „нравы, обычаи и обряды древнихъ чужеземскихъ народовъ; но гораздо полезнѣе имѣть свѣдѣніе о своихъ предкахъ; похвально любить и отдать справедливость достоинствамъ

иностранныхъ; но стыдно презирать своихъ соотечественниковъ, а еще паче и гнушаться оными". Защиту старины и борьбу противъ новомодныхъ французскихъ обычаевъ ведетъ и графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ, пользуясь для этого найденнымъ поученіемъ Владимира Мономаха.

Даже императрица Екатерина, относившаяся, какъ мы видѣли, къ Петру съ чувствомъ глубокаго уваженія, въ 1790 году, на предложеніе французскаго эмигранта Сенакъ де Мельяна написать исторію Россіи XVIII вѣка, ставитъ непремѣннымъ условіемъ не „утверждать, что Россія до Петра Перваго не имѣла ни законовъ, ни устройства, между тѣмъ какъ существовало совсѣмъ тому противное": Россія прежде „шла наравнѣ со всею Европою", и только смуты конца XVI и начала XVII вѣка „остановили ея успѣхи на 40 или 50 лѣтъ". Въ заботѣ о достоинствѣ русскаго имени Екатерина не допускаетъ и мысли, чтобы во славу одного человѣка стирали остальныхъ, уничтожали работу цѣлаго ряда поколѣній. Какъ бы предвидя, что Сенакъ де Мельянъ охотно наложитъ густыя тѣни на старую Русь, съ цѣлью ярче оттѣнить положительныя стороны XVIII вѣка, Екатерина спѣшитъ предупредить его, говоря, что питаетъ особенную любовь къ эпохѣ до-Петровской. „Никогда не надо забывать"—поучаетъ она французскаго историка: „что на каждомъ царствованіи лежитъ отпечатокъ своего времени, и что духъ вѣка можетъ раскрыть намъ такія стороны, какихъ мы никогда и не ожидали". Та же забота объ охранѣ древнихъ русскихъ доблестей руководила государыней, когда она составляла свои „Записки касательно Россійской исторіи".

Но никто изъ принадлежавшихъ къ числу защитниковъ до-Петровской Руси, не высказывался такъ опредѣленно за старину, какъ неизвѣстный авторъ „Мыслей о Россіи, или нѣкоторыхъ замѣчаній о гражданскомъ и нравственномъ состояніи русскихъ до царствованія Петра Великаго". Русскій вельможа, свой взглядъ онъ изложилъ по французски, въ отвѣтъ на запросы своихъ заграничныхъ друзей. Статья не предназначалась для печати и въ русскомъ журналѣ (*Вѣстникъ Европы*) появилась, къ сожалѣнію, въ сокращеніи. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ первымъ по времени трактатомъ, разсматривающимъ до-Петровскую Русь съ точки зрѣнія, которая позже получитъ названіе славянофильской. Авторъ прежде всего возстаетъ противъ французскихъ писателей за взглядъ ихъ на прежнихъ русскихъ, какъ на варваровъ,—за то, что они провозгласили Петра творцомъ нынѣшней Россіи, который, къ тому же, если и сталъ таковымъ,

то лишь благодаря содѣйствію иностранцевъ, въ родѣ Лефорта [a]). Но можно ли повѣрить, говоритъ авторъ, что „на верфяхъ амстердамскихъ Петръ узналъ свойство, силы и пособія обширной своей имперіи? Проѣзжая ли Францію, изслѣдовалъ онъ нравы, духъ и умъ своего народа? Академія ли Парижская,—которой представилъ онъ карту страны своей, начертанную имъ самимъ—открыла ему пространство его владѣній, ихъ границы и свойство его сосѣдей? Она ли научила его знать цѣну ремеслъ, произведеній рукъ человѣческихъ, и силу ихъ совокупнаго дѣйствія? Не регентъ ли герцогъ Орлеанскій, или малолѣтній король французскій вдохнули въ него ту пламенную дѣятельность, то мужество, ту твердость, ту любовь къ отечеству, то уваженіе къ истинѣ, которыя обнаруживались въ немъ даже въ минуты страшной запальчивости?“

Но кто рѣшается утверждать это, забываетъ, что изъ ничего ничего и не бываетъ, что Петръ дѣйствовалъ на почвѣ, подготовленной предшественниками: „конечно, царствованіе Петра знаменито въ лѣтописяхъ Россіи; но не можетъ почесться эпохою рожденія его государства“. Если бы Россія до Петра была ничѣмъ, то откуда же взяла она силы вынести всѣ тягости Смутнаго времени?.. Она ихъ нашла въ положительныхъ сторонахъ своего быта. „До Петра I, а особливо при жизни родителя его, россійскій народъ былъ единообразенъ въ своихъ обычаяхъ, твердъ въ правилахъ, благоразуменъ, прозорливъ и осмотрителенъ въ своихъ дѣйствіяхъ; наслажденія русскихъ состояли въ простыхъ произведеніяхъ здраваго смысла. Незнакомы были имъ изступленія и мечты распаленнаго воображенія, равно какъ и его очарованія. Никто не выказывалъ себя знающимъ то, чего не вѣдалъ, и всѣ довольны были тѣмъ, что знали. Промышленность ограничивалась предѣлами родной страны, и русскіе не желали наслажденій искусственныхъ и удовольствій иноземныхъ. Русскій на-

[a]) Можно допустить, что авторъ имѣлъ въ виду слѣдующія строки аббата Милло: „Un premier rayon de lumière conduit quelquefois les grands hommes à des succès incroyables. Il ne falloit au czar que des idées. Le Fort, genevois de mérite et de naissance, lui en donna et fut le principal instrument de la plus merveilleuse révolution. C'étoit un jeune homme que la vivacité de l'âge, et le désir de s'avancer avoient entraîné jusqu'à Moscou. Pierre le connut, lui accorda son amitié. Les plaisirs formèrent peut être les liens de cette union si solide. Mais dans les plaisirs même, la société de Le Fort étoit un germe de grands desseins. Il avoit beaucoup vu, et sans avoir rien approfondi par l'étude son génie pénétrant devoit éclairer et diriger celui du czar“ (L'Abbé Millot. Élémens d'histoire générale. T. IX. Seconde partie. Histoire moderne. T. V. Lausanne. 1775, p. 177).

родъ имѣлъ собственный свой характеръ—суровый, можетъ быть, для нашего вѣка, но характеръ прямой и честный, умѣвшій чувствовать свое достоинство".

Съ идеализаціей, подчасъ совершенно наивной изображается Красная площадь въ Москвѣ. Это своего рода биржа, современный клубъ, аѳинская стоа; сюда сходился каждый... „На сей-то Красной площади давались и принимались спасительные совѣты; отсюда каждый возвращался домой богатѣе познаніями и добродѣтелями. Тамъ старики учили молодыхъ должностямъ ихъ и обязанностямъ, тамъ простой мѣщанинъ дѣлалъ упреки молодому сыну боярина за то, что онъ рѣдко посѣщалъ сіе священное собраніе. Тамъ пылкая юность училась воздерживать себя, молчать и терпѣливо слушать старшихъ; тамъ всякій человѣкъ... почиталъ себя подверженнымъ суду народа". Царь Алексѣй, который вообще у автора представленъ идеальнымъ государемъ, любилъ смотрѣть изъ оконъ дворца своего на Красную площадь: „всѣ знали, что царь былъ свидѣтелемъ всего случившагося, всякій день доносили ему, что замѣчательное было говорено на площади, и какъ народъ о томъ думаетъ"... Это-то духовное общеніе главы государства съ его подданными и было лучшею гарантіею общественнаго блага Россіи.

Выше была отмѣчена положительная оцѣнка царствованія Ѳеодора Алексѣевича, сдѣланная Сумароковымъ и Миллеромъ; въ „Мысляхъ" она находитъ дальнѣйшее развитіе: „Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, достойный сынъ своего родителя, наслѣдовалъ престолъ и добродѣтели царя Алексія Михайловича, то же благочестіе, тѣ же чувства, тѣ же правила, то же вниманіе къ единообразности обычаевъ, то же раченіе образовать, поощрять, исправлять, совершенствовать духъ народа и возвышать моральную натуру подданныхъ чрезъ добросовѣстное поведеніе вельможъ и свое собственное. Царствованіе его было, къ несчастію, столь кратковременно, что не можетъ занимать великаго пространства въ исторіи. Государи добродѣтельные и мудрые государи, которые съ кроткимъ благоразуміемъ управляютъ ходомъ великихъ и маловажныхъ случаевъ, нечувствительно предуготовляютъ событіе происшествій, доставляющихъ намъ наслажденія тихія, но продолжительныя,—такіе государи менѣе дѣлаютъ впечатлѣнія на историковъ, нежели грозные исполины судорожными движеніями вводимыхъ новостей,—исполины, двигающіе вдругъ цѣлыми массами".

Заслуживаетъ вниманія и оцѣнка отношеній враждующихъ партій

въ малолѣтствѣ Петра, Нарышкиныхъ и Милославскихъ: „дѣло старшаго царевича было справедливо. Нельзя обвинять тѣхъ, кои, имѣя въ виду только право наслѣдства, и ничего не предусматривая, захотѣли возвести на престолъ царевича Іоанна". „Люди простосердечные", они попали въ сѣти царевны Софьи, которая умѣло воспользовалась ими для достиженія своихъ честолюбивыхъ цѣлей... Едва ли не впервые на всемъ протяженіи XVIII столѣтія къ тяжелой драмѣ, разыгравшейся въ царской семьѣ на исходѣ XVII вѣка, русская литература подошла не исключительно съ точки зрѣнія стороны побѣдившей. Правда, царевна Софья очерчена все тѣми же, давно знакомыми намъ, штрихами: но впервые не обѣлены были и дѣйствія Нарышкиныхъ, и впервые было дано почувствовать, что неправота однихъ, пожалуй, немногимъ была хуже беззаконія другихъ [39]).

Только что приведенные взгляды, какъ уже было замѣчено, отнюдь нельзя назвать нападеніемъ на Петра; но отъ обороны старины до отрицанія реформы, хотя бы только въ ея частяхъ, хотя бы и несущественныхъ, былъ всего одинъ шагъ. Мы видѣли, что ростъ просвѣщенія привелъ русское общество къ болѣе сознательной оцѣнкѣ *положительныхъ* сторонъ реформы, но онъ же, раздвигая рамки историческаго пониманія, далъ возможность увидать и ея *тѣневыя* стороны,—пробить первую брешь въ воздвигнутомъ алтарѣ, набросить первое облачко на лучезарный обликъ Петра. Не малое содѣйствіе въ этой разрушительной работѣ оказали и передовые мыслители Запада, оцѣнивавшіе историческую роль русскаго государя, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія принциповъ своего времени.

Не было, конечно, и среди нихъ недостатка въ безусловныхъ похвалахъ, хотя именно по этому самому таковыя зачастую сводились къ общимъ и мало говорящимъ фразамъ. Фонтенель, произнося свое „Похвальное слово" въ Парижской академіи, находился въ зависимости отъ условій и мѣста: своею рѣчью онъ долженъ былъ воздать честь памяти только что умершаго сочлена; въ характеристикѣ, набросанной Лакомбомъ, въ указаніяхъ на преобразовательную дѣятельность Петра, ставшаго „выше предразсудковъ и воззрѣній своей страны", главнымъ побужденіемъ автора было сказать что-нибудь лестное по адресу Екатерины I и императрицы Елизаветы, въ царствованіе которой появилась его „Histoire des révolutions de l'empire de Russie". Аббатъ Милло (Élémens d'histoire générale) не идетъ да-

лѣе шаблонныхъ фразъ, когда, на фонѣ всеобщаго варварства и отсутствія творческихъ началъ въ русскомъ народѣ, рисуетъ Петра чудомъ своего вѣка, какъ государя, положившаго начало всему, чѣмъ пользуется современная Россія.

Но уже Монтескье (De l'ésprit des lois), задолго до воцаренія Екатерины II, вполнѣ сочувствуя желанію Петра цивилизовать свой народъ и воспитать его въ духѣ европейскомъ, бросилъ, однако (въ 1749 г.), русскому царю упрекъ въ тираніи, въ коренномъ непониманіи *средствъ*, какими слѣдовало достигать намѣченныхъ цѣлей. Перемѣнять нравы и обычаи—говорилъ знаменитый президентъ бордосскаго парламента—возможно только нравами же, самою жизнью, а отнюдь не законами и не распоряженіями. Бритье бороды и замѣна длиннаго платья короткимъ были проведены насильственными мѣрами, тогда какъ слѣдовало прибѣгнуть къ примѣру и поощренію. Легкость и быстрота, съ какою Россія пошла по пути прогресса, лучше всего доказываютъ, что государь составилъ слишкомъ дурное о ней представленіе, и что его подданные вовсе не были болванами (des bêtes), какъ онъ ихъ называлъ. Насильственныя мѣры оказались безполезными, а между тѣмъ, того же самаго можно было бы достигнуть одною кротостью. Если Петръ и добился желаемыхъ результатовъ, то совершенно независимо отъ своихъ варварскихъ пріемовъ: прежніе нравы Московскаго государства не соотвѣтствовали условіямъ жизни (au climat), будучи явленіемъ наноснымъ, результатомъ столкновенія и смѣшенія съ народностями чуждыхъ культуръ. По существу народъ европейскій, русскіе отнюдь не нуждались въ царской дубинкѣ для воспріятія европейскихъ обычаевъ и европейскаго строя жизни,—и тамъ, гдѣ прибѣгали къ законодательнымъ мѣрамъ, гораздо проще было бы озаботиться о внушеніи и убѣжденіи.

Приговоръ значительно болѣе суровый и безнадежный высказалъ Ж.-Ж. Руссо (Du contrat social). Настоящей образованности—мрачно предсказывалъ онъ—у русскихъ никогда не будетъ: съ этимъ дѣломъ черезъ-чуръ поторопились. Геній Петра принадлежалъ къ числу подражательныхъ; это вовсе не тотъ истинный геній, что̀ творитъ изъ ничего. Положимъ, кое-что изъ созданнаго Петромъ оказалось ладнымъ; но бо́льшая часть была совершенно непригодна. Онъ сознавалъ, что его народъ варвары, но не понялъ того, что для настоящей культурной жизни русскіе еще не дозрѣли. Онъ хотѣлъ цивилизовать ихъ, тогда какъ слѣдовало попросту пріучить перепо-

сить невзгоды и трудности жизни. Вмѣсто того чтобы сдѣлать изъ нихъ русскихъ, онъ началъ передѣлывать ихъ въ нѣмцевъ и англичанъ; передѣлки, конечно, не удались и только помѣшали самобытному развитію націи. Петръ хотѣлъ завѣрить своихъ подданныхъ, что они то, чѣмъ на самомъ дѣлѣ не могли стать—ошибка, подобная той, въ какую впадаетъ наставникъ, желающій щегольнуть своимъ ученикомъ: послѣдній, дѣйствительно, блеснетъ, но на какую либо минуту, затѣмъ потухнетъ и уже навсегда. Ж.-Ж. Руссо пророчилъ печальную судьбу русскому народу: его поглотитъ татарское завоеваніе, отъ котораго, впрочемъ, не легче будетъ и Западной Европѣ.

Мабли (De l'étude de l'histoire) охотно признаетъ за Петромъ величіе характера, грандіозность замысловъ, удивляется жаждѣ познаній, энергіи, съ какою ломалъ онъ препятствія, встрѣчавшіяся на его пути. Вотъ образецъ для государей (восклицаетъ онъ), предавшихся праздности и нѣгѣ. Новый Прометей, Петръ сродни тѣмъ полубогамъ (ces enfants des dieux), что на зарѣ исторической жизни клали начало первымъ поселеніямъ и изъ людей, дотолѣ дико блуждавшихъ по лѣсамъ, организовали первыя человѣческія общежитія. При всемъ томъ Мабли считаетъ возможнымъ обратиться къ царю съ такою рѣчью: „Насколько прочно, государь, воздвигнутое вами зданіе? Не черезъ чуръ ли много вниманія обращено на внѣшность? Чего добраго, волшебное величіе вашего творенія исчезнетъ вмѣстѣ съ вами. При всемъ удивленіи, потомство можетъ упрекнуть васъ въ недостаточной заботѣ упрочить благо своей страны, и, кто знаетъ, можетъ быть, зло коренится въ самыхъ основахъ вашего управленія! Не слѣдовало черезъ чуръ увлекаться подражаніемъ Европѣ! Вдохнуть въ сердца своихъ подданныхъ жажду къ наживѣ и къ завоеваніямъ еще не значитъ получить право на званіе великаго законодателя. Начавши не съ главнаго, рискуешь разрушить и то, что сдѣлано. Вы создали матросовъ, инженеровъ, солдатъ, комерсантовъ, художниковъ, но не научили ихъ первоначальному — быть гражданами! Не верфями, не каналами и не плотинами удивляетъ насъ Голландія, но духовною силою, законами—вѣдь вотъ на чемъ зиждется ихъ свобода! Конечно, удивительно было видѣть васъ за работой на верфяхъ; но отъ васъ ждали не аттестата въ плотничьемъ искусствѣ—въ васъ ожидали найти законодателя. Учиться слѣдовало не строенію кораблей, а познанію страстей человѣческаго сердца, такъ какъ вамъ предстояло стать правителемъ обширнаго государства. Поѣздку въ Голландію не стоило

и предпринимать, если въ результатѣ ея осталось неяснымъ, что именно привело эту страну къ упадку; а что до Англіи, то она, право, могла научить васъ кое-чему болѣе важному, чѣмъ торговля и все то, что обусловило ея процвѣтаніе. Про Францію я ужъ и не говорю: изящество, вкусъ и легкость нравовъ, какіе вы тамъ нашли и хотѣли пересадить въ Россію, вѣдь это въ сущности тѣ же пороки, только въ заманчивой, привлекательной формѣ и столь же рѣзко идущіе въ разрѣзъ съ здравой политикой, какъ и то варварство, что вы искореняли у себя дома. Да, вы съумѣли создать армію, побѣдившую при Полтавѣ; путь, какимъ вы подготовили свои побѣды, равно и та возвышенная смѣлость, съ какой вы, посреди всѣхъ превратностей судьбы, продолжали вѣрить въ свою счастливую звѣзду, поистинѣ изумительны. Вы были безспорно великимъ вождемъ; но какъ полководецъ, обязанный работать для будущаго, какія мѣры приняли вы, чтобъ удержать своихъ солдатъ на прежнемъ уровнѣ и послѣ себя? Вы уничтожили стрѣльцовъ, но они все равно возродились въ лицѣ тѣхъ, кто низводилъ вашихъ преемниковъ и игралъ ихъ тропомъ, какъ игрушкой. Флотъ сдѣлалъ васъ господиномъ на Балтійскомъ морѣ; турецкій султанъ безпокойно слѣдитъ за вами на морѣ Черномъ, но что выиграла Россія, ставъ подозрительной въ глазахъ Европы? Что пользы въ увеличеніи арміи, если это ведетъ къ увеличенію войска и у сосѣдей? Къ чему завоеванія, когда у васъ и такъ довольно незаселенныхъ областей? Повсюду въ вашихъ дѣйствіяхъ виденъ полководецъ и завоеватель, вносящій ужасъ и трепетъ; а я, государь, предпочелъ бы видѣть въ васъ мудраго завоевателя, который закладываетъ основы вѣчнаго блага, стараясь пріобрѣсти себѣ союзниковъ умѣренностью, справедливостью своихъ законовъ. Готовьте своихъ подданныхъ къ войнѣ, но предварительно пусть они узнаютъ, что у нихъ есть родина, которую они должны любить и защищать до послѣдней капли крови. Что это за порядокъ, если онъ держится одной только личностью! Все погибло, если русскій народъ будетъ постоянно нуждаться въ такихъ государяхъ, какъ вы. Нѣтъ, необходимо создать такой строй, который могъ бы держаться и послѣ великихъ людей, и безъ нихъ, не боясь ничтожества и даже порочности своихъ владыкъ. Вотъ почему, повторяю, слѣдовало начать съ того, чтобы привить къ своимъ подданнымъ любовь къ закону, къ порядку, къ общественному благу. Чѣмъ вы ослабили невыносимый страхъ, всюду сопровождающій вашу власть? Не забывайте: онъ въ силахъ родить однихъ только наемниковъ и рабовъ. Даже въ мелочахъ, и тутъ вы только все приказы-

вали, вмѣсто того чтобы ловко и незамѣтно провести свою мысль. Повсюду я вижу бдительность, твердость, смѣлость, таланты Петра Великаго; но нигдѣ хорошаго управленія. Вашъ сенатъ лишенъ авторитета, заграницей вы видѣли національныя собранія, палаты депутатовъ, и вмѣсто того, чтобы завести такой же порядокъ и у себя, положивъ тѣмъ начало свободѣ, величію, общественному благу и любви къ родинѣ, вы удовольствовались выпискою иностранцевъ, порвавшихъ связь съ своей страной, людей безъ твердыхъ устоевъ и думавшихъ лишь о наживѣ. Чтобъ сдѣлать свое царствованіе полезнымъ, обезпечить долговѣчность своимъ законамъ, начните, государь, съ реформы собственной власти. Гражданинъ долженъ повиноваться правительству; но правительство само должно повиноваться законамъ. Вотъ принципъ разумнаго правленія". Въ заключеніе Мабли добавлялъ, что незнаніе принциповъ, на коихъ строится и держится счастье общественное, сбило геній Петра съ истиннаго пути.

Левекъ (Histoire de Russie), хотя и оспариваетъ съ большой энергіей и вооружившись значительнымъ количествомъ фактовъ мнѣніе Руссо о яко бы неспособности русскаго народа къ реформѣ, но и онъ, называя Петра „героемъ", „великимъ человѣкомъ", отказывается признать въ немъ генія: Петра, говоритъ Левекъ вслѣдъ за авторомъ Contrat social, хватило лишь на одно подражаніе, при чемъ онъ даже не чувствовалъ всего несовершенства этой подражательности. Несовершенна же была она потому что, желая поднять свой народъ на одинаковую ступень съ Европой, необходимо было поставить его и въ одинаковыя условія жизни. Удивляются успѣхамъ Россіи и приписываютъ ихъ Петру; на самомъ дѣлѣ послѣдній указалъ лишь дорогу, да и то системой своего управленія скорѣе мѣшалъ, чѣмъ содѣйствовалъ идти по ней: таланты слѣдуетъ ободрять; командовать ими, значитъ только забивать ихъ. У Петра была возможность прекрасно использовать свою самодержавную власть, понудивъ помѣщиковъ отпустить крестьянъ на волю; между тѣмъ изъ-за соображеній финансовыхъ царь прикрѣпилъ ихъ еще сильнѣе. Желая насадить у себя промышленность по примѣру Англіи и Германіи, онъ полагалъ, что достаточно перенять ихъ пріемы, забывая, что прежде всего слѣдовало начать съ подражанія той системѣ управленія, какого держались въ этихъ странахъ. Деспотизмъ царя привелъ не къ процвѣтанію торговли, а къ ея упадку. Наконецъ, и похвалы, расточаемыя Петру, какъ законодателю, допустимы лишь съ большой оговоркой: изданные законы въ большей части заимствованы у другихъ; свода

законовъ выработано не было, и въ то же время остались въ силѣ старые, отжившіе свой вѣкъ законы, а новые, изданные самимъ царемъ, были отмѣнены или все равно будутъ отмѣнены его преемниками.

Было бы однако ошибкой, продолжаетъ Левекъ, отказать царю въ уваженіи къ его памяти. Даже презирая свой народъ, онъ желалъ ему блага; рѣзкіе контрасты дѣлаютъ изъ Петра какъ бы двѣ разныхъ личности, но это было слѣдствіемъ недостатковъ воспитанія. Выросшій въ понятіяхъ безграничнаго самовластія, правосудіе онъ постоянно смѣшивалъ съ жестокостью, доходящей до размѣровъ, способныхъ возмутить человѣческое чувство; убѣжденный въ невозможности оставлять преступленіе ненаказаннымъ, онъ иной разъ не отличалъ виновнаго отъ невиннаго; какъ государь, Петръ вызывалъ трепетъ въ своихъ подданныхъ; какъ человѣкъ, онъ держалъ себя совершенно запросто съ самымъ послѣднимъ изъ нихъ. Требуя безграничнаго повиновенія своимъ приказаніямъ, онъ въ минуты, когда переставалъ быть государемъ, превращался въ корабельнаго плотника, въ простого голландскаго матроса. Черезъ чуръ важный на тронѣ, онъ становился черезъ чуръ простымъ человѣкомъ, лишь только сходилъ съ него. Хранитель вѣры, онъ ставилъ помѣхи внѣшнему проявленію религіознаго чувства; врагъ духовенства — профанировалъ церковные обряды съ цѣлью высмѣять его въ глазахъ народныхъ. Съ сердцемъ, открытымъ для дружбы, устойчивый въ симпатіяхъ, онъ умѣлъ достичь того, что друзья забывали въ немъ своего владыку; зато въ минуты гнѣва и вспышки, этихъ самыхъ друзей онъ швырялъ на земь, своеручно билъ палкой и, въ угарѣ вина, бросался на нихъ съ обнаженною шпагой. Требовательный къ самому себѣ, онъ могъ любить только тѣхъ, кто не боялся упорнаго труда и умѣлъ забывать о себѣ, не щадя жизни и здоровья, все равно, было ли это на полѣ брани, на волнахъ бушующаго моря или за пьянымъ столомъ, среди распутства и всякаго рода излишествъ. Поклонникъ талантовъ, онъ ихъ откапывалъ и набиралъ изъ самыхъ подонковъ общества, поднимая до подножія трона, возводя на самый тронъ. Врагъ нерадивости, выше мѣръ ревностный къ созданнымъ имъ учрежденіямъ, если только онъ считалъ ихъ полезными, Петръ осудилъ родного сына; реформаторъ, онъ хотѣлъ культивировать нравы наиболѣе благородные и въ то же время явилъ собою зрѣлище государя, снизошедшаго до распутства, до самыхъ грубыхъ наслажденій и грязныхъ пороковъ. За благо, которое онъ желалъ дать людямъ, Петръ

заслуживаетъ признательности; а за свои ошибки—онъ достоинъ сожалѣнія.

Болѣе мягкія ноты въ сужденіяхъ Дидеротовской „Энциклопедіи“; но и здѣсь мы не найдемъ данныхъ для сплошного апоѳеоза: нельзя не подчеркнуть того факта, что „Энциклопедія“ едва ли не раньше всѣхъ подошла къ царствованію Петра, какъ къ явленію историческому: вмѣсто *творца* Новой Россіи она нашла, что первый сводъ законовъ, какъ ни мало совершенъ былъ онъ, изданъ Алексѣемъ Михайловичемъ; что еще отецъ Петра заводилъ полотняныя и шелковыя фабрики, населялъ пустынные берега Волги и Камы; создалъ, насколько это было возможно ему, обученное, дисциплинированное войско; вызывалъ иностранцевъ, сдѣлалъ попытку къ созданію флота, — однимъ словомъ, подготовилъ то дѣло, улучшить которое послѣ него выпало на долю Петра, его сына. При этомъ, воздавая должное Петру, „Энциклопедія“ не закрывала глазъ на то, что заимствованная культура еще не успѣла пустить достаточно глубокихъ корней, лишая увѣренности въ томъ, что новая полоса варварства (quelque intervalle de barbarie) не сломитъ и не уничтожитъ всего.

Въ той же „Энциклопедіи“, устами одного изъ своихъ сотрудниковъ, шевалье де Жокуръ, Дидро уже прямо, рядомъ „съ большими достоинствами“, выдвигалъ и существенные недочеты (grands défauts) Петра Великаго. Знакомство съ Европой, обильный запасъ наблюденій не въ состояніи были сгладить жестокость характера, подавить вспышки гнѣва, умѣрить деспотическія замашки. Выводъ помѣщиковъ изъ помѣстій привелъ ихъ къ раззоренію, вызвалъ увеличеніе налоговъ; Петръ ослабилъ вліяніе сената, стѣснявшаго царя въ его абсолютизмѣ; лишилъ довѣрія лицъ достойныхъ и облекъ имъ Меншикова, совсѣмъ того не заслужившаго (qui n'étoit d'ailleurs qu'un petit génie). Своимъ шутовскимъ „славленьемъ“ Петръ содѣйствовалъ порчѣ нравовъ; расширеніе государственной границы было куплено цѣною раззоренія центральныхъ областей, а насильственное превращеніе аристократической молодежи въ солдатъ и матросовъ шло рука объ руку со всевозможнаго рода излишествами европейской роскоши въ придворной жизни; столица и торговля были перенесены на окраину имперіи; попытки же оправдать себя въ глазахъ свѣта по отношенію къ сыну царю, конечно, не удались: самыя заблужденія царевича не результатъ ли плохого воспитанія, ему даннаго?

Не столько историкъ, сколько сынъ своего вѣка слышится и въ приговорѣ Кондильяка (Histoire moderne): прежде чѣмъ думать о раз-

витіи торговли, слѣдовало поднять земледѣліе; слишкомъ тѣсное сближеніе съ Европой, соприкосновеніе съ странами, уже испорченными дурнымъ правленіемъ, ознакомило Россію больше съ пороками, чѣмъ съ положительными качествами; уничтоженіе стрѣльцовъ и замѣна ихъ новою гвардіею дѣла по существу не измѣнили: произволъ и деспотизмъ отъ этого ничуть не ослабли.

Тотъ же, по преимуществу, моральный критерій преобладаетъ и въ отзывѣ Феррана: авторъ L'ésprit de l'histoire признаетъ геніальность Петра, смѣлость и грандіозность его замысловъ, но ставитъ ему въ вину насильственное измѣненіе обычаевъ, народныхъ привычекъ и предразсудковъ внѣшнимъ путемъ законодательства: безформенной глыбѣ нельзя мгновенно придать рѣзко очерченныя формы и отъ пассивнаго варварскаго народа, пребывающаго въ спячкѣ, нельзя требовать, чтобы онъ проснулся и сразу воспринялъ культуру, ставъ воиномъ, морякомъ и коммерсантомъ.

Какъ ни различны исходныя точки зрѣнія названныхъ писателей, но въ ихъ оцѣнкѣ Петровской реформы не трудно уловить одну общую ноту. И на требованіяхъ Монтескье, для котораго залогъ прочности общественнаго и государственнаго строя лежитъ въ свободномъ проявленіи человѣческаго духа и въ совмѣстной гармоничной работѣ творческихъ силъ страны: природы и населенія; — и на мрачныхъ предсказаніяхъ Руссо, съ такой безжалостностью вычеркнувшаго Россію изъ предѣловъ европейской цивилизаціи, считая то и другое понятіями несовмѣстимыми; — и на Мабли, этомъ моралистѣ, съ его утопическими мечтами о соціальномъ равенствѣ, съ его ненавистью къ личному стяжанію; и на матеріалистѣ Дидро, пламенномъ врагѣ деспотизма; и на сенсуалистѣ Кондильякѣ, и на всѣхъ остальныхъ лежитъ отпечатокъ того вѣка, къ которому они принадлежали: законность и право, уваженіе къ личности, равенство и свободный духъ—вотъ общій крикъ времени, и могъ ли онъ ужиться съ деспотическими проявленіями воли, хотя бы и геніальной, но все ломающей и обезличивающей? Абсолютизмъ XVII вѣка съ его безсердечными, жесткими формами еще не переставъ оставаться абсолютизмомъ, но уже сталъ „просвѣщеннымъ“, гуманизировался и потому тяготился грубымъ насиліемъ. Не даромъ же и въ Россіи мечтали въ Петрово „тѣло“ вдохнуть Екатерининскую „душу“ [40]).

Извѣстный сподвижникъ Екатерины II въ области воспитанія, И. И. Бецкій категорически подчеркиваетъ односторонность въ реформахъ Петра и говоритъ, что утилитарный взглядъ на образованіе оказался

невѣрнымъ, а одна внѣшность, только и перенятая съ Запада,—очень плохою гарантіей противъ невѣжества. Если дворяне, посланные Петромъ заграницу, и вернулись съ знаніемъ, то, имѣя открытый путь къ почестямъ и повышеніямъ, не „упражнялись“ въ этомъ знаніи. Кто же „изъ подлости“ попалъ въ образованные люди, тѣ „скорѣе еще въ прежнее невѣжество и самое небытіе возвратились“. Опытъ доказалъ, что одно образованіе недостаточно: необходимо также воспитаніе, основанное на нравственныхъ началахъ.

И. Н. Болтинъ, извѣстный критикъ книги Леклерка, выходитъ, какъ и императрица Екатерина, изъ знакомой намъ формулы Монтескье—русскій народъ есть народъ европейскій—но, подобно автору „Наказа“, Болтинъ не ограничивается однимъ констатированіемъ факта, а идетъ значительно дальше: быть европейскимъ народомъ, по его мнѣнію, значитъ, обладать способностью къ развитію и совершенствованію. Формула Монтескье, въ глазахъ Болтина, есть признаніе того, что духовный, общественный и государственный ростъ русскаго народа совершается по тѣмъ же основаніямъ, что и у его западныхъ сосѣдей. Но если Россія и Европа въ духовномъ отношеніи понятія однородныя, вполнѣ соизмѣримыя, то это еще не значитъ, что русская жизнь не обладаетъ индивидуальными чертами—эти черты есть, онѣ сложились и окрѣпли въ горнилѣ нашего историческаго прошлаго и выражаются въ нравахъ, привычкахъ, въ домашнемъ обиходѣ, въ вѣрованіяхъ, симпатіяхъ и антипатіяхъ. Бытъ народный есть нѣчто, вросшееся глубокими корнями, и перемѣны въ немъ могутъ совершаться лишь медленно и постепенно. Вотъ почему истинно-государственный умъ не только съ уваженіемъ отнесется къ народному быту, но и съ большою осторожностью, съ большимъ знаніемъ человѣческаго сердца приступитъ, если это окажется нужнымъ, къ измѣненіямъ народныхъ обычаевъ и нравовъ. „Не должно“—замѣчаетъ Болтинъ—„вводить насиліемъ перемѣнъ въ народныхъ началахъ и образѣ умствованія ихъ, а оставлять времени и обстоятельствамъ ихъ произвести“. Можно считать пустымъ предубѣжденіемъ нежеланіе донскихъ казаковъ разстаться съ своими бородами—но развѣ лучше, если они обрились противъ своего желанія? „Кажется, можно имъ то позволить“.

Опасность быстрой перемѣны нравовъ Болтинъ видитъ между прочимъ въ доступности поѣздокъ заграницу. До Петра Великаго „не всякой могъ безъ разбора выѣзжать“, потому что для пребыванія въ чужихъ земляхъ, для соприкосновенія съ иноземнымъ строемъ жизни требовался „зрѣлой разумъ и утвержденіе въ отеческомъ законѣ и

нравахъ. Людямъ молодымъ, ненадежнаго ума и поведенія, недозволяемъ былъ выѣздъ, изъ мудрыя предосторожности, чтобъ не заразить ихъ вредными новостями". Петръ, однако, думалъ иначе: ему казалось, будто стоитъ только съѣздить заграницу, и—просвѣтишься; „но опытъ оправдалъ стариковъ нашихъ мнѣніе, что вмѣсто ожиданной пользы вышелъ изъ того вредъ. Большая часть изъ посланныхъ имъ возвратилися не просвѣщеннѣе, не умнѣе, но порочнѣе и смѣшнѣе, нежели были".

Вотъ какую печальную картину рисуетъ Болтинъ: „Съ тѣхъ поръ какъ юношество свое стали мы посылать въ чужіе краи и воспитаніе ихъ ввѣрять чужестранцамъ, нравы наши совсѣмъ перемѣнилися; съ мнимымъ просвѣщеніемъ насадилися въ сердцахъ нашихъ новыя предъубѣжденія, новыя страсти, слабости, прихоти, кои предкамъ нашимъ были неизвѣстны; погасла въ насъ любовь къ отечеству, истребилася привязанность къ отеческой вѣрѣ, обычаямъ и проч.; итакъ мы старое позабыли, а новаго не переняли, и, ставъ непохожими на себя, не сдѣлалися тѣмъ, чѣмъ быть желали. Сіе все произошло отъ торопливости и нетерпѣнія; захотѣли сдѣлать то въ нѣсколько лѣтъ, на что потребны вѣки; начали строить зданіе нашего просвѣщенія на пескѣ, не сдѣлавъ прежде надежнаго ему основанія".

Таковъ Болтинъ. Тотъ же духъ критики слышится и въ одномъ литературномъ произведеніи, гдѣ подъ общераспространенною формой такъ называемаго „Разговора" выведенъ Лейбницъ, съ теоріей самодержавной, но проникнутой патріотизмомъ и любовью къ подданнымъ, власти; Меншиковъ, охотнѣе опирающійся на силу внѣшнюю, на страхъ; и, наконецъ, Петръ Великій, готовый признать справедливость перваго мнѣнія, но безъ желанія разстаться съ выгодною стороною второго воззрѣнія.

Все это, однако, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что говоритъ княгиня Ек. Ром. Дашкова. Критика тѣхъ сводится къ указанію *частныхъ*, хотя бы, въ отдѣльности, даже и крупныхъ, недостатковъ Петра: какъ ни горько Болтину констатировать неуваженіе Петра къ русской старинѣ, но въ цѣломъ образъ русскаго императора для него все же полонъ величія и обаянія. „Петръ Великій" — говоритъ онъ — „былъ вкупѣ и побѣдоносецъ, и герой, и насадитель наукъ и художествъ, и покровитель ученыхъ". Не то кн. Дашкова. Она низводитъ съ пьедестала *всего* Петра и отказываетъ ему уже не въ мелочахъ, но въ самомъ основномъ.

Задолго до Петра, замѣчаетъ княгиня,—русскіе покорили царства

Казанское, Астраханское и Сибирское; предметы русскаго искусства, особенно живописи, восходятъ къ самымъ отдаленнымъ временамъ; еще со временъ до-монгольскихъ хранится столько литературныхъ памятниковъ, сколько вся остальная Европа не имѣетъ ихъ. Считать поэтому Петра за творца Россіи было бы самымъ грубымъ заблужденіемъ; его „твореніе“ не болѣе, какъ „мнимое“ (cette prétendue création). Петръ былъ геніаленъ, полонъ энергіи, стремился къ улучшеніямъ, но у него не хватало воспитанія сдерживать свои порывы. Полный насилія, настоящій деспотъ, онъ обращался со всѣми, какъ съ рабами; недостатокъ образованія мѣшалъ ему видѣть, что многое, насильственно имъ вводимое, давно уже спокойно прививалось, благодаря времени, торговымъ сношеніямъ и примѣру. Петръ не исказилъ бы характера народнаго, не дай онъ такого предпочтенія иностранцамъ, не подорви уваженія къ законамъ, не столь часто мѣняй ихъ. Свобода гражданъ была уничтожена, создано военное управленіе. Построеніе Петербурга— сущее тиранство, и все изъ-за тщеславнаго желанія прослыть творцомъ и великимъ созидателемъ. Тысячи людей безжалостно приносились въ жертву, чтобы возвести столицу на невскихъ болотахъ. Построили адмиралтейство у рѣки, а морскія суда не могутъ итти дальше Кронштадта!.. Наконецъ, совсѣмъ не дѣло Петра было лазить по мачтамъ и работать съ топоромъ на верфяхъ. Къ чему было посылать знатныхъ людей заграницу учиться ремесламъ и дѣлать изъ дворянъ какихъ-то садовниковъ, кузнецовъ, рудокоповъ? Если нуждались въ рабочихъ рукахъ, то каждый дворянинъ охотно послалъ бы за себя трехъ-четырехъ человѣкъ своей дворни.

Стремительный, бурный потокъ Петровскаго царствованія, насильственность реформъ и ужасы, неразрывно съ нею связанные, оскорбляютъ Дашкову и заставляютъ ее содрогаться. Минутами она разражается по адресу Петра настолько страстной филиппикой, что становится уже прямо несправедливой. „Этотъ блистательный тиранъ“— восклицаетъ она—„этотъ невѣжда, принесшій въ жертву прекрасныя учрежденія, законы, права и привилегіи своихъ подданныхъ честолюбивому стремленію передѣлывать все безъ различія, не выдѣляя полезнаго, хорошаго и дурного, — тиранъ, кого иностранные писатели, по невѣжеству или недобросовѣстности, провозгласили создателемъ великой имперіи, которая однако до него играла роль гораздо болѣе видную, чѣмъ при немъ самомъ“!..

Если слабыя стороны оцѣнки кн. Дашковой бросаются сами собою въ глаза, то самыя воззрѣнія ея крайне любопытны для насъ, какъ

отраженіе времени. Грубыя формы эпохи преобразованія уже оскорбляли нравственное чувство современниковъ Екатерины. Воспитаніе сердца, уваженіе къ личности, сознаніе, что убѣжденіе слѣдуетъ цѣнить выше физической силы; наконецъ, просто голосъ женщины,— все сказалось въ нападкахъ Дашковой. Она смотритъ на эпоху Петра, какъ на фактъ, и мѣряетъ его аршиномъ конца XVIII вѣка, будучи не въ состояніи еще стать на историческую точку зрѣнія, не невозможную однако для другихъ.

Но не одинъ гуманизмъ и голосъ женщины слышится въ словахъ княгини Дашковой. Ея недовольство превращеніемъ дворянства въ „какихъ-то садовниковъ, кузнецовъ, рудокоповъ"—сродни тому протесту, что̀ заявилъ значительно раньше ея еще графъ Ѳ. М. Апраксинъ, который, увидя, что дворянскія дѣти, по распоряженію Петра, были вынуждены вбивать сваи на р. Мойкѣ въ воздвигаемомъ Петербургѣ, демонстративно снялъ свои регаліи и самъ взялся за эту унизительную на его взглядъ работу. Это протестъ оскорбленной *дворянской* чести. Идея „бѣлой кости" сдѣлала въ высшихъ кругахъ русскаго общества большіе успѣхи въ XVIII стол. на почвѣ той обособленности и привилегированнаго положенія, въ какое поставили дворянскій классъ мѣропріятія преемниковъ перваго императора. Не трудно видѣть, что въ упрекѣ Дашковой, недовольной предъявленнымъ къ дворянамъ требованіемъ учиться кузнечному мастерству и горному дѣлу, когда всѣмъ этимъ презрѣннымъ ремесламъ могла посвятить себя и простая челядь,—въ упрекѣ этомъ сказалось сословное высокомѣріе. Дашковой остался непонятенъ Петръ съ его воззрѣніемъ на производительный трудъ, какъ на могущественный факторъ въ соціальныхъ отношеніяхъ людей, не только не унижающій, но облагораживающій человѣка и содѣйствующій большей солидарности между людьми.

Такимъ образомъ, мы видимъ, критическая мысль второй половины XVIII вѣка, останавливаясь на тѣневыхъ сторонахъ реформы, выходила въ своемъ приговорѣ изъ трехъ основаній: она находила необходимымъ считаться съ требованіями гуманности; она требовала уваженія къ своей родной старинѣ, къ вѣками слагавшимся взглядамъ и привычкамъ; наконецъ, она выдвинула соображенія „дворянской чести" и мѣрку узко-сословныхъ интересовъ [41]).

Разобранными мнѣніями не исчерпываются однако воззрѣнія второй половины XVIII вѣка на Петра. Подлѣ безусловныхъ поклонниковъ царя, подлѣ сторонниковъ XVII вѣка, еще остерегающихся произнести слово осужденія, и, наконецъ, подлѣ критиковъ, осмѣлившихся заявить

свое недовольство, можно подмѣтить особую группу,—правда, самую малочисленную, но за то въ извѣстномъ отношеніи едва ли и не самую интересную. Въ то время, какъ первыя группы въ сущности только варьируютъ взгляды современниковъ Петра и непосредственно слѣдующаго за нимъ поколѣнія, здѣсь, наоборотъ, мы имѣемъ дѣло съ попыткою оцѣнить дѣятельность государя не подъ угломъ личныхъ симпатій и настроеній, а пріемами, напоминающими пріемы историка, научнаго изслѣдователя. Субъективныя соображенія уступаютъ мѣсто объективному пониманію: преобразователь разсматривается, какъ явленіе историческое, и судъ надъ нимъ произносится примѣнительно къ условіямъ его времени. Говоря это, мы имѣемъ въ виду Радищева и Щербатова.

Радищевъ издалъ въ 1789 году небольшую брошюрку, посвященную воспоминаніямъ о торжествѣ открытія памятника Петру на Сенатской площади. При бѣгломъ чтеніи этого „Письма къ другу, жительствующему въ Тобольскѣ“, можно, пожалуй, причислить Радищева къ толпѣ безусловныхъ почитателей царя; но, вчитываясь внимательнѣе, мы натолкнемся на мысли, которыя плохо вяжутся съ хвалебнымъ тономъ. Въ нихъ ясно проглядываетъ возможность для автора *критическаго* отношенія къ преобразователю. Частный человѣкъ, разсуждаетъ онъ,—гораздо скорѣе станетъ великимъ: достаточно для этого выдаться одною какою-нибудь стороною; а чтобы стать великимъ государемъ, надо обладать многими добродѣтелями. По мнѣнію Радищева, Петръ великъ уже однимъ тѣмъ, что привелъ въ движеніе такую громаду, какъ Россія, остававшуюся до него неподвижною. Первый толчокъ, данный имъ, обусловилъ послѣдующее движеніе и улучшенія. Руссо ошибался, отрицая въ русскомъ царѣ крупныя государственныя заслуги: Петръ поистинѣ „мужъ необыкновенный, названіе великаго заслужившій правильно“. Но въ похвалахъ Радищева довольно отчетливо слышится переводчикъ Мабли, будущій авторъ оды „Вольность“ и „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“: по его мнѣнію, Петръ могъ бы быть еще славнѣе, „утверждая *вольность частную*“. Радищевъ охотно бы привѣтствовалъ добровольное сложеніе съ себя Петромъ неограниченной власти, и потому тѣмъ болѣе темнымъ пятномъ на преобразовательной дѣятельности царя кажутся ему тѣ мѣры, которыя эту „вольность“ не только не „утвердили“, но, наоборотъ, давили и уничтожали,—какъ, напримѣръ, окончательное закрѣпленіе крестьянъ за классомъ помѣщиковъ.

Что высказано у Радищева только мелькомъ и вскользь, то возво-

дится на степень опредѣленнаго взгляда у кн. М. М. Щербатова. Въ основу оцѣнки положена критика, изслѣдованіе; подчеркивается не то, что *нравится*, а то, что *должно было быть*. Образъ Петра становится результатомъ *пониманія*, отнюдь не *чувства*. Объективное изслѣдованіе дало возможность подмѣтить и признать въ твореніи Петра одинаково и хорошее, и дурное; и если *по формѣ* Щербатовъ, въ духѣ своего времени, *защищаетъ* хорошее въ Петрѣ, *нападаетъ* на его дурное, то *по существу* онъ прежде всего *объясняетъ* и то, и другое.

Величіе Петра, говоритъ Щербатовъ въ своемъ „Отвѣтѣ гражданина на рѣчь оберъ-прокурора сената Неклюдова“, несравнимо ни съ чьимъ инымъ, и потому возмутительно видѣть „дерзновенную“ попытку „ругательнымъ образомъ“ сравнивать съ царствующей императрицею Екатериною того государя, который былъ „основателемъ всего просвѣщенія Россіи, первый содѣтель нынѣшней ея славы“. Я ни у кого не хочу отнимать, замѣчаетъ Щербатовъ, и менѣе всего у самой Екатерины, способностей „сравняться разумомъ, величествомъ души“ съ Петромъ Великимъ; но ни у кого не было, какъ у него, подходящаго случая проявить въ себѣ таковыя силы. Всѣ нынѣ царствующіе государи нашли свои народы уже просвѣщенными, фундаментъ заложеннымъ—имъ оставалось только продолжать начатое; Петръ же, наоборотъ, нашелъ одну грубость, суевѣріе, непросвѣщеніе, старые предразсудки, освященные вѣками и закономъ; ему предстояло устроить все заново, смягчить нравы, изгнать суевѣріе, побѣдить предубѣжденіе противъ иностранцевъ—а для этого ввести просвѣщеніе, котораго боялись такъ же, какъ больной боится солнечнаго луча; создать армію на новыхъ началахъ, обучить инженеровъ, „завести флотъ, учредить торговлю, отрѣшить противуборника монаршей власти—патріарха, установить синодъ, содѣлать разныя правительства и назначить имъ предѣлы, умножить доходы, и для сего всего создать людей, которыхъ оставилъ преемникамъ своимъ, и пр., и пр. И все сіе среди бунтовъ и войны! То малое сіе начертанное, слабымъ перомъ изображенное, не умалитъ ли всякаго государя, нынѣ живущаго“?

Въ другомъ сочиненіи—въ статьѣ „Разсмотрѣніе о порокахъ и самовластіи Петра Великаго“—Щербатовъ подчеркиваетъ еще сильнѣе заслуги царя. „Не дерзну я“—говоритъ онъ—„слабымъ моимъ перомъ описывать дѣла и достойныя похвалы Петра Великаго: величайшій къ сему надлежитъ имѣть разумъ, и подвигъ бы мой сей былъ болѣе

къ уменьшенію его славы, нежели ко умноженію оной. Гласятъ его хвалы“ флотъ и армія, основанные имъ города и крѣпости, покоренныя области, просвѣщеніе народное, звучныя побѣды и удивленіе иноземныхъ народовъ. „Гласятъ его хвалу сердца россійскаго народа, ибо, хотя миновался тотъ родъ, который имѣлъ счастіе при толь великомъ государѣ жить, но и потомки того, вѣрные слуги отечества, съ восхищеніемъ воспоминаютъ его великія дѣла, и къ мертвому толико любви и усердія являютъ, яко бы дѣйствительно онъ живъ былъ, и могли бы воздаянія отъ него за усердіе свое ожидать“. Слава Петра подобна великой рѣкѣ: чѣмъ болѣе удаляется она отъ истока, тѣмъ пространнѣе становится. Кто помнитъ, чтобъ Петра звали Петромъ Первымъ? Само собой, безъ указу и повелѣнія, къ имени Петра приросло наименованіе „Великій“; „и дѣти наши въ юности своей едва ли и знаютъ, кто былъ Петръ Первый, но имя Петра Великаго, купно съ благодарностію и съ удивленіемъ, въ сердцахъ ихъ напечатлѣно“.

Но объективный анализъ дастъ въ руки екатерининскому историку-публицисту матеріалъ не для однихъ восхваленій: у Щербатова есть что сказать и въ порицаніе Петра, отмѣтить и тѣневыя стороны реформы, что, конечно, только удваиваетъ вѣскость оцѣнки ея положительныхъ сторонъ, ибо тѣмъ меньше основаній заподозрить искренность словъ Щербатова и видѣть въ нихъ однѣ только фразы и пустую риторику. Въ своемъ знаменитомъ разсужденіи „О повреждеіи нравовъ въ Россіи“ Щербатовъ говоритъ, что реформа, выбивъ насъ изъ прежней колеи, пустила по рискованной дорогѣ внѣшнихъ заимствованій, привела къ паденію нравственныхъ устоевъ. Ослабло чувство религіозное; законъ, порядокъ гражданскій—перестали уважать; явилась продажность судей; нѣтъ болѣе почтенія дѣтей къ родителямъ, заботы родителей о дѣтяхъ; нѣтъ искренней любви между мужемъ и женою; связи родственныя, дружба, вѣрность государю, любовь къ отечеству, твердость духа, „дабы не токмо истину предъ монархомъ сказать, но ниже временщику въ беззаконномъ и зловредномъ его намѣреніи попротивиться“—ничего этого не замѣчаетъ болѣе Щербатовъ въ современномъ ему обществѣ русскомъ. Что до причины такого печальнаго явленія, то послѣднее коренится, по мнѣнію автора, въ „перемѣнѣ“, заведенной Петромъ; перемѣна эта, „можетъ быть“ и „нужна“ была, но во всякомъ случаѣ „излишняя“, т. е. черезъ чуръ въ крайнихъ дозахъ преподнесена. За „людскостью“ отношеній вошла роскошь, а съ нею и жажда наживы: въ государѣ

и вельможахъ стали цѣнить не ихъ самихъ, а лишь источникъ наградъ и обогащенія. „Грубость нравовъ уменьшилась, но оставленное ею мѣсто лестію и самствомъ [a]) наполнилось. Оттуда произошло раболѣпство, презрѣніе истины, обольщеніе государя и прочія зла, которыя днесь при дворѣ царствуютъ и которыя въ домахъ вельможей вогнѣздились".

Воспитанный въ традиціяхъ родового дворянства, въ царствованіе Екатерины II не только не ослабшихъ, но нашедшихъ себѣ еще болѣе благопріятныя условія развитія, Щербатовъ, подобно княгинѣ Дашковой, сильно задѣтъ демократическими тенденціями Петра, предоставившаго своею табелью о рангахъ преимущество службѣ передъ происхожденіемъ; онъ недоволенъ тѣмъ, что служба поставила на одну доску господъ и холопей, тѣмъ, что уничтоженіе мѣстничества, не будучи замѣнено „никакимъ правомъ знатнымъ родамъ, истребило мысли благородной гордости во дворянахъ".

Далѣе, уничтожая суевѣріе, вѣру въ чудесное, Петръ, по мнѣнію Щербатова, неосторожно подорвалъ и самое чувство религіозное. Такъ неискусный садовникъ отрѣзываетъ у слабаго дерева „водяныя, пожирающія его сокъ, вѣтви": обладай дерево сильными корнями, подобная операція принесла бы ему одну пользу; но, будучи слабымъ и больнымъ, растеніе, потерявъ питавшія его вѣтви, „новыхъ плодовитыхъ вѣтвей не произвело", ранъ не затянуло—и вотъ образовались дуплы, грозящія дереву гибелью. „Такъ урѣзаніе суевѣрій и на самыя основательныя части вѣры вредъ произвело: уменьшилось суевѣріе, но уменьшилась и вѣра; исчезла рабская боязнь ада, но исчезла и любовь къ Богу и къ святому Его закону; а нравы, за недостаткомъ другого просвѣщенія, исправляемые вѣрою, потерявъ подпору, въ развратъ стали приходить".

Сильно осуждаетъ Щербатовъ Петра и за его разводъ съ первой женою, за второй бракъ съ Екатериной: примѣръ нарушенія таинства супружества, „ненарушимаго въ своемъ существѣ, показалъ, что безъ наказанія можно его нарушать".

Такъ отзывается Щербатовъ о скорбныхъ явленіяхъ преобразовательной эпохи. Но въ такомъ случаѣ, если онъ правъ, то не противорѣчатъ ли недостатки Петра его достоинствамъ? Отнюдь нѣтъ. Разумѣется, для тѣхъ, кому Петръ рисовался, какъ „богъ Россіи", или какъ „антихристъ", такое совмѣщеніе положительнаго и отрица-

---

[a]) Эгоизмомъ.

тельнаго показалось бы непримиримымъ; но для Щербатова Петръ есть прежде всего человѣкъ,—правда, великій, съ небывалымъ размахомъ, съ необычайною силою, но все же только человѣкъ, которому, значитъ, доступны и всѣ человѣческія слабости и недостатки. Что не совмѣстилось бы въ умѣ Ломоносова или солдата Евѳимія, то легче укладывается въ пониманіи Щербатова. На этотъ счетъ у него даже и вопроса не возникаетъ. Вмѣсто таковаго онъ предпочитаетъ поставить другой: *отчего* и *какъ* все это случилось и произошло? и пытается выяснить этотъ вопросъ въ трактатѣ „О порокахъ и самовластіи Петра Великаго“.

Оцѣнивать Петра необходимо *въ связи съ условіями его времени*— вотъ какое положеніе выдвигаетъ, хотя и не въ этихъ самыхъ выраженіяхъ, Щербатовъ. Петра обвиняютъ въ непомѣрной строгости, въ склонности къ казнямъ, въ пролитіи крови; ему ставятъ въ вину, что онъ безъ малѣйшаго разбора билъ своихъ окружающихъ и тѣмъ унижалъ самого себя; ему не могутъ простить смерть сына, любострастіе, роскошь и крайнее самовластіе. Пусть это даже и такъ, отвѣчаетъ Щербатовъ; то что жъ такого? Его пороки не были его личными, но пороками времени и среды; нѣкоторые даже и пороками не считались, будучи привиты воспитаніемъ, поддержанные общимъ мнѣніемъ. Жестокость, проявленная во время стрѣлецкихъ казней 1698 г., дѣйствительно, необычайна для насъ; видѣть ее тяжело; но, умный человѣкъ, Петръ поступалъ, руководясь не однимъ темпераментомъ: стрѣльцы были политическою партіей, враждебною всѣмъ нововведеніямъ; слѣдовательно, ихъ уничтоженія требовали интересы государственные. Что касается до пріемовъ уничтоженія, то въ нихъ виновато и худое воспитаніе, и грубость нравовъ. Говорятъ, царь былъ жестокъ къ своему сыну! Но въ сынѣ онъ встрѣтилъ закоснѣлаго противника реформы, горячаго послѣдователя старины! Вступивъ на престолъ по смерти отца, Алексѣй уничтожилъ бы все, созданное Петромъ. Спасти свое созданіе царь могъ, только губя сына, и онъ имъ пожертвовалъ во имя интересовъ государственныхъ.

Другое обвиненіе противъ Петра—это тѣ наказанія, побои, какимъ подвергались всѣ люди, безъ различія званія и чиновъ... Но тогда палку не считали за безчестье. Я самъ,—прибавляетъ для большей убѣдительности Щербатовъ,—знаю современниковъ, битыхъ царемъ, но сохранившихъ къ нему одно только глубокое уваженіе. Не слѣдуетъ забывать, что, пуская въ ходъ свою дубинку, Петръ въ то же время умѣлъ выслушивать правду и добрый совѣтъ.

Обвиняютъ Петра въ любострастіи, побудившемъ его развестись въ Евдокіей и жениться на Екатеринѣ. Мы уже видѣли, что и самъ Щербатовъ весьма неодобрительно смотрѣлъ на эту слабость; но, желая быть безпристрастнымъ, онъ спѣшитъ указать, что самая слабость никогда не порабощала царя; во второй женѣ онъ нашелъ близкаго друга, и супружествомъ съ нею, признаніемъ ея дочерей законными дѣтьми онъ утвердилъ спокойствіе престола и страны. Что же до пьянства и спаиванія, то это было въ нравахъ того времени.

Остается разсмотрѣть, продолжаетъ нашъ авторъ, еще послѣднее обвиненіе, именно въ „самовластіи“; подъ этимъ выраженіемъ Щербатовъ понимаетъ вообще крутыя мѣры, деспотизмъ и насиліе. Таковыми были: бритье бородъ, обложеніе налогами, требованіе отъ дворянъ пожизненной службы, отправка заграницу для обученія наукамъ и мастерствамъ. Анализъ этихъ явленій приводитъ Щербатова къ такому выводу: безъ самовластія Петръ не могъ обойтись. Россія конца XVII вѣка была страною безъ войска и торговли, безъ просвѣщенія и безъ желанія образованія. Петру не съ кѣмъ было посовѣтоваться, не у кого спрашивать—все приходилось дѣлать самому, по собственному пониманію и единоличному рѣшенію. Предоставленная самой себѣ, безъ Петра, Россія совершенствовалась бы крайне медленно. Въ особой статьѣ Щербатовъ вычисляетъ, сколько времени понадобилось бы русскому народу, безъ помощи Петра, дойти до того состоянія, въ какомъ онъ находился въ концѣ XVIII вѣка, и приходитъ къ такому выводу: не менѣе семи поколѣній, 210 лѣтъ (1682—1892), „да и то считая, что въ теченіе бы сего великаго времени не было никакого помѣшательства, ни внутренняго, ни внѣшняго“.

Таковъ Петръ въ оцѣнкѣ Щербатова. Мы остановились на этой оцѣнкѣ сравнительно съ бо́льшимъ вниманіемъ, такъ какъ видимъ въ ней первые проблески научнаго пониманія преобразователя Россіи. Сознательно или безсознательно — это вопросъ другой, но историкъ XVIII вѣка приложилъ къ изученію реформы методъ историческій, что̀ значительно сближаетъ его съ историкомъ XIX вѣка, С. М. Соловьевымъ. Дѣйствительно, точка зрѣнія Щербатова, по существу, подходитъ весьма близко ко взгляду автора „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“; послѣдній только развилъ мысль своего предшественника, яснѣе и научнѣе доказалъ ее и обставилъ существенными дополненіями (преемственность между эпохой XVII вѣка и эпохой

преобразованій),—но въ основѣ и для того и для другого Петръ есть порожденіе своего вѣка, и оцѣнивать его, вырвавъ изъ окружающей обстановки, внѣ общественныхъ, духовныхъ и матеріальныхъ условій времени, значитъ заранѣе обречь себя на ложные, искаженные выводы,—вотъ мысль одинаково и Щербатова, и Соловьева.

Это сходство въ сужденіи двухъ историковъ не исключаетъ, однако, одного существеннаго различія въ ихъ оцѣнкѣ великаго императора. Въ то время какъ объективно-научный анализъ Соловьева далъ послѣднему твердую точку опоры и позволилъ размѣстить отдѣльныя части картины въ надлежащей перспективѣ, не допуская, въ *историческомъ* образѣ, излишняго преобладанія той или иной черты,—Щербатовъ подходитъ къ оцѣнкѣ Петра, согласно воззрѣніямъ своего времени, съ мѣркой *этической*. Вотъ почему положительная сторона *просвѣщенія* и *государственной мощи* осталась у него не примиренной съ *моральными* дефектами преобразовательной эпохи; вотъ почему и обликъ Петра сложился подъ его перомъ нѣсколько противорѣчивымъ и недостаточно яснымъ [42]).

Сводя вмѣстѣ разнорѣчивые отзывы Екатерининскаго времени, можно сдѣлать такое заключеніе: вторая половина XVIII вѣка, подобно первой, такъ же двойственно смотрѣла на Петра Великаго, и если свела его съ небесъ и ада на землю, какъ поприще болѣе ему соотвѣтственное, зато сильно колебалась во мнѣніи, на какое мѣсто поставить тамъ фигуру царя. Впрочемъ уже одно низведеніе на землю само по себѣ являлось крупнымъ шагомъ впередъ: оно выводило будущихъ изслѣдователей на единственно правильный путь и потому было чревато цѣнными послѣдствіями. Кромѣ того, мы могли отмѣтить и проблески критики, первыя попытки объективнаго анализа, что въ свою очередь говорятъ о несомнѣнномъ успѣхѣ въ дѣлѣ пониманія реформы.

Теперь намъ предстоитъ ознакомиться съ тѣмъ, какъ параллельно идейной оцѣнкѣ наростала—все въ тотъ же періодъ царствованія Екатерины II—литература, посвященная Петру и его времени.

V.

Подобно тому какъ оцѣнка личности царственнаго реформатора въ Екатерининскій вѣкъ становится, сравнительно съ предшествующими десятилѣтіями, болѣе разностороннею, глубокою и содержательною, такъ и исторіографія о Петрѣ значительно двигается впередъ, оставляя позади себя все появившееся въ 1725—1762 гг. Публикуются документы: свидѣтельства современниковъ, воспоминанія, письма, офиціальныя бумаги; составляются полныя исторіи царствованія; описываются отдѣльныя эпохи и эпизоды въ жизни государя; наконецъ, появляются историческія сочиненія разнообразнаго содержанія, имѣющія предметомъ изученіе отдѣльныхъ событій и лицъ эпохи преобразованія. На всей этой литературѣ лежитъ однородный отпечатокъ глубокаго уваженія къ Петру Великому и посильныхъ стараній удовлетворить нароставшую потребность возстановить возможно отчетливѣе образъ великаго государя.

Литературу эту всего удобнѣе было бы разсмотрѣть, сгруппировавъ ее въ два отдѣла—источники и ихъ обработка; но предварительно остановимся на монументальномъ трудѣ, который выдѣляется изъ всѣхъ остальныхъ одинаково какъ по размѣрамъ, цѣнности содержанія, такъ и по особенностямъ своего построенія — его нельзя подвести ни подъ одинъ изъ вышеназванныхъ отдѣловъ. Это „Дѣянія“ Голикова, одновременно и сборникъ матеріаловъ, и ихъ обработка, или точнѣе простой, неотшлифованный пересказъ источниковъ. Впрочемъ „Дѣянія“ Голикова типичны для насъ еще и другой стороною. За всю вторую половину XVIII ст. это, несомнѣнно, самый главный и наиболѣе важный трудъ о Петрѣ Великомъ, и онъ всецѣло отразилъ на себѣ преобладающую точку зрѣнія своего времени на личность преобразователя. Работа Голикова выросла не изъ потребности *ана-*

лиза фактовъ; ее породило не *критическое* чувство, а потребность *преклониться и воспѣть* дѣла великаго „героя“, то есть, именно то самое настроеніе, какое, не смотря на всѣ иныя привходящія ноты, остается доминирующимъ въ многогласномъ хорѣ того времени.

Почти безъ образованія, кое-какъ выучившись церковной грамотѣ и письму, на положеніи „мальчика“ и потомъ прикащика въ купеческой лавкѣ, Голиковъ уже съ раннихъ лѣтъ носится съ мыслью о Петрѣ Великомъ. Рукописная исторія Полтавскаго боя и измѣны Мазепы произвели въ юношѣ цѣлый переворотъ и непреоборимое желаніе увеличить запасъ своихъ свѣдѣній о великомъ государѣ. Обстоятельства помогали его рвенію: знакомство съ П. П. Неплюевымъ надѣлило Голикова „тѣми правильными понятіями, какія должно имѣть о семъ государѣ“; П. П. Рычковъ и Крекшинъ снабдили его разными „записками“ и „анекдотами“; адмиралы Мордвиновъ, Нагаевъ, Талызинъ и тотъ же Неплюевъ, какъ непосредственные свидѣтели Петровской эпохи, обогатили Голикова массою устныхъ сообщеній, личныхъ воспоминаній и впечатлѣній настолько, что свое знакомство съ ними Голиковъ называетъ „златымъ временемъ въ моей жизни“, когда, старательно записывая все слышанное, „какъ рудокопъ въ богатой и неистощимой жилѣ, почерпалъ я дѣльную, вѣрную и надежную матерію къ исторіи моего героя“. Кромѣ того черпалъ Голиковъ свои матеріалы и въ преданіяхъ народныхъ, съ успѣхомъ рылся у московскихъ букинистовъ, въ архивахъ провинціальныхъ (воронежскомъ). Выйдя въ люди и обезпечивъ себя матеріально, онъ собираетъ обширную для того времени библіотеку, своего рода Petriana—до полутора тысячъ печатныхъ и рукописныхъ книгъ. Благодаря случайному стеченію обстоятельствъ, къ чувству восторга прибавилось новое—чувство благодарности: приговоренный къ ссылкѣ въ Сибирь по дѣлу о злоупотребленіяхъ по винному откупу, Голиковъ былъ помилованъ по случаю открытія памятника Петру Великому въ Петербургѣ въ 1782 г. Тогда Голиковъ всенародно далъ клятву написать исторію того, кому былъ обязанъ спасеніемъ отъ угрожавшей ему бѣды. Такъ мало по малу выросли „Дѣянія Петра Великаго, мудраго преобразителя Россіи, собранныя изъ достовѣрныхъ источниковъ и расположенныя по годамъ“, вышедшія въ свѣтъ въ 12 томахъ въ 1788—1789 гг.

Въ строго хронологическомъ порядкѣ, изъ года въ годъ излагаетъ авторъ славную жизнь своего „героя“. Еще о первыхъ томахъ можно говорить, какъ объ историческомъ повѣствованіи, съ преобладающей формой разсказа; но чѣмъ дальше, тѣмъ изложеніе все болѣе и бо-

лѣе переходитъ въ погодное размѣщеніе сырого матеріала,—обстоятельство, авторомъ, быть можетъ, и не предвидѣнное, но, несомнѣнно, имѣвшее выгодную сторону: оно обезпечило труду Голикова вплоть до нашего времени значеніе первоисточника. Помимо біографіи въ тѣсномъ значеніи слова, „Дѣянія“, въ послѣднихъ трехъ томахъ, заключали въ себѣ цѣнное приложеніе—до полутора тысячъ писемъ царя,—это неприкрашенное зеркало настроеній и мыслей русскаго императора. Успѣхъ „Дѣяній“, если не въ матеріальномъ отношеніи, былъ несомнѣненъ. Въ интеллигентныхъ и высшихъ кругахъ нашлись у Голикова покровители и доброжелатели. Къ патріотической задачѣ автора благосклонно отнеслась и сама императрица, открывъ доступъ въ архивы, между прочимъ въ кабинетъ Петра Великаго. Въ скоромъ времени у Голикова набралось много новаго матеріала, и уже въ 1790 г. онъ могъ приступить къ печатанію „Дополненій къ Дѣяніямъ Петра Великаго“. Въ теченіе послѣдующихъ 7 лѣтъ этихъ „Дополненій“ вышло 18 томовъ. Кромѣ новыхъ данныхъ, существенно дополнявшихъ хронологическую нить „дѣяній“ Петра, здѣсь была собрана большая коллекція „анекдотовъ“, подробно разсказана измѣна Мазепы и драматическія перипетіи Полтавскаго боя, дано статистическое описаніе Россіи въ годъ смерти императора и, наконецъ, приложенъ обширный обзоръ событій изъ русской исторіи за время 1598—1682 гг.,—своего рода подготовительное введеніе для лучшаго пониманія эпохи Петра.

Но и изданные тридцать томовъ, „результатъ двѣнадцатилѣтняго неусыпнаго труда“ (1785—1797), стояли далеко позади намѣченной программы. Такъ напримѣръ, обѣщаннаго продолженія писемъ, доведеннаго въ „Дѣяніяхъ“ лишь до 1711 года, не появилось,—по объясненію Голикова, вслѣдствіе неожиданно обильнаго ихъ скопленія: „письма его величества“—говорилъ онъ—„принужденнымъ нахожусь оставить за множествомъ оныхъ, доставленныхъ ко мнѣ сверхъ чаянія моего“. Однимъ предположеніемъ осталось и „описаніе жизни многихъ особъ изъ служившихъ при его величествѣ, начиная отъ господина Лефорта“, также „краткая, но ничего важнаго не опускающая исторія Петра Великаго, съ показаніемъ годовъ, мѣсяцовъ и дней, когда какое дѣяніе происходило“. Повидимому, выполнить программу помѣшалъ Голикову недостатокъ матеріальныхъ средствъ: одно время Голиковъ не могъ съ увѣренностью сказать относительно даже и этихъ 18 томовъ, будутъ ли они всѣ выпущены въ свѣтъ.

Какъ трудъ историческій, сочиненіе Голикова, конечно, даже и

для своего времени оставляло желать очень многаго. Основной его тонъ—безпредѣльное чувство восторга и благоговѣнія къ царю—чего либо особенно оригинальнаго въ себѣ, конечно, не заключалъ для тѣхъ, кто уже пережилъ царствованіе императрицы Елизаветы; излишне было бы также искать въ многотомномъ трудѣ Голикова и какого либо новаго освѣщенія, критической оцѣнки фактическихъ данныхъ. Какъ было уже замѣчено, достоинствомъ книги является то, что, съ точки зрѣнія построенія, было въ сущности ея недостаткомъ: поверхностная обработка матеріала, переданнаго въ руки читателя почти въ нетронутомъ видѣ. Впрочемъ, Голиковъ и самъ чувствовалъ свою неподготовленность дать что либо иное. Еще приступая къ изданію, онъ предупреждаетъ читателя: человѣкъ я неученый, съ критикой незнакомый, совсѣмъ не историкъ; не ждите поэтому отъ меня глубокомысленныхъ разысканій; благоговѣю передъ памятью Петра и признаюсь, что рѣчь моя сбивалась на панегирикъ; въ работѣ находилъ я личное удовлетвореніе, и если вамъ она пригодится, то буду вполнѣ радъ. Воспоминанія о смерти Петра, заявляетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,— „извлекли и изъ моихъ очей струи слезныя, которыя, упадая на пишемую мною въ семъ мѣстѣ бумагу, прервали теченіе мыслей моихъ, изторгли перо изъ рукъ моихъ и принудили закрыть сію жалостнѣйшую картину скорбною завѣсою молчанія“.

Но если даже и теперь книга Голикова, при всемъ ея наивномъ восторгѣ, ошибкахъ въ чтеніи рукописнаго матеріала, при недостаточной провѣркѣ фактовъ, далеко не лишена значенія, то для своего времени она оказала существенную услугу, какъ первый старательный и обильный сводъ фактовъ и какъ попытка систематизировать ихъ. По обилію собранныхъ данныхъ, съ нея, собственно говоря, только и могло начаться серьезное изученіе реформы, и въ этомъ отношеніи „Дѣянія“ заложили прочный фундаментъ для послѣдующей исторіографіи Петровскаго времени. Кромѣ того они впервые дали возможность представить фигуру царя, какъ нѣчто цѣльное, наглядно охватить всю его многогранную, гигантскую дѣятельность. Этою стороной сочиненіе Голикова пріобрѣтаетъ значеніе одинаково какъ историческое, такъ и воспитательное. Его читали въ глухой помѣщичьей деревнѣ, не было оно забыто и представителями высшихъ классовъ. Лучшіе люди того времени въ каждомъ изъ многочисленныхъ своихъ имѣній держали по экземпляру Голиковскихъ „Дѣяній“. На нихъ воспиталось не одно поколѣніе русскихъ людей, и тотъ ореолъ необычайнаго, лишеннаго корней въ прошедшемъ, которымъ до половины

XIX столѣтія была окружена дѣятельность Петра Великаго, въ значительной степени былъ созданъ книгою Голикова. Послѣдующіе историки собрали обильную жатву съ этого труда, въ особенности Галемъ и Бергманъ, сочиненія которыхъ, въ основѣ, не болѣе какъ простая переработка Голикова [43]).

Одновременно съ Голиковымъ въ роли издателя документовъ выступилъ и Ѳ. Туманскій. Его „Собраніе разныхъ записокъ и сочиненій, служащихъ къ доставленію полнаго свѣдѣнія о жизни и дѣяніяхъ государя императора Петра Великаго“ вышло въ 1787—1788 гг., въ 10 томахъ. Отсутствіе системы и случайность въ подборѣ самаго матеріала не лишаютъ его однако интереса и цѣнности исторической. За исключеніемъ весьма немногаго („Избраніе Михаила Ѳеодоровича“, т. V), сборникъ весь посвященъ эпохѣ Петра Великаго и впервые пустилъ въ литературный оборотъ такіе памятники, каковы записки Матвѣева, Медвѣдева, Желябужскаго, Крекшина, журналъ Гюйссена, письма царя Апраксину и рескрипты Крюйсу. Кромѣ того въ „Собраніи“ нашли мѣсто: разныя мелкія грамоты и указы, грамоты иностранныхъ державъ къ русскому двору, текстъ договора 1686 г. съ Польшею, „Правда воли монаршей“, рядъ статей (преимущественно академика Миллера) о молодости Петра Великаго, статья Сумарокова о майскомъ бунтѣ 1682 г. и переводъ сочиненія Крелля: „The present condition of the Muscovite empire til the year 1699, in two letters“ (London. 1699).

Какъ мало подготовленъ былъ Туманскій къ обязанностямъ издателя историческихъ документовъ, можно судить хотя бы по слѣдующимъ примѣрамъ: напечатавъ въ первомъ томѣ (стр. 111—229) полностью записки Матвѣева (безъ имени автора), онъ, очевидно, по другому списку, печатаетъ два отрывка этихъ же записокъ, но уже съ именемъ автора, въ шестомъ томѣ (стр. 8—54, 86—97). Или: записки Медвѣдева раздроблены на множество мелкихъ кусочковъ и въ такомъ видѣ разбросаны на всемъ пространствѣ пятаго и шестого томовъ, гдѣ съ указаніемъ на автора, гдѣ безъ этого указанія, при чемъ многое такъ введено въ текстъ, что не знаешь: слова ли это издателя или автора.

Главнымъ однако побужденіемъ взяться за перо у Туманскаго было желаніе не столько подѣлиться собраннымъ матеріаломъ, сколько написать самостоятельную исторію Петра Великаго. Въ 1788 г. и вышло его „Полное описаніе дѣяній его величества государя императора Петра Великаго“, роскошно изданное, съ гравпрованными портретами,

многими рисунками-виньетками въ текстѣ и съ обширнымъ введеніемъ—обзоромъ до-Петровской Руси; но далѣе первой части (майскій бунтъ 1682 г.) оно не пошло. Хотя авторъ, помимо матеріала, бывшаго у него подъ рукой, старательно использовалъ литературу вопроса, работа его является самою заурядною. Любопытно, что неудовлетворительный, какъ издатель документовъ, Туманскій предъявлялъ къ исторіку очень правильныя требованія: исторія, говоритъ онъ,—должна основываться на доказательствахъ, провѣренныхъ критикою, быть безпристрастною и давать не одни только факты, а и „обратить вниманіе читателя на связь содѣяннаго, представить всѣ обстоятельства, которыя были причиною такого или другого дѣйствія“ [44]).

Много цѣннаго опубликовалъ Новиковъ въ своей „Древней Россійской Вивліоѳикѣ“ (первое изданіе С.-Пб. 1773—75 гг., въ 10 частяхъ; второе—М. 1788—91 гг., въ 20 частяхъ). Хотя онъ и не имѣлъ въ виду, подобно Туманскому, сосредоточиваться исключительно на времени Петра Великаго, намѣтивъ себѣ болѣе широкую программу, съ цѣлью воздѣйствовать „на молодыхъ кощуновъ, ненавидящихъ отечество“, пропагандировать уваженіе къ „нравамъ, обычаямъ и обрядамъ“ родной старины, но служить намѣченнымъ цѣлямъ эпоха реформы могла, по его мнѣнію, не хуже Московской Руси; и, дѣйствительно, „Вивліоѳика“ помѣстила значительное количество крупныхъ и мелкихъ документовъ, непосредственно относящихся къ 1672—1725 гг. Таковы были:

1) Статьи о Петрѣ и членахъ царскаго дома: краткое описаніе свадьбы царя Алексѣя и Натальи Кирилловны; данныя по избранію Петра на царство; церемоніи „походовъ“ государевыхъ 1679—1687 гг.; обряды, совершенные при рожденіи, крещеніи, бракѣ и погребеніи лицъ царской семьи въ 1668—1692 гг.; записи о круговомъ оборотѣ праздничныхъ богослуженій, совершавшихся въ Успенскомъ соборѣ съ 1668 г., что иногда позволяло прослѣдить факты изъ жизни членовъ царской семьи, обыкновенно не отмѣченные въ другихъ памятникахъ; переписка Петра съ патріархомъ Адріаномъ въ 1697 г.; письмо его Зотову, 1710 г.; описаніе брака Анны Петровны съ герцогомъ голштинскимъ.—2) Статьи о сотрудникахъ и современникахъ Петра Великаго: журналы путешествій Избрандеса въ Китай и Б. П. Шереметева въ Западную Европу въ 1697—1699 гг.; челобитная Изволькаго; жалованныя грамоты Лефорту и Шейну за Азовскій походъ; указъ по дѣлу Соковнина и Цыклера; челобитная Палладія

Роговскаго.—3) Внутренняя жизнь Русскаго государства за указанный періодъ обрисовывается въ „Вивліоѳикѣ“ такими статьями, каковы: Двинской лѣтописецъ; послужной списокъ чиновъ администраціи въ 1682 г.; грамота и наказъ (1696) кн. Ѳ. Л. Волконскому; переписныя книги 1700 и 1703 годовъ; указъ о неперекрещиваніи лютеранъ и кальвинистовъ, 1719 г. Надгробныя надписи помогаютъ опредѣленію родословныхъ и служебныхъ отношеній; такое же значеніе имѣетъ и синодикъ 1684 года.—4) По исторіи церкви „Вивліоѳика“ предлагаетъ читателю нѣкоторыя грамоты и инструкціи патріарховъ Іоакима и Адріана, свѣдѣнія объ обрядахъ и „чинахъ“, совершаемыхъ въ разное время патріархами; чинъ погребенія патріарха Іоакима и избранія въ преемники ему Адріана; слово благодарственное Іоакима по поводу событій 5-го іюля 1682 г.; данныя объ освященіи церквей; „объявленіе“ о состязаніи епископа Питирима съ раскольниками, 1719 г.; уставъ благовѣста къ церковному пѣнію, 1722 г.—5) Культурныя явленія намѣчены очень бѣдно, всего двумя, тремя статейками: исторіей Запконоспасской школы (составлена Ѳ. Поликарповымъ); уставомъ этой школы и стихами Спл. Медвѣдева, обращенными къ царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, да текстомъ нѣкоторыхъ комедій, полностію или въ конспективномъ изложеніи. Не богаче свѣдѣніями „Вивліоѳика“ и о внѣшней политикѣ. Это: указъ 29-го іюля 1686 г. касательно польскихъ дѣлъ; записка о формахъ пріема шведскихъ пословъ въ 1683 г.; данныя о царѣ Арчилѣ; нѣсколько указовъ 1686—1687 гг. и церемоніи, имѣвшія мѣсто въ Москвѣ по связи съ Крымскими походами.—6) Кромѣ собственно документовъ, посвященныхъ эпохѣ Петра, отдѣльную группу представляютъ двѣ статьи академика Миллера, перепечатанныя изъ *Опыта Трудовъ Вол. Рос. Собранія*: „Первое воцареніе Петра Великаго“ и „О вѣнчаніи царскимъ вѣнцомъ Іоанна и Петра“ [45]).

До сихъ поръ мы имѣли дѣло со сборниками. Переходя къ отдѣльнымъ памятникамъ, необходимо прежде всего отмѣтить, по цѣнности содержанія, изданный кн. Щербатовымъ „Журналъ или Поденную Записку имп. Петра Великаго“, драгоцѣннѣйшій источникъ по исторіи Шведской войны, составленный, какъ мы уже знаемъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и даже при личномъ участіи государя; „Тетради Записныя“—увидѣвшія свѣтъ тоже благодаря Щербатову—собраніе писемъ и распоряженій царя за 1704—1706 гг., источникъ, который только потому развѣ нельзя поставить наравнѣ съ первымъ, что періодъ времени, охваченный имъ, значительно ко-

роче, чѣмъ въ „Поденной Запискѣ“. Прекраснымъ дополненіемъ къ послѣдней служила перепечатка „Книги Марсовой“, спеціально посвященной исторіи войны съ Карломъ XII въ теченіе первыхъ 14 лѣтъ [46]).

Въ концѣ XVIII столѣтія реальный образъ Петра на половину успѣлъ уже окутаться легендой; живыя, достовѣрныя черты сплошь и рядомъ тускнѣли въ туманѣ наивнаго восторга, и ходячіе разсказы о царѣ,—„анекдоты“, какъ ихъ любили въ ту пору называть, — при всемъ ихъ интересѣ, полны были такихъ наслоеній, что зачастую не знаешь, какихъ больше въ нихъ данныхъ: для сужденія ли о говорящемъ, о составителѣ, или о самомъ Петрѣ. Таковы „Анекдоты“, собранные Голиковымъ, „Любопытныя и достопамятныя сказанія объ имп. Петрѣ Великомъ“ — Штелина, „Духъ Петра Великаго“ — Бѣляева. Историкъ не позволитъ себѣ игнорировать эти разсказы, уже по одному тому, что за оболочкой вымысла и піэтета почти всегда откроетъ реальную правду, но отнесется къ нимъ, конечно, съ большою осторожностью. Къ этой категоріи анекдотовъ слѣдуетъ зачислить и разсказы Кашина, Нартова и Ригельмана, но только потому, что были составлены приблизительно въ это время—свѣтъ же они увидали значительно позже [47]).

Императрица Екатерина, съ ея умомъ и широкими взглядами, искренно сожалѣла, что Вольтеръ писалъ свою исторію Петра въ ту пору, когда она была еще не въ состояніи ничѣмъ помочь ему и лучше обставить матеріалами. Въ первые же годы царствованія государыня приказала собирать отовсюду письма Петра и собиралась даже печатать ихъ, какъ бы предвосхищая мысль, положенную въ основу указа 30-го декабря 1872 г., учредившаго комиссію для изданія „Писемъ и бумагъ Петра Великаго“. Планъ этотъ однако былъ не по силамъ тому времени. Изданіе Петровой переписки пока осуществлялось путемъ частной инициативы и, конечно, въ размѣрахъ болѣе скромныхъ. Такъ, въ 1774 г. графъ П. Шереметевъ выпускаетъ въ свѣтъ роскошное изданіе писемъ Петра Великаго къ отцу его, Б. П. Шереметеву; вслѣдъ за ними появляются письма самого фельдмаршала къ государю; далѣе выходятъ письма государя къ С. А. Колычеву, къ Н. А. Спиѣвину, къ брату Іоанну и къ патріарху Адріану. Еще раньше часть послѣднихъ помѣщена была у Новикова въ его *Повѣствователѣ Древностей Россійскихъ* и перепечатана потомъ въ „Древней Россійской Вивліоѳикѣ“ [48]).

Тотъ же Новиковъ опубликовалъ „Исторію о невинномъ заточеніи ближняго боярина А. С. Матвѣева“, важную по документальности

данныхъ; „Походъ боярина А. С. Шеина къ Азову“ описывалъ кампанію 1696 г. противъ турокъ, а „Записная книжка любопытныхъ замѣчаній великой особы“ и „Записка путешествія Б. П. Шереметева“ посвящены были любопытнѣйшему эпизоду изъ царствованія Петра Великаго—первому непосредственному столкновенію русскаго общества съ западноевропейскимъ міромъ. Къ числу матеріаловъ Петровской эпохи, изданныхъ въ это время, относятся также проповѣди Ѳеофана Прокоповича, „Дворцовая записка по случаю рожденія Петра“, „Лѣтописецъ Соловецкаго монастыря“, „Лѣтописецъ Двинской“, проектъ Посошкова о ратномъ дѣлѣ, изданный совмѣстно съ (ошибочно приписаннымъ ему) наставленіемъ сыну [1]); дворцовыя записки 1696 и 1700 гг., выписки изъ Расходныхъ книгъ 1699 и 1700 гг. и нѣкоторые другіе, сравнительно, мелкіе, появившіеся въ Новиковскомъ *Повѣствователѣ Древностей Россійскихъ*, въ *Трудолюбивомъ Муравьѣ* и въ журналѣ *Зеркало Свѣта* [49]).

Параллельно публикуемымъ матеріаламъ растетъ и литература, на нихъ основанная, но она очень невысокаго качества. Полуразсказъ-полусырая канва Голикова доминируетъ надъ всѣмъ остальнымъ. Мы уже отмѣтили слабую попытку Туманскаго; наряду съ новыми, выходятъ въ свѣтъ произведенія, составленныя еще въ предшествующія царствованія: таково крекшинское „Сказаніе“ о молодыхъ годахъ Петра, появившееся въ печати только теперь; такова изданная кн. Щербатовымъ „Исторія имп. Петра Великаго“ Ѳеофана Прокоповича, эта первая по времени попытка дать исторію *царствованія*. О томъ и другомъ сочиненіи было говорено выше. Въ параллель съ трудомъ Прокоповича можно поставить современное ему, но тоже лишь въ царствованіе Екатерины II увидѣвшее свѣтъ, „Ядро исторіи россійской ко угожденію проискательныхъ“,—трудъ Манкіева, приписанный, по незнанію истиннаго автора, кн. Хилкову. Манкіевъ, находясь въ шведскомъ плѣну, по личному почину написалъ исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ, доведя разсказъ до 1712 года. Впрочемъ, событія современнаго ему царствованія изложены очень кратко. Отсутствіе подъ рукою необходимаго матеріала неблагопріятно отразилось на достоинствѣ его работы, чего не отрицалъ и самъ составитель. „Во истинѣ“—такъ заканчиваетъ Манкіевъ свою книгу—„по преславнымъ и всему свѣту удивительнымъ дѣламъ его величества, какъ въ

[1]) Дѣйствительный составитель его былъ неизвѣстный намъ современникъ Петра Великаго.

гражданскомъ управленіи, такъ и въ многотрудныхъ войнахъ и надъ непріятелями побѣдахъ, похвальныхъ въ старинѣ Навуходоносоровъ вавилонскихъ, Кировъ перскихъ, Александровъ Великихъ македонскихъ, Улиссовъ греческихъ и славныхъ ихъ дѣлъ превосходитъ, почему бы и исторію о семъ государѣ подробно изслѣдовать и по достоинству описать надлежало; но меня отъ того по сіе время удержало, что, будучи въ Швеціи въ плѣну подъ жестокимъ арестомъ, едва вышеписанное къ объявленію сыскать могъ, а больше извѣстій и записокъ не имѣя, нахожуся перо покинуть и прочее для описанія преславнаго нашего монарха безсмертныхъ дѣлъ другимъ оставить".

Небольшая книжечка Рубана: „Начертаніе о достославномъ царствованіи Петра"—сжатый и плохо скомпанованный разсказъ о наиболѣе крупныхъ событіяхъ эпохи преобразованій, начиная съ Азовскихъ походовъ, не безъ ошибокъ и не безъ вліянія иностранныхъ пособій. Положительныя достоинства книги развѣ въ томъ, что, при всей краткости разсказа, событія внѣшней политики не перевѣшиваютъ объемомъ событій внутреннихъ. Не безынтересно также личное свидѣтельство одного изъ участниковъ Крымскаго похода 1689 года.

Иванъ Нехачинъ написалъ „Ядро исторіи Петра Великаго", добросовѣстную компиляцію, подъ замѣтнымъ вліяніемъ Голиковскихъ „Дѣяній". Погребеніе Петра разсказано по Ѳеофану Прокоповичу; дѣло царевича Алексѣя Петровича изложено непропорціонально подробно, съ сообщеніемъ почти цѣликомъ всѣхъ документовъ, въ свое время опубликованныхъ по распоряженію самого Петра Великаго. Въ „Новомъ ядрѣ Россійской исторіи", излагая царствованіе Петра, Нехачинъ только сокращенно изложилъ содержаніе своей первой работы. Время Петра было затронуто и Львовымъ въ „Подробной лѣтописи отъ начала Россіи до Полтавской баталіи"; но бо́льшая часть разсказа есть сплошное воспроизведеніе Крекшина. Простой хронологическій перечень фактовъ, вошедшій въ составъ *Краткой россійской исторіи*, приложенной русскимъ переводчикомъ къ „Универсальной исторіи" Гильмара Кураса, конечно, *исторіей* еще не былъ, и со стороны русскихъ современниковъ Вольтера было большою самонадѣянностью рекомендовать этотъ перечень „въ дополненіе и въ поправленіе" сочиненія французскаго писателя. Вообще отечественная исторіографія второй половины XVIII стол., въ приложеніи къ эпохѣ реформы, представляла скорѣе одни благія пожеланія, чѣмъ ихъ осуществленіе. Планировалось многое, но многое же такъ однимъ планомъ и осталось. Таковъ былъ опытъ гр. С. П. Румянцова и оты-

сканное въ посмертныхъ рукописяхъ Сумарокова „Приступленіе къ исторіи Петра Великаго“, доведенное всего до смерти Ивана Грознаго. Вѣроятно, какъ на отрывки большой начатой работы, должно смотрѣть и на два разсказа того же писателя о волненіяхъ стрѣльцовъ въ 1682 г. Точно также и Карамзинъ составляетъ только планъ похвальнаго слова Петру Великому—не болѣе [50]).

Несравненно выше трудъ Г. Ф. Миллера: исторія Петра Великаго. Прерванная на первыхъ же главахъ, она появилась, въ формѣ отдѣльныхъ статей, въ *Опытѣ Трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія* [a]). Это были: 1) „Рожденіе Петра“; 2) „Воспитаніе Петра“; 3) „Первое воцареніе Петра“; 4) „О вѣнчаніи царскимъ вѣнцемъ на царство Іоанна и Петра“ и 5) „Извѣстіе о началѣ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ“, съ прибавленіемъ „о журналѣ генерала Гордона“. Написанныя опытною рукою ученаго, по первоисточникамъ, статьи эти надолго оставались единственно серьезнымъ, научнымъ изслѣдованіемъ о первой порѣ жизни и дѣятельности государя. Вообще, имя Миллера, въ исторіографіи Петровскаго времени, можетъ и должно быть упомянуто съ уваженіемъ. Вспомнимъ его содѣйствіе Голикову, участіе въ доставленіи матеріаловъ Вольтеру; сейчасъ намъ придется отмѣтить и помощь, оказанную Соймонову. Подъ наблюденіемъ Миллера печатались: „Ядро“ Манкіева, проповѣди Гавр. Бужинскаго, письма Петра къ фельдмаршалу Шереметеву. Къ этой же категоріи работъ относятся и нѣкоторыя статьи его въ современныхъ періодическихъ изданіяхъ. Состояніе исторической науки и чисто внѣшнія условія, то и другое въ одинаковой мѣрѣ, помѣшали Миллеру дать что либо цѣльное и законченное; но что Петръ Великій нашелъ бы въ немъ незауряднаго біографа, это доказывается уже тѣмъ, что, принявшись описывать малолѣтство Петра, Миллеръ счелъ необходимымъ предварительно обработать исторію царствованія Ѳедора Алексѣевича, такъ какъ видѣлъ въ немъ „переходъ“ отъ царствованія Алексѣя Михайловича къ эпохѣ преобразованій, первый камень, заложенный въ основу послѣдующей реформы. Въ царствованіе Екатерины II не много было такихъ, кому преемственность и историческая связь XVIII столѣтія со второй половиной XVII были бы такъ ясны и понятны, какъ Миллеру [51]).

Въ роли историка Петра Великаго попытался выступить и Ѳ. И. Сой-

---

[a]) Статьи эти (не всѣ) тогда же были перепечатаны въ „Собраніи“ Туманскаго и въ „Вивліоѳикѣ“ Новикова.

моновъ. Выученикъ Петра, пославшаго его изъ навигацкой школы доканчивать свое образованіе заграницу, съ 1716 г. служившій во флотѣ, этомъ любимомъ дѣтищѣ царя-преобразователя, авторъ нѣсколькихъ спеціальныхъ работъ по гидрографіи и мореплаванію, Соймоновъ хотѣлъ послужить своимъ перомъ и памяти своего царственнаго наставника. Въ 1728 г. онъ составилъ „Екстрактъ журналовъ мореплаванія и описанія Каспійскаго моря", совмѣстно съ описаніемъ персидскаго похода Петра; но сочиненіе долго оставалось неизданнымъ, и только въ 1763 г., значительно передѣлавъ и снабдивъ дополненіями Г. Ф. Миллера, авторъ напечаталъ его въ *Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ* и отдѣльною книгой, подъ именемъ „Описанія Каспійскаго моря". Тогда же или нѣсколько раньше Соймоновъ принялся за „Сокращенное описаніе о приращеніяхъ Всероссійской имперіи по разнымъ достопамятнымъ случаямъ, а паче въ царствованіе государя императора Петра Великаго",—краткую исторію Россіи; но дальше конспекта работа не подвинулась, при чемъ эпоха Петра доминировала, въ изложеніи, надъ всѣмъ остальнымъ. Не сдѣлавшись историкомъ Россіи, Соймоновъ однако отъ пространной исторіи царствованія своего излюбленнаго героя не отказался: послѣ „Сокращеннаго описанія" онъ взялся за „Краткое описаніе о достопамятныхъ случаяхъ въ жизни государя императора Петра Великаго, отъ рожденія, 1672 году, до кончины, 1725 году". Источниками автору служила печатная, русская и иностранная, литература, а также устныя свидѣтельства современниковъ. Болѣе всего опирался Соймоновъ на „Поденную Записку", „Марсову Книгу", „Разсужденіе" Шафирова, предисловіе Петра къ Морскому регламенту, на печатныя реляціи о Сѣверной войнѣ, на исторіи Ѳеофана, Катифоро. Сколько въ зависимости отъ своихъ пособій, столько же и въ силу преимущественнаго интереса, общаго всему его времени, исторія жизни и царствованія заканчивается на рубежѣ XVII и XVIII стол., переходя въ дальнѣйшемъ изложеніи почти исключительно въ исторію борьбы съ шведскимъ королемъ. По существу компилятивный, трудъ Соймонова не вноситъ чего либо особенно новаго въ литературу Петровскаго времени. Престарѣлый возрастъ, а, можетъ быть, и смерть (ум. 1780 г.) помѣшали автору вполнѣ обработать свое сочиненіе: „Краткое описаніе", оставшееся въ рукописи, дошло до насъ въ черновой редакціи, далеко не во всѣхъ частяхъ пригодной для печати, и даже неизвѣстно, довелъ ли Соймоновъ свою исторію до конца, т. е. до смерти императора: повидимому, она обрывается на 1721 годѣ [52]).

Бѣдность отечественныхъ произведеній [53]) неизбѣжно расчищала дорогу литературѣ переводной. Печатается изготовленный еще въ сороковыхъ годахъ переводъ книги Катифоро; въ томъ же году (1772) Димитрій Ѳеодози выпустилъ изъ венеціанской греческой типографіи двухтомное, „на славенскомъ языкѣ“, „Житіе и славныя дѣла государя императора Петра Великаго“, написанное „впервое на иллирическомъ діалектѣ“. Но и этому писателю большая исторія, въ широкомъ масштабѣ, оказалась не по силамъ. Съ первыхъ же страницъ натыкаемся на очевидныя ошибки. Такъ, казнь Хованскаго отнесена къ 1685 году; участія Софьи въ этомъ дѣлѣ точно и не бывало; сама Софья начинаетъ управлять государствомъ не то послѣ бунта 15-го мая, не то со времени перваго похода Голицына. Авторъ все мѣряетъ аршиномъ своего вѣка, не будучи въ состояніи схватить ни духовной, ни внѣшней физіономіи разбираемой эпохи. Боярская дума у него сенатъ; Софья называется принцессой, а село Преображенское—увеселительнымъ замкомъ! Говорить нечего, что Петръ съ самыхъ раннихъ лѣтъ отмѣченъ, какъ будущій геній. Еще питаясь молокомъ матери, онъ подавалъ надежду, что возведетъ Россію на высочайшую степень славы; такъ, послѣ 15-го мая, получивъ полную свободу, онъ избираетъ себѣ пребываніе въ „увеселительномъ замкѣ“ и начинаетъ упражняться въ воинскихъ дѣлахъ. Онъ хотѣлъ своимъ примѣромъ показать (это въ 11-то лѣтъ!), что одна порода еще недостаточна для полученія чиновъ, а нужны и личныя заслуги,—поэтому и въ полкахъ служитъ не командиромъ, а простымъ солдатомъ... Сочиненіе Ѳеодози отталкиваетъ читателя нашего времени не столько ошибками фактическими, сколько всею манерою, постановкою задачи. Всѣ дѣйствующія лица скроены по готовому образцу. Софья типъ холодной, безстрастной ученицы Макіавелли, съ которою едва ли могла бы поспорить и сама Екатерина Медичи; Петръ—типъ сказочнаго богатыря, уже съ первыхъ дней своего существованія сознавшій предназначенную ему великую роль, ту историческую задачу, выполненіе которой увѣнчаетъ его впослѣдствіи неувядаемою славой; Милославскій—типъ хитраго царедворца, и такъ далѣе до безконечности. Словомъ, это манекены съ пришитыми на нихъ ярлыками, а не живые люди, въ которыхъ борятся чувства и страсти. Развитія духовнаго, исторической преемственности, вліянія среды, а тѣмъ болѣе человѣка,—эту капризную смѣсь воли, желаній и разума, разумѣется, нечего и искать въ сочиненіяхъ подобныхъ Ѳеодози.

Не безынтересно отмѣтить, что при всей зависимости Ѳеодози отъ

иностранныхъ образцовъ, онъ заботливо отгораживалъ себя отъ западноевропейскихъ историковъ, подчеркивая осторожность, съ какою, по его словамъ, пользовался иностранными источниками, провѣряя ихъ русскими и заимствуя изъ нихъ лишь то, что не противорѣчило этимъ послѣднимъ. Въ извѣстной степени Ѳеодози имѣлъ основаніе къ такому отмежеванію: его книгу, хотя и писанную не по-русски, нельзя считать безусловно „иностраннаго“ происхожденія: въ ея составленіи — доставленіемъ матеріаловъ — принимали участіе баронъ П. Шафировъ и Г. Ф. Миллеръ [54]).

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ появился „Храмъ безсмертныя славы имп. Петра Перваго“, переводъ съ французскаго, — книжка, по содержанію, довольно поверхностная и не безъ сильной доли реторики. Авторъ оцѣниваетъ Петра, какъ *преобразователя*, *создателя* и *завоевателя;* поэтому его книга не есть систематическое изложеніе царствованія, хотя обозрѣніе послѣдняго сдѣлано полное.

Болѣе удовлетворительнымъ для своего времени было „Сокращенное описаніе жизни Петра Великаго“ Алеца, переведенное, съ французскаго же, В. Вороблевскимъ. Книгу эту слѣдуетъ отнести къ разряду тѣхъ сочиненій, которыя въ наше время имѣли бы значеніе краткаго популярнаго разсказа для юношества или народнаго чтенія. Но въ ту пору подобный трудъ имѣлъ право претендовать на нѣчто большее. Содержаніе, разумѣется, сосредоточивается преимущественно на внѣшней исторіи Петра (дѣтство, Азовъ, заграничныя поѣздки 1697—1698 и 1716—1717 годовъ, Шведская война, Полтава, Прутъ); „реформы“ только перечислены и при томъ такъ, что распоряженіе объ уличныхъ фонаряхъ передано на ряду съ таковымъ же объ учрежденіи синода и т. п. Но положительная сторона книжечки Алеца— толковое и ясное изложеніе, простой, хорошій слогъ, умѣнье разсортировать матеріалъ и остановиться на дѣйствительно крупныхъ чертахъ, хотя, какъ мы сейчасъ видѣли, и не безъ промаховъ въ этомъ отношеніи. Сочиненіе Алеца, видимо, нашло себѣ читателей. По крайней мѣрѣ, 17 лѣтъ спустя неизвѣстный издатель счелъ выгоднымъ переиздать его вновь, хотя и подъ другимъ заглавіемъ, съ ничтожными измѣненіями и подъ видомъ оригинальнаго русскаго сочиненія; а еще позже на 7 лѣтъ Вороблевскій перепечаталъ трудъ французскаго писателя въ видѣ приложенія къ „Сказанію“ Крекшина [55]).

Переходя къ обзору сочиненій, касавшихся отдѣльныхъ явленій Петровскаго царствованія, приходится прежде всего отмѣтить полную случайность въ выборѣ предмета; пора отчетливаго и систематическаго

изученія матеріаловъ еще не наступила; пока довольствовались простымъ разсказомъ или механическимъ собраніемъ фактовъ, лишь подготовляя данныя для позднѣйшихъ болѣе совершенныхъ построеній.

Непосредственно съ личностью Петра связаны два сочиненія: „О высочайшихъ пришествіяхъ Петра на Двину“ и „Кабинетъ Петра Великаго“, Бѣляева. Первая изъ названныхъ книгъ, составленная по источникамъ первой руки, очень цѣнна по обилію указаній, заимствованныхъ изъ мѣстныхъ церковныхъ записей, къ тому же приведенныхъ дословно; разсказъ о пріѣздахъ царя въ Двинской край носитъ несомнѣнные слѣды непосредственнаго наблюденія и свѣжихъ впечатлѣній; послѣднее „пришествіе“ Петра стояло въ тѣсной связи съ обороной края отъ ожидавшагося нападенія шведовъ, что̀ даетъ автору поводъ разсказать и о мѣрахъ, принятыхъ по этому случаю.

„Кабинетъ“ Бѣляева вводилъ читателя въ обстановку, въ повседневный обиходъ жизни царя, давая описаніе той одежды [1]) и оружія [2]), какое носилъ государь; описывая портреты царя, его токарную комнату и выточенныя имъ вещи, перечисляя медали, касавшіяся его царствованія, всякаго рода инструменты, побывавшіе въ царскихъ рукахъ [3]) и проч. Тутъ и Готторпскій глобусъ, и знаменитая дубинка, модели кораблей, эстампы, чучелы лошади и двухъ собакъ; посуда, перстни, табакерка, комодъ, кресла, походная аптека и многое другое. Съ особымъ вниманіемъ указана одежда, бывшая на Петрѣ въ день Полтавскаго боя: мундиръ и камзолъ, исподнее платье, пуховая шляпа, прострѣленная пулей; шпага съ портупеей, въ которую она была вложена; шарфъ и кожаные штиблеты. Опасность, грозившая книгѣ — превратиться въ голый и сухой перечень — счастливо была избѣгнута авторомъ: почти всякій разъ попутно разсказывается „анекдотъ“ изъ личной жизни государя, связанный съ тѣмъ или инымъ изъ описываемыхъ предметовъ, что̀ придало всей книгѣ характеръ живой и, согласно представленіямъ эпохи, назидательной картины. Книга Бѣляева нашла сравнительно широкій кругъ читателей, и уже въ скоромъ времени понадобилось второе ея изданіе [56]).

Изъ сотрудниковъ Петра Великаго въ Екатерининское время всего

---

[1]) Парикъ, кафтаны, камзолы, исподнее платье, сорочка, галстухъ, колпакъ, чулки, подвязки, башмаки, пряжки къ нимъ, шарфъ, шляпа.

[2]) Портупея, кортикъ съ принадлежащими къ нему ножнами, шпага.

[3]) Астрономическіе, математическіе, физическіе, хирургическіе, артиллерійскіе и иные.

болѣе посчастливилось Гордону. Его записками начали пользоваться еще съ царствованія Анны Іоанновны. „Исторія Азова“ академика Байера (*Sammlung Russischer Geschichte*), въ изложеніи Крымскихъ и Азовскихъ походовъ, руководилась главнымъ образомъ имп; нѣмецкій текстъ сочиненія Байера тогда же былъ переведенъ Таубертомъ (1738), при чемъ русскій переводъ выдержалъ три изданія. Кромѣ того въ *Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ* появился (1792—1795) другой переводъ, Муратова. Послѣ Байера Гордонъ попалъ въ руки Миллера и Стриттера. Первый воспользовался имъ для своей исторіи потѣшныхъ полковъ (1778), а второй написалъ по дневнику біографію Гордона и исторію Азовскихъ походовъ. Прямымъ извлеченіемъ изъ дневника явились статьи о турецкой осадѣ Чигирина въ 1677 году (въ *Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ* 1788—1789 гг.) и разсказъ о событіяхъ 1684—1685 годовъ (въ *Россійскомъ Магазинѣ* 1793—1794 гг.); наконецъ, на самомъ рубежѣ XVIII и XIX столѣтій, появилась Голиковская біографія Гордона совмѣстно съ жизнеописаніемъ Фр. Лефорта (1800), о которомъ писалъ также Ильинскій (1799) и, еще раньше (1786), Туманскій въ *Зеркалѣ Свѣта*, помѣстившій тамъ также и біографію кн. А. Д. Меншикова [57]).

Внѣшній ростъ и, еще болѣе, политическое значеніе новой столицы русской имперіи не могли пройти безъ вниманія; интересъ усилился еще и постановкою въ 1782 году на Сенатской площади памятника великому основателю города. Все это породило нѣсколько „исторій“ и „описаній“ Петербурга, гдѣ преимущественное вниманіе обращено на первые годы его существованія; появились описанія Фальконетовскаго монумента, торжества его открытія, а также соотвѣтствующія „надписи“ [58]).

Сравнительно видное мѣсто занимаютъ въ петровской литературѣ Екатерининскаго времени сношенія азіатскія. Въ *Россійскомъ Магазинѣ* Туманскій далъ описаніе похода Петра на Персію; дѣйствія Россіи въ Средней Азіи и, въ частности, экспедиція Бековича, разсказаны были въ книгѣ ротмистра Могутова („О экспедиціи въ Великую Татарію“); *Ежемѣсячныя Сочиненія* помѣстили очень интересное по сообщаемымъ свѣдѣніямъ описаніе путешествія китайскаго посольства въ 1714 году черезъ Россію къ калмыкамъ, о мѣрахъ Петра Великаго для развитія торговыхъ сношеній съ Бухарою и трудъ Соймонова о Каспійскомъ морѣ. Послѣдній одновременно появился и въ отдѣльномъ изданіи. Наконецъ, въ русскомъ переводѣ появились дневники Белля и Ланга, ѣздившихъ по порученію царя въ Китай, совмѣстно

съ описаніемъ Дербентскаго похода Петра Великаго въ 1722 г., того же Ланга. Кромѣ того мы уже видѣли, какую видную роль играли мемуары П. Гордона въ исторіи борьбы русскихъ съ турками и татарами въ концѣ XVII вѣка за обладаніе сѣверными берегами Чернаго моря [59]).

Нельзя не выдѣлить книги А. Шишкова „Списокъ кораблямъ россійскаго флота“. Сочиненіе дастъ болѣе, чѣмъ можно того ожидать, судя по заглавію. Начиная перечень построенныхъ судовъ отъ „дѣдушки русскаго флота“ и доводя его до смерти Петра включительно, авторъ особенно много сообщаетъ „историческихъ примѣчаній“, приводя для этого въ выдержкахъ, а иногда и цѣликомъ, правительственные указы, письма и инструкціи; особенно обстоятельны свѣдѣнія за 1713—1721 гг. [a]), такъ что на трудъ Шишкова можно смотрѣть какъ на первую серьезную исторію молодого русскаго флота. Если „Списокъ“ уже и потерялъ нынѣ свое научное и практическое значеніе, будучи оттѣсненъ другими, болѣе совершенными, то историографическое значеніе его несомнѣнно.

Мы уже видѣли, что Туманскій, опубликовавшій многотомный сборникъ матеріаловъ и статей изъ эпохи Петра Великаго, и въ новомъ своемъ изданіи, въ *Россійскомъ Магазинѣ*, помѣщалъ данныя по исторіи преобразователя и его времени. Кромѣ уже отмѣченнаго, можно указать еще на статьи, касающіяся Малороссіи: о Самойловичѣ, Мазепѣ и Палѣѣ; текстъ мирнаго трактата, заключеннаго между Россіей и Турціей въ 1698 г.; выдержки изъ извѣстной книги Марпергера о цѣнахъ на русскіе товары въ 1704 г.

Наконецъ, необходимо отмѣтить двѣ цѣнныя работы по исторіи русской торговли, Крестинина и Чулкова. Первый, въ тѣсныхъ предѣлахъ 1693—1719 гг., изложилъ, погодно, торговыя операціи Архангельскаго порта по вывозу товаровъ заграницу (количество проданнаго, число пришедшихъ иностранныхъ кораблей) и, на основаніи мѣстныхъ архивовъ, внесъ въ свою книгу цѣнный фактическій матеріалъ, вплоть до писемъ и указовъ царя. Многотомный трудъ Чулкова „Историческое описаніе Россійской коммерціи“ удѣлилъ не мало мѣста Петровской эпохѣ. Широкія рамки этого сочиненія дали возможность подробно говорить о торговлѣ на Каспійскомъ, Черномъ моряхъ, съ Китаемъ и пр.; но особенно полны свѣдѣніями за время царствованія Петра Великаго страницы, посвященныя „торговлѣ при Архангело-

[a]) Стр. 46—289, т. е. почти вся книга.

городскомъ портѣ въ теченіе нынѣшняго столѣтія". Основнымъ матеріаломъ автору служили указы правительственные, большею частью подробно имъ изложенные, что̀ обезпечило книгѣ и по настоящее время значеніе не исключительно только исторіографическое [60]).

ПРИМѢЧАНІЯ.

КЪ ГЛАВѢ ПЕРВОЙ.

1) Къ стр. 5.

а) Буслаевъ, Древне-русская борода (Истор. очерки русск. нар. слов., II, 232—237); Есиповъ, Русская борода и нѣмецкое платье (Раскольничьи дѣла XVIII стол., II, 159—186; матеріалы, 59—107); Ровинскій, Русскія народныя картинки, IV, 322—329; Михневичъ, Исторія русской бороды (Истор. этюды, т. II, стр. 29—108); Бѣляевъ, Штрафъ за русское платье при Петрѣ В. *Чтенія Общ. Ист. Др. Росс.*, 1899, I, 1—6; сравн. Рущинскій, Религіозный бытъ, 100—101; Шляпкинъ, Св. Димитрій Ростовскій, 377.

б) О храненіи сбритой бороды съ тѣмъ, чтобы по смерти быть похороненнымъ вмѣстѣ съ нею, см. Перри, Состояніе Россіи при нынѣшнемъ царѣ, русск. переводъ. М. 1871, стр. 127; Прядильщиковъ, Исполненіе указа Петра В. о бритіи бородъ въ Соликамскѣ 1705 года. *Русская Старина* 1870, т. I, стр. 594—595; Катифоро, Житіе Петра В., изд. 2-е. М. 1788, стр. 160. Сравн. Тимирязевъ, Борода Тимоѳея Архипыча. *Русскій Архивъ* 1874, т. I, 612—620.

в) Слова Буслаева: „Византійское упорство бороды встрѣтило себѣ въ Руси Петровской точно такое же упорство брадобритія. То же коснѣніе, та же обрядность, только направленная въ противоположную сторону, даже то же самое возведеніе на высокую степень долга и обязанности, только не византійской и древне-русской бороды, а западнаго брадобритія. Потому-то выкупъ бороды ставилъ въ смѣшное положеніе не только выкупавшихъ, но и продававшихъ это право“ [1]).

г) „Къ ересямъ отнесли раскольники куреніе и нюханье табака, употребленіе чая, кофе, нѣмецкаго платья, итальянскаго пѣнія и живописи, стриженіе или бритье бороды, анатомированіе и бальзамированіе мертвыхъ тѣлъ. До 70 такихъ новинъ исчислено въ раскольнической статьѣ: «Предъизвѣстіе о нынѣ въ великіей Россіи состоящихъ обычаяхъ еллинскихъ, жидовскихъ, калмыцкихъ и агарянскихъ»“ [2]).

---

[1]) Очерки, II, 237.

[2]) О причинахъ происхожденія и распространенія раскола, извѣстнаго подъ име-

2 2) Къ стр. 6.

а) О народныхъ толкахъ и недовольствѣ см. Устряловъ, т. IV, ч. 2, стр. 188, 202, 228; Соловьевъ, XV, 119—137; XVI, 32—35; XVIII, 272—273; Есиповъ, Раскол. дѣла въ XVIII стол., I, 562—567; II, 40—41, 59, 74, 100; сказку о Стекольномъ царствѣ, гдѣ Петра хотѣли посадить въ бочку и бросить въ море, кромѣ Соловьева, см. въ *Чтеніяхъ* 1862, № 4, смѣсь, стр. 2 и въ „Пѣсняхъ, собр. Кирѣевскимъ", вып. 8-й, стр. 342—343. О печати антихриста двѣ статьи Александрова въ *Русск. Архивѣ* 1873, № 10, стбц. 2068—2074; № 11, стбц. 02296—02297. Толки о разладѣ царя съ сыномъ (въ 1705 г.)—Пекарскій, Исторія Акад. Наукъ, I, 357; оппозиція табаку — въ „Дѣлахъ о лицахъ, говорившихъ непристойныя дѣла" (Бѣлокуровъ, Матеріалы по русской исторіи. М. 1888 (изъ *Чтеній*), стр. 197—199). Сравн. кромѣ того: Мельниковъ, Историч. очерки поповщины, 70—78; Брикнеръ, Исторія Петра В., 291 — 307; Щаповъ, Земство и расколъ. *Отеч. Записки* 1861, № 12, стр. 494 слѣд.; Фармаковскій, О противогосударств. элементѣ въ расколѣ. *Отеч. Записки* 1866, № 23, стр. 512—517; Состояніе русскаго раскола при Петрѣ I (*Христ. Чтеніе* 1863, №№ 9—11); П. Милюковъ, Очерки по исторіи русск. культуры, ч. II (С.-Пб. 1897), 50—51.

б) „У Бога восемь лѣтъ укралъ"—новое столѣтіе, по старому счету, начиналось съ 1-го сентября 1692 г. (5508+1692=7200), т. е. на восемь лѣтъ раньше того, какъ теперь, съ 1700 года, пришлось его считать.—„Восхитилъ первенство у Іисуса Христа"—назвавшись *первымъ*, ибо, замѣчаетъ составитель рукописнаго „Цвѣтника", еще въ Апокалипсисѣ сказано: „азъ есмь альфа и омега, первый и послѣдній" [1]).—„Принялъ титулъ патріаршескій"—назвавшись *отцемъ отечества* [2]).

в) О Григоріи Талицкомъ (1700): Соловьевъ, XV, 122—124; XVIII, 210; Есиповъ, I, 59—84; Пекарскій, Наука и литература, II, 80—82; Описаніе док. и дѣлъ св. синода, I, 103—104; Состояніе русск. раскола при Петрѣ I (*Христ. Чтеніе* 1863, сентябрь, 80 слѣд.).

г) О Варлаамѣ Левинѣ (1722): Есиповъ, I, 3—57.

д) О Самуилѣ Выморковѣ (1722—1725): Соловьевъ, XVIII, 212—215; Семевскій, *Отеч. Зап.* 1866, т. 167, перепеч. въ сборникѣ „Слово и Дѣло" (изд. 1884), стр. 125—184; Есиповъ, Монахъ Самуилъ. *Древ. и Новая Россія* 1879, № 12.

е) Талицкій, Левинъ и Выморковъ могутъ быть названы проповѣдниками антихриста, воплотившагося въ Петрѣ; не формулируя такого рѣзкаго вывода, но не менѣе смѣло и вполнѣ открыто выразили свой протестъ противъ нововведеній подьячій Ларіонъ Докукинъ и посадскій человѣкъ Андрей Ивановъ—см. Есиповъ, I, 157—184; II, 171—174. Ср. Барсовъ, Новые матеріалы для исторіи старообрядства. М. 1890 (изъ *Чтеній*), стр. 41—42.

ж) По поводу перемѣны лѣтосчисленія ропгала не одна „чернь", но и

немъ старообрядства, во второй половинѣ XVII и въ первой половинѣ XVIII столѣтія. *Православный Собесѣдникъ* 1857, кн. 4, стр. 887.

[1]) Замѣчанія на рѣзкіе отзывы раскольниковъ о Петрѣ Великомъ. *Православный Собесѣдникъ* 1868, ч. III, 82—91.

[2]) Тамъ же.

„многіе благородные“, удивлялись, „какъ могъ государь перемѣнить солнечное 2—3
теченіе, и вѣруя, что Богъ сотворилъ свѣтъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ“ [1]).

з) Въ Симбирскѣ одинъ изъ мѣстныхъ священниковъ обзывалъ царя антихристомъ; донести на него, однако, опасались: „попа Бориса больно мужики любятъ; узнаютъ, что донесъ, такъ убьютъ до смерти“, говорилъ по этому поводу его сослуживецъ-дьяконъ. Доносчикъ же (попъ Андрей), вернувшись изъ Москвы, гдѣ онъ давалъ въ Преображенскомъ приказѣ показанія на попа Бориса, обратно въ Симбирскъ, встрѣтилъ въ лицѣ сослуживцевъ великое къ себѣ озлобленіе—тѣ успѣли оттереть его и лишить прежняго мѣста [2]).

и) Противъ Талицкаго Стефанъ Яворскій написалъ изданныя въ 1703 году „Знаменія пришествія антихристова и кончины вѣка“ [3]), а знаменитый устроитель Выговской пустыни Андрей Денисовъ отвѣтилъ на него сочиненіемъ: „О бытіи послѣдняго времени и противникѣ антихристѣ“, гдѣ доказывалъ, что „существующее время по всѣмъ обстоятельствамъ самое послѣднее“ [4]). Въ 1707 году въ Новгородѣ появилось подметное письмо о рожденіи антихриста мѣстный митрополитъ Іовъ писалъ опроверженіе [5]): „Отвѣтъ краткій на подметное письмо о рожденіи сими временами антихриста“, въ свою очередь, не оставшееся безъ отвѣта [6]). Точно также и „Разсужденіе о образѣ Божіи и подобіи въ человѣцѣ“ Димитрія Ростовскаго, въ защиту брадобритія [7]), издававшееся при Петрѣ въ 1707, 1714 и 1717 гг. [8]), принято было враждебно; впрочемъ, намъ извѣстна лишь болѣе поздняя по времени литературная критика этого сочиненія въ духѣ защитниковъ бороды [9]). Сравн. также Есиповъ, I 557—567 о тетрадкахъ Кузьмы Андреева.—О популяризаціи правительственныхъ идей путемъ лубочныхъ картинокъ см. у Стасова, въ рецензіи на книгу Ровинскаго: „Русскія народныя картинки“. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1882, октябрь, 342—345.

3) Къ стр. 7.

а) Мельниковъ, Записка о русскомъ расколѣ. Сборникъ правительств. свѣдѣній о раскольникахъ, составленный Кельсіевымъ. Вып. I. Лондонъ. 1860, стр. 179—181; Поморскіе отвѣты. Напечатаны въ Мануиловскомъ Никольскомъ монастырѣ [illegible] года, предисловіе, стр. VII и стр. 57—68; Александръ Б(равко-

---

[1]) Голиковъ, Дѣянія, II, 6.

[2]) А. Титовъ, Изъ временъ Петра Великаго. *Русскій Архивъ* 1901, ноябрь, 273—275.

[3]) Пекарскій, Наука и литер., II, 77—80.

[4]) Каталогъ или библіотека Павла Любопытнаго. *Библіогр. Записки* 1861, № 8, стбц. 262. Содержаніе его передано Е. В. Барсовымъ въ статьѣ: Андрей Денисовъ Вторушинъ, какъ выгорѣцкій проповѣдникъ. *Труды Кіевск. Дух. Акад.* 1867, т. I, стр. 251—257.

[5]) Чистовичъ, Новгородскій митроп. Іовъ. *Странникъ* 1861, № 2, стр. 66, 81.

[6]) Пекарскій, II, 159—160.

[7]) Ср. Соловьевъ, XVI, 29.

[8]) Пекарскій, II, 156.

[9]) См. ниже примѣч. 10, пунктъ а.

3—1 вичъ), Описаніе нѣкоторыхъ сочиненій, написанныхъ русскими раскольниками. С.-Пб., 1861, часть II, 246—254. Въ текстѣ, приводя слова Мельникова, мы сказали, что подложное Дѣяніе было составлено „съ согласія Петра I“,—между тѣмъ, можетъ быть, правильнѣе признать государя инициаторомъ всего дѣла: въ записныхъ книжкахъ Петра сохранилась такого рода собственноручная замѣтка: „Чтобъ написать книгу о хапжахъ и изъявить блаженства (кротость Давидову и прочее), что не такъ, какъ они думаютъ, и привлесть къ требникамъ, а въ предисловіи явить то дѣльцомъ Ростовскаго съ товарищи“ [1]). Текстъ Дѣянія былъ положенъ на храненіе „въ кожаной сумкѣ подъ печатью св. синода“ [2]). Нѣкоторыя данныя касательно литературной исторіи вопроса о Соборномъ дѣяніи 1157 года см. въ нашей книгѣ: „Митрополитъ Евгеній, какъ ученый“. С.-Пб. 1888, стр. 329—337. Обстоятельная оцѣнка самаго Дѣянія дана въ книгѣ В. М. К., Историческія изслѣдованія, служащія къ оправданію старообрядчества. Черновцы. 1883, т. II, стр. 187—227, глава XI: „О небываломъ на Мартина еретика соборномъ дѣяніи 1157 года“.

б) Ложный путь, на какой выступили ревностные, но малоразсудительные защитники православія въ эпоху Петра Великаго, ставитъ противоборниковъ раскола и донынѣ въ ложное и щекотливое положеніе, заставляя ихъ прибѣгать къ софизмамъ и хитросплетеніямъ, едва ли для кого убѣдительнымъ: „Не то нужно испытывать: гдѣ и когда оный соборъ, судившій Мартина, былъ?— но то: нѣтъ ли въ ономъ описаніи соборнаго дѣянія какого-либо поврежденія догматовъ вѣры?.. Изслѣдованіе о времени и мѣстѣ, когда и гдѣ жилъ еретикъ Мартинъ, когда и гдѣ былъ соборъ на него, есть не что иное, какъ только *излишнее любопытство и любопрительство*, а никакого существеннаго значенія для сужденія о церкви и православіи не имѣетъ“ [3]).

4) Къ стр. 9.

а) Рѣчь канцлера Головкина при поднесеніи Петру императорскаго титула, въ Пол. Собр. Зак., VI, № 3840. Иностранцы уже въ 1716 году считали возможнымъ называть Петра *творцомъ своего народа*. Кононъ Зотовъ докладывалъ царю изъ Парижа: „Маршалъ д'Этре принялъ меня такъ милостиво, будто сына своего; онъ назвалъ ваше величество творцомъ россійскаго народа: что можетъ быть сказано въ вашу хвалу лучше этого?“ [4]). Если и допустить, что мысль выражена въ формѣ завѣдомо льстивой и преувеличенной, несомнѣнно одно: французскій собесѣдникъ Зотова сознавалъ важное значеніе государственной дѣятельности Петра.

б) Извѣстно, какимъ не только сторонникомъ, но и ревностнымъ провозвѣстникомъ, прямо агентомъ Петровской реформы былъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Едва ли въ какой-нибудь изъ его проповѣдей не найдется страстной

---

[1]) Голиковъ, Дѣянія Петра Великаго, изд. 2-е, XI, стр. 493.

[2]) Архим. Савва, Указатель Московск. патр. библіотеки, изд. 2-е, 1858 года, стр. 253.

[3]) Архимандритъ Павелъ, О соборномъ Дѣяніи на Мартина еретика. Отвѣтъ на письмо старообрядца. *Братское Слово* 1890, № 11, стр. 3 по отдѣл. оттиску.

[4]) Соловьевъ, Исторія Россіи, XVI, изд. 2-е, 198.

филиппики противъ враговъ новаго направленія вмѣстѣ съ горячимъ прославленіемъ всего содѣяннаго. Онъ славитъ Полтавскую побѣду и любимца Меншикова, даетъ картину всѣхъ дѣлъ Петровыхъ, оправдываетъ поѣздки за-границу и сношенія съ иностранцами, отстаиваетъ безпрекословное повиновеніе самодержавной власти, какъ бы предваряя въ этой проповѣди будущую „Правду воли Монаршей“. Не забылъ Ѳеофанъ и развитіе могущества Россіи на морѣ; что не было договорено въ Духовномъ Регламентѣ, тому дается мѣсто въ словѣ, сказанномъ предъ открытіемъ св. синода. Разумѣется, Ништадскій миръ не могъ быть игнорированъ знаменитымъ витіей. Наконецъ, за нѣсколько недѣль до смерти Петра Великаго, Ѳеофанъ Прокоповичъ произноситъ проповѣдь, оправдывая въ ней перенесеніе новаго года съ сентября на январь [1]). 4

в) Въ духѣ Прокоповича дѣйствуетъ и Гавріилъ Бужинскій, епископъ рязанскій. Онъ превозноситъ самоотверженную любовь русскаго императора къ отечеству; его побѣды надъ шведами; по званію оберъ-іеромонаха флота, особенно подчеркиваетъ значеніе послѣдняго и, въ увлеченіи новой столицею, расписываетъ красоты петербургскихъ болотъ. Въ періодъ 1718—1725 годовъ онъ произнесъ три проповѣди, посвященныя Гангеудской битвѣ; столько же взятію Шлюссельбурга; двѣ проповѣди произнесъ онъ въ дни годовщинъ битвы Полтавской и одну посвятилъ битвѣ при Лѣсной [2]).

г) Сравн. дифирамбическія обращенія Космы Святогорца и его „Похвалу Петру I“ у А. Смѣловскаго, Братья Лихуды. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1845, мартъ, 90—94.

д) Нельзя, конечно, забывать офиціальнаго положенія Прокоповича и Бужинскаго; многое въ ихъ рѣчахъ было условнымъ и обязательнымъ, но не мало (особенно у Прокоповича) было и искренняго, неподдѣльнаго.

е) О Гюйссенѣ и журналѣ Рабенера—Пекарскій, Наука и литература при Петрѣ Великомъ, I, 90—95.

ж) „Разсужденіе о причинахъ войны“ выпущено было въ двухъ изданіяхъ: С.-Пб. 1717, in- folio, и С.-Пб. 1722, in- 16°. Оно начинается разборомъ „древнихъ причинъ“, вызвавшихъ настоящую войну (стр. 1—23 перваго изданія), иначе говоря — обзоромъ отношеній Россіи къ Швеціи съ Грознаго вплоть до 1700 года. „Причины новыя“ (23—35) состоятъ преимущественно изъ жалобъ на Дальберга, рижскаго генералъ-губернатора, на дурной пріемъ царя въ Ригѣ, во время проѣзда его за-границу и на притѣсненія русскихъ. Доказательству мнѣнія, что истинными виновниками продолжительности войны были не русскіе, а шведы, посвящена слѣдующая глава (35—57); на страни-

[1]) Ѳеофанъ Прокоповичъ. Слова и рѣчи ч. I (изд. 1760) и 8 словъ во второй части (изд. 1761). Сравн. Самаринъ, Сочиненія, V, 413 — 442; Порфирьевъ, Истор. русск. слов., ч. II, отд. I, стр. 49—55.

[2]) Полное собраніе поучительныхъ словъ, сказанныхъ Г. Бужинскимъ. Москва (безъ года), иждив. Н. Новикова и К°. — Проповѣди Г. Бужинскаго (1717 — 1727). Издалъ В. Пѣтуховъ. Юрьевъ. 1901. Сравн. Порфирьевъ, Истор. русск. слов., ч. II, отд. I, стр. 56—58.—„Слово въ похвалу Санктпетербурга и его основателя“ Г. Бужинскаго, по списку, внесенному въ (тогда еще не изданный) текстъ „Описанія С.-Петербурга“ Богданова, *напеч.* было еще въ журналѣ *Старина и Новизна* 1772, ч. I, стр. 49—74.

4—5 цахъ же 57—72 доказывается, „кто умѣреннѣе въ сей воинѣ поступилъ“.—Въ „Заключеніи къ читателю“ (стр. 72—78; также Устряловъ, I, прилож. № IV, по рукописному списку) проводится слѣдующая мысль: мириться на условіи уступки завоеваннаго края, руководясь желаніемъ во что бы то ни стало освободиться отъ пожертвованій (дѣйствительно большихъ) людьми и деньгами—было бы безразсудно: шведы—давнишніе наши враги; не объяви мы имъ войны, они сами навязали бы ее намъ; они хотятъ, тѣмъ или инымъ способомъ, совершенно стѣснить насъ, и отдавъ имъ завоеванные города, намъ, все равно, придется рано или поздно снова пріобрѣтать ихъ.

з) Сохранились нѣкоторые слѣды составленія книги: въ 1715 году изъ Разряднаго архива были затребованы справки „о старинныхъ между Россійскимъ государствомъ и короною Шведскою войнахъ, договорахъ, пересылкахъ и прочихъ обхожденіяхъ, а особливо когда въ 1607 году... по учиненному съ королемъ шведскимъ Карломъ 9-мъ союзу, наняты въ службу его царскаго величества на помощь противъ поляковъ 5000 войскъ шведскихъ“. Самый договоръ, заключенный со шведами, и свѣдѣнія о приходѣ вспомогательнаго корпуса уже находились въ рукахъ составителя „Разсужденія“, но требовалось узнать, „когда оные войска именно въ Россію пришли и были-ль въ слученіи съ войсками россійскими, и гдѣ, и многое-ль время, и противъ поляковъ какія дѣйства воинскія чинили, и что имъ изъ казны царскаго величества наемныхъ денегъ дано, и потомъ какимъ способомъ они договоръ нарушили“. Другой запросъ касался причинъ Шведской войны, веденной въ царствованіе Алексѣя Михайловича [1]). Сравнивая эти запросы со страницами 10—22 „Разсужденія“, не трудно видѣть, что послѣдніе обязаны своимъ содержаніемъ (несохранившейся) справкѣ, полученной изъ Разряднаго архива [2]). — О вліяніи на книгу Шафирова „Изъявленій прибыточныхъ государству“ Ѳ. Салтыкова, 1714 года, см. Н. Павловъ-Сильванскій, Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго (С.-Пб. 1897), 48.

и) Съ цѣлью распространенія взглядовъ царя, второе изданіе „Разсужденія“ было выпущено въ количествѣ 20.000 экземпляровъ по цѣнѣ 10 алтынъ, но расходилось оно туго: при жизни Петра его было продано не болѣе 50 экземпляровъ, и въ 1756 г. оставалось еще 16.000 [3]).

5) Къ стр. 11.

а) Указъ 1705 г. въ Полн. Собр. Закон., IV, № 2040, стр. 298—299. Слова Пекарскаго [4]), основанныя, повидимому, на показаніяхъ самого Гюйссена, будто бы послѣдній въ 1704 г. „приготовлялъ поденный журналъ о войнѣ“, не могутъ быть приняты въ буквальномъ смыслѣ; если Гюйссенъ не ошибся въ годѣ, то здѣсь дѣло шло, можетъ быть, лишь объ участіи въ составленіи „діаріуша“. Составленіе „Исторіи“ было возложено первоначально, въ 1711 г.,

---

[1]) *Описаніе документовъ и бумагъ Моск. Арх. Министер. Юстиціи*, книга V, стр. 117—118.

[2]) Сравн. ниже примѣч. 5, пунктъ в.

[3]) Пекарскій, Наука и литер., II, 585.

[4]) Наука и литер., I, 93.

на Шиллинга, переводчика Посольскаго приказа; какое употребленіе сдѣлалъ онъ изъ предоставленныхъ въ его распоряженіе матеріаловъ, не извѣстно [1]); позволительно думать, что—никакого, такъ какъ въ слѣдующемъ 1712 году работа находится уже въ другихъ рукахъ, у Поликарпова и Шафирова. Въ офиціальныхъ документахъ сохранилось извѣстіе, что Поликарповъ [2]) въ 1712 г. „уже сочинялъ *Исторію о Шведской войнѣ*... и то же самое велѣно дѣлать въ посольскомъ приказѣ секретарю Шафирову“ [3]). Позволительно думать, что участіе обоихъ этихъ лицъ было, подобно Шиллингу, мимолетнымъ и безрезультатнымъ. По крайней мѣрѣ, позднѣйшій по времени біографъ Ѳ. Поликарпова, пользовавшійся источниками, непосредственно отпечатлѣвшими различныя фазы жизненнаго поприща Поликарпова, ничего не говоритъ объ участіи его въ составленіи „Исторіи“ [4]). Говорить о какомъ либо иномъ Поликарповѣ въ данномъ случаѣ было бы едва ли возможно; съ другой стороны, у насъ нѣтъ никакихъ основаній отвергать самое показаніе офиціальнаго документа,—поэтому мы и не сочли себя въ правѣ выдѣлить Ѳ. Поликарпова изъ числа „участниковъ“ (хотя бы только памѣченныхъ) въ составленіи „Исторіи о Свейской войнѣ“.

б) Много результатнѣе оказалась работа барона Гюйссена; въ 1715 году онъ приготовилъ „Журналъ государя Петра I съ 1695 по 1710 годъ“ [5]). Источниками Гюйссену служили офиціальныя бумаги [6]), „короткія денныя росписи о е. и. в. походѣхъ“, разсказы участниковъ событій и литературныя пособія, иностранныя и отечественныя [7]). Годъ составленія опредѣляется на основаніи слѣдующихъ соображеній: въ 1714 г. государь приказалъ: „журналы всѣ отдать Гизену“ [8]); самъ Гюйссенъ ссылается на Марсову книгу, вышедшую въ 1713 г. [9]); о царевичѣ Алексѣѣ упоминается въ очень сочувственномъ тонѣ [10]),—значитъ, писано до 1717 года. Наконецъ, Веберъ [11]) прямо указываетъ на 1715, какъ на годъ, когда работа была окончена и даже приготовлена къ печати. Въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія [12]) авторъ сообщаетъ, что съ 1701 года начался новый вѣкъ и счастливая для Россіи эпоха завоеваній, „для того, что отъ сего вѣка оное благополучіе послѣдовано и продолжено безъ престанія лѣта отъ лѣта,

---

[1]) Устряловъ, I, стр. XXX, примѣчаніе и прилож. № 1.

[2]) Вѣроятно, Ѳедоръ, справщикъ типографіи, какъ предполагаетъ С. Зеленый, пользовавшійся названными документами.

[3]) С. Зеленый, въ рецензіи на книгу Веселаго: „Очеркъ русской морской исторіи“. *Отчетъ о 19-мъ присужд. нагр. гр. Уварова*, стр. 137.

[4]) Брайловскій, Ѳ. П. Поликарповъ-Орловъ, директоръ московской типографіи. *Журн. Мин. Нар. Прос.* 1891, №№ 9, 10, 11.

[5]) Онъ напечатанъ Туманскимъ въ „Собраніи разныхъ записокъ о жизни и дѣяніяхъ Петра Великаго“, чч. III и VIII.

[6]) Устряловъ, I, стр. XXX—XXXI.

[7]) Собственное показаніе Гюйссена. Пекарскій, Наука и литер., I, 320.

[8]) Устряловъ, I, стр. XXX—XXXI.

[9]) Туманскій, ч. III, стр. 315.

[10]) Туманскій, VIII, 7—8.

[11]) Das veränd. Russland. I, 253—254.

[12]) Туманскій, III, 230.

даже до 1715 году всегда бо находятся или баталіи выиграны, или взятіе городовъ, либо завоеваніе цѣлыхъ областей надъ Швеціею". Можетъ быть, время составленія журнала и дало поводъ Устрялову ошибочно говорить [1]), что Гюйссенъ довелъ изложеніе событій до 1715 года, тогда какъ онъ остановился на 1710.—Туманскій, издавая сочиненіе Гюйссена, озаглавилъ его: „Журналъ государя Петра I съ 1695 по 1709. Половина перьвая" [2]), „Журналъ государя Петра I съ 1709 по 1710. Половина вторая" [3]); на самомъ дѣлѣ въ части III разсказъ доведенъ лишь до конца 1704 года. Списокъ Импер. Публичн. Библіотеки содержитъ годы 1695—1699 и 1708—1710 [4]), а напечатанное Туманскимъ, по свидѣтельству Устрялова [5]), сходно съ содержаніемъ списка Государственнаго Архива. Такимъ образомъ остается еще доказать, что Гюйссеномъ описаны были также и годы 1705, 1706 и 1707. Въ настоящее время въ Государственномъ Архивѣ хранится, повидимому, только часть того, что видѣлъ Устряловъ; по крайней мѣрѣ, намъ извѣстно тамъ лишь начало Гюйссеновскаго труда за время съ 1695 по 1699 включительно [6]). Въ концѣ листа 159 об. слова „1700 годъ" указываютъ на существовавшее продолженіе. Содержаніе этихъ 159 листовъ полностью напечатано Туманскимъ III, 1—122, и при томъ весьма близко къ подлиннику, если не по настоящей рукописи, то, во всякомъ случаѣ, съ копіи, совершенно точно передавшей ея особенности. Отличія фонетическія и грамматическія не существенны; важнѣе отличія въ названіяхъ собственныхъ именъ,—большею частью простыя опечатки или результатъ неумѣнья прочитать текстъ. Такъ, напримѣръ, Туман., 21, имя „мудраго короля" обозначаетъ точками — въ рукописи (л. 22) ясно читается: „Улису"; точно такъ же и на стр. 50 точки должны быть замѣнены „Исселомъ" (л. 58); на стр. 52, строка 2 вм. „Костинской дворъ" читай: „и Остъидинской [т. е. Остиндскій] дворъ" (л. 60). Фраза рукописи: „а Александръ Даниловичъ Меньшиковъ нынѣ князь и герцогъ оставался въ городѣ" (л. 88) въ печатномъ изданіи (стр. 68) безъ слова „нынѣ".

в) Д. Ѳ. Масловскій [7]) ошибочно ставилъ затребованіе въ 1715 году свѣдѣній о войнахъ Россіи съ Швеціей въ XVII в. [8]) въ связь съ собираніемъ „первоисточниковъ для исторіи Сѣверной войны", даже находя, что въ это время оно приняло „большіе размѣры": „Государь, видимо, хотѣлъ узнать *коренныя причины войны*". Между тѣмъ эти свѣдѣнія понадобились для другого сочиненія, именно для „Разсужденія" Шафирова [9]).

г) Къ числу—не составителей, а сотрудниковъ Подлинной Записки, по доставленію матеріала, можно отнести вице-адмирала Крюйса. Въ *Запискахъ Гид-*

---

[1]) I, стр. XXXI.
[2]) Собраніе записокъ, ч. III.
[3]) Собраніе записокъ, ч. VIII.
[4]) Письма Петра Великаго, изд. А. Ѳ. Бычковымъ. С.-Пб. 1872, стр. 105.
[5]) I, стр. XXXI, прим. 13.
[6]) Отд. I, № 10, 159 лист. in- folio.
[7]) Записки по исторіи военнаго искусства въ Россіи. Вып. I, примѣчанія, 11.
[8]) *Описаніе докум. и бумагъ Моск. Арх. Мин. Юст.*) V, 117—118.
[9]) См. выше, прим. 4, пунктъ 3.

графич. Департамента, ч. VIII, стр. 367—394, напечатанъ „экстрактъ“ изъ его „журнала, держаннаго на пути изъ Москвы на Воронежъ... къ Керчи 1699 г.“, въ „современномъ“, по указанію издателя, переводѣ Петра Ларіонова („вѣроятно съ голландскаго“). Печатая этотъ „экстрактъ“, издатель, между прочимъ, говоритъ: „Тетрадь, въ которой найденъ этотъ журналъ, заключаетъ еще подобные журналы кампаній 1705, 1708 и 1714 годовъ; но какъ первые два почти вполнѣ, а послѣдній въ извлеченіи, вошли въ Журналъ Петра Великаго—для котораго всѣ они, кажется, и были приготовлены, какъ матеріалъ—то изданіе тѣхъ журналовъ пока не признается нужнымъ“ (стр. 368). Хотя въ вышеприведенныхъ словахъ и нѣтъ прямого указанія на то, кѣмъ именно были составлены журналы этихъ трехъ кампаній, но едва ли можно сомнѣваться, что издатель имѣлъ въ данномъ случаѣ въ виду все того же Крюйса, составившаго журналъ 1699 года. Въ Поденной Запискѣ, дѣйствительно, подъ 1705 годомъ помѣщена [1]) очень обширная реляція о военныхъ дѣйствіяхъ Крюйса въ Финскомъ заливѣ съ 4-го іюня по 19-е августа этого года; есть въ ней свѣдѣнія о дѣйствіяхъ на морѣ и въ 1708 г. [2]), въ 1714 г. [3]), хотя оба эти раза Крюйсъ и не принималъ въ нихъ участія [4]). 29-го ноября 1720 г. Макаровъ обратился къ Крюйсу съ просьбой прислать ему свѣдѣнія о военныхъ дѣйствіяхъ на морѣ противъ шведовъ въ 1705 г., и Крюйсъ прислалъ ему „экстрактъ“ событій съ *4-го іюня по 19-е августа*, при письмѣ, въ которомъ старался возстановить попранную будто бы правду и отнятую у него славу заслугъ въ пользу Толбухина [5]). Не служили ли для подобной цѣли и морскіе журналы Н. А. Сенявина за 1705—1708 гг. [6])?

д) Участіе Макарова въ исторіи Шведской войны восходитъ, по времени, кажется, не далѣе 1722 года, при чемъ ему помогалъ Шафировъ [7]). Правда, еще въ 1720 году „кабинетъ-секретарь Макаровъ“ требовалъ изъ военной коллегіи присылки, „къ сочиненію исторіи“, свѣдѣній о первомъ Нарвскомъ походѣ 1700 года [8]); но ни откуда не видно, чтобы въ данномъ случаѣ таковое требованіе исходило отъ Макарова въ качествѣ составителя книги, а не просто завѣдующаго кабинетомъ государя.—О занятіяхъ царя по субботамъ см. Устр., I, XXXII.

е) Кн. Щербатовъ свидѣтельствуетъ, что въ его время въ кабинетѣ Петра Великаго находилось „восемь черныхъ сочиненій“ Поденной Записки, „изъ коихъ правленныхъ его собственною рукою пять“ [9]). Вѣроятно, эти послѣднія имѣлъ въ виду Масловскій [10]): объ остальныхъ трехъ у него нѣтъ никакихъ

---

[1]) I, 110—119.

[2]) I, 165—166; 188—193.

[3]) I, 427—457.

[4]) Ср. Общій морской списокъ, часть I, стр. 197—199.

[5]) Матеріалы для исторіи русскаго флота, I, 67—77.

[6]) *Записки Гидр. Департ.*, X, 326—359.

[7]) Устряловъ, I, прил. II, стр. 317; сравн. Зеленый, *Отчетъ о 19-мъ присужд. наг. Уварова*, стр. 138.

[8]) *Описаніе док. и бумагъ Моск. Арх. Мин. Юст.*, V, 118—127.

[9]) Под. Записка, предисловіе.

[10]) Записки по исторіи военнаго искусства въ Россіи. Вып. I, стр. 1 втор. пагин.

указаній. Образцы исправленій текста рукою государя приведены Устряловымъ [1]) и Масловскимъ [2]), который указываетъ также на существованіе „собственноручнаго предисловія Ѳеофана Прокоповича“ къ Журналу. — Масловскій [3]) справедливо задавался вопросомъ, отчего „такое близкое личное участіе Петра I въ составленіи исторіи Сѣверной войны осталось [до сихъ поръ] научно не изслѣдованнымъ. Отчего не выяснено, въ чемъ именно заключались собственноручныя исправленія Петра I? Какая была редакція, представленная государю? Почему она не выдержала критики полководца? Заключалось ли дѣло въ исправленіи Петромъ I слога или измѣненіи самой мысли по существу? Откуда, изъ какихъ бумагъ, исправленныхъ Петромъ I, взятъ текстъ, оставленный государемъ безъ исправленія? Вотъ рядъ вопросовъ, которыми заинтересована и больше всего военно-историческая наука“. Пересмотръ такъ называемаго „Кабинета Петра Великаго“ въ Государственномъ Архивѣ убѣдилъ автора въ „несомнѣнной справедливости“ словъ Устрялова относительно громаднаго значенія личнаго участія государя въ составленіи „Исторіи“: „Въ пріемахъ для собранія матеріала и въ ихъ значеніи уже виденъ творецъ русской военно-исторической науки. Явственно остались слѣды обработки сырого матеріала. Стремленіе выяснить историческую правду, возможную историческую точность, устранить все, что могло имѣть видъ лести царю-полководцу, и, главное, возможно подробнѣе изложить обстановку и ходъ дѣла—вотъ что видимо въ громадной массѣ собранныхъ и бывшихъ тогда въ работѣ первоисточниковъ по Сѣверной войнѣ“.

ж) Сочиненіе Петра и его сотрудниковъ носитъ въ печати слѣдующее названіе: „Журналъ или Поденная Записка блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго съ 1698 года, даже до заключенія Нейштатскаго мира. Напечатанъ съ обрѣтающихся въ Кабинетной архивѣ списковъ, правленныхъ собственною рукою его императорскаго величества“. 2 части. Спб. 1770—1772 г.

з) Веберъ [4]), Пекарскій [5]), а особенно Устряловъ [6]) отозвались о Журналѣ Гюйссена очень неодобрительно, называя его трудъ непереработаннымъ, не освѣщающимъ эпохи, излагающимъ факты безо всякой связи и т. п. Взглядъ этотъ, кажется, общепринятъ. Если онъ по существу и справедливъ, то ошибоченъ именно по своей односторонности. Не забудемъ, что Соловьевъ, столь разборчивый на источники и пособія, пользовался (а за нимъ и Погодинъ въ статьѣ: „Судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ“) Гюйссеномъ въ своей исторіи. Достаточно простого сличенія „журнала“ Гюйссена съ „журналомъ“ Петра, чтобы признать право перваго на наше вниманіе. Оба сочиненія, во многомъ отличаясь одно отъ другого, во многомъ же и сходны. Прежде всего въ системѣ: и тамъ, и здѣсь одинаково хронологическій лѣтописный характеръ изложенія;

---

[1]) I, прил. II.

[2]) Наз. соч., приложеніе 1-е.

[3]) Тамъ же, примѣчанія, 11.

[4]) Das veränd. Russland, I, 253—254.

[5]) Наука и лит., I, 321.

[6]) I, стр. XXXI.

затѣмъ — въ единствѣ матеріала: нѣкоторыя мѣста изложены почти дословно въ обоихъ источникахъ [1]). Далѣе, можно указать не мало мѣстъ, если не буквально сходныхъ, то весьма приближающихся къ полному тожеству: напримѣръ, то, что сказано о захватѣ трофеевъ [2]), о набѣгѣ попа И. Окулова на шведскія владѣнія [3]), объ осадѣ Нарвы [4]), о событіяхъ въ началѣ апрѣля 1709 г. [5]), о росписи трофеевъ въ Эльбингѣ [6]), объ условіяхъ сдачи Выборга [7]), о трофеяхъ въ Ригѣ [8]). Какъ матеріалъ историческій, интересны у Гюйссена страницы, излагающія событія подробнѣе Поденной Записки; почему послѣдняя сокращала ихъ, не соотвѣтствовала ли подробность истинѣ, считалъ ли царь ее просто излишнею—это вопросъ критики, но, какъ матеріалъ, эти страницы, разъ послѣдняя ихъ не отвергла, нельзя считать не имѣющими цѣнности. Въ данномъ случаѣ мы можемъ указать на описаніе дней, непосредственно слѣдовавшихъ за Гуммельсгофскимъ боемъ [9]), на подробности въ именахъ и наградахъ за взятіе Шлиссельбурга [10]), на событія въ январѣ 1703 года [11]), на событія въ мартѣ 1703 года [12]), на подробности путешествія Петра въ 1709 году изъ Полтавы въ Кіевъ и тогда же изъ Маріенвердера въ Митаву [13]), на манифестъ Августа II отъ 8-го августа 1709 года [14]), на перечень захваченнаго при взятіи Ревеля [15]). Но еще болѣе важными будутъ тѣ мѣста Гюйссеновской книги, которыхъ совсѣмъ нѣтъ въ Журналѣ Петра. Дѣло въ томъ, что царь въ своемъ трудѣ, въ общемъ излагая событія совершенно въ томъ же порядкѣ, съ тѣмъ же характеромъ и часто тѣми же словами, какъ и Гюйссенъ, совершенно выбрасываетъ нѣкоторыя подробности. Такъ, напримѣръ, нѣтъ у него данныхъ изъ Марсовой книги, которыми Гюйссенъ, наоборотъ, воспользовался [16]); точно также только Гюйссенъ сохранилъ намъ взглядъ Петра на казенныя деньги и событія 27-го апрѣля 1703 года [17]), слова государя по поводу измѣны Мазепы [18]), факты,

---

[1]) Для примѣра сравн. осаду Нотебурга, Тум., III; 301—308 и Под. Зап., I, 55—61, или день 15-го іюня 1709 г., Тум. VIII, 90 и Под. Зап., I, 210.

[2]) Тум., III, 290 и Под. Зап., I, 44—45.

[3]) Тум., III, 318 и Под. Зап., I, 66.

[4]) Тум., III, 449 слѣд. и Под. Зап., I, 94 слѣд.

[5]) Тум., VIII, 47 слѣд. и Под. Зап., I, 203 слѣд.

[6]) Тум., VIII, 233—235 и Под. Зап., I, 257—258.

[7]) Тум., VIII, 259—261 и Под. Зап., I, 267—268.

[8]) Тум., VIII, 287—293 и Под. Зап., I, 302—309.

[9]) Тум., III, 291—293 и Под. Зап., I, 45.

[10]) Тум., III, 316—318 и Под. Зап., I, 64—65.

[11]) Тум., III, 325—327 и Под. Зап., I, 67.

[12]) Тум., III, 328—329 и Под. Зап., I, 67.

[13]) Тум., VIII, 144, 175 и Под. Зап., I, 241, 250.

[14]) Тум., VIII, 145—146 и Под. Зап., I, 242.

[15]) Тум., VIII, 317—327 и Под. Зап., I, 323—324.

[16]) Сравн. Тум., III, 312—315 и Под. Зап., I, 63—64.

[17]) Тум., III, 331—332; Под. Зап., I, 68.

[18]) Тум., VIII, 17; Под. Зап., I, 199.

имѣвшіе мѣсто 9-го — 22-го апрѣля 1709 года [1]), 7-го — 19-го мая 1709 г. [2]) и 1-го іюня 1709 г. [3]). Замѣтимъ, что Поденная Записка составлялась послѣ смерти царевича Алексѣя, а потому все, что въ трудѣ Гюйссена такъ или иначе отзывалось о немъ сочувственно, не нашло себѣ здѣсь мѣста [4]). Къ числу доказательствъ того, что Гюйссеновскій „журналъ“ легъ въ основу Поденной Записки, относимъ и тотъ фактъ, что редакція Макарова о поведеніи Петра во время Полтавской битвы, какъ извѣстно, сильно измѣненная государемъ [5]), почти дословно схожа съ редакціею Гюйссена [6]). Значеніе Гюйссена выростетъ еще болѣе, если мы вспомнимъ, что сочиненіе его богато свѣдѣніями, происхожденія несомнѣнно офиціальнаго или основаннаго на свидѣтельствахъ личныхъ, — свѣдѣніями, къ тому же большею частью опущенными въ Поденной Запискѣ. Таково, напримѣръ, описаніе Стрѣлецкаго бунта 1698 года [7]), очеркъ шведско-русскихъ отношеній, предшествовавшихъ войнѣ 1700 года [8]), перечень обидъ, послужившихъ къ началію войны [9]), о казакахъ польскихъ [10]), въѣздъ царя въ Москву 11-го ноября 1703 года и послѣдовавшія за тѣмъ торжества [11]), описаніе гроба, въ которомъ будто бы былъ похороненъ Овидій [12]), о лапонцѣ [13]), описаніе Воронежа 1709 года [14]), о Мазепѣ и его козняхъ [15]), просьба генералитета къ Петру передъ Полтавской битвой и отвѣтъ царя [16]), отношеніе къ Карлу XII и забота о немъ послѣ Полтавы [17]), отношеніе царя къ полтавскимъ плѣннымъ, празднованіе Полтавской побѣды въ Москвѣ, стихи въ честь побѣдителей и пр. [18]), празднованіе Полтавской побѣды за-границей [19]), наконецъ, оскорбленіе посла Матвѣева въ Лондонѣ, пріемъ Уитворта царемъ и возникшая по этому поводу переписка между дворами русскимъ и англійскимъ [20]). Помимо всего, въ „журналѣ“ барона Гюйссена не мало документовъ чисто офиціаль-

---

[1]) Тум., VIII, 46; Под. Зап., I, 203.

[2]) Тум., VIII, 48; Под. Зап., I, 204.

[3]) Тум., VIII, 85; Под. Зап., I, 209.

[4]) Объ участіи Алексѣя въ осадѣ Нотебурга, о пребываніи его въ 1709 году за границей: Тум., III, 302; VIII, 177; Под. Зап., I, 56, 251.

[5]) Устр., I, стр. XXXVIII, 319—322.

[6]) Тум., VIII, 105.

[7]) Тум., III, 103—112.

[8]) Тум., III, 122—185.

[9]) Тум., III, 185—192.

[10]) Тум., III, 350—361.

[11]) Тум., III, 369—375.

[12]) Тум., VIII, 40—41.

[13]) Тум., VIII, 42—43.

[14]) Тум., VIII, 45—46.

[15]) Тум., VIII, 69—71.

[16]) Тум., VIII, 93—94.

[17]) Тум., VIII, 115—117.

[18]) Тум., VIII, 117—134.

[19]) Тум., VIII, 165—174.

[20]) Тум., VIII, 205—224.

наго характера. Таковы разныя дипломатическія ноты первыхъ лѣтъ войны [1]), письма Паткуля къ царю [2]), письмо кн. Д. М. Голицына [3]), универсалъ къ казакамъ [4]), указъ 3-го февраля 1709 года [5]), рядъ офиціальныхъ донесеній 1709 года [6]), указъ 26-го мая 1709 года [7]), собственноручное письмо царя къ сыну о побѣдѣ Полтавской [8]), донесеніе П. А. Толстого изъ Константинополя отъ 7-го января 1710 года въ письмѣ къ графу Г. И. Головкину [9]) и реляція кн. В. Л. Долгорукаго изъ Данін отъ 17-го января того же года [10]), офиціальное объявленіе Б. П. Шереметева 15-го мая 1710 года подъ Ригою [11]), переписка Шереметева съ комендантомъ Риги [12]), рѣчь рижскаго дворянства къ Шереметеву [13]) и грамота царя къ султану отъ 17-го іюля 1710 года [14]). Журналъ Гюйссена отразилъ на себѣ и состояніе исторіографіи того времени: цѣнность содержанія не исключаетъ самыхъ неумѣлыхъ пріемовъ построенія. Насколько механически сшивалъ авторъ бывшіе въ его рукахъ документы, насколько далекъ былъ онъ отъ какой либо системы и порядка, можно судить хотя бы по тому, что, разсказавъ осаду Нарвы [15]), онъ тотчасъ же возвращается къ изложенной темѣ и на той же страницѣ повторяетъ разсказъ объ этой осадѣ въ нѣсколько только перепначенной редакціи [16]). Дальнѣйшее сравненіе обоихъ трудовъ—Журнала Гюйссена и Поденной Записки—показываетъ, что послѣдняя имѣла въ виду дать свѣдѣнія только о дѣйствіяхъ царя или, самое большее, о дѣйствіяхъ его арміи и ближайшихъ сотрудниковъ; сочиненіе же болѣе раннее задалось болѣе широкою программой, пытаясь создать исторію времени (хотя бы чисто внѣшнюю)—вотъ почему Гюйссенъ говоритъ, кромѣ военныхъ дѣйствій, и о многомъ другомъ, что такъ или иначе имѣло отношеніе къ войнѣ. Поэтому-то источникомъ для него служатъ не однѣ офиціальныя вѣдомости, а и такія монографіи, какъ сочиненія Пуффендорфа [17]), Локценія [18]), или же: Шведскій Штатъ, Шведское Зерцало [19]), книга Маккавеевъ [20]) и друг.

---

[1]) Тум., III, 240—245, 253—262.
[2]) Тум., III, 470—475, 478—484.
[3]) Тум., III, 484—488.
[4]) Тум., VIII, 11—16.
[5]) Тум., VIII, 17—30.
[6]) Тум., VIII, 57—68.
[7]) Тум., VIII, 71—84.
[8]) Тум., VIII, 96—97.
[9]) Тум., VIII, 221—227.
[10]) Тум., VIII, 227—229.
[11]) Тум., VIII, 250—252.
[12]) Тум., VIII, 276—280.
[13]) Тум., VIII, 282—285.
[14]) Тум., VIII, 303—309.
[15]) Тум., III, 434—449.
[16]) Тум., III, 449 слѣд.
[17]) Тум., III, 146, 150, 154, 270.
[18]) Тум., III, 128, 132, 134, 137, 147.
[19]) Тум., III, 147.
[20]) Тум., III, 373.

5—6 и) Въ текстѣ мы уже замѣтили, что процессъ составленія „Исторіи Свейской войны“ могъ бы служить предметомъ особаго изслѣдованія. Между прочимъ остается совершенно невыясненнымъ отношеніе Исторіи къ Журналу Петра Великаго,—точки же соприкосновенія между тѣмъ и другимъ несомнѣнно чувствуются. Можно догадываться, что Журналъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ, явился исходнымъ пунктомъ въ эволюціи историографической дѣятельности царя и его сотрудниковъ. Въ Государственномъ Архивѣ хранится [1]) рукопись подъ современнымъ названіемъ: „Поденная роспись или юрналъ что въ миношедшую осаду подъ крѣпостію Нотенбурхомъ чинилось сентября зъ 26-го числа 1702 году“. Сравнивая эту рукопись съ Юрналомъ 1702 года въ двухъ его редакціяхъ, хранящихся въ томъ же Государственномъ Архивѣ [2]), легко замѣтить, что Роспись, хотя и передаетъ, въ сущности, то же самое, что и Юрналъ, но излагаетъ событія подробнѣе и при томъ по программѣ расширенной: говоря не исключительно только о томъ, что было связано съ личностью государя, и чего только и касался, согласно своей программѣ, Юрналъ. Къ тому же, „Поденная Роспись“ не остановилась на одной осадѣ Нотебурга, а продолжила изложеніе событій Шведской войны до 31-го декабря 1713 г. включительно. Сравнивая затѣмъ Роспись съ „Исторіей Свейской войны“, видимъ, что изложеніе въ этой послѣдней еще обстоятельнѣе, что̀ даетъ право смотрѣть на Роспись, какъ на своего рода промежуточную стадію межъ Юрналомъ и Исторіей.

6) Къ стр. 12.

а) „Въ 1722 г., декабря 16 императоръ Петръ В. изустнымъ указомъ изъявилъ св. синоду свое желаніе собрать всѣ предики, бывшія съ начала Шведской войны, чрезъ все двадесять-однолѣтнее время, гдѣ бы ни были, въ присутствіи его величества и въ отсутствіи, архіереями и прочими учителями проповѣданы, съ воспоминаніемъ взятія городовъ и полученныхъ викторій, и, расположивъ ихъ погодно, съ краткими оглавленіями, издать въ свѣтъ въ память пребудущимъ родамъ. Но по разнымъ обстоятельствамъ желаніе великаго государя осталось не исполненнымъ“ [3]).

б) „Около 1720 года, по повелѣнію государя, кабинетъ-секретаремъ Макаровымъ собирались историческія свѣдѣнія (есть указанія, что тогда же работалъ и Шафировъ) о военныхъ дѣйствіяхъ Петровскаго царствованія, сухопутныхъ и морскихъ, и изъ собранныхъ матеріаловъ, просмотрѣнныхъ и исправленныхъ самимъ царемъ, Ѳеофаномъ Прокоповичемъ составлена была *Исторія Свейской войны*, извѣстная болѣе подъ именемъ Журнала Петра Великаго“ [4]). Сравн. предыдущее примѣчаніе, пунктъ е, о составленіи Прокоповичемъ предисловія къ Журналу. Отмѣтка царя въ записной книжкѣ 1722 года—

---

[1]) Кабинетъ Петра Великаго, I, № 26, 274 лл. въ четвертку.

[2]) Кабинетъ Петра Великаго, I, №№ 16 и 25.

[3]) Свѣдѣнія о бывшей типографіи Александро-Невскаго монастыря и о напечатанныхъ въ ней книгахъ. *Христіанское Чтеніе* 1857 г., ч. I, стр. 344, со ссылкою на „Типограф. дѣла арх. св. синод. 1722. № 10“.

[4]) Зеленый, *Отчетъ о 19-мъ присужд. наг. гр. Уварова*, стр. 138.

Устрялов, I, стр. XXXII, 316—317. Докладъ Прокоповича царю, поручившему ему „исторію своего времени“.—Соловьевъ, XVIII, 190—191. 6

в) Тѣсная связь „Исторіи императора Петра Великаго до Полтавской битвы“ съ Поденной Запиской несомнѣнна. Сочиненія Гюйссена, Θеофана, Шафирова и Макарова преслѣдовали, въ сущности, одну и ту же цѣль, питались одинаковыми источниками. Напримѣръ, обиды, послужившія для Россіи поводомъ начать войну, перечислены у Гюйссена очень обстоятельно [1]; тѣ же обиды, въ томъ же порядкѣ, въ тѣхъ же выраженіяхъ, только короче и съ пропускомъ несущественныхъ деталей, указаны въ „Исторіи Петра Великаго“ [2]; въ „Разсужденіи“ Шафирова [3] разсказъ объ этихъ обидахъ, правда, переданъ иначе, въ иномъ, пожалуй, духѣ; но сходныхъ чертъ сохранилось все-таки очень много. Сравн. подробности въ „Исторіи“ Прокоповича [4] сравнительно съ Поденной Запиской [5] въ перечнѣ военныхъ снарядовъ, захваченныхъ русскими въ Шлиссельбургѣ и Нарвѣ. Макаровская (т. е. еще не окончательная) редакція Поденной Записки оставила свои слѣды на „Исторіи“ Θеофана. Сравн. въ „Исторіи“ описаніе осады города Выборга [6] съ соотвѣтственнымъ мѣстомъ въ спискѣ Макарова и въ спискѣ, правленномъ рукою государя [7]: сходство—съ первымъ, а не со вторымъ. Точно также и подробность о Меншиковѣ (во время Полтавскаго боя), вычеркнутая Петромъ [8], сохранилась у Θеофана [9]. Добавленіе о прострѣленной шляпѣ царя, попавшее въ „Исторію“ [10], хотя его и нѣтъ въ редакціи Макарова, еще не можетъ служить опроверженіемъ вышесказаннаго. — Мы предвидимъ возможность возраженія: правильно ли вообще выдѣлять „Исторію“ Θ. Прокоповича отъ Поденной Записки, т. е. въ одной видѣть исторію *царствованія*, въ другой—исторію *войны*? и должны признать, что обосновали такое выдѣленіе слабѣе, чѣмъ это сами считали необходимымъ: окончательное рѣшеніе вопроса требуетъ спеціальнаго изслѣдованія и прежде всего анализа рукописей въ ихъ разнообразныхъ редакціяхъ и варіантахъ. Рѣшеніе вопроса осложняется еще и тѣмъ, что осуществленіе обѣихъ задачъ—описанія „войны“ и „царствованія“—шло рука объ руку съ третьей: съ составленіемъ *общей* исторіи *Россіи*. Такъ, въ 1708 г. Поликарпову поручено было составить русскую исторію „отъ начала царствованія в. кн. Василья Ивановича до нынѣшнихъ временъ... на два манера, пространно и коротко“ [11], каковое порученіе и было имъ исполнено къ 1716 году [12]. Г. Брайловскій полагаетъ,

---

[1]) Тум., III, 185—192.

[2]) Стр. 19—21 по изд. 1773 г.; стр. 27—31 по изд. 1788 г.

[3]) Стр. 23—35 по изд. 1717 г.

[4]) Стр. 53 слѣд., 95 слѣд. по изд. 1773 г.; стр. 68 слѣд., 116 слѣд. по изд. 1788 г.

[5]) I, 62—63, 98—99.

[6]) Стр. 139—140 по изд. 1773 г.; стр. 164—166.

[7]) Устрялов, I, 320.

[8]) Устрялов, I, 322.

[9]) Исторія Петра Великаго, стр. 214, 1-е изд.; стр. 252, 2-е изд.

[10]) Исторія Петра Великаго, стр. 213, 1-е изд.; стр. 251, 2-е изд.

[11]) Голиковъ, Дѣянія, 2-е изд., IV, 299.

[12]) Тамъ же, V, 323; VI, 369; ср. Пекарскій, Наука и литер., I, 317.

6 что „Исторія“ Поликарпова была готова даже раньше, именно въ 1714 г. [1]). Въ данномъ случаѣ мы, впрочемъ, имѣемъ дѣло съ точнымъ указаніемъ, что̀ слѣдуетъ понимать подъ выраженіемъ „русская исторія“: эпохи Петра Великаго она *не* захватывала; но нельзя этого сказать съ такой же опредѣленностью касательно другихъ случаевъ. Такъ, Гюйссенъ впослѣдствіи, уже по смерти государя, заявлялъ, что царь поручилъ ему писать *русскую исторію*— но что именно? Судя по тому, что въ программу этой исторіи входило „географское описаніе земель и городовъ“; что матеріалъ—„старыя и новыя свѣдѣнія“, въ томъ числѣ „лѣтописанія“ и „родословія знатныхъ фамилій“—доставлялся между прочимъ и изъ приказовъ, монастырей,—можно думать, что это была исторія *Россіи*; но, оказывается, та же программа намѣчала и показанія современныхъ Гюйссену „генераловъ и прочихъ высокихъ морскихъ и сухопутныхъ офицеровъ и другихъ любопытныхъ и искусныхъ особъ“ о тѣхъ „бояхъ и случаяхъ“, въ которыхъ они принимали непосредственное участіе [2]), что̀, конечно, относиться могло только къ задачамъ Поденной Записки или, во всякомъ случаѣ, „Исторіи императора Петра Великаго“. И вотъ почему — для насъ, по крайней мѣрѣ,—остается открытымъ вопросъ, въ чемъ именно состояли занятія Гюйссена въ 1723 г. [3]), такъ какъ, составляя свой „Журналъ“ въ 1715 г., онъ черезъ 8 лѣтъ могъ снова, хотя бы и въ иной формѣ, принять участіе въ дальнѣйшихъ работахъ надъ составленіемъ Поденной Записки.

г) „Исторія императора Петра Великаго отъ рожденія его до Полтавской баталіи и взятіи въ плѣнъ остальныхъ шведскихъ войскъ при Переволочнѣ включительно, сочиненная Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, послѣ бывшимъ архіепископомъ Великаго Новагорода и Великихъ Лукъ; изданная съ обрѣтающагося въ Кабинетской архивѣ дѣлъ е. и. в. списка, правленнаго рукою самого сочинителя“ (два изданія: С.-Пб. 1773, 217 стр.; М. 1788, 256 стр.)—такъ озаглавленъ этотъ трудъ издателемъ его, кн. М. М. Щербатовымъ. Несмотря на категоричность заявленія Щербатова, вопросъ объ авторѣ сочиненія еще не можетъ считаться окончательно выясненнымъ. Митрополитъ Евгеній [4]), Устряловъ [5]), Соловьевъ [6]), Бестужевъ-Рюминъ [7]) приписываютъ книгу Ѳеофану; по мнѣнію Костомарова, „Ѳеофанъ получилъ порученіе отъ государя пополнить исторію Петра, написанную неизвѣстно кѣмъ, быть можетъ, самимъ Петромъ; она въ значительной степени была исправлена и выглажена“ псковскимъ епископомъ [8]). Чистовичъ [9]), разсматривавшій рукопись сочиненія, отвергаетъ авторство Ѳеофана, признавая за нимъ только частныя поправки и мелкія до-

---

[1]) См. его статью: „Ѳ. П. Поликарповъ“ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1894, ноябрь, 80.

[2]) Пекарскій, Наука и литер., I, 320.

[3]) Тамъ же.

[4]) Словарь писател. духовн. чина, изд. 2-е, т. II, стр. 309.

[5]) I, стр. XXXI.

[6]) XVIII, 190.

[7]) Исторія Россіи, I, 60 первой паг.

[8]) Русская Исторія въ жизнеопис., вып. 6, стр. 875.

[9]) Ѳ. Прокоповичъ и его время, 122—124.

полненія. П. О. Морозовъ [1]) держится середины и, въ основѣ принимая мнѣніе 6
Чистовича, думаетъ только, что участіе Ѳеофана было болѣе дѣятельнымъ и содержательнымъ. Въ книгѣ, дѣйствительно, найдутся такія страницы, которыя, по нашему мнѣнію, никакъ не могли принадлежать Ѳеофану:

1) Говоря о военныхъ дѣйствіяхъ на Невѣ въ 1702—1703 годахъ, авторъ даетъ краткую, но рѣзко очерченную характеристику чухонъ, въ то время тамъ жившихъ [2]). Характеристика эта походитъ на свидѣтельство очевидца, а Прокоповичъ въ описываемое время не былъ на берегахъ Невы.

2) Не былъ онъ тамъ и въ 1713 году [3]); а между тѣмъ страницы 66—72 [4]) даютъ обстоятельную топографію рѣки Невы и планъ Петербурга („за время десятолѣтнее“). Свидѣтельство Устрялова [5]), что „Исторія“ составлена по „Марсовой книгѣ или собранію реляцій о баталіяхъ до 1713 года“, скорѣе говоритъ не въ пользу авторства Ѳеофана: свѣжіе матеріалы [6]) и послужили побужденіемъ не медля, въ томъ же 1713 году, сѣсть за работу.

3) Странно было бы услыхать отъ Ѳеофана похвалу „мудрости“ Стефану Яворскому [7]), злѣйшему его врагу.

Съ другой стороны, можно указать на рядъ страницъ, авторомъ которыхъ трудно было бы указать кого либо иного, какъ только Ѳеофана Прокоповича:

1) Пребываніе Петра въ 1706 году въ Кіевѣ, встрѣча царя духовенствомъ, значеніе Печерскаго монастыря и его топографія [8]). Въ 1706 г. въ Кіевѣ, какъ извѣстно, Петръ впервые познакомился съ будущимъ составителемъ Духовнаго Регламента.

2) Характеристика Мазепы [9]), — мастерская и мѣткая. П. О. Морозовъ [10]) замѣчаетъ, что никто *по языку* не могъ бы такъ написать въ то время. Можно прибавить: и по таланту, по наблюдательности. Наконецъ, только мѣстный житель могъ схватить всѣ мелочи впечатлѣній, а онѣ-то въ данномъ случаѣ и обусловили цѣльность картины.

3) Характеристика запорожцевъ [11]). Г. Морозовъ [12]) и ее причисляетъ къ безспорнымъ произведеніямъ Ѳеофановскаго пера, ничѣмъ, впрочемъ, не подтверждая своего мнѣнія. Между тѣмъ, если по языку этотъ отрывокъ и слабѣе предыдущаго, то опять въ немъ встрѣчаются такія данныя, такія мѣстныя черты, которыя доступны были только туземцу-малороссу. Кромѣ того, есть еще одно важное мѣсто: заканчивая характеристику запорожцевъ, авторъ за-

---

[1]) „О. Прокоповичъ“. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1880, № 8, стр. 324.

[2]) Стр. 59 по изд. 1773 г.; стр. 73 по изд. 1788 г.

[3]) Впервые пріѣхалъ онъ въ Петербургъ только осенью 1716 г. Чистовичъ, 25.

[4]) По изд. 1773 г.; стр. 83—89 по изд. 1788 г.

[5]) I, стр. XXXI.

[6]) Марсовая книга издана въ 1713 и частью въ 1714 г. Пекарскій, Наука и литер., II, 290, 303.

[7]) Стр. 136 по изд. 1773 г.; стр. 162 по изд. 1788 г.

[8]) Стр. 134—136 по изд. 1773 г.; стр. 159—162 го изд. 1788 г.

[9]) Стр. 156—162 по изд. 1773 г.; стр. 184—189 по изд. 1788 г.

[10]) *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1880, № 8, стр. 325.

[11]) Стр. 199—205 по изд. 1773 г.; стр. 235—241 по изд. 1788 г.

[12]) *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1880, № 8, стр. 325.

6 мѣчаетъ: „стояло Запорожье подъ королевствомъ Полскимъ около 140 лѣтъ, а подъ монархіею Россійскою 56 лѣтъ“ [1]). Складывая 56 съ 1667,—годомъ Андрусовскаго мира, получимъ 1723, то есть, годъ, слѣдующій за тѣмъ, какъ Ѳеофану послана „Исторія“ для дальнѣйшей обработки.

4) Описаніе Полтавскаго боя [2]), полно жизни и картинности; написано съ увлеченіемъ и съ тѣмъ мастерствомъ, какимъ въ такомъ совершенствѣ владѣлъ Ѳеофанъ.

Безразлично могли быть составлены и Ѳеофаномъ, и кѣмъ либо инымъ такія, напримѣръ, страницы:

1) Рѣчи Карла XII и Петра I, обращенныя къ войскамъ въ 1702 году, во время ожиданія шведовъ въ Архангельскѣ [3]).

2) Событія отъ битвы при Лѣсной вплоть до Полтавскаго боя [4]), изложенныя подробнѣе, чѣмъ въ Поденной Запискѣ (можетъ быть, потому что дѣйствіе происходитъ въ Малороссіи и въ тѣ годы, когда тамъ жилъ Ѳеофанъ?).

д) „Исторія императора Петра Великаго“ до нѣкоторой степени сохранила свое значеніе и по настоящее время. Цѣнными могутъ быть, кромѣ упомянутыхъ выше рѣчей двухъ государей, характеристики чухонъ, запорожцевъ, Мазепы и описанія Петербурга, также: детали побѣды подъ Нарвой 1704 г. [5]), отзывъ Петра о положеніи Августа Польскаго въ 1706 г. [6]), описаніе Жолквы [7]) и обѣдъ царя въ петербургскомъ домѣ Меншикова въ день именинъ хозяина (23-го апрѣля 1707 г.), хотя и въ отсутствіе его [8]). Послѣдній фактъ въ Поденной Запискѣ не отмѣченъ [9]).

---

[1]) Стр. 205 по изд. 1773 г.; стр. 241 по изд. 1788 г.
[2]) Стр. 212—213 по изд. 1773 г.; стр. 249—253 по изд. 1788 г.
[3]) Стр. 43—45 по изд. 1773 г.; стр. 56—58 по изд. 1788 г.
[4]) Стр. 178 слѣд. по изд. 1773 г.; стр. 204 слѣд. по изд. 1788 г.
[5]) Стр. 92 по изд. 1773 г.; стр. 112—113 по изд. 1788 г.
[6]) Стр. 137 по изд. 1773 г.; стр. 163 по изд. 1788 г.
[7]) Стр. 147—148 по изд. 1773 г.; стр. 173—174 по изд. 1788 г.
[8]) Стр. 150 по изд. 1773 г.; стр. 177 по изд. 1788 г.
[9]) Сравн. I, 162.

КЪ ГЛАВѢ ВТОРОЙ.

7) Къ стр. 14. 7—8

а) О лубочныхъ картинахъ см. Ровинскій, Русскія народныя картины, IV, 158—159, 256—269, 321—322; V, 155—163; Стасовъ, рецензія на книгу Ровинскаго въ *Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщ.* 1882, октябрь, 321—345; Ровинскій, Подробный словарь русск. гравир. портретовъ, III, 1738—1752.

б) Сравн. статью Пыпина, Дѣла о пѣсняхъ, въ XVIII вѣкѣ. *Извѣстія Отд. р. яз. и слов.*, т. V, кн. 2. Спб. 1900, стр. 579 слѣд.: о пѣснѣ, которую пѣлъ дьячекъ Т. Делпфовскій объ имп. Екатеринѣ I, въ 1752 году: „Зверочикъ, мой зверочикъ, полуношной мой зверочикъ, повадился зверочикъ во садочикъ х Катюше ходить“.

8) Къ стр. 17.

а) „При вступленіи Петра II надежды раскола на поддержку старорусскаго уклада оживились. Въ Поморьѣ объявленъ былъ по всѣмъ общежитіямъ и скитамъ своего рода манифестъ о моленіи за него“ [1]).

б) Пудреніе волосъ, ношеніе косы и штиблетъ, заведенное въ 1729 г. въ русской артиллеріи, въ слѣдующее царствованіе, Анны Іоанновны, упрочилось окончательно. „Волосы, напудренные, сбирались: на вискахъ—въ букли, а назади—въ длинную косу, почти до пояса, оплетенною черною кожею или лентою, завязанною, противъ кафтайнаго воротника, въ бантъ“ [2]).

в) Въ раскольничью контору, за время ея существованія (1725—1764), поступило 68 дѣлъ „о бородачахъ и раскольникахъ, взятыхъ въ неуказномъ платьѣ“ [3]).

г) Сенатскіе указы 19-го февраля 1743 и 11-го февраля 1748 гг.—Пол. Собр. Зак. XI, № 8707; XII, № 9479. Сравн. также указы 13-го мая 1745 г. о запреще-

[1]) Докладъ Е. В. Барсова. *Чтенія* 1896, IV, протоколы, стр. 44.

[2]) Историческое описаніе одежды и вооруженія россійскихъ войскъ, ч. II. С.-Пб. 1842, стр. 139, 134.

[3]) *Описаніе док. и бум. Моск. Арх. Мин. Юст.* VII, 27, статья В. В. Нечаева.

8 нiи раскольникамъ называться старовѣрами и 2-го декабря 1752 г., подтвержденіе указа 25-го апрѣля 1722 г. о взиманіи съ бородачей 50 рублей пени въ годъ и ношеніи особой одежды съ мѣдными знаками (тамъ же, XII, № 9155; XIII, 10053).

д) Съ цѣлью „обезоружить защитниковъ бороды и разсѣять сложившійся на счетъ ея предразсудокъ“, въ *Историческихъ, генеалогическихъ и географическихъ Примѣчаніяхъ къ Вѣдомостямъ* за 1741 годъ (части 14, 15, 16, 17, 18) помѣщена была обширная статья „О бородѣ и волосахъ“. „Тамъ приведены довольно подробныя свѣдѣнія, какія были добыты тогдашней наукой, о ношеніи бороды и волосъ у разныхъ народовъ древняго и новаго міра; въ заключеніе же высказано, потребное для данной минуты, мудрое поученіе, что „бороду не за надлежащую къ украшенію человѣческаго тѣла, но весьма за излишнюю часть онаго почитать надлежитъ“. Кромѣ того, въ различныхъ мѣстахъ статьи, къ слову, обронены довольно язвительныя замѣчанія противъ бороды въ такомъ, напримѣръ, смыслѣ, что „безбородый-де попъ гораздо больше бородатыхъ дураковъ разума имѣетъ“, что, по слову авторитетнаго мудреца Плутарха, „въ большой бородѣ не всегда большой умъ бываетъ“, и т. п.“ [1]). „Раскольникъ“ служилъ предметомъ осмѣянія и въ такъ называемыхъ интерлюдіяхъ [2]). Отдалъ дань вѣку и Ломоносовъ „Гимномъ бородѣ“ [3]). Полемика, вызвавшая этой язвительной и, мѣстами, довольно грубой сатирой на раскольниковъ [4]), лучше всего показываетъ, насколько жизненъ былъ въ ту пору этотъ вопросъ. Какъ извѣстно, злободневность свою борода потеряла только въ наши дни: еще въ царствованіе Николая I ношеніе бороды было однимъ изъ признаковъ политической неблагонадежности и могло служить мотивомъ лишенія человѣка свободы [5]).

е) О запрещеніи нюхать табакъ въ церквахъ говоритъ Болтинъ въ „Примѣчаніяхъ на исторію Леклерка“, I, 509—510.

ж) „Въ числѣ розыскныхъ дѣлъ тайной канцеляріи временъ Елизаветы встрѣчается не мало возбужденныхъ по поводу протеста противъ бритья бороды и связанныхъ съ этимъ искаженій древняго благочестія. По доносу, многія лица, преимущественно изъ старообрядцевъ, обличались въ „злодѣйственныхъ непристойныхъ разсужденіяхъ и толкованіяхъ“, въ такомъ обыкновенно родѣ: „Нынѣ-де въ церкви несправедливое ученіе. Нынѣшніе-де архіереи и попы и прочіе люди имѣютъ семь сатанинскихъ грѣховъ на себѣ: нюхаютъ табакъ, бранятся матерно и, приходя въ церковь, разговариваютъ о собакахъ. А люди-де брѣютъ бороды, и церковь-де всѣмъ любодѣйцамъ и мерзостямъ и

---

[1]) Михневичъ, Исторія русской бороды, въ (его) „Историч. этюдахъ“, II, 90. Экземпляра *Историческихъ примѣчаній* за 1741 годъ не оказалось ни въ Имп. Академіи Наукъ, ни въ Имп. Публ. Библіотекѣ, что̀ выпудило насъ пользоваться статьею о бородѣ черезъ вторыя руки. Сравн. Неустроевъ, Историч. розысканіе, 37.

[2]) Ср. Русскія интерлюдіи въ первой половинѣ XVIII вѣка. *Лѣтописи Тихоправова*, II, 35—60.

[3]) Сочиненія, акад. изд., II, 137.

[4]) См. тамъ же, примѣч., стр. 158 слѣд.

[5]) Случаи съ Ѳ. В. Чижовымъ и И. С. Аксаковымъ. Никитенко, Моя повѣсть о самомъ себѣ, изд. 2-е, т. I. С.-Пб. 1905, стр. 372, 391.

грѣхамъ земскимъ мать. И первый-де императоръ старовѣровъ мучилъ и ко- 8—9
которые-де замучены—всѣ святы, и былъ Ладожское озеро кнутомъ, и сына своего за христіанскую вѣру казнилъ. И при Елизаветѣ Петровнѣ народъ въ пагубу идетъ отъ несодержанія старой вѣры“ [1]).

з) Тимирязевъ, Борода Тимоѳея Архипыча. *Русскій Архивъ* 1874, I, 612—620.

и) В. Н. Щепкинъ. Два лицевыхъ сборника Историческаго музея. *Археологическія Извѣстія и Замѣтки* 1897, № 4, стр. 97—102. Сравн. Пыпинъ, Петръ Великій въ народномъ преданіи. *Вѣстникъ Европы* 1897, августъ, 640—644. — Г. Щепкинъ полагаетъ, что рисунки Лицеваго сборника возникли въ одномъ изъ крайнихъ раскольничьихъ толковъ, именно въ сектѣ бѣгуновъ (стр. 98). Пыпинъ справедливо возражалъ на это, находя, что „представленіе о Петрѣ, какъ объ антихристѣ, было вообще до такой степени распространено въ расколѣ, что приписать его преимущественно сектѣ бѣгуновъ не оказывается возможнымъ. И если это представленіе принадлежало и всякимъ инымъ толкамъ, то среди ихъ возможно и составленіе подходящихъ рисунковъ“ (стр. 644). Къ этому можно еще добавить, что самая секта бѣгуновъ (странниковъ) возникла не ранѣе восьмидесятыхъ годовъ XVIII столѣтія, между тѣмъ рисунки, какъ это доказываетъ г. Щепкинъ, были составлены еще до воцаренія Екатерины II.

9) Къ стр. 18.

а) Объ Иванѣ Павловѣ см. „Историческія бумаги К. И. Арсеньева“ *(Сборникъ отд. р. яз. и слов. Акад. Наукъ*, IX, 114—132).

б) Неосторожныя, зачастую прямо кощунственныя пародіи Петра на обряды православной церкви достаточно извѣстны, чтобъ требовать особыхъ доказательствъ. Достаточно указать на шутовскую свадьбу князь-папы Н. М. Зотова, „или, какъ на то время называли его, князь-патріарха“, котораго вѣнчалъ девяностолѣтній старецъ-священникъ и котораго „народъ“ привѣтствовалъ возгласами: „патріархъ женился! Да здравствуетъ патріархъ съ патріаршею!“ [2]); или на маскарадѣ, гдѣ тотъ же князь-папа, встрѣчая своихъ гостей, благословлялъ ихъ у входа „по способу русскаго духовенства, давая такимъ образомъ въ одно и то же время и папское, и патріаршее свое благословеніе“ [3]). Въ числѣ аттрибутовъ всепьянѣйшаго собора находились глиняныя фляги съ колокольчиками, изображавшія собою панагіи, „а вмѣсто Евангелія была сдѣлана книга, въ которой нѣсколько стклянокъ съ водкою... И во время дня Вербнаго Воскресенія также процессія послѣ обѣда отправлялась на Потѣшномъ дворѣ. Оной патріархъ шутошной былъ возимъ на верблюдѣ въ садъ набережной къ погребу фряжскому... и во всю зиму до масляницы продолжалъ славленіе по всѣмъ знатнымъ дворамъ на Москвѣ и въ Слободѣ, и у знатныхъ купцовъ съ воспѣніемъ обыкновеннымъ церковнымъ, въ которыхъ домѣхъ, пріуготовливали столы полные съ кушаніемъ, и гдѣ прилучится обѣ-

[1]) Михневичъ, назв. соч., 107—108.

[2]) Голиковъ, 2-е изд., VI, 289—290.

[3]) Берхгольцъ, Дневникъ, русск. перев., ч. I, изд. 2-е, стр. 175.

9—10 дали всѣ, а въ другихъ ужиновали, а во оныхъ токмо пивали. И продолжалось каждой день до полуночи и разъѣзжались всегда веселы“ [1]).

в) При торжественномъ въѣздѣ царя въ Москву, 21-го декабря 1709 года, въ день празднованія Полтавской побѣды, въ числѣ встрѣчавшихъ государя у тріумфальныхъ воротъ, „являлись въ бѣлыхъ одеждахъ юноши съ вѣнками на главахъ и ваіями въ рукахъ, которые идя въ срѣтеніе государю, пѣли приличныя торжеству пѣсни и полагали предъ его величествомъ вѣнки и вѣтви свои“; по окончаніи же рѣчи митр. Стефана Яворскаго, „нѣсколько отроковъ, одѣтыхъ въ бѣлое платье, въ видѣ ангеловъ крылатыхъ, воспѣли пѣснь духовную приличную торжеству“ [2]). Въ этотъ день „молодежь, толпами встрѣчавшая царя на всѣхъ улицахъ и во всѣхъ переулкахъ, бросала къ его ногамъ вѣтки и вѣнки“ [3]). На тріумфальныхъ воротахъ между многими аллегоріями миѳологическаго содержанія изображена была „близъ престола правды, вѣра христіанская во образѣ дѣвы съ крестомъ Господнимъ“ [4]).

г) О „корабляхъ“, т. е. саняхъ, сдѣланныхъ на подобіе кораблей, неоднократно говорятъ Голиковъ [5]) и Берхгольцъ [6]), описывая гулянья и маскарады, устраиваемые царемъ въ торжественныхъ случаяхъ.

д) Въ одной изъ рукописей XVIII столѣтія встрѣчается уподобленіе Петра царю вавилонскому, ввергшему трехъ отроковъ въ пещь огненную [7]).

е) Ср. выше прим. 1, пунктъ г, о семидесяти новинахъ, искажающихъ, по мнѣнію старовѣровъ, современную имъ русскую жизнь.

10) Къ стр. 22.

а) Сравн. „Обличеніе на книгу Димитрія митрополита Ростовскаго, въ полной свободѣ разрѣшающаго въ христіанствѣ чинить богопротивное и гнусное брадобритіе“.—сочиненіе поморца Тимоѳея Андреева, умершаго въ 1808 году, 63-хъ лѣтъ [8]). Сочиненіе Стефана Яворскаго, „Знаменія пришествія антихристова и кончины вѣка“, въ послѣдній разъ было перепечатано въ 1843 году [9])—значитъ, въ немъ чувствовалась еще надобность!

б) О примирительномъ вліяніи Екатерининскаго законодательства и о возникновеніи секты странниковъ см. Розовъ, Странники или бѣгуны въ русскомъ расколѣ. *Вѣстникъ Европы* 1872, ноябрь, 279—284. Начатки примирительнаго теченія, и при томъ въ самомъ расколѣ, хотя по совершенно инымъ мотивамъ, можно прослѣдить еще до воцаренія Екатерины II. Когда въ 1738

---

[1]) Архивъ Куракина, I, 71—72.

[2]) Голиковъ, изд. 2-е, XI, 364.

[3]) Юль, Записки, 121.

[4]) Соловьевъ, XV, 356.

[5]) Дѣянія, 1-е изд., VIII, 65—66.

[6]) Дневникъ, II, 66, 71 и др.

[7]) Описаніе рукописей Соловец. м-ря, хранящ. въ библ. Казан. духов. акад., ч. I. Каз. 1881, стр. 198.

[8]) Раскольническая библіографія Павла Любопытнаго. *Библіогр. Записки* 1861, стр. 435.

[9]) Пекарскій, Наука и литер., II, 78.

году старовѣрамъ, поселившимся на р. Выгѣ, угрожалъ разгромъ ихъ общежитій и скитовъ за нежеланіе молиться за государей и называть ихъ благочестивыми и благовѣрными, то выговскіе старцы порѣшили императрицу Анну Іоанновну въ тропаряхъ, въ кондакахъ и стихахъ поминать такъ, какъ гдѣ напечатано въ книгахъ, тропарь „Спаси, Господи, люди твоя“ написать по православному. Оппортунизмъ этотъ встрѣтилъ сильную оппозицію въ раскольничьемъ мірѣ, но не было недостатка и въ защитникахъ новаго взгляда. Е. В. Барсовъ говоритъ, что среди сочиненій этой категоріи особенно выдается „Книга о моленіи царей“, составленная Даніиломъ Матвѣевымъ: она „имѣла сильное вліяніе на умы раскольниковъ, на моральное отношеніе огромной массы русскаго народа къ Высочайшей власти“ [1]). 10

в) Указъ 8-го февраля 1716 г. [2]) установлялъ двойной окладъ съ раскольниковъ; что же до указа 2-го марта 1718 г. [3]), то такового не находится ни въ Пол. Соб. Законовъ, ни въ „Указахъ г. и. Петра Великаго, состоявшихся съ 1714 по кончину е. и. в—ва, генваря по 28 число 1725 году“. Что однако онъ долженъ былъ существовать, косвенно подтверждаетъ манифестъ 3-го марта 1764 г., ссылаясь, по вопросу о двойномъ окладѣ, на рядъ предшествовавшихъ указовъ, между прочимъ, на указы „1716 года февраля 8 дня, 1718 года марта и октября 9“ [4]).

г) Чтобы понять, почему въ категорію указовъ 1731—1745 гг. Евѳимій отнесъ и указъ 1764 г., напомнимъ, что Екатерина II, въ манифестѣ 3-го марта 1764 года, запрещала называть раскольниками только тѣхъ старообрядцевъ (а равно освобождать отъ двойного оклада), „кои православной церкви не чуждаются и таинства церковныя отъ православныхъ священниковъ пріемлютъ, а только въ застарѣлыхъ и безразсудныхъ нѣкоторыхъ по суевѣрію обычаяхъ, не развращающихъ ни Слова Божія, ниже догматовъ и правилъ церковныхъ, то оные не токмо отъ входа церковнаго и отъ таинствъ ея святѣйшимъ синодомъ не отлучаются, но и за раскольниковъ тѣмъ же синодомъ не признаваемы“ [5])—очевидно, подъ это опредѣленіе секта, образованная Евѳиміемъ, подойти не могла.

д) О Евѳиміи и его ученіи—Синицынъ, двѣ записки 1853 года (Сборникъ правительств. свѣдѣній о раскольникахъ, составленный Кельсіевымъ. Вып. IV, Лондонъ 1862, стр. 17, стр. 112 слѣд.); Щаповъ, наз. соч.; Трефолевъ, Странники. *Русскій Архивъ* 1866, 610—625; другая статья того же автора въ *Трудахъ Ярославскаго губернскаго статистическаго комитета.* Вып. 1-й. Яросл. 1866, стр. 155 — 268; Аксаковъ, Краткая записка о странникахъ или бѣгунахъ. *Рус-*

---

[1]) Е. Барсовъ, Семенъ Денисовъ Вторушинъ, предводитель русскаго раскола XVII вѣка. *Труды Кіевск. Дух. Акад.* 1866, т. II, іюнь, стр. 222—227. Ср. другую статью Барсова: Петръ Великій въ его отношеніи къ поморскому расколу. *Русское Обозрѣніе* 1894, январь и *Чтенія* 1894, I, протоколы, 90—99.

[2]) П. С. Зак. V, № 2991.

[3]) Дата эта одинаково показана у Розова, 299 и Щапова, Земство и расколъ. *Время* 1862, ноябрь, 260.

[4]) П. С. Зак. XVI, № 12067.

[5]) П. С. Зак. XVI, № 12067.

10 *скій Архивъ* 1866, стр. 627 слѣд.; Розовъ, назв. соч.; Пятницкій, Русскій сектантъ въ своей исторіи. Возникновеніе секты и первоначальная ея исторія по рукописи сектатора. *Странникъ* 1884, №№ 5, 6, 7; Вескинскій, Странники или бѣгуны. *Правосл. Обозрѣніе* 1864, т. XIV, № 8; Ливановъ, Раскольники и острожники, IV, 57—194 (компиляція, съ обширными выдержками изъ сборника Кельсіева).—Сочиненія Евѳимія большею частію остаются еще въ рукописяхъ; ни число, ни даже наименованіе ихъ до сихъ поръ не установлены [1]). Нѣкоторыя составлены въ 1784 и 1787 гг. Выдержки изъ главнаго труда, такъ наз. „Цвѣтника“, приводятъ (по разнымъ спискамъ) Щаповъ, 259 слѣд., Трефолевъ, 610 слѣд. (также и въ *Трудахъ*) и Розовъ, 295 слѣд.; печатныя же выдержки изъ „Цвѣтника“, а также „Разглагольствія 1784 года“ и „Посланія къ московскимъ старцамъ 1787 года“ приведены Кельсіевымъ, вып. IV, стр. 248—270. Новѣйшія работы о странникахъ принадлежатъ И. К. Пятницкому; см. рядъ его статей въ *Богословскомъ Вѣстникѣ* за 1906 годъ: „Секта странниковъ и ея значеніе въ расколѣ“ (№№ 3, 4); „Исторія секты с—въ“ (№№ 7—8); „Ученіе с—въ“ (№ 9); „Смыслъ секты с—въ“ (№ 12).

е) Въ дополненіе къ сказанному въ текстѣ, приводимъ, для большей полноты воззрѣній Евѳимія, еще нѣсколько положеній изъ его „Цвѣтника“: „Отъ лѣта 7230, егда первымъ императоромъ счинися онись народная, тогда онъ нача повсюду искати бѣглыхъ, коего иску прежде не было, аще и мнози быша по пустынямъ скитающіися отцы и близъ невѣрныхъ властей пребывающе, обаче таковаго злѣйшаго ихъ иску и гоненія не бѣ; гдѣ же непрестанно содѣя врагъ всюду искати: онѣхъ бѣгствующихъ міра кватати и связавъ въ темницахъ заключати, дондеже покори въ область свою темную, ни стараго бо и измозжалаго остави на волѣ своей спастися... сего ради и подвигъ спасаемымъ оттолѣ претерпѣвый до конца спасется..... И здѣ еще разумнѣ вонмите вещь: егда бо оный императоръ умысли еллинскіе и латинскіе и прочіе языческіе законы устаменяти, яко се: брады брити, платье нѣмецкое носити, власы растити и плести косы, банты привязывати, петли на шеяхъ имѣти, пукли связывати и лавержъ саломъ намазывати, и мукою главу припутривати, и табакъ носомъ пити и устами курити, и со псы изъ единыхъ сосудовъ ясти, и всякую давленину и звѣроядину употреблять, и прочая тако поганская дѣяти, а древніе останки благочестивыхъ обычаевъ до конца истребити—исполнися реченное: *и гладъ будетъ великъ*. Тогда убо прежде сего ону преимущую надо всѣми власть упразднi, спрѣчь патріарше лице отстави, яко хотяще въ намѣреніяхъ онѣхъ языческихъ дѣлъ ему препятствовати, и состави синодъ, спрѣчь собраніе къ разсужденію совокупи: четырехъ бо екзарховъ, поборниковъ себѣ, въ такое же присутствіе тогда изbра, папежскаго отрода сущихъ обливащевъ и табачниковъ и усоподсѣкателей: Стефана Рязанскаго, Митрея Ростовскаго, Ѳедосѣя Новгородскаго и смоленскаго шляхтича [2]): самъ же въ нихъ пятой сѣде, въ лицѣ онаго патріарха разсу-

[1]) Сравн. несогласныя обозначенія ихъ у Трефолева (*Русскій Архивъ*, 621; *Труды*, 179) и Розова (301).

[2]) Память измѣнила Евѳимію (если только мы имѣемъ дѣло не съ испорченной редакціей текста): въ составѣ новоучрежденнаго синода архіереевъ было только трое, „четвертаго“ же, Димитрія Ростовскаго, давно уже не было въ живыхъ; кромѣ

ждати духовная: и се являетъ сидѣніе его въ церкви жидовстѣй, жидовство 10—11
бо не иное что сказуется, точію идѣ же истиннаго ученія Христова не пріемлютъ: тамо бо его распинаютъ. И тогда убо оная духовная власть ничто же нача безъ повелѣнія его дѣйствовати, яко же и нынѣ видимо есть: вся бо воля отъяся отъ духовныхъ гражданскою властію; не могутъ бо воспретити и отлучити отъ своея церкви ядущихъ въ посты и въ постные дни мясо и имущихъ женъ наложницъ, или въ операхъ творящихъ бѣсованіе на воскресные и господскіе праздники, всуе бо о постѣхъ и воздержаніи и цѣломудріи и прочемъ проповѣдаютъ. А еже обновляетъ онъ жидовскую церковь, есть сице: понеже при оной патріаршей власти, яко же древне правовѣрніи, отъ всякаго неподобнаго удержавахуся отлученіемъ и наказаніемъ, запрещахубося и епитиміею обличахуся грѣшащіи и сіе тяжко бремя отступникомъ бѣ; онъ же абіе пришедъ тако сѣде въ церкви ихъ и даде слабое и легкое имъ житіе имѣти, еже внѣ онаго наказанія и запрещенія имъ быти; эпитимство бо оно и отлученіе упраздни, и каждаго, аще и зѣло тяжки грѣхи на исповѣди сказующаго, причащати своимъ агнцемъ повелѣ“ [1]).

11) Къ стр. 25.

а) „Собраніе отъ св. Писанія о антихристѣ“, по разнымъ спискамъ, напечатано въ Сборникѣ Кельсіева, вып. 2-й. Лондонъ. 1861, и въ *Чтеніяхъ* 1863, кн. I—въ послѣднемъ изданіи подъ заглавіемъ: „Выписана исторія печатная о Петрѣ Великомъ. Собраніе отъ святаго Писанія о антихристѣ“. Щаповъ, помѣстившій небольшія выдержки въ „Русскомъ расколѣ старообрядства“ [2]), называетъ это сочиненіе „челобитною“, а Розовъ [3]), занося въ разрядъ произведеній „странническої“ литературы, именуетъ „Сказаніемъ объ антихристѣ, еже есть Петръ I“. Нѣкоторыя выдержки изъ „Собранія“, и при томъ въ стихотворной формѣ, у И. Добротворскаго, Русскій расколъ въ его отношеніи къ церкви и правительству. *Правосл. Обозрѣніе* 1862, т. VII, стр. 364—392. Сочиненіе Бѣляева, „Кабинетъ Петра Великаго“, первымъ изданіемъ вышло въ 1793 г. Здѣсь, при описаніи мундира, въ которомъ Петръ былъ въ Полтавскомъ бою, авторъ замѣчаетъ: „взирая на сіе простое одѣяніе его величества, не знаю, кто бы не ощутилъ достодолжнаго къ монарху сему благоговѣнія и не сказалъ въ сердцѣ своемъ: Онъ богъ, онъ богъ твой былъ, Россія! Онъ члены взялъ въ тебѣ плотскія, сошедъ къ тебѣ отъ горнихъ мѣстъ! (Сочин. Мих. Ломонос., ч. I, стр. 26, ода 4)“ [4]). Текстъ „Собранія о антихристѣ“, вслѣдствіе массы

того, смоленскимъ шляхтичемъ, подъ которымъ Евонмій разумѣетъ, очевидно, Ѳеофана Прокоповича, былъ Ѳеодосій Яновскій. Прокоповичъ же былъ сыномъ кіевскаго купца (Чистовичъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, стр. 1; Рункевичъ, Исторія русской церкви подъ управленіемъ св. синода, т. I, стр. 177).

[1]) Кельсіевъ, вып. IV, стр. 263, 265 — 266; сравн. Трефолевъ, *Русскій Архивъ*, 619.

[2]) Стр. 106—109, 468, 478, 482, 490.

[3]) Странники или бѣгуны въ русскомъ расколѣ. *Вѣстникъ Европы* 1872, декабрь, 539.

[4]) Бѣляевъ, изд. 1800 г., стр. 35.

повтореній, изложенъ крайне безсвязно и путанно; несомнѣнно, мы имѣемъ дѣло съ неумѣлою сшивкой нѣсколькихъ редакцій одного и того же сочиненія. Вотъ почему упоминаніе въ текстѣ 1819 года можетъ служить указаніемъ лишь на время окончательной редакціи сочиненія, не болѣе. Послѣднее впрочемъ не даетъ еще права утверждать вслѣдъ за Кельсіевымъ [1]), будто бы „Собраніе о антихристѣ“ есть произведеніе Петровской эпохи, или, какъ выражается анонимный авторъ статьи „Состояніе русскаго раскола при Петрѣ I“ [2]): „надобно думать, что сочиненіе.... первоначально явилось въ видѣ болѣе краткомъ и явилось еще во времена Петра I“. Авторъ статьи въ *Христіанскомъ Чтеніи* обращаетъ вниманіе на выраженія такого рода: „въ силу указа вашего императора и его законоуложенія и ревизіи не *пишемся*“; „по закому *вашему* судите *насъ*.... отнесите *ему* отъ *насъ* отвѣтъ или представите *насъ* самихъ къ *нему* на лицо: тогда *мы* предъ *нимъ* отвѣщать не постыдимся“ и проч., при чемъ въ словахъ „ему“, „къ нему“, „предъ нимъ“ видитъ указаніе на императора Петра: „конечно“,—говоритъ онъ—„подобныя обращенія умѣстны только при жизни того, къ кому они направлены“. Соображенія эти убѣдительными намъ однако не кажутся. Живость рѣчи въ разбираемомъ сочиненіи произошла не отъ „современности“ событій, а отъ душевнаго подъема сочинителя, отъ *жизненности* для него самыхъ явленій,—животрепещущій ихъ характеръ и повліялъ на слогъ, сбивъ повѣствовательную рѣчь мѣстами на монологъ. Кромѣ того, въ изложеніи чувствуется извѣстная историческая перспектива, благодаря которой сочинитель охватываетъ въ своемъ представленіи всѣ крупные факты Петровскаго царствованія, ненавистные расколу,—сдѣлать же это было не такъ-то легко въ 1721—1724 гг.; наконецъ, „современность“ выраженій, оказывается, даже синтаксически связана съ явленіями, которыя могли имѣть мѣсто не ранѣе конца XVIII столѣтія: „зрите, человѣцы, и вонмите и разсмотрите по святому Писанію, въ коихъ лѣтахъ жительствуемъ и кто *нынѣ* обладаетъ вами; *ибо* духъ Петровъ царствуетъ во всѣхъ до скончанія вѣка, яко свидѣтельствуетъ книжка „Кабинетъ Петра“; ибо духъ государей россійскихъ есть духъ Петра Великаго и есть духъ самаго Бога“ [3]). Далѣе читаемъ: „и той лжехристосъ... пріиде на престолъ всероссійскій въ 1721 году, пріялъ на себя титлу патріаршескую, назвася отцомъ отечества и императорства августѣйшаго... *и такъ нача* паче мѣры возвышатися той лженомазанникъ и восхити на ся не точію царскую власть, но и святительскую, и Божію... *нача* гонити, и льстити, и искоренятн останокъ въ Россіи православныя вѣры и свои новыя умыслы уставляя... составн многія регламенты... и устави сенатъ и синодъ, и самъ бысть надъ ними главою и судіею главнѣйшимъ, и тако *нача* той глаголемый Богъ паче мѣры возвышатися... учини народное описаніе“. Тонъ и все построеніе этой длинной фразы, которую мы привели здѣсь со значительными сокращеніями, думается, тоже сложились скорѣе на почвѣ ретроспективнаго обзора того, что отстоитъ уже на извѣстномъ разстояніи, чѣмъ на почвѣ непосредственнаго отраженія

---

[1]) Вып. II, предисловіе, стр. XVII.

[2]) *Христіанское Чтеніе* 1863, октябрь, 219—220.

[3]) *Чтенія*, 59.

вчерашняго дня. Въ дальнѣйшихъ строкахъ, *непосредственно* связанныхъ съ 11
только что приведеннымъ мѣстомъ, указаніе на народную перепись авторъ подкрѣпляетъ ссылкою на „Дополненіе къ Дѣяніямъ“ Голикова и также *непосредственно* вслѣдъ за этимъ говоритъ: „таковому лжехристу въ послушество отдатися не хощемъ и въ книги его законопреступныя писатися съ нечестивыми никогда не будемъ, да и хотящимъ спастися никому не совѣтуемъ“ [1]). Такимъ образомъ, мѣстоименіе „мы“ и постановка глагола въ настоящемъ времени еще не есть признакъ Петровской эпохи; что же до вышеуказаннаго отожествленія словъ „ему“, „къ нему“ съ личностью Петра, то и это не вѣрно: рѣчь идетъ объ *антихристѣ* и о тѣхъ, кто его воплощаетъ въ *данную* минуту, что̀ станетъ ясно, если соотвѣтственную фразу читать въ связи съ предыдущими и послѣдующими—достаточно впрочемъ указать на слѣдующія строки: „по закону вашему [т. е. нынѣ дѣйствующему, изданному по волѣ антихриста и слугъ его] судите насъ и творите, что хощете, а мы въ силу указа вашего властодержца и его повелѣнія [этимъ властодержцемъ могъ быть одинаково свободно и Петръ Великій, и Александръ I] не пишемся. Отнесите ему отъ насъ отвѣтъ или представите насъ самихъ къ нему на лицо: тогда мы предъ нимъ отвѣщать не постыдимся и правду глаголати не устрашимся; *ибо россійскіе императоры отъ Петра и до скончанія вѣка*, вси пріемники престола его исполнители законовъ онаго, разныхъ его узаконеній, живъ образъ его пишуще“ [2]). Злободневность свою „Собраніе отъ св. Писанія о антихристѣ“ не утеряло, можно сказать, и до нашихъ дней. Конечно, этимъ только надо объяснить появленіе въ духовныхъ журналахъ полемическихъ статей, направленныхъ противъ него. Сравн. „Замѣчанія на рѣзкіе отзывы раскольниковъ о Петрѣ Великомъ“. *Правосл. Собесѣд.* 1868, сент., 82—91. Между прочимъ, возражая на упреки, будто Петръ въ императорскомъ титулѣ скрылъ буквою *М* свое звѣриное число, анонимный авторъ указываетъ, что такимъ путемъ можно съ одинаковымъ основаніемъ утверждать, что и „Андрій Діонисьевичъ князь Мышьцкі“ [3]) скрылъ за буквою *Ц* свое антихристово состояніе (стр. 88).

б) О Москвинѣ—Щаповъ, Земство и расколъ. *Время* 1862, ноябрь, 284—285, 289 слѣд.; Розовъ, Странники или бѣгуны въ русскомъ расколѣ. *Вѣстникъ Европы* 1873, январь, 278 слѣд. „Апокалипсій“ извѣстенъ намъ въ далеко не полной и не спокойной передачѣ—въ докладной запискѣ Н. И. Надеждина, составленной, вѣроятно, въ 1840-хъ годахъ (Раскольничій Апокалипсій. *Чтенія* 1872, кн. III). Сравн. „Раскольничья сатира прошлаго вѣка“. *Лѣтописи р. литер.*, *Тихонравова*, т. V, отд. 3, стр. 42—43 (упоминаніе объ „*Адской почтѣ*“ заставляетъ относить это произведеніе ко второй половинѣ XVIII ст.).

в) „Книга о случаехъ послѣдняго времени“ входитъ въ составъ обширнаго рукописнаго „Раскольническаго сборника Имп. Публ. Библіотеки“ F. I. № 453, представляющаго собою громадное in-folio, въ деревянномъ переплетѣ, 418 ли-

---

[1]) *Чтенія*, 58, 59.

[2]) *Чтенія*, 68. Сравн. Стихъ объ антихристѣ. *Лѣтописи р. литер.*, *Тихонравова*, т. III, отд. 3, стр. 15—16.

[3]) Сумма буквъ, безъ *Ц*=666.

11 стовъ александрійской бумаги, съ многочисленными (до 120-ти) рисунками въ краскахъ, живописными заставками и заглавными буквами. Описаніе сборника см. въ отчетѣ Имп. Публ. Библіотеки за 1867 годъ, стр. 138—143; по его опредѣленію онъ писанъ полууставомъ второй половины XIX столѣтія. На первомъ, клеенчатомъ, листѣ штемпель бумаги: „Фабрики Костромской губерніи кинешемскаго 2-й гильдіи купца и почетнаго гражданина Ивана Степанова Коновалова. Четвертый сортъ“. На лл. 180 и 181 находятся раскрашенные рисунки о Гогѣ и Магогѣ, гдѣ между прочимъ дано изображеніе гибнущихъ еретиковъ—послѣдніе одѣты во фраки покроя 20—30-хъ годовъ XIX столѣтія, съ широкимъ воротникомъ, металлическими пуговицами; крахмальный воротникъ рубашки стоячій, большой и острый; на ногахъ полусапожки. — На лл. 230 об.—310 об. помѣщена „Книга о случаехъ послѣдняго времени. Титинъ потрясетъ вельми, х҃зѕ [666]. Книга первая о соборнѣйшихъ отступленіихъ и о частныхъ нѣкоихъ винъ ради соборныхъ оныхъ раздѣленіихъ. Сочинися ползы ради многихъ“. Цѣль „Книги“ разъяснена въ „Предисловіи къ читателю“ (лл. 231—233): авторъ взялся за перо для того, чтобы дать вѣрующимъ людямъ точку опоры въ борьбѣ съ антихристомъ. „Но понеже се зѣло время по ослабленію народнаго наклоненія поступаетъ, и правда законная въ христіанствѣ оскудѣваетъ, и въ презорства всѣ полагается, отъ чего Боже пощади, да и насъ повшества не объиметъ. Тѣмъ же во обѣгательство христіанскаго спасенія, а наипаче видѣнія ради церковнаго разума святыхъ, намѣренія воспріяхъ сочинити книжицу сію и раздѣлити ю на три части: въ первыхъ части о антихристѣ, во второй части о соборнѣйшихъ отступленіяхъ, въ третіей часьти о смущеніи и недоуменіи и разногласія правовѣрныхъ простаго народа, отъ винъ главныхъ отмѣнъ. И такое основаніе о сихъ заложихъ, помощи прося отъ Господа поступаю въ самая намѣрѣнія дѣйства“ (л. 233). Непосредственно вслѣдъ за этимъ, л. 233 об.: „книга перъвая, часть а҃, о антихристѣ. Въ разномъ доказателствѣ священнаго Писанія: сказаніе святаго Андрея, архіепископа Кесаріи Каппадокійскія отъ Апакалипсіи святаго Іоанна Богослова“. Несмотря однако на это заявленіе, въ дальнѣйшемъ изложеніи дѣленіе на части не соблюдено, и вся „Книга“, вплоть до конца (л. 310), состоя изъ довольно большого числа главъ, не имѣетъ ни второй, ни третьей части.

Время составленія „Книги о случаехъ послѣдняго времени“ придется отнести къ послѣднему году царствованія императрицы Елизаветы, если опираться на нижеслѣдующія слова: „И зри убо: аще вѣриши учителемъ, то что сіе антихристъ оуже въ западныхъ церквахъ наста, якобы рещи, по се настоящее лѣто Христово ҂аѱѯа [1761], прейде до насъ болѣе девяти сотъ лѣтъ, а чювственнаго прихода и оубіенія Иліи и Еноха не слышится“ (л. 260).

Вся вторая половина „Книги“ посвящена Петру Великому. Въ главѣ „О чудотвореніяхъ антихристовыхъ“ (л. 272 слѣд.) между прочимъ читается: „подобнѣ и о прорицаніи Иліи и Еноха, и о женѣ гоним[ой] отъ змія оного, та жъ разумѣти, оба имутъ прорицати дней ҂а҃с и ѯ҃, оба имать бѣгати отъ лица зміева, таяжде а҃сѯ дней, еже есть г҃ лѣта и мѣсяцей шесть. Обаче убіеніе онѣхъ пророкъ содѣяся въ послѣднихъ сихъ временѣхъ здѣ, въ великороссійскомъ государствіи, во время настатія перваго императора, народныя его описи, кои назнаменася послѣдній быти антихристъ, по свидѣтельству

святаго Кирила Іерусалимскаго, ибо рече: во имя Симона Петра имать взяти 11
гордый князь міра сего антихристъ, имъ же они пророцы Илія и Енохъ
оубіени быша, и трупъ ихъ остави онъ не погребенъ лежати на стогнахъ
града великаго, иже нарицается духовнѣ Содомъ и Египетъ, идѣже и Господь
нашъ распятъ бысть. Но за многоглаголаніе [сбоку прибавлено: „и величество
того“] о сѣмъ оумолчю, ибо аще кто хотяй сія взыскати, всяко въ книзѣ сей
обрящете“ (л. 279). Чтобы не было никакихъ сомнѣній, о комъ именно идетъ
рѣчь, тутъ же (на л. 279) нарисованъ полсной портретъ Петра Великаго, въ
краскахъ, очень тонкой работы. Царь изображенъ въ латахъ (розовыя, съ жел-
тыми краями), въ лентѣ (синяя), въ небольшомъ жабо (бѣлое), поворотъ головы
въ три четверти; изображеніе, по типу, напоминаетъ портретъ Петра 1717 г., ра-
боты Леруа (Le Roy). „Знаменія“ антихриста даютъ автору поводъ (все въ той
же главѣ „о чудотвореніяхъ“) сказать: „тако и здѣ, въ Великороссійскомъ дер-
жавствіи, онъ послѣдній антихристъ мечтаніемъ бѣсовскимъ преудивительныя
чюдеса присно творити обыче, иже въ коммедіяхъ и паратахъ и въ прочихъ
потѣшныхъ строяхъ бываемая, елико въ чюдо и оудивленіе приводити прель-
щенныя“ (л. 280).

Глава „О злополученіи временъ антихристовыхъ“, послѣдняя изъ всѣхъ,
на какія разбита „Книга о случаехъ“ (л. 289 об. — 310 об.), является своего
рода оцѣнкой того положенія, какое создала государственная дѣятельность
Петра Великаго. Въ началѣ передается діалогъ между авторомъ и его со-
бесѣдникомъ; рѣчи послѣдняго подведены подъ рубрику *Вопрошая*, *Требуяй*;
рѣчи перваго отнесены къ рубрикѣ *Отвѣщавая*, *Извѣщаяй*. Авторъ долго отнѣ-
кивается отъ выполненія просьбы разъяснить вопросъ объ антихристѣ, но,
наконецъ, сдается (л. 289 об.—291) и переходитъ къ толкованію пророчествъ
объ антихристѣ (л. 291—295 об.). Но это пока только предисловіе; отъ раз-
сужденій объ антихристѣ вообще авторъ переходитъ къ явленіямъ антихри-
стовъ въ русской жизни. Изложеніе на этотъ разъ ведется уже въ формѣ не
діалога, а толкованія пророчествъ св. Ипполита: каждое пророчество, по этому
толкованію, пріурочивается къ тому или иному распоряженію Петра Великаго
или вообще къ явленіямъ, прямо или косвенно связаннымъ съ именемъ царя
(л. 295 об.—310 об.). Надо замѣтить, что излагаетъ свои мысли авторъ довольно
туманно, и слѣдить за ихъ развитіемъ не особенно легко.

г) Краткое описаніе сборника F. I. № 453 см. въ статьѣ Н. Сахарова,
Старорусская партія и расколъ при императорѣ Петрѣ I. *Странникъ* 1882, № 3.
Здѣсь между прочимъ читаемъ: „Замѣчательно, что авторъ, пользуясь словомъ
Ипполита объ антихристѣ, старается и всѣ примѣты послѣдняго приложить къ
личности Петра. Прослѣдимъ нѣкоторыя любопытныя его сближенія: „повелѣ-
ніемъ бо его (сирѣчь, сатанинскимъ) вся земля и море послушаютъ... и всѣ
тѣсноты ради нищныя къ нему пріидутъ и поклонятся ему (сирѣчь діаволу) и
дастъ имъ знаменіе на десницѣй рукѣ и на челѣ“. Подъ „тѣснотою нищною“ ра-
скольникъ разумѣетъ не лишеніе тѣлесной пищи, но пищи духовной—душевный
гладъ, и исполненіе этого видитъ въ царствованіи Петра, именно: въ обложеніи
раскольниковъ двойнымъ окладомъ. Запись въ двойной окладъ онъ считаетъ
„поклоненіемъ лстецу и гонителю“, и записаться въ него значитъ не болѣе,
какъ „вдаться въ область оному лстецу и гонителю тѣсноты ради нищныя“.
Исполненіе словъ Ипполита, что антихристъ дастъ вѣрнымъ „снѣди малыя“,

11—12 онъ видитъ въ распоряженіяхъ, которыми раскольникамъ запрещалось проповѣдывать свое ученіе. Слово Ипполита, что антихристъ будетъ разыскивать всѣхъ вѣрныхъ, убѣжавшихъ въ горы и вертепы, онъ прилагаетъ къ тѣмъ распоряженіямъ Петра, гдѣ онъ приказываетъ ловить всѣхъ раскольниковъ, убѣгавшихъ отъ записи въ двойной окладъ“ (стр. 370). Нѣтъ ли въ этихъ толкованіяхъ „Раскольничьяго сборника“, особенно, гдѣ рѣчь о ловлѣ, нѣкотораго сходства съ данными, приведенными у г. Щепкина (прим. 8, пунктъ п)? Можетъ быть, даже и Лицевой сборникъ есть одна изъ редакцій или передѣлокъ настоящей рукописи?

д) Въ томъ же сборникѣ находятся еще двѣ статьи, имѣющія близкое отношеніе къ затронутому вопросу. „О ложномъ мудрованіи“ (л. 390—396 об.) направлено противъ своей же братіи, инакомыслящей, на тѣхъ, кто пошелъ на компромиссъ и согласился признать законность существующихъ властей. „Понеже они, старовѣрцы, егда при Петрѣ Первомъ отступили и въ двойной окладъ вышли, и въ раскольники сами себя записали и отступниками нарекли, и егда Неофитъ вопросилъ ихъ о императорѣ и о прочихъ россійскихъ людехъ, какъ ихъ разумѣете, отступникамъ ли причитаете или каковымъ любо еретикамъ равнялете, и они на то отвѣтъ творили сице: йк йи. Мы его благочестія не испытуемъ и не судимъ, но Господа Бога за него молимъ, за его вседержащія десницы Божія поставленному, и славою и честію вѣнчанному. А что его ко отступникомъ или еретикомъ причитати, не точію глаголати, но и слышати не хощемъ и произносити таковыхъ словесъ ужасаемся“. Авторъ никоимъ образомъ не можетъ примириться съ такимъ взглядомъ: „И не мало его нечестія не обличили, а сами свою вѣру въ поруганіе отдали и имя христіянское съ себя сняли, вмѣсто того раскольниками записали и отступниками. Тако и до днесь пребываютъ и секту на свою вѣру положили“. Между тѣмъ, когда Григорій, ученикъ Василія Новаго, находясь въ дорогѣ съ жидомъ, похвалилъ іудейскую вѣру, то Богъ тотчасъ же лишилъ его своей благодати; точно также и ученикъ Паисія Великаго, допустившій, въ разговорѣ съ жидомъ, возможность, что христіанская вѣра не правая, лишился образа Божія и благодати св. крещенія—„за едино слово, реченое просто, а не записною отверженіе“. Въ прологѣ за январь мѣсяцъ разсказывается-де объ одномъ монахѣ, что изъ устъ его вылетѣла въ видѣ голубя благодать Божія, единственно лишь за обѣщаніе отказаться отъ вѣры христіанской. „Тако и здѣ ради отверженія вѣры христіянскія и записанія ради, сами ся въ раскольники и отступники не дивно лишитися благодати Божія; понеже не мощно христіянину и рабу Божію быть егда антихристу въ повиновеніе предается“ (л. 393 об.—394).—Въ томъ же духѣ и „Книга Іосифа Волокаламскаго о покломеніи царю, или князю, или другъ другу“ (л. 396 об.—399).

12) Къ стр. 28.

а) О картинѣ—Розовъ, назв. соч. (*Вѣстникъ Европы* 1873, январь, 277), преданіе въ деревнѣ Талицахъ и о Елизаветѣ Петровнѣ, какъ „не прямой царицѣ“ — Мельниковъ, Историч. очерки поповщины, 75 — 77; „обновленіе“ антихриста—Фармаковскій, О противогосударственномъ элементѣ въ расколѣ (*Отеч. Записки* 1866, № 24, стр. 633) и Розовъ, 282—283; ѳедосѣевецъ Ерма-

ковъ—Сборникъ Кельсіева, вып. I, 219—221; аналогичныя показанія, примѣнительно къ личности императора Николая Павловича—тамъ же, вып. 4-й, стр. 284 слѣд., 337. Варенцовъ, Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ. С.-Пб. 1860, стр. 176, 197 (Пѣсня объ Аллилуевой женѣ и Пѣсня морельщиковъ). Въ 1840-хъ годахъ среди ѳедосѣевцевъ сложилась такая легенда: „Петръ Великій обѣщалъ діаволу на Сухаревой башнѣ обрить бороды христіанамъ, дабы исказить образъ Божій; но сіе время не впускаютъ никого въ комнату на той башнѣ, въ которой это обѣщаніе онъ принесъ, выпросивъ у діавола разныя науки, и каждый государь, вступая на престолъ, печатаетъ вновь своей печатью дверь этой горницы“ [1]). 12—13

б) О сопѣлковцахъ—Розовъ, *Вѣстникъ Европы* 1873, январь, 288—289; о Павлѣ Любопытномъ—Сборникъ для исторіи старообрядчества, изд. Поповымъ, т. II, и Костомаровъ, Исторія раскола у раскольниковъ. *Вѣстникъ Европы* 1871, апрѣль, 504; см. Михневичъ, 101, выборъ пословицъ о бородѣ, сдѣланный у Даля и изъ „Письмовника“ Курганова. О несогласіяхъ въ сектѣ странниковъ см. Пятницкій, Русскій сектантъ въ своей исторіи. *Странникъ* 1884, № 7, 517 слѣд.

13) Къ стр. 30.

а) Сборникъ Кирши Данилова, изд. Имп. Публ. Библ. С.-Пб. 1901, стр. 123, 133; Пѣсни, собранныя Кирѣевскимъ, вып. 8-й (М. 1870), весь выпускъ, особенно стр. 35, 284, 287, 261, 47, 60, 118, 220, 130, 17, 342 — 344; вып. 9-й (М. 1872), приложеніе, стр. III — XLI; П. Лавровскій, О Петровскихъ пѣсняхъ (*Филологич. Записки* 1872, вып. I—III), по поводу предыдущаго изданія (стр. 14—15), съ вѣскими соображеніями касательно невозможности всѣ пѣсни, вошедшія въ сборникъ Кирѣевскаго, считать относящимися къ эпохѣ Петра I; А. Орловъ, Пѣсня и повѣсть объ Азовѣ. *Старина и Новизна*, кн. 10. С.-Пб. 1905, стр. 274—282; Гротъ, Петръ Великій, какъ просвѣтитель Россіи. С.-Пб. 1872, стр. 42—44; Пыпинъ, Петръ Великій въ народномъ преданіи (*Вѣстникъ Европы* 1897, августъ, 672—690): статья, вошедшая въ его же „Исторію русской литературы“, т. III (2-е изд. С.-Пб. 1902), гл. VII; В. Стражевъ, Петръ Великій въ народномъ преданіи (*Этнограф. Обозрѣніе* 1902, № 3, стр. 94—121): о сказкахъ, народныхъ преданіяхъ, пѣсняхъ солдатскихъ и раскольничьихъ; М. В. Трофимовъ, Петръ Великій въ русской поэзіи. С.-Пб. 1903; Д. Н. Садовниковъ, Сказки и преданья Самарскаго края. С.-Пб. 1884, стр. 371—377; В. Н. Добровольскій, Смоленскій этнографическій сборникъ. С.-Пб. 1891, ч. I, стр. 380—402 (№№ 23—29); П. К. Симони, Сказки о Петрѣ Великомъ въ записяхъ 1745—1754 годовъ. С.-Пб. 1903 (отт. изъ *Живой Старины* 1903, вып. I и II). Легенда о Петрѣ Великомъ (*Голосъ* 1872, 21-го іюня, № 52: преданіе о томъ, какъ Петръ, разсердясь на море, приказалъ высѣчь кнутомъ воду).

б) Личность Петра ярче всего запечатлѣлась на сѣверѣ Россіи. См. 1) К. Петровъ. Присловья въ Олонецкой губерніи (*Олон. Губ. Вѣд.* 1860, № 33, стр. 130: объясненіе поговорки „Вытегоры—воры, Петра I камзолъ украли“); 2) о томъ же, со ссылкою на вышеуказанную статью, говорятъ и „Народныя

[1]) Титовъ, Дневныя записи правительственнаго дозора о московскихъ раскольникахъ. *Чтенія* 1886, I, 124.

13 присловья о городахъ и племенахъ Олонецкаго края“ (*Олон. Губ. Вѣд.* 1895, № 88); 3) П. Трошковъ, Пребываніе Петра Великаго въ предѣлахъ Олонецкой губерніи (*Олон. Губ. Вѣд.* 1895, № 100: царь велитъ казнить дерзкаго вытегорца, слушавшаго чтеніе его указа стоя, въ шапкѣ и рукавицахъ; просьба отца о помилованіи, предлагавшаго груду золота величиною въ ростъ виновнаго, отвергнута; на мѣстѣ казни на эти деньги выстроена церковь.—Другое преданіе: о происхожденіи фамиліи Обрядиныхъ, за то что „обрядились“, укравъ царскій камзолъ. Съ тѣхъ поръ за вытегорцами кличка: „Вытегоры—воры“); 4) Народные разсказы о Петрѣ Великомъ (числомъ пять). *Олон. Губ. Вѣд.* 1872: а) № 8, 29-го января, стр. 89: О поѣздкѣ Петра I въ Соловки (сообщ. Е. Барсовъ, перепеч., съ его комментаріемъ, въ *Бесѣдѣ* 1872, V); б) № 36, 10-го мая, стр. 399: Встрѣча Петра I со шведами на Ладожскомъ озерѣ (сообщ. П. Минорскій; перепеч., съ комментаріемъ Барсова, въ *Бесѣдѣ*); в) и г) № 37, 13-го мая, стр. 409: Лысая голова (Лисья голова), порогъ на р. Свири (сообщ. Минорскій); Встрѣча Петра Великаго съ священникомъ (сообщ. С. С—л—въ); д) № 73, 20-го сентября, стр. 842: Пребываніе Петра I въ Святозерѣ (сообщ. свящ. П. Ильинскій); 5) Е. В. Барсовъ, Петръ Великій въ народныхъ преданіяхъ Сѣвернаго края (*Бесѣда* 1872, май, 295 — 312); 6) его же: Петръ Великій въ сказкахъ Сѣвернаго края (*Труды этногр. отд. общ. естеств., антроп. и этногр.*, кн. IV); 7) Петръ I — Святозерскій кумъ (*Олон. Губ. Вѣд.* 1903, № 53; записано Е. В. Барсовымъ); 8) Царь Петръ и хитрая жена—въ сборникѣ Н. Е. Онучкова: Сѣверныя сказки (*Записки Имп. Русск. Геогр. Общ. по отдѣл. этнографіи*, т. XXXIII). С.-Пб. 1908, стр. 135. 9) Бѣломорскія былины, записанныя А. Марковымъ. М. 1901, стр. 59—63 и особенно 296—303: „Семейная жизнь Петра I“, большая пѣсня въ 316 стихахъ; 10) былина о девяти братьяхъ-разбойникахъ, записанная Е. В. Барсовымъ (*Олонец. Губ. Вѣдом.* 1867, № 14; здѣсь же и другая былина о царевнѣ Софьѣ и кн. В. В. Голицынѣ); 11) легенда о томъ, какъ Петръ Великій хотѣлъ на конѣ перескочить черезъ р. Неву (изъ *Олонец. Губ. Вѣд.*; перепечатка въ *Новомъ Времени* 1903, 15-го мая, № 9767 и въ *С.-Петерб. Вѣдом.* 1903, 20-го мая, № 135); 12) В. Н. Майковъ, Поѣздка въ Обонежье и Кореду. С.-Пб. 1874; 13) онъ же, Осударева дорога въ Повѣнецкомъ уѣздѣ, Олонецкой губ. (*Древняя и Новая Россія* 1876, № 2; перепеч. въ *Олонецкомъ Сборникѣ*, вып. 2-й (Петроз. 1886), отд. II, 25 — 34); 14) онъ же, Петръ на Олонцѣ (*Дѣло* 1883, №№ 6, 7); 15) А. Солнышкова, Посѣщенія Петромъ Великимъ Петровскихъ заводовъ и память о немъ въ народѣ (*Олон. Губ. Вѣд.* 1903, № 52); 16) сюда же можно отнести позднѣйшую по времени (записана въ 1893 году) „Пѣсню объ основаніи Петрозаводска“ (*Олон. Губ. Вѣд.* 1902, № 79); 17) А. Г — въ, Осударева дорога (*Мірской Вѣстникъ* 1879, апрѣль: остатки мостовъ, построенныхъ, по велѣнію государя черезъ рѣчки Машозерку и Мурому, мѣстное населеніе и до сихъ поръ объясняетъ тѣмъ, что „осударь изготовилъ сваи подъ желѣзную дорогу, да шведъ ему помѣшалъ, а то бы давно здѣсь желѣзная дорога ходила“, стр. 52); 18) І. С(енниговъ), Сѣверное преданіе о царѣ Петрѣ и о нравственно-религіозномъ воспитаніи войска, славнаго побѣдителя въ Полтавскомъ бою непобѣдимыхъ шведовъ. С.-Пб. 1909.

Въ этихъ сѣверныхъ сказкахъ и былинахъ не безъ основанія находятъ, что онѣ, рисуя личность Петра въ привлекательномъ свѣтѣ, въ общемъ носятъ отрывочный характеръ, не успѣвъ отлиться въ законченныя художественныя

формы; что онѣ сохранили память о Петрѣ, лишь какъ о человѣкѣ, но не 13
создали типичнаго облика Петра, какъ государя, не дали цѣльнаго и выпуклаго образа, присущаго народнымъ героямъ [1]). Дѣйствительно, даже тамъ, гдѣ народная мысль, повидимому, съ особеннымъ вниманіемъ останавливалась на Петрѣ, она не съумѣла запечатлѣть и осмыслить государственной его дѣятельности, ограничившись одной только личной и семейною его жизнью. Такова вышеуказанная пѣсня въ 316 стиховъ изъ записей Маркова. Въ ней (по словамъ Всев. Миллера, написавшаго предисловіе къ изданію Маркова) „мы находимъ въ своеобразной народной переработкѣ біографическія данныя: рожденіе Петра I, женитьбу его на Настасьѣ-королевичнѣ (=Евдокіи), рожденіе царевича Ѳедора (=Алексѣя), столкновеніе отца съ сыномъ, являющимся сторонникомъ старой вѣры, смерть царевича, постриженіе его матери въ монастырь, занятіе Петра плотничествомъ, знакомство съ Екатериной Алексѣевной и вторичную женитьбу“ (стр. XIII). Такимъ образомъ *человѣкъ* заслонилъ *государя*, и, лично для Петра, нельзя сказать, чтобы въ ущербъ ему: въ „Семейной жизни“, на всемъ описаніи, лежитъ радостный, свѣтлый отпечатокъ, и развѣ только въ одномъ мѣстѣ прозвучитъ нѣкоторымъ диссонансомъ осужденіе (да и то скорѣе скрытое, чѣмъ явное) Петра за его отношенія къ церкви, что вполнѣ понятно для пѣсни, родившейся на старообрядческомъ сѣверѣ. Пѣсня радуется рожденію Петра; съ дозволенія отца, онъ строитъ городъ „Питенбургъ“, отецъ женитъ сына на шведской Настасьѣ-королевичнѣ; у нихъ рождается сынъ — всѣ эти факты разсказаны, какъ явленія положительныя, хорошія. Но вотъ „люди премудрые“ предупреждаютъ Петра, что сынъ учинитъ ему измѣну:

Онъ вѣдь здѣлать-то тебѣ, вѣрно, изьмѣнушку,
Онъ изьмѣнушку тебѣ, да онъ твоей вѣры,
Онъ вѣдь будетъ править вѣрушку старинную,
Онъ старинушку будетъ вѣру богомольную,
Богомольно хранить вѣрушку спасёную.

Коллизія возникаетъ, дѣйствительно, на почвѣ религіозной; сынъ говоритъ отцу:

Не держи-ко ты, не варуй вѣры папиной,
Ты не варуй-ко ишé да вѣры дѣдовой;
Отврати-ко-ты вѣдь вѣрушку въ себѣ назадъ,
Ты повѣруй-ко-се въ вѣру-ту всё въ правдѣдка.

Сыну отрубили голову; мольбы матери не помогли, ее самое заточили въ монастырь, а Петръ, пять лѣтъ спустя, нарядился плотникомъ и взялся за топоръ. Плотникамъ готовила кушанье вдова Екатерина; Петръ зоветъ ее въ жены; та предварительно спрашиваетъ совѣта у плотниковъ. Во время вѣнчанія Петръ сбрасываетъ съ себя плотничій костюмъ, тогда всѣ узнали, кто

[1]) Стражевъ, 100. Ср. „видѣнія“ и „сны“, связанные съ именами Петра и воронежскаго святителя Митрофана: и тутъ чувство почтенія, но безъотчетное, не оправданное сознаніемъ. Н. Поликарповъ. Объ отношеніяхъ св. Митрофана къ царю Петру Великому, *Воронежская Старина*, вып. IV. Воронежъ. 1904, стр. 49, 50.

13 онъ такой, и пошелъ пиръ свадебный... И все это разсказано въ радостномъ, веселомъ, торжественномъ тонѣ.

в) Довольно безразлично отнеслась народная пѣсня и къ постриженію первой жены Петра Великаго; см. варіанты пѣсни объ этомъ постриженіи: Пѣсни Кирѣевскаго, вып. 8-й, стр. 106 слѣд.; *Записки Академіи Наукъ*, т. V, кн. II, 203—207 (замѣтка Пекарскаго); *Заря* 1870, кн. 9, прилож. стр. 330 (замѣтка И. П. Шульгина, не вошедшая въ отдѣльное изданіе приложеній, въ *Памятники новой Русской исторіи*). Пѣсню о постриженіи пѣлъ капониръ Носовъ; „дѣло“ о немъ, производившееся въ 1729 г., напечатано Пыпинымъ (*Извѣстія отд. рус. яз. и слов.*, т. V, вып. II. С.-Пб. 1900). Сравн. В. Н. Перетцъ, Современная русская народная пѣсня. С.-Пб. 1893, стр. 11 — 17: „самая пѣсня создалась гораздо раньше“ постриженія царицы, а потому не можетъ имѣть къ ней отношенія. Иное толкованіе у А. Лященка: „никто не станетъ безусловно утверждать, что пѣсня эта должна быть непремѣнно сочинена несчастной царицей. Быть можетъ, она только пріурочена къ имени царицы Евдокіи; но пріуроченіе это сдѣлано такъ удачно, что въ пѣснѣ нѣтъ никакого противорѣчія дѣйствительно бывшему“ [1]). Легенды, рисующія разладъ Петра съ сыномъ, слагаются уже въ 1705 году [2]).

г) По поводу словъ пѣсни, приведенныхъ у насъ въ текстѣ: „Ты зачѣмъ, государь-царь, черня-ть раззоряешь? Ты зачѣмъ большихъ господъ сподобляешь?“, Лавровскій замѣтилъ: „Въ этомъ обращеніи, по нашему мнѣнію, также должно видѣть позднѣйшую вставку, какъ потому, что она не подтверждается ни однимъ изъ одиннадцати варіантовъ, такъ и потому, что послѣдняя половина обращенія—къ большимъ господамъ—не примѣнима къ царю, уничтожившему, наоборотъ, всякія сословныя привилегіи въ царскомъ сподобленіи; при томъ такое обращеніе противорѣчитъ и общему представленію народомъ царя, выражаемому въ пѣсняхъ“ (стр. 17). Однако можно сильно сомнѣваться, чтобы для народа былъ ясенъ уравнительный *принципъ*, положенный Петромъ въ основу сословнаго дѣленія русскаго общества, уже по одному тому, что *на дѣлѣ* положеніе низшихъ классовъ въ его время было крайне тяжело и „раззорительно“; правительственныя же мѣропріятія преемниковъ великаго государя, съ явной тенденціей къ „сподобленію большихъ господъ“, тѣмъ болѣе могли помѣшать правильному взгляду на дѣло. Съ другой стороны, даже и какъ позднѣйшая вставка, слова эти имѣютъ свою историческую цѣнность: извѣстно, что чѣмъ ближе народному сердцу герой его пѣсенъ, тѣмъ труднѣе ложатся на него темныя тѣни, тѣмъ болѣе симпатичнымъ и задушевнымъ рисуется онъ воображенію.

д) Всесторонній анализъ народнаго пѣснотворчества, посвященнаго личности Петра Великаго, пока еще впереди. Издатель „Петровскихъ пѣсенъ“, Безсоновъ находилъ, что народное сознаніе съумѣло возвыситься до уровня своего великаго императора: если „почти на каждомъ шагу“ пѣсня упоминаетъ о „грозной службѣ государевой“, о „частыхъ-дальныхъ походушкахъ“, о „бѣдныхъ головушкахъ солдатскихъ“ и т. п., то тутъ проявилось одно *лишное*,

---

[1]) Замѣтки по изученію современной народной пѣсни. С.-Пб. 1894, стр. 5.

[2]) Пекарскій, Исторія Акад. Наукъ, I, 357, примѣч.

частное горе, безо всякихъ жалобъ на самую службу, какъ на зло, обиду и 13
неправду. „Государственные и народные интересы, высоко поднятые и поставленные Петромъ Великимъ, отозвались сознательнымъ высокимъ возбужденіемъ въ самихъ пѣсняхъ его поры, побуждая народъ при крупныхъ образахъ творчества опускать изъ виду всѣ личности, частности и мелочи, или же допускать ихъ *только* въ качествѣ частностей и мелочей“ [1]). Къ этому взгляду, повидимому, примыкалъ и Пыпинъ [2]), находившій, что, „не смотря на всю великую тяжесть, какою отозвалась эпоха преобразованій для народной массы, народная поэзія, насколько она до сихъ поръ извѣстна, почитаетъ въ Петрѣ великаго православнаго царя“ [3]). Согласиться съ такимъ мнѣніемъ можно лишь съ большой оговоркой. Сравнительная бѣдность содержанія Петровскихъ пѣсенъ не оспаривается, кажется, никѣмъ: „за исключеніемъ солдатскихъ пѣсенъ, представляющихъ во всякомъ случаѣ свою особую область, мы находимъ большую случайность и неполноту въ составѣ историческихъ моментовъ, на которыхъ останавливается пѣсня. По внѣшнему объему собственно военныя пѣсни, съ ихъ спеціальнымъ интересомъ, занимаютъ почти двѣ трети цѣлаго собранія; очень невелико количество тѣхъ пѣсенъ, предметъ которыхъ составляетъ именно личность самого Петра и его дѣйствія“ [4]); „вся внутренняя сторона дѣятельности Петра, превышавшая разумѣніе народа: вся его образовательная реформа, всѣ его широкіе политическіе замыслы, самый общій смыслъ сближенія съ Западомъ—все это, какъ непонятное и недоступное для народа, не вошло въ пѣсню“ [5]); не вошли туда и такія явленія жизни, какъ „расколъ старообрядства или рѣзкое устраненіе земства изъ участія въ общихъ дѣлахъ... измѣненія въ крестьянскихъ отношеніяхъ, потрясенія въ экономическомъ бытѣ, наплывъ иностранцевъ и тому подобныя явленія“ [6]). Объяснить эту бѣдность болѣе ускореннымъ темпомъ государственной жизни, тѣмъ, что „масса народа всегда консервативная, тяжелая и медленная въ своемъ движеніи, совершающемся по общимъ законамъ органическаго развитія, не только не могла слѣдовать по новымъ и необычнымъ путямъ, отстала, но даже и прежнее движеніе ея по старой дорогѣ, безъ прежняго руководства и направленія, замедлилось“; что „впечатлѣнія слабѣли и исчезали быстро, смѣнялись новыми и глубокими, и народъ, при всей своей устойчивости, не имѣлъ времени на нихъ остановиться и обработать ихъ въ пѣсню“ [7]) — было бы, если и не ошибочно, то все же недостаточно. Въ указанномъ процессѣ едва ли не бо́льшую роль слѣдовало бы отвести несочувствію къ самой личности Петра. Монархическій принципъ могъ не сознаваться, какъ таковой, но въ душѣ народной онъ внѣдрился прочно и глубоко. Съ именемъ государя неразрывно

---

[1]) Пѣсни, собранныя Кирѣевскимъ, вып. 8-й, стр. XXV—XXVI.

[2]) Петръ Великій въ народномъ преданіи. *Вѣстникъ Европы* 1897, августъ, стр. 675—676 (Ист. р. лит., III, 329—330).

[3]) Тамъ же, 690 (Ист. р. лит., 341).

[4]) Тамъ же, 682 (Ист. р. лит., 333).

[5]) Лавровскій, 29.

[6]) Безсоновъ, XI.

[7]) Лавровскій, 31—32.

13 связывалось представленіе о немъ, какъ о выразителѣ общественнаго блага, хранителѣ національной святыни, и вотъ почему для тѣхъ, кто безповоротно не разорвалъ съ этой идеей (признавши Петра антихристомъ), оставалось одно: закрыть глаза на совершавшееся „зло“, молчаливо глушить назойливые, щемящіе вопросы. Вотъ гдѣ, думается, слѣдуетъ преимущественно искать объясненій той двойственности, неопредѣленности Петровской пѣсни, какая бросается въ глаза позднѣйшему наблюдателю. Въ большей части этихъ пѣсенъ, какъ справедливо указывалъ еще Лавровскій, „невольно замѣчается нѣкоторая блѣдность красокъ, слабость очертаній, какая-то непрочность, шаткость мысли, какая-то принужденность, недостатокъ свободы въ поэтическомъ изображеніи, незаконченность, недостатокъ выработки въ самой формѣ и выраженіи“ [1]). Да, русскій народъ простилъ Петру, съумѣлъ признать, что въ основѣ его дѣяній *должна* была лежать внутренняя правда, такъ какъ ничего дурного не можетъ исходить отъ лица государева; но въ чемъ собственно заключалась эта самая правда—это едва ли онъ себѣ уяснилъ. Отсюда-то вся эта растеряпность, „блѣдность красокъ“, серьезно-печальная нота и грусть больного, неудовлетвореннаго сердца.

е) Народная пѣсня то съ эпическимъ спокойствіемъ разскажетъ, какъ казаки плывутъ изъ Волги рѣки по Камышинкѣ, поютъ пѣсни и

Они хвалятъ, величаютъ православнова царя,
Православнова царя, императора Петра [2]),

то прольется жалобой на тяжелую службу, на дальніе походы, — жалобой, въ которой, „нельзя, конечно, не видѣть скрытаго и робкаго упрека по адресу Петра“ [3]); и если голосъ народный, какъ мы сейчасъ видѣли выше, обвинитъ царя въ „раззореньи“ „чернятъ“, въ „сподобленьи большихъ господъ“, то онъ же, устами вора Бармы, обрисуетъ Петра, какъ противника этихъ „господъ“, какъ защитника интересовъ государственныхъ, въ противовѣсъ интересамъ классовымъ [4]). Нельзя не отмѣтить и того, что тотъ самый Андрей Денисовъ, что̀ полемизировалъ съ Стефаномъ Яворскимъ по вопросу о пришествіи антихриста, пишетъ этому „антихристу“-Петру „Панегирикъ“, въ которомъ прославляетъ „особенное его покровительство старовѣрческихъ церквей и всѣхъ старообрядцевъ“ [5]).

ж) Народная пѣсня Петровскаго цикла (по крайней мѣрѣ насколько можно судить о ней по наличности собраннаго матеріала) посвящена преимущественно военной дѣятельности царя—походамъ его подъ Азовъ, борьбѣ съ Карломъ XII: на этой почвѣ народной массѣ легче было подмѣтить и признать положительную сторону царствованія Петра. Но какъ далеко восходитъ по

---

[1]) Лавровскій, 30.

[2]) Историческія пѣсни, касающіяся событій Новороссійскаго края. *Зап. Одесск. общ. истор. древн.*, т. IX. Од. 1875, стр. 453.

[3]) Стражевъ, 107.

[4]) Симони, Сказки.

[5]) П. Любопытный, Каталогъ. *Библіогр. Записки* 1861, № 9, столб. 270—271; см. тутъ же и подробный титулъ этого „Панегирика“.

времени это признаніе? Можно ли искать его уже среди современниковъ, невольныхъ участниковъ того движенія, въ какое привела страну непреклонная воля русскаго императора? В. В. Стасовъ отвѣчалъ на это утвердительно, находя, что кромѣ протеста и сатиры „было у русскаго народа того времени еще и другое отношеніе: отношеніе одобренія, симпатіи, похвалы и наивысшаго удивленія". Такъ думаетъ онъ, основываясь на двухъ лубочныхъ картинкахъ: „Бой Ильи Муромца съ Соловьемъ Разбойникомъ" и „Побоище царя Александра Македонскаго съ царемъ Поромъ индійскимъ". Въ первой картинкѣ личность Ильи Муромца схожа съ тѣмъ портретомъ Петра, что находится въ извѣстной гравюрѣ [1]), изображающей Полтавскую баталію. „Поворотъ всего тѣла и движеніе коня, поворотъ тѣла и головы самого Петра, форма его шляпы, кафтана, ботфортъ, пистолетовъ у сѣдла, форма чепрака съ закругленными углами, движеніе правой руки, держащей шпагу, длинные волосы, подобранные на подобіе парика,—все это совершенно тожественно въ гравюрѣ Шхонебека [2]) и въ нашей лубочной картинкѣ... Текстъ, надписанный въ настоящей картинкѣ надъ двумя богатырями, имѣетъ всѣ признаки шрифта Петровскаго времени, какъ мы встрѣчаемъ его на другихъ лубочныхъ картинкахъ этого времени". Все это даетъ Стасову основаніе, не колеблясь, относить „Бой Ильи Муромца" къ 1709 году: позже новыя великія дѣянія Петра заслонили прежнія и было бы не до того; а послѣ смерти государя онъ „навѣрное былъ бы представленъ не въ столь строго-историческомъ и вѣрномъ костюмѣ". „Итакъ, вотъ каковъ былъ иногда въ представленіи у нашего народа, еще даже въ первой четверти XVIII вѣка, Петръ I: онъ казался ему Ильею Муромцемъ, то есть, воплощеніемъ и повтореніемъ самаго высокаго, самаго знаменитаго, самаго общераспространеннаго, самаго сильнаго и самаго великодушнаго національнаго богатыря". Во второй картинкѣ „конная фигура Александра Македонскаго оказывается опять-таки несомнѣннымъ повтореніемъ конной фигуры Петра I" въ той же гравюрѣ Полтавскаго боя: „у Александра Македонскаго надѣты тотъ самый бѣлый галстухъ и манжеты, которые надѣты у Петра I на его портретахъ XVIII вѣка". Стасовъ предвидѣлъ возраженіе: „настоящую картинку нельзя считать выраженіемъ народной мысли, фантазіи и чувства, такъ какъ фигура Петра I скопирована съ гравюры Адріана Шхонебека, художника родомъ иностранца, а по положенію при Петрѣ—придворнаго, и значитъ, не народнаго". Онъ даетъ на это такой отвѣтъ: „какого бы происхожденія ни былъ Шхонебекъ, но въ Россіи онъ былъ ничто иное, какъ граверъ лубочный и народный, и всѣ его плохія картинки назначены были вовсе не для одного высшаго класса, а для всего народа; во-вто-

13

---

[1]) Она вышла въ свѣтъ вскорѣ послѣ Полтавскаго сраженія, въ 1709 г. или въ 1710 г.

[2]) Стасовъ писалъ въ то время, когда въ спеціальной литературѣ держалось мнѣніе, будто гравюра эта рѣзана Шхонебекомъ; сравнительно только недавно на эту ошибку указалъ Ровинскій, и самъ раньше державшійся ея: оказывается, картину гравировалъ Пикаръ; Шхонебекъ же даже и не могъ рѣзать ее, такъ какъ умеръ за нѣсколько лѣтъ до Полтавскаго боя (Ровинскій, Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX вв. С.-Пб. 1895, стр. 518, 524, 794).

13 рыхъ же, въ разсматриваемой мною здѣсь лубочной картинкѣ („Бой И. Муромца“) у насъ передъ глазами не само произведеніе Шхопебека, а передѣлка; фигура, нарисованная иностранцемъ, примѣнена, прилажена для сцены, выдуманной самимъ народомъ. Складъ надписи, шрифтъ—ничего не имѣютъ общаго съ тѣми картинками въ европейскихъ формахъ, какія иногда заказывалъ и выпускалъ въ народъ Петръ I; при томъ же Петръ былъ слишкомъ озабоченъ своимъ „гражданскимъ шрифтомъ“ и, конечно, ни за что не сталъ бы употреблять ненавистный ему почеркъ буквъ, существовавшій въ лубочныхъ картинкахъ и гравюрахъ XVII вѣка и повторенный здѣсь“ [1]). Мнѣніе Стасова, по существу, конечно, не мѣняется, даже и при замѣнѣ Шхопебека Пикаромъ; но все высказанное имъ достаточно ли убѣдительно, чтобы признать въ вышеупомянутыхъ двухъ лубочныхъ картинкахъ „одобреніе, симпатію, похвалу“ и въ особенности „наивысшее удивленіе“? Если даже и допустить, что все, сказанное про Шхопебека, приложимо и къ Пикару, то развѣ не могъ тотъ же Пикаръ въ собственныхъ интересахъ (самъ лично или при посредствѣ своихъ русскихъ учениковъ) напечатать названныя картинки, пользуясь бывшимъ у него подъ рукой матеріаломъ (гравюра Полтавскаго боя) и примѣнясь къ вкусамъ народнымъ (шрифтъ **не** „гражданскій“)? Или отчего не допустить, что народный граверъ, составляя своего „Илью Муромца“ и „Александра Македонскаго“, воспользовался, какъ матеріаломъ, гравюрой Пикара? Конечно, послѣдняго не сдѣлалъ бы тотъ, кто Петра считалъ за антихриста; но воспользоваться готовымъ орудіемъ на почвѣ, несомнѣнно, сильнаго впечатлѣнія, вызваннаго торжествомъ надъ шведами, можно было и безъ „похвалы и наивысшаго удивленія“ передъ всей совокупностью дѣятельности Петра Великаго—мы намѣренно подчеркиваемъ выраженіе: „передъ всей совокупностью“, потому что чувство радости Полтавская побѣда вызвать могла и въ противникахъ Петра, какъ первый лучъ надежды на облегченіе хотя бы только матеріальнаго гнета.

---

[1]) Рецензія на книгу Ровинскаго: „Русскія Народныя Картинки“. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1882, октябрь, 337—340.

КЪ ГЛАВѢ ТРЕТЬЕЙ.

14) Къ стр. 33. 14

а) Разсказы Нартова о Петрѣ Великомъ. С.-Пб. 1891, стр. 69—70; Записки Неплюева. С.-Пб. 1893, стр. 122.

б) „Охъ горе! охъ увы!“—пишетъ графъ А. А. Матвѣевъ изъ Москвы А. В. Макарову, по полученіи извѣстія о кончинѣ царя,—„какъ то есть не токмо мнѣ, бѣднику, но и всѣмъ вѣрнымъ его высокопомянутаго величества подданнымъ рабомъ“. Матвѣевъ сообщаетъ, что въ первопрестольной столицѣ, едва увѣдали „о той трагедіи“, подняли такой „вой, крикъ, вопль слезной, что нельзя женамъ больши того выть и горестно плакать, и во истинну такова ужаса народнаго отъ рожденія моего я николи не видалъ и не слыхалъ, что какъ слышно и по всѣмъ приходамъ и улицамъ по той же публикаціи чинилося“. Пекарскій, приводя это извѣстіе [1]), замѣчаетъ, что „плакать и рыдать при каждомъ погребеніи лицъ изъ царскаго семейства“ было старинньшъ обычаемъ [2]); но трудно однимъ только этимъ объяснить описанныя Матвѣевымъ сцены, къ тому же Матвѣевъ ясно даетъ понять, что случилось нѣчто выходящее изъ ряда вонъ: плакали и причитали не женщины (по крайней мѣрѣ не ихъ имѣетъ онъ въ виду), *какъ это было въ обычаѣ*, а мужчины. Сходно съ Матвѣевымъ описываетъ впечатлѣніе москвичей и Голиковъ [3]). Русскій агентъ фонъ-деръ-Бургъ доносилъ 9-го марта 1725 г. изъ Амстердама, что русскіе ученики, бывшіе въ Голландіи, услыхавъ о смерти императора, „неутѣшно“ рыдали [4]).

в) Голиковъ, со словъ Соймонова, разсказываетъ [5]), что Матюшкинъ, главный командиръ Дербента, узнавъ о смерти Петра, „залился слезами, завылъ страшно и упалъ безъ чувствъ; вмигъ печальная вѣсть сія разнеслась по всему городу, и наполнился бывшими тогда въ Дербентѣ россіянами дворъ и домъ

---

[1]) Современное извѣстіе о кончинѣ Петра Великаго. Записки Академіи Наукъ, IV, 65.

[2]) Тамъ же, стр. 64.

[3]) Дѣянія, IX, 249.

[4]) Пекарскій, loco citato.

[5]) Дополн. къ Дѣян., XVII, 456.

14—15 начальничій. Не можно себѣ представить безъ ужаса... тѣхъ рыданій, вою и воплю, каковыя испускали пораженные кончиною возлюбленнаго своего государя всѣ россіяне; въ каковомъ ужасномъ состояніи всѣ они, забывъ все прочее на свѣтѣ, пробыли болѣе сутокъ безъ сна и безъ пищи; особливо же сцена сія ужаснѣйшею показалась въ церкви, при нѣніи панихиды и при воскликнутіи вѣчной ему памяти. Чтожъ примѣчательнѣйшее было, что и самые персіяне, новые подданые его, соединили свой плачъ и свое сѣтованіе съ плачемъ и сѣтованіемъ природныхъ россіянъ".

г) О Кампредонѣ—Пекарскій, Записки Академіи Наукъ, IV, 64; Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общ., LII, 437.

д) „Плачъ" Тредьяковскаго въ его „Сочиненіяхъ и Переводахъ" ч. II (изд. 1752 г.), стр. 323—330; указаніе на время составленія (въ 1725 г.) дано самимъ авторомъ (тамъ же, ч. I, стр. XXIII). Первая редакція этого стихотворенія, написанная силлабическимъ размѣромъ, находится въ приложеніи къ изданной Тредьяковскимъ въ 1730 г., въ Петербургѣ, „Ѣздѣ на островъ любви". Ему же принадлежитъ ненапечатанный переводъ: „Сравненіе между Людовикомъ XIV и Петромъ Алексѣевичемъ россійскимъ императоромъ въ разсужденіи славы" [1]).

е) „Петрида" Кантемира написана въ 1730 г. См. Сочиненія, письма и избранные переводы кн. А. Д. Кантемира, подъ ред. Ефремова, ч. I, стр. 297—304.

ж) Намъ встрѣтилось еще указаніе на „Елегію о кончинѣ государя императора Петра Великаго, отца отечества, Россію новымъ образомъ преродившаго, сочиненную при арміи въ 1749 г. чрезъ капитана И. Владыкина въ знакъ достодолжныя и глубочайшія благодарности. М. 1763". 4° [2]). Очевидно, о ней упоминаетъ Новиковъ въ „Опытѣ историческаго словаря", изд. Ефремова, стр. 26. Ни въ Императорской Публичной Библіотекѣ, ни въ Академіи Наукъ экземпляра „Елегіи" не имѣется. А. И. Соболевскій указываетъ (въ спискѣ Увар. № 349, л. 334) на „Проповѣдь о плачевномъ представленіи имп. Петра Великаго, реченную въ 7 день февраля въ англиканской церкви отъ пречестнаго Ѳомы Консета, англинскія церкви священника въ С.-Пб. 1725 года" [3]).

15) Къ стр. 35.

а) Ѳ. Прокоповичъ, Слова и рѣчи, ч. II. С.-Пб. 1761, стр. 127 — 169; Полное собраніе поучительныхъ словъ, сказываныхъ Г. Бужинскимъ (М., въ изд. Новикова), стр. 230, 241, также въ изданіи проф. Е. В. Пѣтухова: Проповѣди Гавріила Бужинскаго. Юрьевъ. 1901, стр. 581, 586.

б) Разсказъ Ѳ. Прокоповича о смерти и погребеніи Петра появился въ 4 изданіяхъ: С.-Пб. 1725. 4°; М. 1726; С.-Пб. 1819 („изъ *Журнала древней и новой словесности*"): Краткая повѣсть о смерти Петра Великаго императора Россійскаго. Малое 8°, 39 стр.; С.-Пб. 1831: Краткая повѣсть о смерти Петра Великаго, императора и самодержца всероссійскаго. Съ присовокупленіемъ описанія

---

[1]) Пекарскій, Ист. Ак. Наукъ, II, 26.

[2]) Сопиковъ, III, № 3704.

[3]) Изъ переводной литературы Петровской эпохи. *Сборникъ отд. р. яз. и слов.*, т. 84. С.-Пб. 1908, стр. 8.

порядка, держащаго при погребеніи... Петра Великаго... и... цесаревны Наталіи Петровны (12°. 120 стр.). По словамъ митр. Евгенія [1]), повѣсть переведена была самимъ авторомъ на латинскій языкъ и вмѣстѣ съ надгробными словами издана въ 1726 г. въ Ревелѣ, подъ названіемъ: „Lacrimae Roxolanae"; въ томъ же году вышло въ Гамбургѣ два изданія на латинскомъ и нѣмецкомъ языкѣ, а въ 1743 г. архимандритъ Давидъ Нащинскій снова напечаталъ ее въ ряду другихъ сочиненій Ѳеофана на латинскомъ языкѣ. 15—16

16) Къ стр. 37.

а) Въ самый годъ смерти Петра императрица Екатерина поручила художнику Растрелли изготовить „статую" покойнаго государя [2]), а Нартову велѣно дѣлать „тріумфальный столбъ, на которомъ будутъ изображены его вѣчно достойныя блаженныя памяти императорскаго величества баталіи" [3]). Возложеннаго на него порученія Нартову однако выполнить не удалось. Въ 1742 году Шумахеръ обвинялъ его въ томъ, что „сего великаго и важнаго дѣла не только не окончалъ, но и чрезъ шесть лѣтъ онаго не начиналъ" [4]). Изъ доношенія канцеляріи Академіи Наукъ въ Правительствующій Сенатъ видно, что „тріумфальной столбъ всѣмъ баталіямъ и другимъ славнымъ" дѣламъ Петра Великаго сооружался въ 1747 году [5]); но онъ не былъ готовъ еще и въ 1750 году [6]).

б) О Шафировѣ—Полн. Собр. Закон., VII, № 4721 и Устряловъ, I, стр. XXXVIII — XXXIX, 322 — 325. Запросы Шафирова тамъ же, въ приложеніи № III; у Соловьева, XVIII, 314 — 316, они приведены не съ такой полнотой. „Шафировъ не написалъ исторіи Петра Великаго; но очень можетъ быть, что возбужденіе вопросовъ о событіяхъ во время малолѣтства Петра заставило старика Матвѣева написать извѣстныя записки объ этомъ времени" [7]). Объ изданіи Поденной Записки говоритъ Щербатовъ въ предисловіи къ этой послѣдней.

в) О Крекшинѣ—его „Записки", изд. Сахарова, предисл., IV и „Къ читателю", стр. 4.

г) Приведенное въ текстѣ четверостишіе Сумарокова (Полн. собр. сочин., изд. 2-е, 1787 г., ч. IV, стр. 302) первоначально напечатано было въ *Трудолюбивой Пчелѣ* 1759, октябрь.

д) Объ инвалидѣ Кириловѣ, Неплюевѣ и Ушаковѣ—Голиковъ, Допол. къ Дѣяніямъ, XVII, 448—463.

е) „Все, что имѣю: чины, честь, имѣніе и, *главное, надъ всѣмъ разумъ*,— единственно все по милости его величества имѣю; ибо естьли бы онъ въ чужіе краи меня не посылалъ, къ дѣламъ знатнымъ не употреблялъ, а милостію не ободрялъ, то бы я не могъ ничего того получить" (Татищевъ, Исторія Россійская, кн. I, ч. I. М. 1768, предъизвѣщеніе, XVI).

---

[1]) Словарь писателей духовнаго чина, изд. 1827, II, 308.

[2]) Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ, I, 120.

[3]) Пекарскій, Исторія Академіи Наукъ, II, стр. VI, VII.

[4]) Тамъ же, II, стр. IX.

[5]) *Русская Старина* 1895, сентябрь, 221.

[6]) Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ, X, 485—488.

[7]) Соловьевъ, XVIII, 316.

16 ж) Характерно заглавіе, данное въ 1727 году И. И. Кириловымъ своему сухому статистическому труду о Россіи,—оно одно можетъ дать яркое понятіе о чувствѣ, какимъ проникнутъ былъ авторъ къ преобразователю: „Цвѣтущее состояніе Всероссійскаго государства, въ каковое началъ, привелъ и оставилъ неизреченными трудами Петръ Великій, отецъ отечествія“ (2 чч. М. 1831).

з) О Симеонѣ Полоцкомъ—Крекшинъ, 8 слѣд.; Кн. Вл. К—нъ, Матеріалы для исторіи Петра Великаго. *Отеч. Записки* 1848, т. LIX, стр. 162.

и) Въ архивѣ Конференціи Императорской Академіи Наукъ [1]) сохранился черновикъ исторіи, или, вѣрнѣе, подробной программы исторіи Петра Великаго съ 1672 по 1718 годъ, на французскомъ языкѣ. Рукопись переплетена въ папку, на внутреннюю оклейку которой пошелъ печатный листъ, повидимому, времени императрицы Анны Іоанновны [2]). Программѣ предшествуетъ суммарный перечень содержанія проектированной исторіи, писанный писарской рукою, со вставками и дополненіями, принадлежащими почерку болѣе или менѣе индивидуальному. Содержаніе этого перечня таково (вставки и дополненія отмѣчены курсивомъ):

„Sommaires du Tome II *de l'Histoire de la Gr. Russie* ou Table des matières contenues dans l'Histoire de Sa Majesté Czarienne Pierre etc. etc. depuis sa naissance 1672 et le commencement de son règne 1682 jusqu'en 1718.

Où l'on voit ses actions, batailles, victoires et conquêtes sur les Turcs et les Suedois; ses voyages et entrevües, ses alliances, ses ambassades envoyées et recües; ses réformes dans la police militaire *et civile* par mer et par terre; ses édits, reglemens et établissemens des arts et manufactures *plusieurs;* soulevemens *heureusement apaisez* et generalement tout ce qui s'est passé de remarquable sous son glorieux règne *et dans son vaste empire.*

On y a joint, à cause de la connexion des matières, les évenemens *mémorables*, arrivés tant à ses alliés, qu' à ses ennemis, et aux princes contemporains; les principales [fa]milles de la Russie, le caractère des personnes distinguées, et en racourci les grandes revolutions arrivées en Europe, pour servir de sincronismes“.

Если первыя строки еще могли бы вызвать разное толкованіе, то новый, послѣдующій списокъ только что приведеннаго перечня [3]) не оставляетъ уже никакого сомнѣнія въ томъ, что имѣлось въ виду составленіе исторіи *Россіи*, и что царствованіе Петра входило въ нее, какъ *часть*, лишь какъ второй томъ. Впрочемъ какой именно томъ, повидимому, окончательно еще не было вырѣшено: въ редакціи, на которую мы можемъ смотрѣть, какъ на окончательную (по крайней мѣрѣ таковою является она изъ числа имѣющихся на лицо) редакцію программы будущей книги, исторія царствованія Петра занимаетъ (если только это не простая описка) уже третій томъ общей исторіи Россіи. Текстъ этой программы приводится ниже (курсивомъ обозначены позднѣйшія вставки и дополненія):

[1]) Архивъ Конференціи Академіи Наукъ, связка 63, Lit. X.

[2]) Крестообразная фигура изъ буквъ, которыя могутъ быть прочитаны: „Annaivi“, „Annaivi“, „ovo Ann“.

[3]) Sommaires du Tome II de l'histoire de la Russie. Table des matières contenues dans l'histoire de S. M. Czarienne Pierre le Gr. etc...

Plan et idée générale du Tome III *de l'Histoire de la Gr. Russie.* 16

Le Livre premier contient: La naissance de S. M. C. 1672.—La guerre avec les Turcs. — La mort du Czar Alexis Michaelowitz 1676. — Le règne du Czar Fedor Alex.—Les 3 sièges de Czegrin par les Turcs 1677. La trève avec les Turcs 1681.

Le Livre second. Depuis 1682 jusqu'à 1697 renferme: Le commencement et le règne de S. M. Cz. P. 1. avec son frère le Cz. Ivan *Alexieviz.*—Son mariage 1689.—Deux revoltes contre sa personne.—Les traitez de paix et d'alliance avec la Pologne, et la cession de Kiovie, *Tzernigov*, Smolensko etc. à perpetuité 1686. — Les campagnes contre les Tartares 1687 et 1689. La prise de Casikermunde [sic] 1695.—*La mort du Cz. Ivan Alex.* [1]).

Liv. Troisième. La prise d'Asoph, de Luttin 1696. La fondation de la flotte à Veronies. [2]).

Le Quatrième contient, depuis 1697 jusqu'à 99: Les voyages de S. M. I. [3]) en Hollande, Angleterre et Allemagne. — Le châtiment des rebelles à Mosco 1698.—Les nouveaux reglemens, et reformes dans ses états. — La paix de Carloviz avec la Porte 1699.

[L-re 5]. La bataille gagnée par les Suedois *prez de Narva.* — Actions en Livonie 1701.—La prise de Marienbourg *à Livonie.* Slüsselbourg 1702.—La conquête de l'Ingrie par la prise de Nienschantz. Iam et Caporia. — La fondation de St. Pétersbourg et Cronslot 1703.

L-re 6. La prise de Dörpt, Narva, Ivangrod 1704, depuis 1705 jusqu'en 1710. La prise de Mitau, Bauske et Bichow. Les batailles de Calisch 1706. Dobr., Lesno 1708. Pultava, gagnées sur les Suedois 1709.—Prise d'Elbingue et de toute la Livonie 1710.

L-re 7. La campagne suivie de la paix avec les Turcs en Moldavie. Prise de Iaszy et Brailo. Defaite des Tartares de la Crimée près de Bialocerkiev *par le Pr. Galleczyn* et de ceux du Cuban par le Gen. Apraxin.

L-re 8. Les combats d'Elsenfors, Borgo, Tavasthus, Pelkine, Vasa 1713 *en Finlande.* La victoire navalle de S. M. Cz. pres d'Angoût 1714. La conquête de toute la Finlande. — Campagnes en Pomeranie, en Holstein 1712. Prise [4]) de Friedrichstadt, Tönningen, Stettin.

L-re 9. Voyage de S. M. C. en Dannemarck, Hollande, France jusqu'à 1717.

L-re 10. L'affaire du P-ce Alexis *Petroviz* de la Czariza Evdocia.—Le procès de quelques ministres et complices.—La mort du roi de Suède 1718 *et l'abolition de la souveraineté en Suède.* Les négotiations pour la paix sur l'île d'Aland. *Les evenemens susdits et les autres les plus remarcables du règne de S. M. Cz. Pierre I sont illustrez par differentes medailles et inscriptions.*

Такова программа. Кромѣ нея до насъ дошелъ (все въ той же ненумерованной связкѣ), отдѣльными тетрадками, въ двухъ редакціяхъ, подробный конспектъ намѣченной исторіи, но доведенный не до конца, не до 1718, а всего

---

[1]) Повидимому, смерть царя Ивана авторъ относитъ къ 1695 году; въ первой редакціи прямо сказано: *La mort du Cz. Ivan 1695.*

[2]) Первая редакція: Veronitz.

[3]) Sic! Въ первой редакціи S. M. C.

[4]) Надъ этимъ словомъ другой рукою: „L'action".

16—18 лишь до 1709 года. Вторая редакція коснулась главнымъ образомъ событій 1672—1685 годовъ, оставивъ почти нетронутыми событія послѣдующихъ лѣтъ. Кому принадлежатъ эти поправки текста? Къ какому времени относятся онѣ: современны ли составленію конспекта или позднѣйшаго происхожденія? И вообще, когда именно составлялась эта исторія Петра Великаго? Все это вопросы открытые.

Нѣтъ никакихъ указаній также и на автора. Повидимому, это былъ иностранецъ, но хорошо знакомый съ русскою рѣчью, по крайней мѣрѣ имѣвшій возможность хорошо контролировать себя и остеречься отъ того искаженія, какое постоянно допускали иноземные писатели, при передачѣ русскихъ именъ, личныхъ и географическихъ. Послѣднія писаны въ нашемъ конспектѣ, въ общемъ, совершенно правильно (Lew Kirilowitz Nariskin, Marie Matphevna Apraxin, Prokofei Bogdanowitz Wosnizin), хотя и съ нѣкоторыми особенностями (Mosco, Czegrin, Dacür) и безъ фонетическаго сервилизма. Такія формы, какъ Kiovie, Veronitz, Czars, показываютъ въ авторѣ привычку къ транскрипціи, принятой въ то время на Западѣ. Конспектъ, какъ объ этомъ и предупреждало оглавленіе (см. выше), излагаетъ событія не только русской исторіи, но параллельно отмѣчаетъ и факты, имѣвшіе мѣсто въ другихъ странахъ, преимущественно сопредѣльныхъ съ Россіей. Между прочимъ, подъ 1676 годомъ, въ перечнѣ лицъ, коимъ царь Алексѣй Михайловичъ передалъ передъ смертью наблюденіе за своимъ сыномъ Петромъ (кн. Бор. Голицынъ, Тих. Ник. Стрѣшневъ, Н. М. Зотовъ), названъ также и „Manesuis comme gentilhomme de la manche“,—но это вставка позднѣйшая, второй редакціи.

Для полноты указаній слѣдуетъ отмѣтить еще двѣ тетради съ конспектомъ событій за 1697 и 1698 годы. Конспектъ этотъ подобенъ соотвѣтственнымъ страницамъ конспекта 1672—1709 гг., но значительно полнѣе ихъ и мѣстами прямо переходитъ въ описаніе, въ связный разсказъ. Кое гдѣ и тутъ можно найти строки, писанныя рукою, редактировавшей конспектъ 1672—1709 гг. [1]).

— 17) Къ стр. 39.

Сравн. выше примѣч. 8, пунктъ б.; пѣсня о Биронѣ—въ Сборникѣ Кирѣевскаго, вып. 8, стр. 291.

18) Къ стр. 41.

а) „Въ началѣ царствованія государыни императрицы Елисаветъ Петровны издано было повелѣніе управлять всѣ дѣла по указамъ родителя ея, Петра Великаго“ [2]).

б) Н. Поповъ, Придворныя проповѣди въ царствованіе Елисаветы Петровны. *Лѣтописи русск. литер. и древн.*, *Тихонравова*, т. II, отд. III, стр. 2, 3, 5, 7, 8, 27—29. Сравн. современное, въ реторическомъ и церковномъ стилѣ

---

[1]) За указаніе на эти бумаги и за возможность использовать ихъ приношу искреннюю благодарность Б. Л. Модзалевскому.

[2]) Записка имп. Екатерины II объ учрежденіяхъ, введенныхъ въ Россіи въ ея управленіе. *Сборникъ Имп. Р. Ист. Общ.* XXVII, 171.

написанное „Историческое описаніе о вошествіи на престолъ имп. Елисаветы Петровны“. *Русскій Вѣстникъ* 1842, т. VI, стр. 1—15. 18—19

в) Собраніе разныхъ поучительныхъ словъ при высочайшемъ дворѣ ея имп. вел. сказываемыхъ придворнымъ ея вел. проповѣдникомъ іеромонахомъ Гедеономъ. Томъ I. С.-Пб. 1755, стр. 269.

19) Къ стр. 44.

а) „Не употребляйте Божіяго дѣла для своихъ пристрастій, дайте возрастать свободно насажденію Петра Великаго“ (изъ письма Ломоносова къ Теплову. Вельтманъ, Портфель служебной дѣятельности Ломоносова. Очерки Россіи, изд. Пассекомъ, кн. 2. М. 1840, стр. 8.

б) Поэма Ломоносова „Петръ Великій“ въ Сочиненіяхъ, изд. 1840 г., II, 3—71; академ. изд., II (С.-Пб. 1893), 181 слѣд. Въ этой поэмѣ „Ломоносовъ слѣдовалъ Виргилію, и въ планѣ, и въ частностяхъ. Первая пѣснь есть сокращенное подражаніе первымъ двумъ пѣснямъ Энеиды: подобно Энею, Петръ I претерпѣваетъ бурю; какъ Эней разсказываетъ Дидонѣ о раззореніи Трои, такъ русскій царь разсказываетъ настоятелю Соловецкаго монастыря о стрѣлецкихъ бунтахъ“ [1]). Поэма Ломоносова, по мнѣнію Сухомлинова, напоминаетъ Энеиду и Генріаду Вольтера, которая, въ свою очередь, представляетъ заимствованія изъ Энеиды [2]). Сводъ соображеній, почему Ломоносовъ не продолжалъ поэмы, а также сводъ отзывовъ современниковъ о самой поэмѣ, съ объяснительными примѣчаніями Сухомлинова, см. въ академическомъ изданіи сочиненій Ломоносова, II, стр. 276 — 312. Сравн. Сухомлиновъ, Исторія Росс. Академіи, V, 242 слѣд.

в) „Похвальное слово Петру“ въ Сочиненіяхъ, изд. 1840 г., II, 326—356; академ. изд., IV (С.-Пб. 1898), 361 слѣд. „Панегирикъ Плинія Младшаго Траяну оказалъ значительное вліяніе на похвальное слово Петру“ [3]). Сухомлиновъ сближаетъ отдѣльныя мѣста „Слова“, кромѣ Плинія, еще съ Цицерономъ, съ проповѣдями Ѳ. Прокоповича, съ Минеею Общей, съ Псалмами Давида [4]). По мнѣнію Пекарскаго [5]), первымъ, указавшимъ на заимствованія Ломоносова у Плинія, былъ Каченовскій (въ *Трудахъ Общ. Люб. Росс. Слов.*, ч. III), Галаховъ же лишь дополнилъ его указанія (въ *Отеч. Запискахъ* 1843, XXX). На самомъ дѣлѣ заимствованіе это отмѣчено было еще М. Н. Муравьевымъ въ статьѣ его: „Разсужденіе о различіи слоговъ“ въ *Опытѣ трудовъ Вол. Росс. Собр.*, ч. VI. М. 1783, стр. 20.

г) Въ 1759 году „Слово“ вышло во французскомъ переводѣ барона Чуди (Panégyrique de Pierre le Grand), „mais traduit fort mal et contre les protestations de l'auteur“, по отзыву самого Ломоносова [6]). Впрочемъ столѣтіемъ

---

[1]) Галаховъ, Истор. русск. слов., ч. I (изд. 1863), стр. 343—344.

[2]) Сочиненія Ломоносова, академ. изд., II, примѣч., стр. 291, съ выдержкой изъ Мерзляковскаго разбора „Россіяды“ Хераскова (*Амфіонъ* 1815, февраль).

[3]) Галаховъ, наз. соч., стр. 344.

[4]) Акад. изд., IV; примѣч., 352—365.

[5]) Исторія Акад. Наукъ, II, 579.

[6]) Пекарскій, Исторія Акад. Наукъ, II, 579; Сочиненія Л—ва, акад. изд., IV, примѣч., стр. 362.

19—21 позже къ переводу Чуди отнеслись менѣе строго: „La traduction française est fort bien faite et se lit même avec plus d'agrément que l'original, la langue littéraire n'étant encore qu'à son début à cette époque en Russie“ [1]).

д) „Ода на день тезоименитства вел. князя Петра Ѳеодоровича“ въ Сочиненіяхъ, изд. 1840 г., I, 95; акад. изд., т. I (С.-Пб. 1891), 101.

е) „Надписи къ статуѣ Петра Великаго“ въ Сочиненіяхъ, изд. 1840 г., I, 321—324; акад. изд., I, 205 слѣд. „Надо полагать, что надписи къ статуѣ Петра Великаго писаны не позже іюля 1750 года“ (акад. изд., I, примѣч., стр. 402).

20) Къ стр. 45.

Сумароковъ, Полное собраніе сочиненій, изд. 2-е, 1787 г., ч. I, стр. 265—269; ч. II, стр. 3—12, 29, 219—228. „Слово похвальное“ первоначально появилось въ *Трудолюбивой Пчелѣ* 1759 г., октябрь. Вотъ перечень „надписей“ Сумарокова (числомъ 8): къ статуѣ Петра Великаго (3), къ столпу на Полтавскомъ полѣ, къ ботику, къ домику, къ образу, къ портрету Петра Великаго. Надписи эти первоначально помѣщены были въ *Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ* 1756 г., т. IV, іюль; въ журналѣ *Праздное время, въ пользу употребленное* 1760 г., т. IV, октябрь; въ *Трудолюбивой Пчелѣ* 1759 г., апрѣль и во *Всякой Всячинѣ* 1769 г. См. А. Н. Неустроевъ, Историч. розысканіе о русск. поврем. изданіяхъ и сборникахъ, за 1703—1802 гг. С.-Пб. 1874, стр. 54, 77, 80, 129. Сравн. также риѳмованную реторику А. Б. Селлія въ его „Зерцалѣ историческомъ государей россійскихъ“. *Древн. Росс. Виваліов.*, изд. 2-е, т. XVI, стр. 35—36.

21) Къ стр. 45.

а) О Волковѣ—Словарь Новикова, въ изд. Ефремова, стр. 25.

б) О конной статуѣ—Соловьевъ, XXII, 321; XXVI, 343. По свидѣтельству Коцебу, статуя отлита въ 1744 г. [2]); заброшенная при Екатеринѣ II, она поставлена на свое мѣсто (въ Петербургѣ на площадкѣ передъ Инженернымъ замкомъ) лишь въ царствованіе Павла I.

в) О рисункахъ Штелина для медалей — Пекарскій, Исторія Акад. Наукъ, I, 565.

г) Мозаичный портретъ Петра Великаго былъ готовъ въ 1754 г.; кромѣ него Ломоносовъ приготовилъ другой, для сената [3]). Срав. еще указъ 26-го октября 1760 г. объ учрежденіи комиссіи для выясненія, какимъ мозаичнымъ произведеніемъ можно было бы достаточно увѣковѣчить память Петра [4]).

д) Предлагая наилучшіе проекты гробницы и мозаичныхъ при ней картинъ послать на предварительное разсмотрѣніе академій Римской и Парижской, И. И. Шуваловъ находилъ, что самую гробницу слѣдуетъ дѣлать *не* изъ мрамора, „ибо сколько бы много трудовъ и иждивенія на то употреблено ни было, однакожъ не можно будетъ достигнуть до самаго совершенства въ разсужденіи

---

[1]) Minzloff, Pierre le Grand, 103.

[2]) Шильдеръ, Императоръ Павелъ Первый, 446.

[3]) Пекарскій, Исторія Акад, Наукъ, II, 496—497, 550, 580—581, 589—590.

[4]) Полное Собр. Закон., т. XV, № 11130.

множества подобныхъ монументовъ; и для того надобно его сдѣлать изъ такой 21
матеріи, которая бы въ чужихъ краяхъ рѣдка была, а именно: колоннады и прочія окрестныя украшенія сдѣлать мѣдныя, надъ гробницей въ срединѣ украшеніе серебряное, стѣны за гробомъ изъ лаписъ-лазури, подлинной изъ яшмы“ [1]). Всего проектировано было 10 картинъ. См. Докладъ о монументѣ и мозаичныхъ картинахъ надъ гробомъ Петра I. *Чтенія* 1867, II, смѣсь, 19. Къ Докладу приложено и описаніе самыхъ картинъ (числомъ 6): „Полтавская побѣда“, „Начало государевой службы“, „Сообщеніе съ иностранными“, „Азовское взятье“, „Спасеніе изъ Риги“, „Ангутская побѣда“. Перечень всѣхъ десяти картинъ (съ нѣкоторыми отличіями отъ „Доклада“) см. у Ровинскаго, Подробн. словарь русск. гравир. портретовъ, т. I. С.-Пб. 1889, стбц. 1426, или иллюстр. изданіе, т. III. С.-Пб. 1888, стбц. 1677: 1) начало службы Петра I; 2) взятіе Азова; 3) побѣда при Ангутѣ; 4) спасеніе отъ стрѣльцовъ; 5) начало флота; 6) сообщеніе съ иностранцами; 7) заложеніе Петербурга; 8) учрежденіе сената; 9) управленіе четырьмя флотами; 10) Полтавская баталія. См. еще Вельтманъ, Портфель служебной дѣятельности Ломоносова, въ Очеркахъ Россіи, В. Пассека, кн. II. М. 1840, стр. 66 — 69 (здѣсь помѣщены двѣ записки Ломоносова 1764 г., касающіяся мозаичныхъ картинъ); Билярскій, Матеріалы для біографіи Ломоносова, 194—200, 272—274, 365, 369, 471—472, 526—527; Куникъ, Сборникъ матеріаловъ для исторіи Акад. Наукъ въ XVIII в., II, 402—403; Пекарскій, Исторія Ак. Наукъ, II, 634, 712, 855—856, 863, 884. Ср. замѣтку Божерянова, Мозаичная картина Ломоносова. *Историч. Вѣстн.* 1886, сент., 655—656; А. Новицкій, Къ исторіи мозаичнаго искусства въ Россіи. *Искусство и Художеств. промышленность*, ч. III, 1900 г., № 1.

е) Живописецъ Вешняковъ исправлялъ въ 1748 г. находившійся въ сенатѣ старый портретъ Петра [2]); годомъ раньше сенатъ утвердилъ донесеніе Нартова о необходимости сберечь для потомства нѣсколько костяныхъ паникадилъ и одинъ животворящій крестъ съ апостольскими ликами—работы Петра Великаго [3]).

ж) Еще раньше, въ царствованіе императрицы Анны, по иниціативѣ того же Нартова (1736 г.), токарные инструменты Петра были перевезены изъ Преображенскаго въ академическую кунсткамеру. Нартовъ предлагалъ было передать туда же и „военную арматуру“ царя, лежавшую въ томъ же Преображенскомъ дворцѣ (латы, кольчуги, шишаки, палаши и т. п.), но ихъ велѣно было хранить въ Оружейной Палатѣ [4]).

з) Подобно тому какъ въ дѣлѣ увѣковѣченія памяти Петра путемъ вещественныхъ памятниковъ, Елизаветинское царствованіе дѣлаетъ однѣ лишь слабыя попытки, такіе же ничтожные начатки представляетъ и переводная литература: въ 1744 г. баронъ Александръ Григор. Строгановъ перевелъ на русскій языкъ похвальное слово Петру Фонтенеля, оставшееся однако не на-

---

[1]) Билярскій, Матеріалы для біографіи Ломоносова, 526—527.

[2]) Соловьевъ, XXII, изд. 2-е, стр. 321.

[3]) Тамъ же, 296—297.

[4]) Матер. для исторіи Имп. Акад. Наукъ, III, 77, 105. Опись привезенныхъ въ 1737 г. въ Петербургъ вещей см. тамъ же на стр. 313. Сравн. IV, 585—610.

21—23 печатаннымъ [1]). Другой переводъ этого „Слова“ напечатанъ былъ позже В. Рубаномъ въ *Трудолюбивомъ Муравьѣ* 1771 г., №№ 2, 3, 4, 5, 6; стр. 9—44.

22) Къ стр. 46.

а) Слово похвальное имп. Елизаветѣ 26-го ноября 1749 г. Сочиненія Ломоносова, изд. 1840 г., т. II, стр. 317; акад. изд., IV, 269.

б) Въ 1740 году Академіи Наукъ стало извѣстно, что бывшій синодскій секретарь Г. Замятнинъ „о всѣхъ бывшихъ при его имп. вел., блаженныя памяти государѣ Петрѣ Великомъ, о баталіяхъ и всѣхъ воинскихъ дѣйствіяхъ впредь для всенародной пользы журналъ знаетъ и пріискать можетъ“, а такъ какъ Академія въ это время готовилась приступить къ жизнеописанію Петра („а весьма Академія объ оныхъ дѣйствіяхъ намѣрена гисторію сочинить“), то она и распорядилась затребовать у Замятнина свѣдѣній относительно указанныхъ имъ документовъ [2]). Въ 1743 году сенатъ запросилъ Академію Наукъ, „для надзранія при сочиненіи исторіи Петра Великаго изъ ученыхъ достаточный къ тому человѣкъ имѣется ль и кто именно?“ Академія отвѣчала, что „при ней имѣются переводчикъ Иванъ Горлицкій, секретарь Василій Тредьяковскій и уповательно, что оные въ томъ надзраніи способными себя учинить могутъ“ [3]). 20-го мая 1740 г. и 16-го февраля 1742 г. сенатъ постановилъ заняться, совмѣстно съ представителемъ отъ Академіи Наукъ, выясненіемъ, какія бумаги слѣдуетъ хранить въ тайнѣ въ кабинетѣ ея величества и какія передать въ Академію для составленія исторіи, и хотя „разборъ и опись имѣющихся въ Санктпетербургѣ въ печатной конторѣ журналовъ, походовъ и писемъ прежнихъ лѣтъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти великихъ государей царей“ допускали болѣе широкія рамки, чѣмъ одно только царствованіе Петра Великаго, но, конечно, не только не исключали эпоху преобразованій, по едва ли не главнымъ образомъ имѣли въ виду именно ее [4]).

в) О состояніи бумагъ Петровскаго царствованія—Архивъ кн. Воронцова, IV, 179—183; Пекарскій, Ист. Ак. Н., I, 357—358; Соловьевъ, Распоряженіе сената относительно бумагъ Петра Великаго. *Русскій Архивъ* 1873, № 5, 776—779; Матеріалы для исторіи Акад. Наукъ, X, 13—14, 79, 121—122. Щербатовъ свидѣтельствуетъ, что „кабинетская архива Петра Великаго... по самой кончинѣ сего государя... запечатана, но безъ всякаго призрѣнія и въ безпорядкѣ оставалась“, такъ что, приступая къ изданію сочиненія Ѳеофана Прокоповича, онъ нашелъ рукописный списокъ его „поврежденный уже гнилостію“ [5]).

23) Къ стр. 47.

а) Рукоп. сборникъ Имп. Публ. Библ. F. IV. № 8, лл. 37—346. Заголовка нѣтъ; событія изложены сплошь, безъ раздѣленія на главы или какія-нибудь

---

[1]) Описаніе рукописей гр. Ѳ. А. Толстова. М. 1825, стр. 668, отд. V, № 35.

[2]) Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ, IV, 390—391.

[3]) Соловьевъ, XXII, изд. 2-е, стр. 312. Ср. Пекарскій, Исторія Акад. Наукъ, II, стр. XV.

[4]) Пекарскій, Исторія Акад. Наукъ, I, 358.

[5]) Исторія императора Петра Великаго, сочиненная Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. предисловіе.

другія подраздѣленія. Годы 1672—1700 разсказаны на лл. 37—52; сходство рукописи съ Поденной Записки можно провѣрить, сличая, напримѣръ, л. 53 слѣд. и П. Зап. 14 слѣд.; л. 156 об. слѣд. и П. Зап. 329 слѣд. и др. Роспись плѣнныхъ и раненыхъ въ Полтавскомъ бою изложена сокращеннѣе (л. 112 об. слѣд. и П. Зап. 201 слѣд.). Есть вставки, напримѣръ: указаніе, что съ первыхъ чиселъ января 1712 года по 19-е февраля царь точилъ костяное паникадило, позже повѣшенное въ Троицкомъ соборѣ (л. 157). Характеристика царствованія занимаетъ лл. 334—344, но бо́льшая ея часть (л. 337 об.—344) есть простое воспроизведеніе слова Ѳеофана Прокоповича, произнесеннаго 29-го іюня 1725 года [1]). Вотъ двѣ-три выдержки собственно изъ характеристики: „Я не могу отрещи, дабы не было въ прежнихъ и въ нынѣшнихъ вѣкахъ множество монарховъ великой премудрости въ политическихъ дѣлахъ, храбрости воинской, искусствѣ и отвагѣ, въ милосердіи и въ прочихъ добродѣтелехъ ему подобныхъ, ибо тѣмъ бы показалъ я себя явственно ласкателемъ и похлѣбцемъ, но въ томъ истинну реку, что не обрящется не токмо въ нынѣшнихъ нашей памяти вѣкахъ, но ниже въ гисторіяхъ прежнихъ вѣковъ его величеству равнаго, въ которомъ бы единомъ толико монарху надлежащихъ добродѣтелей собрано было и которой бы въ немногія лѣта о своемъ государствѣ толь многія славныя дѣла не токмо началъ, но и отъ болшой части въ дѣйство произвелъ“ (л. 334 об.). „Предъ нѣсколко десятми лѣты о россійскомъ народѣ въ государствахъ разсуждали и писали, какъ о индѣйскихъ и персидскихъ и другихъ народѣхъ“—теперь же о Россіи отзываются съ уваженіемъ (л. 334 об.); и заслуга Петра тѣмъ выше, чѣмъ менѣе подходяща была окружающая его обстановка—„по тогдашнему обычаю въ внутреннихъ царскихъ чертогахъ и ради юности своея между дамъ безъ всякаго обхожденія“ (л. 335). „Еще обратимся къ наукамъ другимъ, то хотя, прежде сего, кромѣ россійскаго языка книгъ читанія и писма никто изъ россійскаго народа не умѣлъ, ибо бѣ то въ зазоръ, нежели за искусство почитано; но тогда видѣли и самого его величество нѣмецкимъ языкомъ глаголющаго, и нѣсколько тысящей подданныхъ его россійскаго народа мужески и женска полу искусныхъ разныхъ европейскихъ языковъ, яко же латинскаго, греческаго, французскаго, нѣмецкаго, итальянскаго, аглійскаго и голандскаго, и такого при томъ обхожденія, что не постыдно могутъ равнятися со всѣми другими европейскими народы“,—раньше же знали однѣ только церковныя книги (л. 336 об.). 23

b) Основаніе относить сочиненіе F. IV. № 8 ко времени императрицы Анны Іоанновны даетъ намъ другой экземпляръ его, хранящійся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Q. IV. № 266, подъ заглавіемъ: „Описаніе преславныхъ и великихъ дѣлъ блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти всепресвѣтлѣйшаго и самодержавнѣйшаго Петра, императора и самодержица всероссійскаго“ (въ 4 д. л., 7 отдѣльныхъ переплетовъ). Въ этомъ экземплярѣ вслѣдъ за виршами (онѣ приведены у Бычкова, Письма Петра Великаго хранящ. въ Имп. Публ. Библ., 131—132), заканчивающими рукопись F. IV. № 8, идетъ еще краткій обзоръ царствованія Екатерины I, Петра II и первыхъ недѣль царствованія Анны Іоанновны включительно до уничтоженія императрицею кондицій,—обзоръ, въ свою очередь оканчивающійся фразою:

[1]) Сравн. Слова и рѣчи Ѳеоф. Прокоповича. С.-Пб. 1761, ч. II, 141—165.

23—21 „Протчія же ея императорскаго величества добродѣтели и благородное житіе и неизреченныя щедроты къ россійскому народу не можетъ описать мое неискусное перо, но оставляю премудрѣйшимъ. Часть 7-я, она жъ и послѣдняя". Экземпляръ F. IV. № 8, судя по водянымъ знакамъ, писанъ въ 1762—1764 гг., т. е. въ ту пору, когда дополнительныя страницы могли казаться излишними, а ихъ заключительная фраза прямо звучала анахронизмомъ—вотъ почему то и другое въ новый списокъ и не попало.

с) Въ Императорской Публичной Библіотекѣ (F. IV. 295) хранится еще „второй" [1]) экземпляръ исторіи Петра, помѣщенный въ ркп. F. IV. № 8. Жизнеописаніе Петра („пятьдесятъ шестаго" русскаго государя) составляетъ здѣсь часть общей исторіи Россіи, изложенной по княженіямъ и царствованіямъ, начиная съ Рюрика. Событія жизни и дѣятельности первыхъ 55 государей переданы, сравнительно съ царствованіемъ Петра (138 об.—483), довольно кратко (лл. 1—138 об.). Впрочемъ 1672—1700 гг. изложены тоже безъ подробностей, кратко и номенклатурно. Но уже съ л. 149 об., съ поѣздки за-границу и „съ причинъ Свейской войны", разсказъ оживляется. Самая война изложена (л. 168 и сл.) очень подробно; заграничная поѣздка 1716—1717 гг. вошла по связи съ ходомъ военныхъ дѣйствій. За возвращеніемъ изъ Помераніи въ 1717 г. слѣдуетъ привѣтственная рѣчь Ѳеоф. Прокоповича (л. 392 об.—402), непосредственно послѣ чего изложены договоръ Россіи съ Персіею, коронованіе Екатерины, болѣзнь, смерть и погребеніе царя (весь церемоніалъ). Послѣднія страницы посвящены характеристикѣ Петра.

24) Къ стр. 47.

а) „Краткое описаніе премудрыхъ, храбрыхъ, преславныхъ, великодушныхъ и свѣтлыхъ дѣлъ Петра Великаго, всероссійскаго перваго имянемъ и перваго въ славныхъ и великихъ дѣлехъ въ Росіи императора, монарха и отца отечества". Рукоп. Имп. Публ. Библ. F. IV. № 549, въ листъ, 255 страницъ. Событія 1682 года—сокращеніе записокъ Матвѣева: оттуда взяты цѣлыя выраженія, тотъ же порядокъ изложенія, тѣ же ошибки (Олимпій Юреневъ—убитый полковникъ; коронованіе царей—15-го іюня). Кромѣ Матвѣева, авторъ пользовался и другими источниками, между прочимъ „Разсужденіемъ" Шафирова. Признаковъ, которые указывали бы на время составленія этой исторіи, нѣтъ никакихъ. Изложеніе спокойное, фактическое, свободное отъ фразъ и тѣмъ болѣе отъ восклицаній въ духѣ Крекшина. Автора мы зовемъ Зміевымъ, единственно лишь подчинялись палеографическому авторитету А. Ѳ. Бычкова [2]): имя автора въ рукописи написано такъ неразборчиво, что вмѣсто „Зміовъ" допустимо (правда, можетъ быть, еще съ бо́льшимъ сомнѣніемъ) и другое чтеніе: „Зеленой".

б) Характеристика Петра дана не въ концѣ сочиненія, а въ предисловіи. Приводимъ изъ нея нѣкоторыя выдержки, дословно и въ пересказѣ, для доказательства сходства съ характеристикой, помѣщенной въ ркп. F. IV. № 8. „Желалъ бы видѣть, кто бы возмогъ другаго сему подобнаго въ сихъ, но и

[1]) Такъ его называетъ А. Ѳ. Бычковъ, Письма Петра В., хран. въ Имп. Публ. Библ., 132.

[2]) См. его Письма Петра В., хранящіяся въ Имп. Публ. Библіотекѣ, стр. 156.

прежнихъ вѣкахъ, не токмо въ россійскихъ, но и въ другихъ монархахъ въ славныхъ дѣлехъ представить, и хотя не можно отрещи, дабы не было въ прежнихъ и въ нынѣшнихъ вѣкахъ множество монарховъ великой премудрости въ политическихъ дѣлехъ, храбрости, воинскомъ искусствѣ и отвагѣ, въ милосердіи и прочихъ добродѣтелехъ; токмо нѣтъ ему равнаго, въ которомъ бы единомъ толико надлежащихъ добродѣтелей собрано было, и которой бы не во многіе лѣта въ своемъ государствѣ толь многіе славные дѣла не токмо началъ и отъ большой части въ дѣйство произвелъ и народъ свой, которой въ такихъ дѣлехъ до его государствованія отчасти мало, отчасти же и ничего не былъ искусенъ, не токмо обучилъ, но и прославилъ, и тако рещи весма въ иное состояніе обыкновеній и обхожденій внутрь, а почтеніе и знатность внѣ государства привелъ, такъ что, хотя предъ нѣсколькими лѣты о россійскомъ народѣ и государствѣ не токмо ни въ какомъ европейскихъ дѣлехъ до войны и миру принадлежащемъ [sic!] никакой рефлекціи и разсужденія не имѣли; но оной и въ число европейскихъ народовъ мало причитали, тако нынѣ никакое дѣло ниже въ отдаленныхъ европейскихъ краяхъ не чинится, Х которому или о союзѣ съ Россіею не старались или осторожности въ противность отъ оной не имѣли. И что удивительнѣе всего, что всѣ тѣ великіе дѣла его величество началъ и произвелъ токмо единымъ своимъ отъ Бога дарованнымъ талантомъ, охотою, высокимъ разумомъ и неусыпными трудами и старавіемъ безо всякой науки или къ тому понужденія". Оставшись ребенкомъ послѣ отца, Петръ вплоть до воцаренія прожилъ внутри дворца, „ради малолѣтствія своего между дамъ", въ сторонѣ не только отъ чужихъ, иностранныхъ, но даже и своихъ, русскихъ, знатныхъ людей; а по воцареніи, опасности, грозившія его жизни, внутреннія возмущенія—все это служило помѣхой его образованію, тѣмъ болѣе что побужденія извнѣ не было никакого. Но „чрезвычайная острота высокаго разума", „охота, которую самъ себя понудилъ", дали ему возможность въ самое короткое время превзойти многихъ европейскихъ монарховъ, „которые отъ юности своей отъ родителей своихъ ко всему тому понуждаются и чрезъ многихъ учителей и наставниковъ обучаются". Достойно восхищенія все, что сдѣлалъ государь въ сферѣ наукъ, военнаго и морскаго дѣла. Въ противность латинскому „присловію": „Подъ звономъ оружія права гражданскія молчатъ", Петръ много сдѣлалъ и для внутренняго устройства Россіи, учредивъ государственныя коллегіи, построивъ крѣпости, порты и каналы для дѣлъ купеческихъ. „И кто все [такъ заканчиваетъ авторъ] исповѣсть, елико чюдесныхъ и славныхъ дѣлъ сей великій Петръ, первый императоръ по имени и дѣламъ, во время еще невеликое государствованія своего сочинилъ. Счастлива и благополучна еси, Россіе, толикаго преславнаго монарха имѣвшая". 24—25

25) Къ стр. 48.

а) „Житіе Петра Великаго, императора и самодержца всероссійскаго, отца отечества, изъ разныхъ книгъ во Франціи и Голландіи изданныхъ собранное и на греческомъ діалектѣ въ дву томахъ въ Венеціи 1737 году напечатанное. Томъ первый. На россійскій языкъ перевелъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ секретарь Стефанъ Писаревъ, въ Санктпетербургѣ 1743. Поднесена ея императорскому величеству въ Лѣтнемъ Новомъ дворцѣ сентября 3 дня 1743". Рукоп. Имп. Публ. Библ. F. IV. № 560. 247 листовъ. Въ посвященіи императрицѣ

25 Писаревъ вспоминаетъ „самое высочайшее вашего императорскаго величества бывшее соизволеніе, съ которымъ я сей трудъ мой и началъ, и окончить имѣлъ счастіе“. Рукописныя: предисловіе автора, равно и „переводъ къ читателю“, т. е. предисловіе переводчика, въ печатныхъ изданіяхъ [1]) отсутствуютъ; зато въ печатномъ предисловіи Писаревъ сообщаетъ, что сочиненіе Катифоро онъ перевелъ съ венеціанскаго изданія 1737 года „въ 1743 году, по высочайшему блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государыни императрицы Елисаветы Петровны изустному повелѣнію, кол [т. е. книга] ея величеству мною и поднесена, и коя хотя тогда же къ изданію въ народъ чрезъ напечатаніе была назначена, но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, а болѣе по воспрепятствованію отъ нѣкіихъ моихъ недоброхотовъ, не напечатана, и такъ понынѣ безплодною оставалась. Многіе, желая ее у себя имѣть, поставляли за удовольствіе оную переписывать“. Послѣднее, кажется, слѣдуетъ признать справедливымъ: въ одной Императорской Публичной Библіотекѣ рукописнаго перевода Писарева насчитывается не менѣе 18 экземпляровъ [2]).

б) Въ числѣ списковъ русскаго перевода книги Катифоро заслуживаетъ вниманія принадлежащій основной библіотекѣ Владикавказскаго реальнаго училища. № IV, 52. Хр. К. 607. Рукопись эта [3]) выдѣляется прежде всего заботливостью выполненія и обиліемъ украшеній. Текстъ каждой страницы обведенъ прямоугольнымъ желтымъ бордюромъ; по четыремъ угламъ его блѣдно-зеленые акапты; повсюду затѣйливыя концевки, заставки; зачастую первая буква въ абзацѣ представляетъ собою сложный фигурный завитокъ. Титульный листъ скорѣе произведеніе искусства, чѣмъ письма: внутри разноцвѣтной рамки, увѣнчанной короною, горностаевая мантія, фигурные листья и цвѣты; вензелемъ буквы: „П. В.“ и слова: „Сія книга | Ивана Потемкіна | писанная в' Москвѣ | 1756 | года. | Рисовалъ В. Ивановъ“. Наконецъ, на самой послѣдней страницѣ нарисована высокая трехярусная пирамидальная подставка для фигурнаго зеркала; на зеркальномъ полѣ читаемъ: „конецъ всему“, а на средней подставкѣ: „siu Knihu Pisal moskowskoi admiralteiscoi | cantori Podcancelap [sic] ist Wasilius: iohannov. oconfal | Spisivaniem spismenno[i] se [т. е.: съ письменной же] 1756 avhust. 11“. Вообще Владикавказская рукопись даетъ основаніе думать, что тексту придавали значеніе и предназначали книгу для незаурядиаго круга читателей, при чемъ, если судить по обилію грязныхъ пятенъ на нижнемъ краю листовъ, читалась она довольно усердно.

Переводчикъ не обнаружилъ своего имени; авторомъ книги онъ называетъ „отца Антонія Закинѳя“, видимо, не зная его фамильнаго прозвища; хвалитъ его за краснорѣчіе, ясность и краткость изложенія, находя, что онъ лучше многихъ другихъ отвѣчаетъ требованіямъ историческаго писателя. Послѣднее,

---

[1]) С.-Пб. 1772 и М. 1788. Полный титулъ этихъ изданій см. ниже въ прим. 54, пунктъ а.

[2]) Бычковъ, Письма Петра Великаго, стр. 141 — 148; Отчетъ Библіотеки за 1873 г., стр. 53; см. еще Отчетъ за 1876 г., стр. 92. Сравн. Minzloff, Pierre le Grand, 45—46. Ср. ниже прим. 54, пунктъ а.

[3]) Мы имѣли возможность непосредственно ознакомиться съ нею при содѣйствіи Имп. Акад. Наукъ; см. также замѣтку въ журналѣ *Библіографъ* 1892, № 6—7, стр. 271, хроника книговѣдѣнія.

однако, не помѣшало самому ему, переводчику, „улучшить“ книгу дополнительными страницами, введя въ нее текстъ многихъ документовъ, которые авторъ или совсѣмъ не имѣлъ въ виду, или передалъ лишь въ сокращеніи (пересказалъ ихъ „силу“). Таковы были: вѣдомость, посланная Б. П. Шереметевымъ царю о побѣдѣ надъ Шлиппенбахомъ 9-го января 1702 г. (л. 188); отвѣтъ Петра англійскому послу Витворту, по поводу дѣла Матвѣева (л. 306); 14 документовъ, связанныхъ съ дѣломъ царевича Алексѣя (лл. 306—448), — матеріалу этому, и при томъ, преимущественно, въ сыромъ, необработанномъ видѣ, какъ извѣстно, отводилось всегда видное мѣсто у историковъ XVIII вѣка; рѣчь польскаго посла воеводы мазовецкаго, 1720 г. (л. 480); привѣтственная рѣчь архіепископа новгородскаго Петру, 1-го января 1722 г. (л. 504); описаніе торжественнаго перевоза ботика въ 1722 г. (л. 533); рѣчь посла персидскаго (л. 536). Итальянскій текстъ, за исключеніемъ двухъ случаевъ [1]) обо всемъ этомъ, дѣйствительно, или не говоритъ ни слова, или же ограничивается упоминаніемъ и сжатымъ пересказомъ [2]).—Отмѣтимъ поправку переводчика (предисловіе и л. 326): мултянскимъ (молдавскимъ) господаремъ въ 1711 году былъ Константинъ Басарамба, а не Димитрій Константинъ, владѣвшій тогда Валахіей [3]). Что касается собственно до текста, то сравнительно съ другими списками, напримѣръ, съ F, IV. № 560, списокъ Владикавказскаго училища не представляетъ никакихъ особенностей и отличій. 25—26

26) Къ стр. 49.

а) Возстановить съ желаемой точностью, что именно было сдѣлано Крекшинымъ по исторіи Петра Великаго, представляется довольно затруднительнымъ. По смерти Крекшина, его бумаги разошлись по разнымъ рукамъ, часть ихъ, надо думать, погибла совсѣмъ. Въ 1791 году къ В. С. Сопикову въ Петербургѣ привезена была „куча бумагъ, содержавшая въ себѣ 37 книгъ чернаго журнала о дѣлахъ Петра Великаго, собраннаго комиссаромъ Крекшинымъ... Все это было куплено графомъ [А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ] за 300 рублей“ [4]). Собираніемъ матеріаловъ Крекшинъ началъ заниматься еще при жизни Петра [5]). Съ воцареніемъ императрицы Елизаветы онъ счелъ моментъ благопріятнымъ (а, можетъ быть, и прямо былъ вызванъ къ тому новымъ правительствомъ) для того, чтобы придать своимъ матеріаламъ болѣе обработанный видъ: въ іюнѣ 1742 года Крекшинъ поднесъ императрицѣ „Краткое описаніе блаженныхъ дѣлъ великаго государя императора Петра Великаго, самодержца всероссійскаго, собранное чрезъ недостойной трудъ послѣднѣйшаго раба Петра Крекшина, дворянина Великаго Новаграда. Томъ первой, содержащій

---

[1]) Ср. Vita di Pietro il grande. Venezia. 1736; стр. 288, 291.

[2]) Ср. Vita, стр. 136, 229, 287, 290, 292 и др.

[3]) Ср. Vita, стр. 244.

[4]) К. Калайдовичъ, Біогр. свѣдѣнія о жизни гр. А. И. Мусина-Пушкина. *Записки и Труды Общ. Ист. Др. Росс.*, ч. II, стр. 6—7.

[5]) См. объ этомъ ниже собственное показаніе Крекшина, а также свидѣтельство митр. Евгенія въ Словарѣ русскихъ свѣтскихъ писателей, I, 317, быть можетъ, основанное на этомъ же показаніи.

26 въ себѣ частей четыре". Устряловъ [1]) говоритъ объ этой рукописи, что въ Государственномъ Архивѣ хранятся только три части ея, доведенныя до 1706 года; „четвертой недостаетъ; отрывокъ изъ нея, въ видѣ подробнаго журнала 1709 года, есть въ Академіи Наукъ". Это не совсѣмъ точно. Рукопись Государственнаго Архива сохранилась съ перепутанными листами, съ пагинаціей, которая въ цѣломъ способна скорѣе ввести въ заблужденіе, чѣмъ дать послѣдовательную нить страницъ; повидимому, нѣкоторые листы утеряны, такъ что безупречное опредѣленіе ея состава, пожалуй, можетъ оказаться затруднительнымъ и въ настоящее время. Въ противоположность Устрялову, указанная рукопись въ настоящемъ ея видѣ [2]) представляетъ, по нашему мнѣнію, не три, а всѣ четыре части, хотя первыя двѣ и слиты въ одну; къ тому же и предисловія, — а они писались къ каждой части отдѣльно — сохранились всѣ, числомъ четыре. Останавливаясь прежде всего на лл. 154—189, видимъ, что часть ихъ, лл. 178 — 186, составляютъ то обращеніе „Къ читателю", что напечатано въ изданіи Сахарова на стр. 3 — 7; слѣдующіе листы 187—189 содержатъ *оглавленіе* 49-ти главъ, охватывающихъ жизнь Петра отъ его рожденія до воцаренія; лл. 154 — 177 и *слѣдующіе непумерованные* содержатъ само жизнеописаніе Петра, съ рожденія до перваго Азовскаго похода включительно, именно то, что составляетъ такъ называемые „Записки Крекшина" въ изданіи Сахарова (стр. 8 — 115), но (какъ это отмѣтилъ уже Устряловъ) съ текстомъ, мѣстами, полнѣе печатнаго. Мы полагаемъ, что Сахаровскій Крекшинъ соотвѣтствуетъ первой и второй частямъ перваго тома „Краткаго описанія блаженныхъ дѣлъ", что первая часть (съ сохранившимся оглавленіемъ) кончается смертью царя Ѳедора Алексѣевича, вторая же начинается съ воцаренія его братьевъ Іоанна и Петра. Недаромъ заголовокъ второй части, сохранившійся при предисловіи, прямо подчеркиваетъ, что въ этой части рѣчь будетъ идти о времени двоецарствія: „Краткое описаніе блаженныхъ дѣлъ великихъ государей ц. и в. князя Іоанна Ал-ча и в. г-ря императора Петра Ал-ча, всея в. и м. и б. Россіи самодержцевъ... Тома перваго часть вторая"; недаромъ также и въ печатномъ текстѣ можно найти слѣды окончанія первой части и начала второй: на стр. 25, столб. 2, слова „По Рождествѣ Христовѣ 1682 лѣта, отъ перваго дня Адама 6190 года, апрѣля въ двадесять седьмый день, отъиде въ вѣчное блаженство благочестивый государь и пр." въ сущности повторяютъ то, что было сказано нѣсколькими строками выше—такое повтореніе умѣстно было бы лишь въ новой главѣ, въ новой части, а не въ одной и той же главѣ и притомъ на пространствѣ одной и той же страницы. Въ предисловіи къ третьей части рукописи, въ противоположность предисловію ко второй, рѣчь идетъ уже объ одномъ Петрѣ, что и понятно, такъ какъ третья часть содержитъ „Взятье города Азова" и послѣдующія событія вплоть до заключенія мира съ турками, т. е. все факты, имѣвшіе мѣсто уже по смерти царя Іоанна Алексѣевича. Наконецъ, четвертая часть излагаетъ событія 1700—1705 гг. включительно, съ начала Шведской войны. Послѣдніе листы говорятъ объ астраханскомъ бунтѣ и „о польскихъ дѣлахъ". Что „подробный журналъ 1709 года", хранящійся, по словамъ Устря-

[1]) I, стр. XLII.

[2]) Государ. Архивъ, XXVII, 167.

лова, въ Академіи Наукъ [1]), не есть отрывокъ четвертой части, а долженъ 26
быть разсматриваемъ отдѣльно отъ работы, поднесенной императрицѣ Елизаветѣ въ 1742 году, въ этомъ убѣждаетъ насъ самъ Крекшинъ, говоря въ предисловіи къ первой части: „Описаніе почившаго родителя В. И. Величества, великаго государя императора веду отъ 1672 по 1706 годъ, елико могъ раболѣпно убогимъ моимъ трудомъ собрать, и въ сей первый томъ совокупить ихъ и къ волѣ В. И. В-ва рабски принести“ [2]). Отсюда ясно, что и по мнѣнію самаго Крекшина содержаніе четвертой части не переходило за 1706 годъ. „Краткое описаніе блаженныхъ дѣлъ“ открыло Крекшину доступъ въ архивы; онъ энергично принялся за продолженіе работы, и уже въ іюлѣ 1743 г., когда въ сенатѣ возникло о немъ дѣло, кромѣ первыхъ четырехъ частей существовали пятая, шестая и седьмая [3]). Въ этомъ же 1743 г., въ прошеніи на имя императрицы, Крекшинъ заявлялъ, что двадцать семь лѣтъ трудится, собираетъ исторіи: 1) отъ дня потопа до Петра Великаго, „которую краткимъ экстрактомъ сочинилъ“; 2) исторію 28 лѣтъ дѣяній Петра и 3) „яко всѣмъ великимъ государемъ императорамъ настала въ мірѣ четвертая сѣверная монархія, то-есть Россійская имперіи, которая имать владычествовать вселенною“ [4]). Можно думать, что работы Крекшина, въ дальнѣйшемъ, отлились въ иную форму, чѣмъ та, какую представляетъ собою „Краткое описаніе блаженныхъ дѣлъ“, а именно въ форму *журналовъ*, хронологическаго перечня событій изъ года въ годъ и даже изо дня въ день. По крайней мѣрѣ такой видъ имѣютъ дошедшіе до насъ „журналы“ за 1683 и 1709 годы. Журналъ 1683 года, въ ряду остальныхъ, составляетъ томъ 2-й [5]), а журналъ 1709 года — томъ 28-й [6]). Послѣдній, за

[1]) Отыскать самый журналъ въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ намъ не удалось.

[2]) Ср. „Къ читателю“ по изданію Сахарова, стр. 4.

[3]) Есиповъ, Эпизодъ изъ жизни Крекшина. *Древняя и Новая Россія* 1878, № 4, стр. 342.

[4]) Есиповъ, наз. соч., 341.

[5]) „Журналъ великославныхъ дѣлъ в. г. царей и в. князей Іоанна Алексіевича и Петра Алексіевича, самодержцевъ всероссійскихъ. Томъ 2, содержащей въ себѣ лѣто отъ перваго дни Адама 7191, по рождествѣ Іисусъ Христовѣ 1683, собранный новогородскимъ дворяниномъ Петромъ Никифоровымъ сыномъ Крекшинымъ въ царствующемъ градѣ Санктпетербургѣ въ лѣто спасителнаго воплощенія 1758, отъ зачатія царствующаго града Са[н]ктпетербурга 55“. Рукоп. Имп. Публ. Библ. F. IV. № 312; 253 листа въ листъ. Ср. А. Ѳ. Бычковъ, Письма Петра В., стр. 137.

[6]) „Журналъ великославныхъ дѣлъ в. г. и. перваго Петра Великаго самодержца всероссійскаго томъ 28, содержащей въ себѣ лѣто отъ перваго дни Адама 7217, по рождествѣ Іисусъ Христовѣ 1709, собранный.... [какъ выше] воплощенія 1753, отъ зачатія царствующаго града Санк[т]петербурха 50“. Рукоп. Имп. Публ. Библ. Древл. Погодина. № 1732. 144 листа, въ листъ, разными почерками; текстъ охватываетъ весь 1709 годъ полностью, съ 1-го января по 31-е декабря (л. 1—118). Съ л. 119-го идутъ двѣ табели, мѣсячная и валовая, убитымъ и взятымъ въ плѣнъ въ теченіе 1709 года, а также „оглавленіе“,—точнѣе говоря, краткій перечень событій изо-дня въ день, на пространствѣ всего года (л. 136 об.—144, безъ конца, обрываясь на 19-мъ ноябрѣ. Листъ 145-й, видимо, утерянъ). Сравн. А. Ѳ. Бычковъ, Письма Петра

26 первые пять мѣсяцевъ (1-го января — 31-го мая) напечатанъ въ *Библіотекѣ для Чтенія 1849*, т. 97, стр. 35—102, подъ заглавіемъ: „Годъ изъ царствованія Петра Великаго. 1709. Изъ Записокъ Крекшина“. Всѣхъ томовъ этого Журнала, по счету самого Крекшина [1]), было 45, вѣроятно, примѣнительно къ числу лѣтъ царствованія Петра Великаго [2]).

Сорокъ пять томовъ представляли, однако, матеріалъ слишкомъ громоздкій, къ тому же въ формѣ простой хронологической нити фактовъ: это еще не былъ разсказъ, историческое повѣствованіе въ собственномъ смыслѣ этого слова. Въ интересахъ читателя, а также болѣе широкаго осуществленія своей основной цѣли ознакомленія русскаго общества съ дѣяніями великаго императора—Крекшинъ задумалъ дать подъ видомъ „экстрактовъ“ сокращенную обработку своихъ „журналовъ“. Намъ, впрочемъ, извѣстенъ лишь одинъ томъ такого „экстракта“, охватывающій одинъ годъ, 1682-й, и, какъ видно изъ постоянныхъ ссылокъ, весь основанный на первомъ томѣ „Журнала“: „Экстрактъ изъ журналовъ великославныхъ дѣлъ в. г. царей и в. князей Іоанна Алексіевича и Петра Алексіевича, самодержцовъ всероссійскихъ. Томъ 1, содержащей въ себѣ лѣто отъ перваго дни Адама 7190, по Рождествѣ Іисусъ Христовѣ 1682, собранный новогородскимъ дворяниномъ Петромъ Никифоровымъ сыномъ Крекшинымъ, въ царствующемъ градѣ Санктпетербурхѣ, въ лѣто спасительнаго воплощенія 1754, отъ зачатія царствующаго града Санктпетербурга 51“. Рукоп. Имп. Публ. Библ. Древлехран. Погодина. № 1731, 110 листовъ въ листъ. Вотъ какъ въ краткомъ предисловіи къ этому Экстракту объясняетъ Крекшинъ мотивы, побудившіе его приняться за новый трудъ: „Къ читателю. Егда благоволилъ Богъ свободить люди своя израителскія изъ тяшкія работы египетскія, тогда послалъ угодника своего Моисея, давъ ему жезлъ и силу чудодѣйствующую, и чрезъ его избавилъ изъ тяжкія работы египетскія люди своя. Егда же благоволилъ отъ паслія въ законъ лютеранской избавить люди своя въ Ливоніи, Ингерманландіи и Корелиіи и освободить изъ-подъ тяжкаго ига шведскаго и спасти Россію отъ бусурманскихъ и варварскихъ плѣненій—тогда даровалъ Россіи Петра Великаго, давъ ему оружіе на противные, и имъ избавилъ люди своя отъ всѣхъ бѣдственныхъ злостраданій. Чрезъ Моисея далъ израилтянамъ законъ (и регулъ) праваго суда—чрезъ Петра Великаго многочисленные идолопоклонническіе народы свѣтомъ благочестія просвѣтилъ и премудростми ученія одаровалъ; оградилъ Россію регулною арміею и флотомъ, аки каменными стѣнами; неимущее создалъ, обѣтшалое обновилъ, разсыпанное собралъ, похищенное возвратилъ, благопріятные обычаи, здравые совѣты, политическія обхожденія насадилъ и прочая многая безчисленная благодѣянія

Великаго, хранящ. въ Имп. Публ. Библ., стр. 155. Другой списокъ Журнала 1709 года, согласно вышеприведенному указанію Устрялова, находится въ Академіи Наукъ.

[1]) Сравн. предисловіе Крекшина къ 28-му тому въ *Библ. для Чтенія*, стр. 39 („Къ читателю“), и другое предисловіе, его же, къ „Экстракту 1682 года“ (см. далѣе, въ этомъ же пунктѣ).

[2]) Если послѣднее соображеніе справедливо, то 1725-й годъ далъ содержаніе, подобно остальнымъ, также на отдѣльный самостоятельный томъ (44-й). Не былъ ли томъ 45-й дополнительнымъ? или на одинъ изъ годовъ потребовалось два тома?

даровалъ, аще и кратко сказать многаго времени и труда требуетъ. О рожде- 26
ніи и воспитаніи и дѣлахъ Моисея древняго вождя израильтейскаго повѣствуетъ священное писаніе въ 5 книгахъ Моисеовыхъ; а императора Петра Великаго великославныхъ дѣлъ журналъ состоитъ въ 45 книгахъ, изъ которыхъ для скорѣйшаго прочтенія и удобнѣйшаго вразумленія сокращенно пишу, да всякъ любопытствующій читатель возможетъ безъ великаго утружденія великославныя дѣла государя императора Петра Великаго вѣдать, желающій же пространно вѣдать, чтетъ реченный журналъ, состоящій въ 45 книгахъ".

б) Еще во второй половинѣ XVIII столѣтія сочиненіе Крекшина, по крайней мѣрѣ страницы, охватывающія событія до начала Шведской войны, разошлись по рукамъ во множествѣ списковъ, не всегда полныхъ и одинаковыхъ по объему. Особенно интересовались исторіей рожденія и дѣтскихъ лѣтъ великаго императора. Первый, кто выдѣлилъ этотъ отдѣлъ „Краткаго описанія блаженныхъ дѣлъ" въ особую книгу, былъ, кажется, самъ авторъ: въ „Экстрактѣ 1682 года", при главѣ I, имъ указано, что глава эта извлечена изъ „книги о зачатіи и рожденіи, глава 40-я". Нѣкоторые списки этого „Зачатія" [1]) тогда же, въ концѣ XVIII вѣка, подъ разными заглавіями, были напечатаны, при чемъ имя автора осталось издателямъ неизвѣстнымъ. Таковы были: 1) „Сказаніе о рожденіи, о воспитаніи и нареченіи на всероссійскій престолъ его царскаго пресвѣтлаго величества государя Петра Перваго, находящееся въ библіотекѣ его сіятельства гр. І. Б. Шереметева, изданное библіотекаремъ В. Вороблевскимъ". М. 1787. 12°. 58 стр. (изложеніе событій доведено до 15-го мая 1682 года). Второе изданіе съ дополненіемъ и съ измѣненнымъ титуломъ: „Сказаніе о рожденіи, воспитаніи и нареченіи на всероссійскій царскій престолъ государя Петра Перваго, съ присовокупленіемъ сокращеннаго описанія жизни и дѣлъ сего великаго императора, и съ приложеніемъ гравированнаго его портрета. Изданное В. Вороблевскимъ. Вторымъ тисненіемъ. Иждивеніемъ книгопродавца С. П. Москва. 1795". 12°. 140 стр. Первыя 58 страницъ этого второго изданія являются простой перепечаткой, строка въ строку, изданія 1787 года, съ тѣми же заставками и виньетками (а, можетъ быть, это просто старый наборъ оставшихся, не разошедшихся экземпляровъ перваго изданія?); со страницы же 59-й идетъ „Сокращенное описаніе жизни Петра Великаго", — дословная перепечатка изданнаго тѣмъ же Вороблевскимъ въ 1771 г. перевода сочиненія Алеца (см. о немъ ниже текстъ и примѣч. 55, пунктъ б): здѣсь только нѣтъ предисловія и указанія на то, что это есть именно переводъ. 2) „О зачатіи и о рожденіи в. г. и. Петра Перваго, самодержца всероссійскаго и о прочемъ" въ „Собраніи разныхъ записокъ" Туманскаго, т. I, 233—309. Здѣсь изложеніе доведено до октября 1682 г. Отличія отъ текста Вороблевскаго („Сказанія") самыя ничтожныя, если не считать несходства въ нѣкоторыхъ датахъ [2]). Сравнительно съ соотвѣтствующими стра-

---

[1]) Значительное количество ихъ собрано и хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ. См. ихъ перечень у Бычкова, Письма Петра Великаго, хранящіяся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, стр. 161—165; Отчетъ Имп. Публ. Библ. за 1881 г., стр. 19.

[2]) Зачатіе царицы Натальи 11-го — по Туманскому, 28-го августа 1671 г. — по

26 ницами изданія Сахарова, у Туманскаго есть мѣста, которыхъ тамъ не находится, и наоборотъ. Такимъ образомъ хронологическія рамки разсказа во всѣхъ трехъ изданіяхъ не одинаковы, такъ какъ Сахаровскій Крекшинъ доведенъ до конца 1695 года. Въ принадлежащемъ автору этихъ строкъ современномъ рукописномъ спискѣ разсказъ Крекшина имѣетъ тоже иное окончаніе, обрываясь на возвращеніи Петра изъ заграничной поѣздки въ 1698 г. и на казняхъ стрѣльцовъ. Тотъ фактъ, что Вороблевскій и Туманскій, печатая трудъ Крекшина, даже и не задавались вопросомъ о ихъ авторѣ, можетъ до нѣкоторой степени служить доказательствомъ, что новгородскій дворянинъ былъ уже забытъ [1]) и потеряна нить, связывавшая его имя съ его трудами. Даже Голиковъ, лично знакомый съ Крекшинымъ [2]), повидимому, не зналъ, кто авторъ „Лѣтописи о зачатіи и о рожденіи Петра Великаго“ [3]). Въ 1798—1799 гг. Львовымъ издается „Подробная лѣтопись отъ начала Россіи до Полтавской баталіи“, въ 4 частяхъ; почти вся четвертая часть ея (стр. 18 — 199, до конца) есть сплошное воспроизведеніе Крекшина въ тѣхъ отдѣлахъ, которые намъ извѣстны, но Львовъ этого не знаетъ. Болтинъ хотѣлъ видѣть составителя этой „Лѣтописи“, а значитъ и ея четвертой части, въ Ѳеофанѣ Прокоповичѣ; Львовъ опровергалъ его мнѣніе, но самъ пополнить пробѣла оказался не въ силахъ [4]). Имя Крекшина, какъ автора, оставалось неизвѣстнымъ до сороковыхъ годовъ XIX столѣтія, вплоть до изданія Сахарова. Такъ Олинъ напечаталъ брошюрку „О рожденіи Петра. Преданіе“ (С.-Пб. 1835), какъ пересказъ рукописи „неизвѣстнаго сочинителя“—въ сущности не кого иного, какъ Крекшина [5]). Даже послѣ Сахарова нѣкоторое время еще оказывалось возможнымъ, печатая разсказъ Крекшина, заявлять, что „имя автора „Лѣтописи“ осталось неизвѣстнымъ“ [6]).

в) Еще Татищевъ [7]) называлъ Крекшина „баснословцемъ“; значительно рѣзче отозвался о немъ Устряловъ [8]): „Невѣжество въ событіяхъ, суевѣріе, вымыслы встрѣчаются на каждой страницѣ: онъ *слагалъ* предсказанія, выдумывалъ рѣчи, изобрѣталъ факты. Трудно вообразить, чтобы можно было такъ безсовѣстно обманывать современниковъ и потомство, какъ обманывалъ Крекшинъ, съ клятвою увѣряя людей простодушныхъ, напримѣръ Голикова, что все разсказываемое имъ сущая правда, вопреки свидѣтельствамъ неоспори-

---

Вороблевскому. Источникъ несогласія, быть можетъ, выяснится въ сопоставленіяхъ, приведенныхъ ниже, въ пунктѣ *е* настоящаго (26) примѣчанія.

[1]) Онъ умеръ въ 1763 г. Сахаровъ, Записки русскихъ людей, предисловіе.

[2]) Дѣянія, т. I, предисловіе, стр. VI.

[3]) Тамъ же, стр. IV, XI.

[4]) Подробная лѣтопись, IV, стр. 34, прим. Ср. митроп. Евгеній, Словарь писат. духовн. чина, изд. 2-е, II, 310.

[5]) То же и въ примѣчаніяхъ Олина къ переводу книги Вилліамса: „Записки о Петрѣ Великомъ. С.-Пб. 1835“, стр. 4 второй пагин.

[6]) Кн. Вл. К-въ, Матеріалы для исторіи Петра Великаго. *Отеч. Записки* 1848, т. 59, стр. 157. Напечатанный здѣсь списокъ, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ изданій, обрывается на поѣздкѣ Петра за границу.

[7]) Исторія Россійская, I, 553.

[8]) I, стр. XLIII.

мымъ. Все его сочиненіе есть не что иное, какъ цѣпь выдумокъ, перемѣ- 26
шанныхъ съ немногими сказаніями историческими". А вотъ отзывъ Елагина по поводу 28-го тома „Журнала" Крекшина за 1709 годъ [1]): „Крекшинъ, ссылаясь почти на всякомъ шагу на какой-то журналъ его царскаго величества, представляетъ Петра вооружающимъ 61 корабль, 400 галеръ и прочія морскія суда, которыхъ, по словамъ Крекшина, оказывается, большое изобиліе. Далѣе Крекшинъ говоритъ о закладкѣ въ Воронежѣ новыхъ судовъ, спускѣ 11 кораблей, галеасовъ, прамовъ и другихъ судовъ, что совершенно невѣрно; провожаетъ Петра до Азова на кораблѣ *Сѣверный Орелъ* и показываетъ подъ Таганрогомъ 44 вооруженныхъ корабля, тогда какъ въ дѣйствительности въ Таганрогѣ никогда не было и половины этого числа судовъ. Изъ этого видно, что сочиненіе Крекшина не выдерживаетъ никакой критики".—Всѣ эти отзывы слѣдуетъ признать справедливыми. *Историкъ* Петра оказывался не только „баснословцемъ", но и наивнымъ невѣждою, суевѣромъ, мнящимъ по звѣздамъ разгадать будущее. Напримѣръ, въ 1743 году онъ, „по наукѣ своей", заявлялъ, что три длинныхъ луча наблюдаемой имъ звѣзды, „а между ними восемь малыхъ", „являютъ блаженное царствованіе россійскимъ великимъ государямъ императорамъ". „Изъ библіи и изъ прочихъ историческихъ книгъ и прогностиковъ" вычиталъ онъ о „четвертой сѣверной монархіи" и о томъ, что таковою должно быть Русское государство, которое „въ крѣпости и силѣ имать стоять до скончанія мира и владычествовать всею вселенною, яко свидѣтельствуютъ откровенія и видѣнія пророкъ, явленіе ангелъ и богодуховенныхъ отецъ". Начало „сѣверной монархіи", т. е. Россіи, Крекшинъ возводилъ къ 25-му году царствованія Немврода, „иже созидоша столиъ; той Невродъ посла князи въ населеніе вселенной: Мида, Ассура, Мосоха; Ассуръ созда Ассирію; Мидъ—Мидію; Мосохъ — царство Московское". Тетрадь, гдѣ началъ Крекшинъ писать объ этой монархіи, принадлежала, по его показанію, „къ сочиненной имъ государя императора Петра Великаго исторіи къ первой части, и ежели бы оную тетрадь онъ всю сочинилъ, тобъ по переписаніи на-бѣло намѣренъ онъ, Крекшинъ, ту тетрадь съ означенною о государѣ императорѣ Петрѣ Великомъ исторіею поднесть ся императорскому величеству" [2]). — Уже изданіе Сахарова даетъ нѣкоторое представленіе о манерѣ и степени исторической достовѣрности Крекшина; но, быть можетъ, еще болѣе яркіе образцы крекшинскаго „баснословія" найдутся въ вышеупомянутыхъ „журналахъ" и „экстрактахъ". Напримѣръ, Экстрактъ 1682 г. чуть ли не одна сплошная реторика. Избраніе Петра на царство изложено въ видѣ слащаво-благороднаго соперничества великодушныхъ братьевъ. На всеобщую просьбу принять царскую корону Петръ возражаетъ, говоря, что онъ малолѣтенъ, и указываетъ на брата; новыя просьбы не дѣйствуютъ на него. Тогда подаетъ совѣтъ Кир. Пол. Нарышкинъ: просите царицу; пусть она благословитъ Петра на царство. Но та также указываетъ на Іоанна: „Іоанна имѣю, яко и Петра, и Петра, яко Іоанна". Повинуясь Натальѣ, патріархъ проситъ старшаго царевича, а тотъ въ свою очередь говоритъ: Петръ избранъ правильно, я свидѣтельствую это; „яко Петръ

[1]) Исторія русскаго флота. Періодъ Азовскій. С.-Пб. 1864, стр. 315.

[2]) Есиповъ, Эпизодъ изъ жизни Крекшина. *Древняя и Новая Россія* 1878, № 4, стр. 338, 339, 341.

царствуетъ, съ Петромъ царствую и азъ; азъ царствую — царствуетъ со мною и Петръ; но азъ всегдашнихъ ради скорбей править сего великаго царствія не могу". Іоаннъ съ патріархомъ идутъ на половину брата; тамъ патріархъ и прочіе пали на колѣни и „просили великихъ государей", но тѣ упорно продолжали отказываться: Петръ по малолѣтству, Иванъ по болѣзни, „отрицались и другъ друга цѣловали руцѣ и рамена". Присутствующіе просятъ о содѣйствіи Наталью—та уговариваетъ пасынка, Іоаннъ же цѣлуетъ ея руки и говоритъ: „ты вѣдаешь слабость и скорбь тѣла моего", а потому благослови на царство брата Петра. Наконецъ, царица нападаетъ на мысль просить, „да оба самодержавствуютъ"; но Іоаннъ возражаетъ: „аще два будемъ царствовать, то царствіе наше чрезъ чиновные наши люди будетъ раздвоено". Тогда Петръ „облился слезами съ великимъ рыданіемъ объемля брата своего царевича Іоанна Алексѣевича, приклонилъ главу на перси его, говорилъ: отче мой драгій, государь братъ Іоаннъ Алексѣевичъ! пощади младость мою, будь царь и самодержецъ всея Россіи, а азъ младые мои лѣта при благополучномъ царствованіи твоемъ препровожду». Но Наталья исчерпавъ всѣ средства, снова обращается къ сыну: „Не протився: Божіе есть на сіе изволеніе", — и тогда Петръ, обнявъ мать, „приклонивъ главу на перси ея, съ рыданіемъ говорилъ: неудобоносимую тяготу на младыя мои рамена возлагаешь". И вотъ, наконецъ, послѣ новыхъ просьбъ всѣхъ присутствующихъ, патріархъ нарекаетъ Петра царемъ и самодержцемъ, а Петръ рѣшается дать свое согласіе...—Тѣ же выдуманныя рѣчи, та же дѣланность, сочиненность и въ Журналѣ 1683 г. Искусственно уже самое распредѣленіе матеріала по днямъ: оно предполагаетъ существованіе, а главное, нахожденіе въ рукахъ Крекшина дворцовыхъ поденныхъ записей, камерфурьерскаго журнала, гдѣ изо-дня-въ день заносилось, что дѣлали цари въ 1683 г. Правда, нѣчто подобное мы имѣемъ въ такъ называемыхъ „Дворцовыхъ разрядахъ", но какъ разъ они-то во многомъ и не совпадаютъ съ нашимъ Журналомъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ. 11-го марта цари давали аудіенцію шведскому посланнику Коху, а у Крекшина объ этомъ ни слова; молчитъ Крекшинъ и о посѣщеніи царями 12-го апрѣля Чудова и Вознесенскаго дѣвичьяго монастырей; ни слова о возвращеніи Петра 2-го мая въ Москву изъ Николаевскаго, что на Угрѣшѣ, монастыря; обойдены молчаніемъ и поѣздка обоихъ государей 4-го мая въ Новоспасскій монастырь, поѣздка Петра 6-го мая въ село Воробьево; возвращеніе его оттуда 21-го мая; пріѣздъ его изъ Воробьева въ столицу 4-го іюня и 29-го іюля. Съ 18-го сентября по 1-е октября Петръ былъ внѣ Москвы, ѣздивъ къ Троице-Сергію — Крекшинъ не знаетъ и этого. И рядомъ съ этимъ онъ заставляетъ обоихъ царей ходить 4-го апрѣля, въ великую середу, въ Успенскій соборъ, гдѣ, по указанію Дворцовыхъ разрядовъ, они какъ разъ тогда и не были. Не сходится Журналъ Крекшина и съ другой категоріей документальныхъ данныхъ—записями дворцовыхъ приказовъ [1]), въ которыхъ сохранилось не мало очень точныхъ указаній, гдѣ въ какой день былъ Петръ и что дѣлалъ. Послѣ этого, разумѣется, съ трудомъ вѣришь и тому, что разсказываетъ авторъ о военныхъ забавахъ царя, каждый разъ съ пріурочиваніемъ ихъ къ извѣстному опредѣленному дню: обо всѣхъ этихъ „экзерциціяхъ", „ученіи со стрѣльбою", о пробѣ новыхъ пушекъ, „конскихъ ри-

[1]) Есиповъ, Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ.

станіяхъ“ на Преображенскомъ лугу, смотрахъ и маневрахъ... На каждомъ шагу 26
противорѣча документальнымъ даннымъ, Крекшинъ сплошь и рядомъ явленія болѣе поздняго времени пріурочиваетъ къ 1683 году. Такъ Гордонъ, бывшій тогда на службѣ въ Кіевѣ, оказывается, живетъ въ Москвѣ: въ этомъ смыслѣ онъ упоминается подъ 13-мъ и 16-мъ мая, принимаетъ участіе въ военныхъ потѣхахъ Петра 4-го, 10-го, 25-го августа, 16-го сентября. Преждевременно выступаетъ на сцену и Тиммерманъ, ставшій извѣстнымъ Петру, какъ мы знаемъ, значительно позже. Подъ 17-мъ сентября читаемъ: „Царевна Софія Алексіевна пожаловала Цыклера въ Стрѣлецкой приказъ главнымъ на мѣсто Хованскихъ“; но извѣстно, что преемникомъ послѣднихъ былъ Шакловитый. Судя по датѣ, Крекшинъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду событія 17-го сентября предыдущаго, 1682 года, но перепуталъ. Подъ 19-мъ января: „Царевна Софія Алексіевна повелѣла имя свое купно съ великими государями въ указахъ писать и въ книгахъ печатать и на монетахъ изображать“; но упоминаніе имени началось еще съ конца мая 1682 г., изображеніе же на монетахъ слѣдуетъ отнести ко времени болѣе позднему. По Крекшину, чуть ли не всѣ церковные праздники оба царя слушали литургію въ Успенскомъ соборѣ, послѣ чего или они обѣдали у патріарха, или патріархъ у нихъ. За этими обѣдами обыкновенно велись бесѣды образовательнаго характера: то Петръ, одинъ или совмѣстно съ братомъ, задавалъ какой-нибудь вопросъ и получалъ желаемое разъясненіе отъ патріарха; то присутствующіе, по собственной иниціативѣ, сообщали ему что либо поучительное. Такъ, за обѣдомъ 30-го марта царь спросилъ: „Кто первый патріархъ былъ въ Россіи и сколько ихъ числомъ до сего времени было? также и кто когда возведенъ на патріаршескій престолъ и когда кто преставился?“; 11-го апрѣля Петръ интересуется знать о житіи и дѣлахъ патріарха Іова (въ этотъ день приходилась годовщина перенесенія его мощей); 30-го апрѣля—о началѣ города Москвы; 19-го марта патріархъ знакомитъ царей съ дѣятельностью царя Іоанна Грознаго, годовщина смерти котораго приходилась на этотъ день; 8-го іюня праздновалась память царя Ѳеодора Іоанновича—и патріархъ разсказываетъ о царствованіи этого государя; 13-го іюля — день смерти царя Михаила Ѳеодоровича, и великіе государи „имѣли разсужденіе о смерти“. Приведенныхъ примѣровъ, полагаемъ, достаточно для того, чтобы видѣть всю искусственность этихъ бесѣдъ. Ихъ дѣланность, кромѣ того, выступаетъ наружу благодаря и „мудрымъ“ мыслямъ, какія авторъ заставляетъ изрекать одиннадцатилѣтняго ребенка, въ родѣ того, что „нѣтъ ничего тяжчайшаго, какъ обида и уничтоженіе отъ богатыхъ бѣднымъ“ (л. 49); или: „уединеніе [есть] школа, въ которой добру и злу научиться можно“ (л. 52 об.); или: „древле неблагочестивые государи позволяли и повелѣвали народамъ между собою чинить битвы; намъ же, благочестивымъ царямъ, подобаетъ воспрещать, да не проліется кровь христіанская втуне“ (л. 58 об.). Когда его уговаривали не утруждать себя ученіемъ и чтеніемъ книгъ, Петръ отвѣчалъ на это: „Я труждаюсь оставить по себѣ незабвенную память бытія своего въ мірѣ“ (л. 211).

г) „Краткое описаніе блаженныхъ дѣлъ“, „Журналы“ и „Экстракты“ еще не исчерпываютъ всего того, что было написано Крекшинымъ по исторіи Петра Великаго. Къ этой же категоріи литературныхъ трудовъ новгородскаго дворянина слѣдуетъ отнести: 1) „Историческое извѣстіе о рожденіи Петра Ве-

26 ликаго и описаніе жизни и дѣлъ сего великаго монарха, отъ рожденія до погребенія", оставшееся, по заявленію Сахарова [2]), не напечатаннымъ,—можетъ быть, то же самое, что у митр. Евгенія [3]) названо (и, повидимому, болѣе правильно) „Исторіей Россіи и славныхъ дѣлъ императора Петра Великаго отъ рожденія его по день погребенія, съ приложеніемъ напереди родословія великихъ князей и царей россійскихъ".—2) „Краткое описаніе славныхъ и достопамятныхъ дѣлъ императора Петра Великаго, его знаменитыхъ побѣдъ и путешествій въ разныя европейскія государства, со многими важными и любопытства достойными произшествіями, представленное разговорами въ царствѣ мертвыхъ, ген.-фельдмаршала и кавалера россійскихъ и мальтійскаго орденовъ гр. Б. П. Шереметева, боярина Ѳ. А. Головина, боярина Шепна и самого сего великаго императора съ россійскимъ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, съ шведскимъ королемъ Карломъ XII, испанскимъ царемъ Соломономъ и греческимъ царемъ Александромъ". С.-Пб. 1788. 104 стр.—Изд. 3-е, „съ прибавленіемъ противъ прежняго изданія многихъ примѣчаній и съ присовокупленіемъ гравированныхъ фигуръ". М. 1794. 169 стр.—Четвертое изданіе М. 1808. 169 стр. Слѣдуя довольно распространенной въ XVIII вѣкѣ манерѣ рисовать событія путемъ разговора людей, уже сошедшихъ съ историческаго поприща, книга эта даетъ, дѣйствительно, краткій обзоръ царствованія Петра, въ обычномъ духѣ Крекшинскихъ писаній: съ преувеличеніями, выдумками и ошибками. Достаточно сказать, что на многихъ страницахъ подробно описывается, какъ въ 1698 году, во время пребыванія Петра въ Англіи, англійская *королева Анна* принимала и угощала русскаго царя, восхищалась его подвигами и вела съ нимъ продолжительные разговоры [3]); пила передъ его портретомъ заздравный бокалъ вина, а увидавъ, какъ государь тесалъ брусъ и переворачивалъ его, говорила: „Не можетъ тебя ублажить всякъ языкъ, великій государь! Втунѣ многіе исторіографы писали, да и чтущіе исторію удивлялись, яко древлѣ римскіе на время избранные диктаторы Фабій и Квинтій не возгнушались паки земельнымъ трудомъ и трудились; но сей великій государь Петръ Алексѣевичъ уже и короною царскою вѣнчанный и помазанный, несравненно помрачилъ славу временныхъ диктаторовъ" [4]). — 3) „Экстрактъ изъ великославныхъ дѣлъ кесарей восточныхъ и западныхъ и изъ великославныхъ дѣлъ императора Петра Великаго, собранной новгородскимъ дворяниномъ Петромъ Никифоровымъ сыномъ Крекшинымъ въ царствующемъ градѣ Санктъ-Питербурхѣ, въ лѣто спасительнаго воплощенія 1759 іюня *** дня".—Рукоп. Имп. Публ. Библ. Q. IV. № 4. 39 лист. въ четвертку. Это параллельный и сравнительный обзоръ дѣяній императоровъ Западной и Восточной Римской имперіи съ дѣяніями Петра Великаго. Выводъ изъ сравненія такой: чѣмъ славны тѣ государи, тѣмъ же, и даже въ бо́льшей степени, славенъ и Петръ; въ общемъ итогѣ Петръ одинъ сдѣлалъ то,

---

[1]) См. его предисловіе къ запискамъ Крекшина.

[2]) Словарь св. писателей, I, 316.

[3]) Этотъ анахронизмъ не рѣжетъ ухо даже въ XIX столѣтіи: сравн. „Разговоръ Петра Перваго съ Анною, англинскою королевою" въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1810, ч. X. апр., 56 и „Русскіе Анекдоты", изд. С. Глинкою. М. 1822, ч. II, стр. 65.

[4]) Изд. 3-е. М. 1794, стр. 52, 56.

что сдѣлали тѣ въ совокупности. Юлій Цесарь и Октавіанъ основали Римскую 26
имперію—Петръ „возставилъ“ монархію русскую; тѣ учредили сенатъ—то же сдѣлалъ и русскій царь; Константинъ Великій, Траянъ, Юстинъ, Ѳеодосій дали уставы и права—Петръ „для праваго рѣшенія дѣлъ издалъ военные, сухопутные, морскіе и гражданскіе регламенты“. Съ такою же легкостью отыскивается соотвѣтствіе въ государственной дѣятельности русскаго государя и императора Льва Мудраго, издавшаго церковныя правила, Веспасіана, учредившаго полки, и т. п. Отмѣтимъ слѣдующія строки: „Петръ Великій, во время бытія въ солдатахъ и житія въ шестакѣ съ рядовыми, изъ одного котла съ рядовыми имѣлъ пищу, мундиръ имѣлъ яко рядовой, постеля его была тюфякъ или войлокъ, одѣяло—епанча. По очереди никогда караулы и работы не кинулъ; обучалъ солдатъ доброму житію и труду. Во время житія въ матросахъ, за неизвѣстіемъ очереди, носилъ воду, рубилъ дрова, варилъ пищу, мастерамъ всякую услугу чинилъ, былъ похваленъ въ варенін смолъ, въ прядении и спускѣ: и въ варенін канатовъ, и въ уборѣ снастей и припасовъ... О исправленіи крестьянства трудился окончать книгу экономическую, въ которой нѣсколько главъ изволилъ собственнаго своего труда прибавить. И по блаженномъ его успеніи оная книга осталась въ святѣйшемъ синодѣ не вся рукою его величества выправлена“ (лл. 24—25; 27). Сравн. менѣе богатый деталями разсказъ Ломоносова: „двѣнадцати лѣтъ сталъ рядовымъ солдатомъ и съ товарищи своими не токмо въ одномъ былъ внесенъ спискѣ, но и спалъ съ ними въ одной палаткѣ, ту же принималъ пищу, стоялъ по очереди на караулъ, исправлялъ всѣ солдатскія работы, возя землю къ своему потѣшному крѣпостному строенію на телѣжкѣ, построенной своими руками“ [1]). — 4) „Родословіе высочайшей фамилін ея и. в. г. и. Елисаветы Петровны самодержицы всероссійской“, издано архим. Леонидомъ въ *Памятникахъ Древней Письменности*. С.-Пб. 1883. 32 стр.—5) „Кто Петръ Великій, императоръ Россійскій“?—Исторія Петра въ вопросахъ и отвѣтахъ, составлена въ 1752 г., сохранилась въ рукоп. сборникѣ Костромской архивн. комиссіи, лл. 96 об. — 106 [2]).

д) Можно указать еще на „Описаніе о царствованіи в державе великаго гдря царя Алексѣя Михаиловича и великия государыни царицы Натальи Кириловны, о сестрицахъ его Алексея Михаиловича, о царевичахъ и о царевнахъ, и о наказаніи его, і о преставленіи, и о рожденіи Петра Перваго императора, и о многихъ его наукахъ, и о походахъ, и о мореплаваніи, и о взятіи многихъ немецкихъ городовъ, и о бунтѣ стрѣлцовъ, и о казне ихъ, и о расъколнике Хованскомъ з детми и съ ихъ сообщники, и о протчихъ многихъ его“. 24 лл. скорописью XVIII в., въ малую 4 д. л., ркп. Q. IV. № 281 [3]). Заглавіе гораздо шире содержанія: разсказъ, начинаясь съ зачатія Петра и предсказаній Симеона Полоцкаго, въ сущности едва доведенъ до столкновенія съ царевной Софьей въ 1689 году; въ концѣ помѣщенъ хронологическій перечень событій изъ жизни Петра Великаго за 1682—1720 гг. Указаній на автора никакихъ, но это несомнѣнно произведеніе пера Крекшина, одна изъ многочисленныхъ редакцій его „Сказанія“. — Существуетъ еще другая рукопись Имп. Публ. Библ.

[1]) Краткой россійской лѣтописецъ. С.-Пб. 1760, стр. 47—48.

[2]) Костромская Старина, вып. III. Кострома. 1894, приложеніе, стр. 13—14.

[3]) Ср. Отчетъ Имп. Публичн. Библіотеки за 1874 г., стр. 105—106.

26—27 *того же типа*: Q. IV. № 294: „Исторія от дня зачатія во утробе матернеи благочестивѣшаго великаго гдр̃я императора Петра Великаго, самодержца всероссіскаго, и до прекращенія бывшихъ в Москве мятежей от бунтовщиков и стрелцовъ в прошломъ 1790 году“ (скорописъ XVIII в., 110 лист. въ 4 д. л.). Въ числѣ „1790“ [1]) послѣднія двѣ цифры писаны красными чернилами, а первыя двѣ, по несомнѣнно выскобленному мѣсту, черными. Первоначально стояло „7190“ [2]). „Нѣсколько измѣненная редакція“ этой рукописи [3]) имѣется въ спискѣ Q. IV. № 295 (106 лист. въ малую 4): „О зачати новорожденного великого гдр̃я імператора Петра Великаго самодержца всероссійскаго і о протчемъ“. Разсказъ оканчивается усмиреніемъ стрѣлецкаго бунта въ 1698 г.

е) „Баснословность“ и несоотвѣтствіе Крекшина требованіямъ, какимъ долженъ удовлетворять историкъ, серьезнымъ и образованнымъ людямъ ясны были еще въ XVIII вѣкѣ; но массѣ Крекшинъ, очевидно, былъ по плечу; популярность его „Сказанія“ доказываетъ, что оно нравилось и находило читателей, и можно почти съ положительностью утверждать, что именно въ этой массѣ сказки и легенды, передаваемыя имъ, какъ историческій фактъ, отнюдь не вызывали улыбки, особенно если даже люди литературно образованные готовы были серьезно считаться съ ними. Такъ, давая отчетъ о первой части „Собранія разныхъ записокъ о Петрѣ Великомъ“ Туманскаго, журналъ *Russische Bibliothek* привелъ, между прочимъ, извѣстный разсказъ Крекшина о томъ, что въ ночь на 11-е августа 1671 года Симеонъ Полоцкій и Димитрій Ростовскій увидали на небѣ свѣтлую звѣзду возлѣ планеты Марсъ и заключили изъ этого, что царица Наталья Кирилловна зачала сына, которому они и нарекли имя Петръ. Издатель, небезызвѣстный Бакмейстеръ, подъ словами „11-го августа“ сдѣлалъ отъ себя такое примѣчаніе: „Der 11 u. 12 August sind vermuthlich Schreib-oder Druckfehler statt des 29, 30 oder 31 Augusts“ [4]). Не трудно понять, что „29-го—31-го августа“ Бакмейстеру понадобилось для круглой цифры *девяти* мѣсяцевъ.

27) Къ стр. 49.

а) „Славная Сѣверная война и житіе Петра Великаго, императора, самодержца всероссійскаго, отца отечества. Собрано изъ разныхъ о нѣкіихъ дѣяніяхъ описуемыхъ отъ разныхъ авторовъ книгъ и изъ журналовъ или повседневныхъ записокъ. 1749 года“. Рукоп. Имп. Пуб. Библ. № 40. 414 лист. Въ предисловіи авторъ заявляетъ о себѣ, какъ о современникѣ и свидѣтелѣ дѣлъ Петра („его же житіе и дѣянія издаются днесь на ѳеатръ свѣта отъ самовидца славныхъ сво дѣлъ не витійствомъ риторского краснорѣчія, но правдобытіемъ настоящаго дѣянія, призная себя отъ скудоумія въ риторскихъ обученіяхъ къ тому недостойнымъ, любезнѣйшаго читателя покорнѣйшій слуга“). XVIII вѣкъ, по

---

[1]) Отчетъ Имп. Публ. Библ. за 1876 г., стр. 92 неправильно читаетъ: „1700“.

[2]) Сравн. л. 3: „в прошломъ 7190-мъ году то есть лета гдня 1682“, при чемъ „71“ выскоблены тоже, но гораздо слабѣе.

[3]) Отчетъ, 92.

[4]) *Russ. Bibl.*, т. XI (1787 г.), стр. 353.

его словамъ, знаетъ лишь двухъ истинно великихъ людей—Петра Великаго и 27
Карла XII: „во истину оба сіи могутъ сравняться со всѣми тѣми, которыми хвалится Греція, Италія; обаче же Петръ Великій, досточудный россійскій плодотворецъ и отецъ отечествія превозвышаетъ несравнительною славою Карлуса XII“: этотъ послѣдній „снималъ и налагалъ“ короны, привелъ въ трепетъ королей датскаго и прусскаго, устрашилъ Польшу, наложилъ дань на Саксонію, немалый страхъ вложилъ въ сердце самого цесаря—и такого-то героя превозмогъ нашъ Петръ! До Петра насъ считали чуть не за индѣйцевъ; о регулярной арміи, о флотѣ и помину не было; но „чрезъ собственный разумъ и прилежаніе“ Петра все это Россія получила. Петръ однако славенъ не однѣми „военными побѣдами“; онъ опровергъ мнѣніе тѣхъ, кто говорилъ, будто бы „подъ звономъ оружія гражданство молчитъ“: одновременно съ войной русскій государь строилъ города, порты „и прочія славныя зданія“, установилъ сношенія съ европейскими государствами, содѣйствовалъ развитію коммерціи, наконецъ, учредилъ школы и академію. Вообще, такъ формулируетъ авторъ свою мысль, Петръ Великій „превращеніемъ грубозастарѣлаго въ неученіи россійскаго народа, яко отъ небытія въ бытіе на феатръ славы преобратилъ, и изъ невѣждъ неученыхъ учеными сотворилъ и сравнилъ во всемъ съ прочими издревле обучаемыми политизованными европейскими народы“. Если въ послѣднихъ словахъ слышится несомнѣнный перифразъ привѣтственной рѣчи, съ какою обратился канцлеръ Головкинъ къ Петру въ день празднованія Ништадскаго мира, когда сенатъ и государственные чины подносили государю титулъ императора, то вообще на всемъ предисловіи лежитъ отпечатокъ родства мысли и даже отдѣльныхъ выраженій съ тѣмъ, что̀ пришлось уже отмѣчать выше [x]) въ сочиненіяхъ Зміева и безыменнаго автора, писавшаго въ тридцатыхъ годахъ XVIII ст. Предисловіе заканчивается стихами, воспѣвающими Петра.

Собственно изложенію Шведской войны (лл. 80 — 318) предшествуетъ очеркъ жизни молодыхъ лѣтъ Петра (лл. 1 — 71; листовъ 72 — 79 въ рукописи не достаетъ), при чемъ событія съ 1672 по 1682 годъ включительно разсказаны по Крекшину въ редакціи, однородной съ Сахаровскою; въ основу годовъ 1683 и слѣдующихъ легъ тоже Крекшинъ, вѣроятно, его Журналы или Экстракты, такъ какъ событія изложены погодно; для девяностыхъ же годовъ у автора были, очевидно, иные источники. Описывая войну со шведами, составитель мѣстами касается и внутреннихъ событій этого времени. Потребность подвести итоги, разобраться въ многосторонней и кипучей работѣ царя привели къ попыткѣ дать послѣдующую характеристику Петровскаго царствованія (лл. 318 об. — 334), при чемъ мысли, уже высказанныя въ предисловіи, получили не только дальнѣйшее развитіе, но и дополнены рядомъ новыхъ положеній. „Петръ Великій“,—говорится здѣсь—„великими славами Россію прославилъ и великіе славные дѣла въ пользу и славу Россіи оказалъ“. *Во-первыхъ*, онъ возобновилъ титулъ имперіи Россійской; хотя его носили у насъ еще за сотни лѣтъ, при цесарѣ Максиміліанѣ, но „за незнаніемъ въ Россіи чужестранныхъ языковъ и обученій“, обыкновенно думали, что императорскій ти-

[x]) См. прим. 23, пунктъ а; прим. 24, пунктъ б.

27 тулъ „равную силу и званіе“ имѣетъ съ царскимъ, почему и былъ онъ оставленъ безъ употребленія, и русскіе государи писались просто царями. Съ Петра же Великаго, хотя многіе потентаты и сопротивлялись этому, утвердился титулъ императорскій. *Во-вторыхъ*, Петръ основалъ регулярную армію, „и инфантерію, и кавалерію, и изрядную артиллерію, и инженерную учредилъ, чего въ Россіи не токмо не бывало, ниже о регулярствѣ россіяне слышеть хотели“— и все это въ короткій промежутокъ времени, къ тому же „неспокойнаго“. Петръ одолѣлъ Карла XII, котораго опасалась чуть ли не вся Европа и который самъ считалъ себя въ ней полновластнымъ хозяиномъ. Кромѣ того, армія, созданная Петромъ, обезпечила Россіи рядъ дальнѣйшихъ успѣховъ въ войнахъ съ Франціей, Польшей, Турціей и вторичной со шведами. *Въ-третьихъ*, Петръ завелъ флотъ, одержалъ блестящую побѣду подъ Гангутомъ, командовалъ четырьмя союзными флотами. *Въ-четвертыхъ*, основалъ Петербургъ и Кронштадтъ. *Въ-пятыхъ*, „обучилъ и просвѣтилъ россійской народъ, ибо россіяне до его государствованія о европскихъ государствахъ самое малое знаніе имѣли или и совершенно не знали и мнили о себѣ, что россіяне владѣютъ плодоносною землею и богатѣйшею, и ежели бъ въ Россіи не продавали хлѣба нѣмцамъ, подъ которымъ именемъ была вся Европа, то бъ нѣмцы принуждены были з голоду помереть, и Европу за ничто по своему великомыслію почитали; тако и Европа, хотя сію за ничто вмѣнила и за варварской народъ, яко за индейцевъ почитали, которые въ Европѣ кромѣ нѣкотораго купечества никакихъ коришпонденцій и общенія ни въ какихъ въ европскихъ до войны и мира касающихся дѣлехъ рефлекціи въ разсужденіяхъ не имѣли, но подлиннаго состоянія и силы и богатства Россіи совершенно не знала жъ, и разные съ обоихъ сторонъ были неправыя мнѣнія; но во время его обѣ стороны весьма въ другое разсужденіе пришли и необстоятельные обоихъ сторонъ мнѣнія мудрымъ его поведеніемъ весьма искоренились и въ такое состояніе обученіемъ его Россія приведена, что во всякихъ негоціаціяхъ политическихъ з доброю славою при всѣхъ европскихъ дворехъ исправлять начали, и уже никакое дѣло, ниже въ отдаленныхъ европскихъ краяхъ, безъ сообщенія съ Россіею не чинится, X которому пріятства и союза не искали, или въ противности опасности не имѣли, и великимъ желаніемъ всѣ потентаты начали искать россійской аліаціи“. *Въ-шестыхъ*, до Петра не было наукъ, знанія иностранныхъ языковъ; кромѣ церковныхъ книгъ иныхъ и не печатали; знакомый съ ариѳметическимъ счетомъ считался уже за ученаго; учиться иностраннымъ языкамъ считали за гордость; астрономію же, физику и математику полагали прямо за колдовство. Но вотъ Петръ съѣздилъ въ Европу, послалъ туда учиться другихъ, и теперь даже женщины знакомы съ иностранными языками, издается много книгъ по вопросамъ политическимъ, военнымъ, по архитектурѣ. *Въ-седьмыхъ*, заведены кунсткамеры, гдѣ собрано много „куріозныхъ“ вещей. *Въ-восьмыхъ*, учреждены фабрики и заводы, развилась промышленность и торговля. Раньше мы отпускали въ Европу сырые продукты (ленъ, пеньку, персидскій шелкъ) и вынуждены были ввозить ихъ обратно, въ обработанномъ видѣ, но уже съ уплатою чуть ли не въ десять разъ выше ихъ первоначальной стоимости; нынѣ нужды страны могутъ быть удовлетворены собственными средствами. *Въ-девятыхъ*, заботою о торговлѣ, организаціею сношеній русскаго купечества съ иностраннымъ, заведеніемъ каналовъ Петръ Великій „предъ

прежнимъ всякихъ доходовъ едва ли не въ десятеро пріумножилъ". *Въ-десятыхъ*, „правы государственныя многія основанія узаконилъ"; учредивъ коллегіи и давъ имъ соотвѣтственные регламенты, Петръ внесъ организацію и порядокъ въ теченіе государственной жизни. Упорядоченъ былъ судъ: до Петра отвѣтчикъ не могъ ознакомиться съ содержаніемъ поданной на него жалобы прежде разбирательства самаго дѣла, что лишало его возможности приготовиться къ отвѣту; послѣ же рѣшенія суда никакого движенія дѣлу дать было уже нельзя. Поэтому многіе правые оказывались виновными, что было на руку ябедникамъ; но Петръ повелѣлъ всякому отвѣтчику давать копію жалобы. По окончаніи войны Петръ возъимѣлъ намѣреніе учинить „законное государственное право", выработать новое уложеніе и такъ много работалъ надъ нимъ „что болѣе 4 часовъ въ ночи себѣ покоя не имѣлъ", „и для сочиненія уложенья указалъ быть изо всѣхъ губерній и провинцій по препорціи по нѣскольку человѣкъ достойныхъ къ тому дворянъ". Свято соблюдая законъ, Петръ требовалъ, чтобы, если кто даже и найдетъ для даннаго случая лучшее рѣшеніе или признаетъ невозможность примѣненія закона, отнюдь не поступать по самоличному усмотрѣнію, а сдѣлать соотвѣтствующій докладъ, „на что во свидѣтельство нѣкоторые примѣры предъявлю. Нѣкогда въ адмиралтействѣ опредѣленныя для работъ служителей нѣсколько сотъ человѣкъ при работѣ пробыли праздно за тѣмъ, что при крайнимъ опредѣленнымъ числомъ по регламенту отъ тягости въ поднятіи изъ воды дубовыхъ лѣсовъ исправить не можно, а болѣе опредѣленнаго числа командиръ къ тому опредѣлить не смѣлъ, и учинилъ о томъ докладъ опредѣленному для надзиранія тѣхъ работъ гвардіи маэору Ушакову, и оной на то резолюціи учинить не смѣлъ, а учинилъ докладъ адмиралтейской коллегіи, на что и оная коллегія резолюціи дать не отважилась, но учинила докладъ самому его величеству, въ чемъ собственноручно подписать изволилъ. Чтобъ впредь у той работы опредѣлять работниковъ по усмотрѣнію командировъ, а въ протчемъ во всемъ поступать по регламенту, и за то, что работные люди пробыли праздно, командира не предосудилъ. И паки нѣкогда при Ревели для скораго походу именнымъ указомъ указалъ въ одни сутки весь флотъ на два мѣсяца удоволствовать провіантомъ и протчими всякими припасы, на что учинился докладъ, что за малымъ комплектомъ при Ревельскомъ портѣ казенныхъ лошадей провозомъ припасовъ до гавани исправить не можно, а людми носить въ противность регламенту не смѣютъ: и ежели въ томъ будетъ повелѣно, то исправить оное возможно; на что его величество указалъ оной провозъ учинить наймомъ на казенныя деньги, а на себѣ носить не велѣлъ и регламента въ томъ не отмѣнилъ, и весма правы и справедливость твердо наблюдалъ, и хотя законнаго основательнаго права за пресѣченіемъ жизни ко окончанію не привелъ, но сочиненные ево регламенты и указы и понынѣ въ Россіи за лучшія основанія пріемлются. И при немъ всякой бѣдной человѣкъ могъ легко на первыхъ министровъ скорое и правое рѣшеніе получить". Будучи справедливъ, Петръ умѣлъ воздавать по заслугамъ, многихъ изъ ничего до высокихъ степеней возвелъ; въ особенности съумѣлъ оцѣнить заслуги и забыть прошлыя вины Петра Толстого, наградивъ его титуломъ графа, андреевской лентою, чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и званіемъ сенатора. Этимъ государь „во всѣхъ своихъ подданныхъ возбудилъ великую ревность и охоту къ службѣ государственной". Раньше пре- 27

27 ступленіе даннаго лица влекло наказаніе всей его фамиліи; Петръ же не только не наказывалъ дѣтей или вообще родственниковъ преступника, но иныхъ, за ихъ службу, возводилъ въ высокіе чины, чѣмъ удваивалъ ихъ рвеніе, въ то же время удовлетворяя и чувству справедливости. Военные люди, надѣясь на его къ себѣ любовь, иногда позволяли себѣ дѣлать злоупотребленія, раззоряли обывателей, такъ что крестьяне, провѣдавъ о маршѣ полковъ, убѣгали въ лѣса, иные даже совсѣмъ переселялись подальше отъ большихъ дорогъ—Петръ пресѣкъ эти злоупотребленія, издавъ соотвѣтственныя правила и наказывалъ виновныхъ. Былъ справедливъ; доступъ къ нему былъ свободенъ для всѣхъ; онъ охотно вступалъ въ бесѣду, милостиво выслушивалъ жалобы и „чинилъ справедливыя и скорыя резолюціи“; у него и поговорка была: „на правду словъ не много“. Не любилъ пышности, одѣвался просто; „не отошла отъ него въ знаніи и медиціи“, а особенно великій разумъ, благодаря которому онъ, ничему необученный съ дѣтства, сдѣлалъ такъ много великаго въ своей жизни. Въ ранніе годы къ нему былъ приставленъ учителемъ Зотовъ, „которой толко зналъ русской грамотѣ, и тотъ, когда усмотрѣнъ былъ во обученіи къ нему прилеженъ, по нѣкіимъ навѣтомъ былъ отъ него отлученъ въ посылку“. Авторъ особенно подчеркиваетъ тотъ фактъ, что Петръ безо всякой подготовки, по собственнымъ геніемъ достигъ всего. Если бы, замѣчаетъ онъ, пришлось сравнивать двухъ архитекторовъ,—одинъ изъ нихъ прекрасно обученъ съ дѣтства, окруженъ прекрасными помощниками, матеріалъ въ его распоряженіи отличный; другой же безъ предварительной подготовки, съ работниками неумѣлыми и съ матеріаломъ плохимъ, „единою остротою разума и разумнымъ предсмотрѣніемъ и тщаніемъ во всемъ подобно первому“ или даже еще лучше построилъ зданіе, къ тому же въ короткое время, да и работниковъ своихъ обучилъ надлежаще, — то, конечно, второму должны мы отдать предпочтеніе. Таковъ тоже и Петръ. Онъ „грубо застарѣлой россійской народъ всему обучалъ и обучилъ, яко отъ небытія въ бытіе и изъ тьмы невѣдѣнія на ѳеатръ славы преобратилъ и добропорядочными уставы и законы учреждалъ и учредилъ [sic], и въ славное политизованное государство во всемъ претворялъ“. Въ подлунномъ мірѣ не найти другого, ему равнаго монарха. Одни прославились побѣдами, другіе „обученіемъ высокимъ“; кто „разумомъ, политикою и обхожденіемъ“, кто „правосудіемъ“; каждый „единымъ или двѣми таланты—сей же славный монархъ Петръ Великій не единымъ, не двумя, но всѣми сими таланты славы свои оказалъ“. Не даромъ же „многіе авторы Петра Великаго славою сѣверною именуютъ“.—Послѣдніе листы рукописи (335—414) заняты приложеніями, числомъ 17; перечень ихъ данъ у Бычкова, Письма Петра Великаго, хранящіяся въ Имп. Публ. Библіотекѣ. С.-Пб. 1872, стр. 127—128.

б) Ко времени Елизаветы относится попытка изложить царствованіе Петра Великаго въ стихахъ: „Журналъ или описаніе лѣтъ и преславныхъ высокоторжественныхъ побѣдъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Петра Великаго, отца отечества, перваго императора всероссійскаго“. Намъ извѣстны два указанія на списки этого „Журнала“: 1) у Бычкова, Описаніе ц. сл. и р. рукописей Имп. Публ. Библіотеки, ч. I. С.-Пб. 1882, стр. 471—473 и 2) въ *Костромской Старинѣ*, вып. III. Кострома. 1894, приложеніе, стр. 9—12,—тамъ и тутъ съ приведеніемъ выдержекъ.

28) Къ стр. 51. 28—29

Подробныя заглавія книгъ, перечисленныхъ въ текстѣ, см. у Мицлова, Петръ Великій, стр. 36 слѣд., 120. Сравн. (его же) Библіографич. отрывки. *Отеч. Записки* 1856, т. 104 (№ 2), стр. 364 слѣд., 390 слѣд.; Пекарскій, Наука и литература при Петрѣ Великомъ, I, 96 слѣд.

29) Къ стр. 53.

Письмо Вольтера къ Фридриху, въ маѣ 1737 г., съ просьбою поручить довѣренному лицу въ Россіи дать отвѣтъ на прилагаемые вопросы [1]); письмо Фридриха къ Зуму, прусскому посланнику при Петербургскомъ дворѣ, 27-го іюля 1737 г. [2]). Текстъ приложенныхъ къ этому письму 12 вопросовъ Вольтера отличается отъ текста (но только формою, а не содержаніемъ) вопросовъ по рукописному экземпляру въ такъ называемыхъ „Рукописяхъ Вольтера", хранящихся въ Имп. Публ. Библіотекѣ (№ 242, т. V, № 37). Одновременно, кромѣ Зума, Фридрихъ обратился тоже и къ Фокеродту, секретарю посольства, только что вернувшемуся изъ Россіи [3]). 13-го ноября 1737 г. записка Фокеродта — отвѣтъ на каждый изъ 12 вопросовъ въ отдѣльности — послана Вольтеру [4]) и послѣднимъ получена въ январѣ 1738 г. [5]). Записка Фокеродта [6]) впервые напечатана, по французски, подъ заглавіемъ „Oeuvres posthumes du roi de Prusse, servant de supplément aux différentes éditions des oeuvres de ce monarque. Envoyées, en 1737, à Voltaire, par le prince royal de Prusse, depuis le roi Frédéric II. Auxquelles on a joint d'autres pièces, pour servir de supplément aux différentes éditions des oeuvres posthumes de ce monarque. A Berlin. 1789". 8°. CCV + 287 стр., при чемъ второй отдѣлъ, пагинированный арабскими цифрами, имѣетъ особый подзаголовокъ: „Considérations sur l'état de la Russie sous Pierre le Grand". Мицлову (Pierre le Grand, 141) извѣстно лишь позднѣйшее изданіе: „Considérations sur l'état de la Russie sous Pierre le Grand envoyées en 1737 à Voltaire par le prince royal de Prusse, après le roi Fréderic II. A Berlin. 1791". 8°. CCV+287 стр. Въ сущности это не болѣе какъ новый тиражъ того же изданія 1789 года, съ добавленіемъ лишь „Errata" и съ замѣной прежняго титульнаго листа другимъ, болѣе толково составленнымъ; остальное же все буква въ букву, вплоть до опечатокъ и переноса словъ съ одной строки на другую, то же самое. Германнъ напечаталъ записку Фокеродта по-нѣмецки, какъ совершенно неизвѣстный матеріалъ [7]). Ни Германнъ, ни Брикнеръ, много писавшій о Фокеродтѣ и полемизировавшій съ его нѣмецкимъ издателемъ, оба и не подозрѣвали о соотношеніи между работой Фокеродта и за-

[1]) Oeuvres de Voltaire, новое изданіе Garnier, т. XXXIV, 270, или Oeuvres de Frèderic le Grand., т. XXI (Berlin. 1853), стр. 81.

[2]) Oeuvres de Frèderic le Grand., т. XVI (Berlin. 1852), стр. 332.

[3]) Письмо Вольтеру, 16-го августа 1737 г., Oeuvres de Frèd., XXI, 85—86.

[4]) Ibidem, XXI, 113.

[5]) Ibidem, XXI, 136.

[6]) Рукопись ея, на франц. языкѣ, въ Рукописяхъ Вольтера. № 242, т. V, № 37.

[7]) Russland unter Peter dem Grossen. Lpzg. 1872; русскій переводъ въ *Чтеніяхъ* 1874, кн. 2 и отд.

29—30 просами Вольтера [1]). Это соотношеніе было указано Минцловымъ [2]) и въ особенности Козеромъ [3]).

30) Къ стр. 54.

а) Письмо Вольтера къ Д'Альону 3-го мая 1745 г., въ Oeuvres de Voltaire, изд. Garnier, XXXVI, 359; впервые въ *Вѣстникѣ Европы* 1807 года, ч. 32, апрѣль, № 7, стр. 197—201: „Перечень письма отъ Вольтера къ г. Даліону (сообщено канцлеру гр. Бестужеву 16 декабря 1745 г.)"; французскій текстъ съ русскимъ переводомъ. Помѣта, выставленная Бестужевымъ на подлинникѣ перечня, въ пересказѣ журнала: „Сходнѣе со всевысочайшимъ достоинствомъ гос. имп. Петра Великаго въ особливой исторіи описывать великія дѣла его и не примѣшивать къ нимъ постороннихъ; сверхъ того лучше поручить сей трудъ здѣшней Академіи Наукъ, нежели удостоить онымъ иностранца" (стр. 201). „С. Д. Полторацкій перепечаталъ это письмо въ Парижѣ въ 1839 году" [4]). Сравн. *Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общ.*, CV, 588, 597.

б) Письмо Г. Фр. Миллера Вольтеру, 14-го апрѣля 1746 г., объ избраніи его въ члены Академіи, у Пекарскаго, Исторія Академ. Наукъ, I, 383; отвѣтное, Вольтера, 28-го іюня 1746 г., въ Oeuvres de Voltaire, XXXVI, 456: благодаря за избраніе, Вольтеръ намекаетъ на „давнюю мечту" свою—посѣтить Петербургъ. Письмо Вольтера, писанное по латыни, напечатано, въ русскомъ переводѣ (Золотарева) въ *Московск. Телеграфѣ* 1825, ч. I, № 2, стр. 105 — 107; кромѣ того латинскій текстъ съ французскимъ переводомъ въ *Bulletin du Nord* 1828, Juillet, 323 — 326. Дипломъ на званіе почетнаго члена пересланъ былъ Вольтеру 24-го декабря 1746 г. черезъ Д'Альона [5]).

в) О желаніи пріѣхать въ Петербургъ Вольтеръ, кромѣ Миллера, заявилъ тогда же и Разумовскому (свидѣтельство Д'Альона въ его письмѣ 17-го января 1747 г. [6]); объ отклоненіи пріѣзда Разумовскимъ см. Пекарскій, I, 384.

г) Anecdotes sur le czar Pierre le Grand вошли во второй томъ сочиненій Вольтера, изданныхъ въ 1748 году (т. XXIII, 281 — 293 новѣйшаго изданія).

д) Для оцѣнки значенія, какое имѣлъ въ глазахъ русскихъ людей Вольтеръ, какъ литературная сила, характерно письмо графа М. Л. Воронцова къ И. И. Шувалову, писанное, вѣроятно, въ 1758 или въ 1759 году. Возмущенный какимъ-то пасквилемъ на Россію, русскій канцлеръ подаетъ мысль просить Вольтера, работавшаго въ то время надъ исторіей Петра, нарисовать въ своей будущей книгѣ картину правленія, нравовъ и законовъ Русскаго государства, тѣмъ самымъ показавъ, какъ прекрасно осуществились планы Петра въ блестящую эпоху Елизаветы; такая картина, полагалъ Воронцовъ, удачно отпа-

---

[1]) Брикнеръ: *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1874, № 1; *Russische Revue* 1875, Heft. 2 u. 3; *Древняя и Новая Россія* 1875, № 11; Германнъ: I. G. Vockerodt und der Professor für russische Geschichte zu Dorpat A. Brueckner. Eine Entgegnung von E. Herrmann, Prof. zu Marburg. Als Manuscript gedruckt.

[2]) Pierre le Grand, 75—76, 141.

[3]) *Histor. Zeitschrift* Зибеля, 1876, Bnd. 36. стр. 671—677.

[4]) М. Полуденскій, Указатель къ *Вѣстнику Европы* 1802—1830. М. 1861, стр. 46.

[5]) Матеріалы для исторіи Имп. Акад. Наукъ, VIII, 338.

[6]) Пекарскій, Ист. Акад. Наукъ, I, 384.

рировала бы ядовитое дѣйствіе стрѣлъ философа изъ Санъ-Суси. Нѣтъ нужды, 30—33
что упомянутый пасквиль составленъ, повидимому, не безъ участія самого Вольтера; это даже къ лучшему: отпоръ будетъ данъ съ тѣмъ бо́льшимъ знаніемъ дѣла и тѣмъ болѣе вѣрной рукою [1]).

е) О порученіи писать исторію Петра Великаго, см. письма Вольтера отъ 4-го февраля 1757 г. и позже, въ Oeuvres, XXXIX, 166 слѣд.

31) Къ стр. 56.

а) Сравн. Dictionnaire philosophique подъ словомъ: Histoire; Essai sur les moeurs, passim; Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand (prèface); Mayr, Voltaire-Studien, *Sitzungsberichte d. Wiener Akademie. Phil.-hist. Classe*, т. LIX, стр. 32—34; Griswold, Voltaire als Historiker. Halle. 1898, стр. 6—9. „Den Terminus «philosophie de l'histoire» hat er erfunden, Herder nach Deutschland verpflanzt" (Mayr, 26).

б) Письма М. П. Бестужеву-Рюмину, въ февралѣ 1757 г., и И. И. Шувалову, 24-го іюня, 7-го августа 1757 г., 17-го іюля 1758 г. Oeuvres de Voltaire, XXXIX, 182, 223, 241, 470; Histoire de Russie, предисловіе, параграфъ V.

32) Къ стр. 57.

а) Матеріалы по исторіи Петра Великаго, находившіеся въ распоряженіи Вольтера, составляютъ особую коллекцію, хранящуюся въ Имп. Публичной Библіотекѣ: „Mémoires russes MSS. pour l'histoire de Russie par Voltaire" (Рукописи Вольтера. № 242; пять переплетенныхъ томовъ; т. I—II in-folio, т. III—V in- 4°). См. о нихъ Минцловъ, Pierre le Grand, 65—77.

б) Письмо Ломоносова И. И. Шувалову, 2-го сентября 1757 г.: „Къ сему дѣлу, по правдѣ, господина Волтера никто не можетъ быть способнѣе; только о двухъ обстоятельствахъ нѣсколько подумать должно. Первое, что онъ человѣкъ опасной, и подалъ въ разсужденіи высокихъ особъ худые примѣры своего характера. Второе, хотя довольно можетъ онъ получить отъ насъ записокъ, однако переводъ ихъ на языкъ ему знаемой великаго труда и времени требуетъ. Что до сего надлежитъ, то... во-первыхъ, долженъ онъ себѣ сдѣлать краткой планъ... По сочиненіи плана и по его сюда сообщеніи, думаю, лутче къ нему посылать переводы съ записокъ по частямъ, какъ порядокъ въ планѣ покажетъ, а не все вдругъ. И какъ станетъ онъ сочинять начало, между тѣмъ протчей переводъ поспѣвать можетъ, и такъ сочиненіе скорѣе начаться и къ окончанію приходить имѣетъ" [2]).

в) О Шлейзингѣ и пр., см. Минцловъ, Pierre le Grand, 66; Oeuvres de Voltaire, XLI, 514: письмо Шувалову 9-го ноября 1761 г.

33) Къ стр. 59.

а) Уже въ началѣ августа 1757 г. Вольтеръ посылаетъ Шувалову 8 главъ— „легкій набросокъ" (une légère esquisse), составленный по имѣвшимся у него, независимо отъ сообщеній русскаго правительства, неизданнымъ запискамъ Лефорта, реляціямъ, присланнымъ изъ Китая, и по сочиненіямъ Страленберга

[1]) *Архивъ Воронцова*, XXXII, 33—35.

[2]) *Сборникъ 2-го отд. Акад. Наукъ*, I, стр. LXI.

33 и Перри [1]). Набросокъ этотъ охватывалъ время отъ Михаила Ѳедоровича до Нарвскаго пораженія и, повидимому, въ большей своей части вошелъ позже въ книгу (разросшись тамъ въ 9 главъ: т. I, гл. III — XI). Въ іюнѣ 1758 г. Вольтеръ могъ послать продолженіе работы (un second essai), на размѣры и содержаніе котораго указаній не сохранилось [2]). Первый набросокъ вызвалъ въ Петербургѣ рядъ замѣчаній, которыя были пересланы Вольтеру лѣтомъ 1758 г. [3]). Замѣчанія эти, кажется, составлены Ломоносовымъ и представляютъ собою едва ли не то, что подъ его именемъ напечатано въ *Московскомъ Телеграфѣ* 1828, ч. 20, мартъ, № 6, 151 — 159 [4]). Въ пользу такого предположенія говоритъ: 1) замѣчанія *Московскаго Телеграфа* имѣютъ въ виду первыя 8 главъ Вольтеровскаго труда, ни больше, ни меньше; 2) критикъ имѣлъ дѣло не съ печатнымъ произведеніемъ, а съ рукописью, такъ какъ первыя семь главъ у него обозначены общею для всѣхъ пагинаціею, глава же восьмая пагинирована отдѣльно, будучи, вѣроятно, переписана въ особой тетради; 3) послѣднее замѣчаніе касается Нарвы, а о Нарвѣ Вольтеръ говорилъ именно въ 8-й, послѣдней, главѣ своего „наброска“ (гл. XI въ печатныхъ изданіяхъ); 4) замѣчанія *Московскаго Телеграфа* [5]) вносятъ поправку о лопаряхъ; поправка эта навела Вольтера на мысль самостоятельно поставить вопросъ о лопаряхъ и самоѣдахъ, на что въ свое время онъ получилъ такого рода отвѣтъ: „L'extrait des mémoires sur les Lappons et les Samojedes envoyé à M-r de Voltaire, renferme tout ce qu' il y a de plus constaté. L'auteur qui l'a composé, a passé plusieurs années parmi ces peuples [6]) et s'est donné beaucoup de peine pour examiner tout ce qui regarde leur origine, leur langue et leurs mœurs“ [7]). Если допустить справедливость того, что Ломоносовскія замѣчанія, напечатанныя въ *Московскомъ Телеграфѣ*, относятся къ „первому наброску“, то вмѣстѣ съ тѣмъ надо признать, что одновременно съ этимъ наброскомъ Вольтеръ успѣлъ обработать и отправить въ Петербургъ также и введеніе: географическій обзоръ страны и очеркъ быта до-Петровской Руси (гл. I—II печат. изд.), такъ какъ упомянутыя замѣчанія даютъ разборъ и этого введенія.

Нуждаясь, по ходу работъ, въ дальнѣйшихъ разъясненіяхъ, а также отчасти вызванный критикой его „перваго наброска“, Вольтеръ пересылаетъ Шувалову 1-го августа 1758 г. рядъ запросовъ по 14 пунктамъ [8]) и получаетъ на нихъ

---

[1]) Письма Шувалову, 7-го и 11-го августа 1757 г.

[2]) Письмо Шувалову, 1-го іюня 1758 г.

[3]) Письмо Шувалову, 17-го іюля 1758 г.

[4]) Выдержки изъ этихъ замѣчаній, въ переводѣ на французскій языкъ, см. въ „Lettre inédite de Voltaire“. *Bulletin du Nord* 1828, Juillet, 326—330; въ тѣсной связи съ этими замѣчаніями стоятъ и другія, тоже Ломоносова, напечатанныя въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1829, ч. V, 158—165.

[5]) А также и *Московскаго Вѣстника*.

[6]) Ср. слова Ломоносова въ *Московскомъ Вѣстникѣ*: „Я, будучи лѣтъ 14, побарывалъ и перетягивалъ 30-лѣтнихъ сильныхъ лопарей... Мнѣ ихъ нагихъ видать случалось“.

[7]) Réponses à ses objections. См. ниже настоящее примѣчаніе.

[8]) Приложены къ письму Шувалову, 1-го августа 1758 г.

21-го декабря отвѣты, при письмѣ Шувалова отъ 23-го октября [1]). Запросы (questions) Вольтера были въ Петербургѣ поняты, какъ возраженія (objections), въ такой формѣ на нихъ и отвѣчали [2]). „Отвѣты“ пришлись Вольтеру не особенно по душѣ [3]). Изъ Петербурга его учили, какъ надо писать по-французски имена собственныя, и онъ, сильно задѣтый, не безъ ядовитости выражалъ удовольствіе тому, что на берегахъ Невы и Москвы говорятъ и пишутъ такъ же, какъ и въ Версали; въ Петербургѣ, повидимому, находили, что о русскомъ государѣ слѣдуетъ выражаться въ болѣе почтительномъ тонѣ, и Вольтеръ, для котораго ничего не стоило при случаѣ назвать Петра Великаго „moitié héros et moitié tigre“ [4]),—Вольтеръ сердито отвѣчалъ на замѣчанія петербургскаго критика, говоря, что было бы смѣшно и свойственно развѣ однимъ газетчикамъ и дуракамъ, при описаніи обыденныхъ явленій каждый разъ впадать въ торжественный тонъ и употреблять фразы въ родѣ того, что „его священное величество германскій императоръ соизволилъ принять слабительнаго, а его августѣйшій совѣтъ явился къ нему и поздравлялъ съ возстановленіемъ драгоцѣннаго здравія“ [5]). Отписываться по поводу всего этого Вольтеру было тѣмъ непріятнѣе, что главное, чего онъ ожидалъ изъ Петербурга—документы—присылалось къ нему съ большими замедленіями. „У меня подрѣзаны крылья“,—пишетъ онъ Шувалову—„задержкою обѣщанныхъ матеріаловъ касательно военныхъ дѣйствій Петра, законодательства, данныхъ о его частной жизни. Я въ состояніи дать лишь сухой перечень внѣшнихъ событій, но этимъ не заинтересуешь читателя“ [6]). Хотя Вольтеръ и обѣщается предстоящей зимою закончить всю книгу [7]), но оказывается, что къ лѣту 1759 г. книга доведена была всего лишь до Полтавскаго боя. Поденная Записка Петра Великаго мало удовлетворила историка: „Я точно знаю, пишетъ Вольтеръ, день, когда былъ взятъ тотъ или другой городъ; число убитыхъ и плѣнныхъ; но ничего, что характеризовало бы личность Петра. Читатель, безъ сомнѣнія, пожелаетъ знать, какъ государь обращался съ главными шведскими плѣнниками послѣ Полтавской побѣды, какъ большинство офицеровъ и солдатъ были отправлены въ Сибирь, какъ имъ жилось тамъ; почему съ гр. Шереметомъ обращались суровѣе, чѣмъ съ остальными и т. п. Я однако ничего не могу сказать объ этомъ, а между тѣмъ какая-нибудь записка за подписью царя, отвѣтъ, одна его фраза уже много бы значили“ [8]). Жалобы на медленную доставку матеріаловъ не прекращаются и позже [9]). Осенью 1759 г. первый томъ „Исторіи“ 33

---

[1]) Письмо Шувалову, 24-го декабря 1758 г.

[2]) Objections de M-r de Voltaire. Réponses à ces objections. Рукоп. Вольтера. № 242, № 11.

[3]) Письмо Шувалову, 24-го декабря 1758 г.

[4]) Dictionnaire philosophique, подъ словами: „pères, mères, enfants“.

[5]) Письмо Шувалову, 29-го мая 1759 г.

[6]) Письмо Шувалову, 4-го марта 1759 г.

[7]) Envoyer l'hiver prochain tout l'ouvrage. Письмо Шувалову, 29-го мая 1759 г.

[8]) Письмо Шувалову, 10-го іюля 1759 г.

[9]) Письма Шувалову, 11-го ноября 1759 г., 25-го октября 1760 г., 10-го января 1761 г.

33 былъ законченъ [1]), пробные экземпляры отправлены въ Петербургъ, но русское правительство потребовало передѣлокъ [2]), Вольтеру пришлось подчиниться, и въ публикѣ книга появилась лишь годъ спустя [3]). Она сразу пошла ходко: къ 25-му октября 1760 г. было продано 5.000 экземпляровъ и вообще въ два первые мѣсяца разошлось три изданія [4]). Но позволительно думать, что сказаннымъ мытарства перваго тома еще не закончились. Поправками Вольтера и на этотъ разъ остались недовольны; ему былъ присланъ новый списокъ ошибокъ, который онъ парируетъ въ письмѣ отъ 11-го іюня 1761 г. Въ этомъ именно письмѣ читаемъ, между прочимъ, слѣдующія, ставшія пресловутыми, фразы: „L'écrivain [т. е. критикъ Вольтера] prodigue les *s*, *c*, *k*, *h* allemands... Je souhaite à cet homme plus d'èsprit et moins de consonnes". Письмо Вольтера не осталось безъ отвѣта. Въ бумагахъ Г. Ф. Миллера сохранилась черновая записка, изъ которой видно, что доводы и объясненія французскаго писателя въ свою очередь подверглись жестокой критикѣ. Опираясь на авторитетъ Д'Анвиля, критикъ доказываетъ, что независимая Татарія вся покрыта горами, а отнюдь не равнина; что показаніе Морери о *Черной* Руси основано на явной ошибкѣ (il y a bien de l'apparence que quelqu'un qui ne sçavoit pas assés le russe, a pris le nom de *tschermnaia* qui signifie *rouge* pour *tschernaia*, et l'a traduit *Russie noire*, et cependant aiant trouvé qu'il y a aussi une *Russie rouge*, il a cru de voir mettre les deux ensemble); что „Kisovie" Мартиньера есть простая опечатка вм. „Kiovie", и т. п. „Mr. de Voltaire" — продолжаетъ критикъ—„dit: «J'ignore si celui qui transcrivit les mémoires à moi envoyés est un Allemand; il écrit *Jwan Wasiliewitsch* et moi *Jwan Basilovis.*». Il n'importe si le copiste étoit Allemand, ou François, ou Russe, pourvu qu' il ait écrit comme on prononce. Le *witsch* est essentiel dans le russe, il ne doit pas être corrompu. Mr. de Voltaire écrit tantôt *Basilovis*, tantôt *Basilide*, et c'est pourtant le même nom". Въ послѣднемъ, 16-мъ, пунктѣ критикъ парируетъ колкости Вольтера въ области орѳографіи: „Je ne sçai pas qui est l'auteur de l' abrégé des recherches de l'antiquité des Russes qu' on a envoyé à Mr. de Voltaire. Mr. de Voltaire le soupçonne être Allemand, et le même avec l'auteur des remarques précédentes. Il se trompe. L'auteur des remarques est fort éloigné d'établir de telles hypothèses. Cependant si l'orthographe des noms propres russes, qui régne dans ce mémoire, est conforme avec celui des remarques, Mr. de Voltaire en peut conclure, qu'on a eu raison de lui communiquer ce qu'on a fait." [5]). Волей-неволей Вольтеру пришлось считаться хотя бы съ нѣкоторыми указаніями, и 23-го декабря 1761 г. онъ писалъ Шувалову: „Je dépêche à M. le comte de Kaunitz un gros paquet à votre adresse. Il contient un volume de l'Histoire de Pierre le Grand, imprimé avec les corrections au bas des pages, et les réponses à des critiques".

[1]) Письмо Шувалову, 6-го октября 1759 г.

[2]) Quérard, La France littéraire. P. 1843. Vol. X, pag. 359; Мишцловъ, Pierre le Grand, 54.

[3]) Письмо Шувалову, 21-го сентября 1760 г.

[4]) Письма Шувалову, 25-го октября и 7-го ноября 1760 г.

[5]) Моск. главн. архивъ мин. ин. дѣлъ. Портфели Г. Ф. Миллера. № 149: портфель № 2.

б) Изъ полусотни указаній Ломоносова Вольтеръ воспользовался менѣе 33
чѣмъ четвертью, именно тамъ, гдѣ дѣло шло уже о явныхъ фактическихъ ошибкахъ. Такъ, въ рукописи рожденіе Петра Великаго отнесено къ 28-му января вмѣсто 30-го мая; жена князя Игоря вмѣсто Ольги названа Олей, р. Яикъ—Санкомъ, царевна Софья—младшей дочерью царя Алексѣя; число мѣсяцевъ, на которые замерзаетъ въ году Бѣлое море, опредѣлено девятью вмѣсто семи—все это было исправлено; подчинился Вольтеръ авторитету Ломоносова (который и самъ здѣсь спутался, очевидно, смѣшавъ „Москву“ съ „государствомъ“), написавъ, что управленіе Москвою, на время поѣздки царя за-границу въ 1697 г., было поручено не Нарышкину, Голицыну и Прозоровскому, а Стрѣшневу и Ромодановскому; согласился Вольтеръ и на замѣну выраженія ses débauches de table словами: ses plaisirs, оставивъ однако послѣдующую фразу: les liens sérieux du mariage ne le retinrent pas assez. Болѣе упрямымъ оказался онъ въ фразѣ: des czars tels que Pierre le Grand, отказавшись слово „царь“ замѣнить „императоромъ“, какъ того желалъ его критикъ. Остались безъ измѣненія и такія фразы: la province d'Arcangel, pays entièrement nouveau pour les nations méridionales de l'Europe (Ломоносовъ находилъ, что „въ Двинской провинціи, гдѣ нынѣ городъ Архангельскій, торговали датчане и другіе нордскіе народы за тысячу лѣтъ и больше“); c'est [Ливонія] une des plus fertiles [провинцій] du Nord (Ломоносовъ отрицалъ это); Moscou ...est au milieu d'une vaste et belle plaine („Москва стоитъ на многихъ горахъ и долинахъ“); Michel Romano, grand-père du czar Pierre, fils de l'archevêque de Rostou („експрессія дурна“). Остается неизвѣстнымъ, почему, несмотря на указаніе Ломоносова, Вольтеръ и въ печатномъ текстѣ продолжалъ говорить, что Кіевъ былъ построенъ византійскими императорами и что Иванъ Грозный освободилъ Россію отъ монгольскаго ига.

в) Большинство поправокъ и указаній, сдѣланныхъ петербургскими критиками по поводу книги Вольтера, остаются въ рукописи. Таковы, напримѣръ: 1) Remarques sur le Ier tome de l'Histoire de Pierre le Grand dont on prit M. de Voltaire de faire usage; 6 листовъ [1]): 138 указаній на первый томъ (на всѣ 19 находящихся тамъ главъ), по изданію 1759 года; 2) Fautes typographiques et autres petites corrections qu'on prend la liberté de proposer a M. de Voltaire pour la seconde édition du premier tome de l'Histoire de Pierre le Grand; 3 листа [2]): 70 указаній на первый томъ того же изданія 1759 года (указанія имѣютъ въ виду и здѣсь всю книгу); 3) Remarques sur l'Histoire de Pierre le Grand par M. de Voltaire. On a passé les endroits sur lesquels on avoit déjà fait des remarques; 18 листовъ [3]): 143 указанія на первыя четыре главы перваго тома, по изданію 1759 года; 4) Remarques sur les autres chapitres; 6 листовъ [4]): 36 указаній на 6 главъ второго тома, присланныхъ Вольтеромъ еще въ рукописи; указанія сгруппированы по отдѣламъ, соотвѣтственно самимъ главамъ: a) Travaux et établissements vers l'an 1718 et suivants; b) Du commerce; c) Des négotiations d'Aland; d) De la réligion;

[1]) Рукописи Вольтера. № 242, т. I, № 13.
[2]) Рукописи Вольтера. № 242, т. I, № 14.
[3]) Рукописи Вольтера. № 242, т. I, № 15.
[4]) Рукописи Вольтера. № 242, т. I, № 16.

33 e) Des loix; f) Des conquêtes en Perse. Въ печатныхъ изданіяхъ второго тома рубрики эти соотвѣтствуютъ главамъ XI—XVI, нѣсколько лишь въ иномъ порядкѣ; 5) Remarques sur le second volume de l'Histoire de Pierre Ier par M. de Voltaire; стр. 1—37 [1]): 132 указанія, сдѣланныя тоже по рукописному экземпляру второго тома, именно на главы 20—26 рукописи, при чемъ глава 23-я осталась безъ обозначенія, слитал съ главой 22-й. Сравненіе текста настоящихъ указаній съ печатными изданіями „Исторіи" Вольтера [2]) даетъ основаніе предполагать, что или Вольтеръ при печатаніи сдѣлалъ измѣненія въ расположеніи главъ, или что въ имѣющемся у насъ рукописномъ экземплярѣ авторъ замѣчаній не во всемъ твердо слѣдовалъ рукописи Вольтера.

г) Кромѣ указаній критическаго характера сохранился рядъ указаній характера объяснительнаго, вызванныхъ по иниціативѣ Вольтера, какъ отвѣтъ на его собственные запросы: 1) Demandes de M. Voltaire; стр. 1—47 [3]): три обширныхъ (особенно великъ по размѣрамъ послѣдній) отвѣта на три запроса: a) On veut savoir de combien une nation s'est accrue, quelle était sa population avant l'époque dont on parle, et ce qu'elle est depuis cette époque; b) On veut savoir le nombre des troupes régulières, qu'on a entretenu, et celui qu'on entretient; c) Quel a été le commerce de la Russie avant Pierre I et comment il s'est étendu?; 2) Objections de M. de Voltaire и, параллельно имъ, Reponses à ces objections; 8 листовъ [4]): 14 вопросовъ и столько же отвѣтовъ. Свои Objections, или точнѣе, Questions [5]) Вольтеръ отправилъ И. И. Шувалову при письмѣ 1-го августа 1758 г. [6]), а отвѣты получилъ 21-го декабря, при письмѣ Шувалова отъ 23-го октября [7]); 3) Particularités sur lesquelles M. de Voltaire souhaite d'être instruit; 7 листовъ [8]): однородная съ предыдущей серіи вопросовъ, въ количествѣ 16, съ отвѣтами на нихъ. Вольтеръ желалъ знать: a) Les negociations de Pierre I dans les cours étrangers; b) Les reglemens sur la police générale, religion, finances, commerce. L'essay sur les lois et sur l'église qu'on m'a envoyé n'entre dans aucun detail; c) Ses lettres en cas qu'il y en ait quelques unes, qui puissent faire connaître sans caractère et contribuer à sa gloire; d) Les ouvrages publics, grands chemins, canaux, ports construits par ses ordres; e) Tout ce qui pourra rendre son mariage et la nomination de sa femme à l'empire plus respectable aux nations; f) Tout ce qui peut diminuer l'idée d'une severité excessive dans le procés criminel du Tsarevitz; g) Quelle part il eut au dessein que Görtz insinua à son maître Charles XII? h) S'il est vrai qu'il y ait eu toujours une famille des anciens Tsars de Sibérie et ce qu'est devenue cette famille? i) Quell'etait la dignité du vicetsar dont été revetu le knes Romodanowski et quelles étaient ses fonctions?

---

[1]) Рукописи Вольтера. № 242, т. I, № 17.

[2]) Гдѣ имъ соотвѣтствуютъ главы 1—6, 8 и 9; ср. изд. 1764 г., лейпцигское, и 1878 г., Гарнье.

[3]) Рукописи Вольтера. № 242, т. I, № 10.

[4]) Рукописи Вольтера. № 242, т. I, № 11.

[5]) См. выше, пунктъ a.

[6]) Напеч. Oeuvres, XXXIX, 475.

[7]) См. письмо Вольтера, 24-го декабря 1758 г.

[8]) Рукописи Вольтера. № 242, т. I, № 12.

k) S'il est vrai que l'impératrice Catherine étant rebatisée dans le rit de l'église 33
Grec fut obligée de dire: „je crache sur mon père et sur ma mère qui m'ont elevée dans une religion fausse"? l) Si ces mots étaient en effet en usage? m) Si Pierre I a prononcé en effet ce discours, qu'on lui attribue: „mes amis qui aurait cru que nous aurions un jour des flottes triomphantes"? n) S'il est vrai que l'impératrice Catherine envoya une somme considérable au grand vizir et fit la paix du Pruth? o) S'il est vrai qu'après la journée de Pultava Pierre le Grand donna son epée à Reinchild et prit la sienne? p) Le Journal de Pierre le Grand dit que l'imperatrice Catherine fut proclamée Tsarine dès le 10 Mars 1711 avant l'affaire de Pruth. Tous les mémoires disent le contraire, quand donc se fit le mariage et comment ne lui donna-t-on d'abord que le titre d'Altesse, si elle fut declarée Tsarine? q) S'il apliqua les revenus des monastères au besoin de l'état et si le monastère de la Trinité conserva sous son règne ses biens immenses?

д) Нѣсколько особнякомъ стоятъ Remarques sur quelques endroits du chapitre contenant la condamnation du Tsarevitch avec les reponses aux questions mises en marge; 9 листовъ [1]): дѣло идетъ о главѣ X второго тома, отправленной Вольтеромъ для просмотра въ рукописи. Вся статья разбита на 19 пунктовъ; петербургскій рецензентъ не ограничился отвѣтами на поставленные вопросы или замѣчаніями по ихъ поводу, онъ еще и по собственной иниціативѣ указалъ на отдѣльныя выраженія и сужденія Вольтера, которыя, по его мнѣнію, подлежали измѣненію.

е) Выдѣлить, что въ критическихъ замѣчаніяхъ на книгу Вольтера принадлежитъ Миллеру, что Тауберту — задача спеціальнаго изслѣдованія. Объ участіи Тауберта свидѣтельствуютъ Штелинъ [2]) и Миллеръ. Въ черновыхъ письмахъ послѣдняго, хранящихся въ Императорской Академіи Наукъ [3]), сохранился концептъ письма его къ И. И. Шувалову, 14-го іюля 1761 г. слѣдующаго содержанія: „Monseigneur. En consequence des ordres de Votre Excellence j'ai fait l'extrait de mes remarques sur Mr. de Voltaire, et j'ai l'honneur de vous le présenter. J'y ai ajouté à present ce que j'ai trouvé à observer sur le 3 chapitre. Si Votre Excellence le souhaite je continuerai sur le même pied, ou je ferai encore plus concis à l'avenir. J'ai vu les cahiers que Votre Excellence a communiqué à Mr. Taubert. J'y trouve beaucoup moins à corriger que dans le premier tome. Ce sont pour la plus grande partie des anecdotes, sur lesquelles je ne sçai que dire. Après que Mr. Taubert aura fait les remarques, je verrai ce que je trouverai à glaner. J'ai aussi l'honneur de présenter à Votre Excellence les dernières feuilles de la traduction allemande de Mr. Büsching. J'espére que Votre Excellence après avoir consideré cet ouvrage me tiendra quite des insinuations qu'on Lui a fait à ce sujet. La honte en doit naturellement rétomber sur leur auteur. Mais quel chagrin pour moi, de me voir continuellement décrié de la manière la plus atroce, et devant un seigneur, que chacun doit reconnoitre pour le pre-

[1]) Рукописи Вольтера. № 242, т. I, № 19.

[2]) Originalanekdoten von Peter dem Grossen. Lpzg. 1785, стр. 379; ср. также Мишловъ, Петръ Великій, 75.

[3]) Архивъ Конференціи. Портфели Г. Фр. Миллера. № 37.

33 mier protecteur des sciences?“ Русскій переводъ этого письма во второй, большей его части см. у Пекарскаго, Исторія Акад. Наукъ, I, 387. Быть можетъ, Тауберта же имѣетъ Миллеръ въ виду и въ другомъ своемъ, болѣе раннемъ письмѣ къ Бюшингу, 16-го февраля 1761 г.: „Der Entschluss, das Voltairische Werkchen mit Verbesserungen in deutscher Sprache herauszugeben, ist sehr löblich. Ich schicke Ihnen zu dem Ende hierbey eine Abschrift von einigen Anmerkungen die demselben V. V. [Verfasser] von hier zugesandt worden. *Sie sind nicht von mir*, ich habe aber einige Nachrichten dazu mitgetheilt. Ich würde die Critique ausführlicher eingerichtet haben. Man findet für gut, dass EW. H. davon Gebrauch machen mögen. Sollte auch der Druck bey Empfang dieses schon zu weit avanciert seyn, so kann es bey einer zweyten Auflage geschehen, die Sie noch vor Ihrer Abreise aus Deutschland veranstalten können, denn die erste wird doch vermutlich in einer Masse verthan werden“ [1]).

ж) Многое изъ того, что было послано Вольтеру, хранится, въ спискахъ и черновикахъ, въ бумагахъ Миллера [2]). Таковы: а) Remarques sur l'Histoire de Pierre le Grand par M. de Voltaire. On a passé les endroits, sur lesquels en avoit déjà fait des remarques (л. 1—18)—черновикъ тѣхъ „Remarques“, что̀ въ „Рукописяхъ Вольтера“ помѣчены № 15; писанъ собственноручно Миллеромъ; б) Suite des remarques sur l'Histoire de Pierre le Grand par M. de Voltaire (л. 19—36)—другой такой же черновикъ; продолженіе тѣхъ замѣчаній, что̀ на лл. 1—18; в) черновикъ этихъ замѣчаній на нѣмецкомъ языкѣ (л. 1—66); г) бѣловые списки, но съ отличіями, статей, помѣченныхъ въ „Рукописяхъ Вольтера“ №№ 12, 13 и 19. — Свѣдѣнія (не полныя) о портфелѣ № 149 см. въ Сочиненіяхъ имп. Екатерины II, академич. изданіе, т. XI, стр. 681 (портфель этотъ показанъ здѣсь зарегистрованнымъ подъ № 142-мъ).

г) Задача другого спеціальнаго изслѣдованія—опредѣлить, что изъ написаннаго Миллеромъ по поводу книги Вольтера напечатано, и въ напечатанномъ выдѣлить принадлежащее собственно ему отъ доли Бюшинга, съ которымъ Миллеръ дѣлился своимъ матеріаломъ и при посредствѣ котораго публиковалъ его. Въ данномъ случаѣ слѣдуетъ имѣть въ виду: 1) *Neues Gemeinnützige Magazin für die Freunde der nützlichen und schönen Wissenschaften und Künste* (Hamburg. 1760—1761. 4 Bnde): въ тт. II и III, стр. 716 слѣд. замѣчанія Миллера на первыя двѣ главы перваго тома Вольтера [3]); статья анонимная, но по авторитетному свидѣтельству Бюшинга [4]) принадлежитъ перу Миллера. 2) Critique de l'Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand, par M. de Voltaire. Extrait d'une lettre adressée à l'éditeur d'un journal allemand intitulé *Allgemeinnütziges Magazin*. A. Hamburg. 1762“ [5]). Это сокращенный, но не

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Моск. главн. арх. мин. ин. дѣлъ. Портфели Миллера. № 149: портфель № 2, первыя шесть тетрадокъ.

[3]) Самаго журнала я не имѣлъ въ рукахъ.

[4]) A. F. Büsching, Beyträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen. 3-ter Theil. Halle. 1785, стр. 157.

[5]) *Journal Encyclopédique*. 1-er Décembre 1762 (à Bouillon). Tome VIII. 2-ème partie, стр. 50—78.

полный [1]) пересказъ содержанія предыдущей статьи; анонимный авторъ снабдилъ его предисловіемъ и примѣчаніями, продиктованными, по мнѣнію Керара [2]), Вольтеромъ. Критику Миллера онъ находитъ неосновательной, называя ее „un volume d'inutilitées“ (52). — 3) Franz Maria Arrouet von Voltaire Geschichte des Russischen Reichs unter Peter d. Grossen. Aus dem Franz. übers. von I. M. Hube und mit Zusätzen und Verbesserungen herausg. von D. A. F. Büsching. Frankf. 1761 — 1763. 2 Bnde. Кромѣ предисловія, въ которомъ дана оцѣнка труда Вольтера и указаны допущенныя въ переводѣ отступленія отъ подлинника, Бюшингъ снабдилъ переводный текстъ примѣчаніями (въ количествѣ 148), изъ коихъ больше половины (81), — именно тѣ, что помѣчены цифрами (въ отличіе отъ его собственныхъ, обозначенныхъ буквами),—должны быть признаны примѣчаніями Миллера.—4) Nachrichten von dem Zarewitsch Alexei Petrowitsch, въ журналѣ Бюшинга *Magazin für die neue Historie und Geographie*, т. III (Hamburg. 1769). Статья эта состоитъ изъ двухъ половинъ: а) изъ французскаго текста мемуара, посланнаго Вольтеру для его будущей книги: Mémoire abregé sur la vie du Tsarewitsch и напечатаннаго въ „Магазинѣ“ (какъ свидѣтельствуетъ въ предисловіи (стр. 194) самъ Бюшингъ) съ цѣлью показать, насколько плохо Вольтеръ воспользовался имъ въ своей работѣ, и б) изъ нѣмецкаго перевода главы X (Condamnation du prince Alexis Petrovitz) второго тома „Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand“, съ примѣчаніями къ ней. Бо́льшая часть этихъ примѣчаній (въ количествѣ 54) были составлены, по заявленію Бюшинга, его „ученымъ другомъ“ (gröstentheils von einem gelehrten Freunde),—здѣсь, конечно, подразумѣвался Миллеръ. Что касается мемуара, посланнаго Вольтеру, то списокъ, сохранившійся въ „Рукописяхъ Вольтера“ (№ 242, т. III, № 31), по содержанію, тожественъ съ напечатаннымъ, но иной редакціи. Можно думать, что тотъ и другой были двумя разными переводами одного и того же (русскаго? нѣмецкаго?) текста. 5) Eclaircissemens sur une lettre du roi de France Louis XIII au tzar Michel Fedrowitch de l'année 1635. *Magazin f. die neue Gesch. u. Geographie*, XVI (1782), 349 — 354; нѣмецкій переводъ въ *Neues St. Petersburgische Journal* 1783. Bnd. I, 120 — 129 (по поводу инцидента съ французомъ Таллераномъ, маркизомъ д'Эксидейлемъ, посѣтившимъ Россію въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича). Въ бумагахъ Миллера [3]) хранится черновая этой статьи, съ многочисленными поправками. Оспаривая нѣкоторыя положенія Вольтера спеціально по данному вопросу, Миллеръ пользуется случаемъ вернуться къ основному источнику своихъ разногласій съ французскимъ писателемъ. „Всѣ согласны, говоритъ онъ, что „Исторія“ Вольтера нисколько не удовлетворила возлагавшихся на нее ожиданій. Это было замѣчено еще до выхода книги въ свѣтъ по тѣмъ образцамъ, которые въ рукописи пересылались авторомъ въ Петербургъ. Меня просили сдѣлать на нихъ замѣчанія; я ихъ сдѣлалъ, но у Вольтера не хватило терпѣнія воспользоваться ими — на- 33

[1]) Ср. заключительныя слова: En vérité, Monsieur, je suis trop las d'écrire. Contentez-vous, en attendant, de ces observations, jusqu'à ce que le tems et l'occasion me permettent d'en donner la continuation.

[2]) Quérard, La France littéraire. Paris. 1853, vol. X, pag. 420.

[3]) Моск. главн. арх. мин. ин. дѣлъ. Портфели № 149, т. I, портфель VI.

34 столько торопилъ онъ съ печатаніемъ перваго тома. Я продолжалъ свои замѣчанія и послѣ выхода книги, отмѣтилъ ошибки и на счетъ д'Эксидейля — все это было послано автору; но онъ ограничился незначащими поправками въ предисловіи ко второму тому, извинивъ всѣ остальныя ошибки. Онъ наговорилъ мнѣ грубостей (il a payé de duretés), особенно стараясь избѣжать всего того, что могло заставить его покраснѣть“ [1]).

и) О Петрѣ Великомъ Вольтеръ имѣлъ случай высказаться еще разъ въ Dictionnaire philosophique (подъ словомъ Pierre le Grand): приведя выдержку изъ Contrat social Ж. Ж. Руссо, Вольтеръ зло высмѣиваетъ автора и защищаетъ величіе дѣлъ русскаго царя. Сравн. также его слова въ „Siècle de Louis XIV“: „Le czar Pierre, supérieur à son siècle et à sa nation, a été, par son génie et par ses travaux, le réformateur ou plutôt le fondateur de son empire“ (Oeuvres, XIV, 328).

і) Заявленіямъ, съ русской стороны, о важномъ значеніи матеріаловъ, посланныхъ Вольтеру, противорѣчитъ отзывъ послѣдняго въ письмѣ его къ герцогинѣ Готской, 31-го іюля 1761 г., гдѣ матеріалы эти онъ называетъ „очень скудными“ [2]).

34) Къ стр. 60.

а) Письмо Дидро къ m-lle Volland, отъ 20-го октября 1760 г. (Oeuvres de Voltaire, XVI, 372).

б) Сохранилось показаніе о переводѣ „Исторіи“ Вольтера въ 1760 году (конечно, только перваго тома) на русскій языкъ Н. Н. Бантышемъ-Каменскимъ, въ ту пору, когда онъ былъ еще студентомъ Московскаго университета, причемъ переводъ будто бы сгорѣлъ въ московскомъ пожарѣ 1812 года [3]). Что касается до *перевода* (а не какого либо изъ его списковъ), то показаніе это оспоримо, если судить по рукописи Императорской Публичной Библіотеки Q. IV. № 362, носящей слѣдующій заголовокъ: „Исторія Россійской имперіи при владѣніи Петра Великаго, сочиненная авторомъ исторіи Карла XII, 1761 году, переведенная съ французскаго на россійскій языкъ императорскаго московскаго университета студентомъ N. K. Часть I“. Списокъ первоначально принадлежалъ архим. Паисію, по смерти котораго его библіотеку намѣревался было (въ 1786 г.) пріобрѣсти князь Потемкинъ-Таврическій. Рукопись (149 л. in- 4°), тщательно писанная разными почерками второй половины XVIII вѣка, содержитъ полный (за исключеніемъ предисловія: préface) переводъ перваго тома „Исторіи“ Вольтера.—Сохранился и другой списокъ того же перевода, во всемъ тожественный съ первымъ (если не считать ничтожныхъ отмѣнъ въ правописаніи), лишь съ болѣе сокращеннымъ титуломъ и безъ упоминанія имени переводчика: „Исторія Россійской имперіи при владѣніи Петра Великаго. Часть I“.

---

[1]) *Magazin*, XVI, 352. См. также С. М. Соловьевъ, Г. Фр. Мюллеръ. *Современникъ* 1854, октябрь, 145, на основаніи портфелей Миллера. Собственно о д'Эксидейлѣ см. L. Paris, La chronique de Nestor (Paris. 1834), pag. 311 — 313; Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France, VIII, 33—36.

[2]) Геттнеръ, Исторія всеобщ. литер., II, 164. Ср. Oeuvres de Voltaire, XLI, 381.

[3]) Жизнь Н. Н. Бантыша-Каменскаго. М. 1818, стр. 9.

Имп. Публ. Библ. Собраніе Н. М. Михайловскаго. № 269. 137 листовъ, in-4°, 34
однимъ тщательнымъ почеркомъ XVIII вѣка. Переводъ очень тяжелый и хотя близкій къ подлинику, но только потому, что переводчикъ рабски слѣдовалъ построенію французской рѣчи. Для образца приводится текстъ предварительной замѣтки (avant-propos), которая у Вольтера слѣдуетъ за „предисловіемъ“:

„Предъувѣдомленіе. Въ началѣ нынѣшняго вѣка народъ зналъ толко въ сѣверныхъ странахъ героя Карла XII. Собственная его храбрость, которая болше дѣлала его солдатомъ, нежели королемъ; блескъ его побѣдъ, также і нещастій поразилъ глаза всѣхъ тѣхъ, кои удобно видятъ сіи великія дѣла, а дальныхъ и полезныхъ трудовъ не примѣчаютъ. Іностранные і въ то самое время сумнѣвались, когда предпріятія государя Петра Перваго могли быть подкрѣплены; однако оныя самимъ дѣломъ состоялись и приведены къ совершенству, особливо при дщерѣ его, государынѣ імператрицѣ Елисаветъ Петровнѣ. Сіе государство находится теперь между самими цвѣтущими владѣніями, и Петръ первый есть въ числѣ наибольшихъ законодавцевъ, хотя предпріятія его и не имѣли нужды въ успѣхахъ предъ разумными людьми; однако онѣ вѣчную сму приобрѣли славу. Свѣтъ теперь въ такомъ мнѣніи, что Карлъ XII заслужилъ быть первымъ солдатомъ при Петрѣ Великомъ. Одинъ по себѣ не оставилъ ничего, кромѣ развалинъ; другой здѣлался всѣхъ дѣлъ основателемъ. Я осмѣлился дать почти сіе мнѣніе назадъ тому тритцать лѣтъ, когда писалъ жизнь Карла XII. Записки, кои теперь имѣются у меня о Россіи, приводятъ меня къ знанію сего государства, коего народы сколь древны, столь закопы, обычаи и художества у оныхъ суть новыя“ (Q. IV. № 362).

в) Въ печати на русскомъ языкѣ книга Вольтера появилась только въ царствованіе императора Александра I: „Исторія Россійской имперіи въ царствованіе Петра Великаго, сочиненная Вольтеромъ. Перев. Семенъ Смирновъ“, въ 2 частяхъ (4 книгахъ). М. 1809. 12°.

г) Выше указаны отзывы о трудѣ Вольтера Миллера и Бюшинга. Сравн. еще замѣчанія послѣдняго на второй томъ въ его „Gelehrte Abhandlungen und Nachrichten aus und von Russland“. Bnd. I (Lpzg. 1764), 223—232. См. Брикнеръ, А. Фр. Бюшингъ. *Историч. Вѣстникъ* 1886, іюль, 6, 9, 11 па основаніи A. Fr. Büsching's eigene Lebensgeschichte. Halle. 1789, стр. 14, 361, 380—383.— Въ 1761 году Де-ла-Бомель, извѣстный литературный антагонистъ Вольтера, выпустилъ анонимную брошюру, полную пристрастія и личныхъ нападокъ: Lettre du czar Pierre à M. de Voltaire sur son Histoire de Russie [1]).

д) Графъ Кир. Григор. Разумовскій былъ недоволенъ внѣшностью изданія: форматомъ, шрифтомъ, бумагой, худымъ исполненіемъ рисунковъ. „Такую исторію, изъ подлинниковъ россійскихъ и лучшимъ авторомъ сочиненную, Россіи приличнѣе самой у себя и въ четверть листа напечатать на лучшей бумагѣ, крупными литерами, а не такимъ тиспепіемъ, какъ всѣ печатаются и немаловажныя книги, съ столь подлымъ градированіемъ, съ какимъ она вышла“ [2]).

---

[1]) Quérard, La France littéraire. Paris. 1843, vol. X, pag. 429; Мищловъ, Петръ Великій, 63.

[2]) Письмо Разумовскаго И. П. Шувалову, 9-го февраля 1761 г., изъ Глухова,

34 д) Рѣзко отозвался М. Каченовскій: авторъ, по его мнѣнію, принялся за работу безъ достаточныхъ свѣдѣній. „Россія была страна варварская; Петръ просвѣтилъ ее—вотъ все, что инородцамъ извѣстно о нашемъ отечествѣ; вотъ главная мысль, которою они прикрываютъ собственное невѣжество и которую всякій изъ нихъ распространяетъ по своему благоразсужденію. Напрасно станете спрашивать у нихъ: какія были взаимныя отношенія между сословіями государства? какія были обязанности ихъ относительно къ престолу? какъ назывались чины воинскіе и гражданскіе? какъ управлялась такая огромная машина? какими пружинами двигались всѣ части, составляющія оную? Историкъ государства, около тысячи лѣтъ существующаго на великомъ пространствѣ земнаго шара, не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ, когда уцѣлѣвшіе памятники даютъ способы сдѣлать обо всемъ томъ справедливыя заключенія“. Предисловіе къ книгѣ Каченовскій считаетъ „шутовскимъ“, а „вступленіе наполнено ошибками“, которыя имъ и перечислены. „Вообще книга сія написана весьма невѣрно. Вольтеръ на каждомъ шагѣ спотыкается, погрѣшая то въ хронологіи, то въ географіи, то въ описаніи не только подробностей, но и главныхъ произшествій; а что всего хуже, онъ писалъ не какъ безпристрастный философъ, но какъ французъ, погрязшій въ предразсудкахъ о невѣжествѣ и недостоинствѣ русскихъ, которыхъ, по его описаніямъ, можно почесть настоящими дикарями. Главы двѣ или три читать пріятно, но надобно уже забыть, что читаешь исторію“ [1]).

е) 1) Выхваливая „Исторію Петра Великаго“, написанную Бергманомъ, аноним̃ный рецензентъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* [2]) писалъ: „Недостатокъ *ложнаго Фернейскаго остроумія* авторъ вознаградилъ сжатостью слога, и важнѣйшія происшествія изображалъ просто и ясно, не пускался въ высшіе взгляды и *не утомлялъ читателей этико-политическими разсужденіями*“.—2) Отзывъ Полевого: „Вольтеру заказали исторію, и онъ написалъ нѣсколько сотъ страницъ остроумнаго и безобразнаго вздора, недостойнаго названія исторіи, до того, что самъ Вольтеръ смѣялся надъ своимъ трудомъ“ [3]). — 3) Отзывъ кн. Вяземскаго: „Если «Исторія Петра Великаго»—подвигъ, совершенный имъ въ силу дипломатико-литературныхъ сдѣлокъ—не отвѣчаетъ достоинству ни героя, ни писателя, то должно видѣть въ немъ новое доказательство, что наемный союзникъ бываетъ обыкновенно мало надеженъ для пользы назначеннаго предпріятія“ [4]). — 4) Рѣзкія обвиненія Вольтера въ утаиваніи истины и въ желаніи изобразить въ лучшемъ свѣтѣ Петра, который въ дѣйствительности не заслуживалъ бы ничего иного, какъ прозванія „Tibère du Nord“, см. въ Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la cour de Russie par M. Théophile Hallez. Bruxelles. 1853, предисловіе. — 5) Сочувственный

на другой день по полученіи экземпляра книги. Кн. П. Вяземскій, Фонъ-Визинъ. С.-Пб. 1848, стр. 309, или Полное собраніе сочиненій, т. I. С.-Пб. 1880, стр. 200.

[1]) *Вѣстникъ Европы* 1809, ч. 48, № 21, ноябрь, 61—68.

[2]) 1840, ноябрь, отд. VI, стр. 66.

[3]) Н. Полевой, Обозрѣніе русской исторіи до единодержавія Петра Великаго. С.-Пб. 1846, стр. XIII.

[4]) Кн. П. Вяземскій, Фонъ-Визинъ. С.-Пб. 1848, стр. 13, или Полное собраніе сочиненій, т. I. С.-Пб. 1880, стр. 8.

отзывъ даетъ Мишцловъ: это была первая исторія, основанная на документальныхъ данныхъ, каковы, напримѣръ, Поденная Записка и др. Книгу Вольтера и понынѣ переводятъ въ школахъ нѣмецкихъ, англійскихъ и американскихъ, что̀ содѣйствуетъ распространенію доброй славы о государѣ, выставляя въ лучшемъ свѣтѣ и самую Россію, о которой раньше такъ предубѣжденно думали въ Западной Европѣ. Наконецъ, никто, кромѣ Вольтера, все равно въ ту пору не смогъ бы написать лучшей книги о Петрѣ [1]). 34

3) Характерны отзывы самого Вольтера о своемъ трудѣ; конечно, ихъ не слѣдутъ понимать буквально. „Mon ami, ils m'ont donné de bonnes pelisses, et je suis très frileux“ [2]). Свидѣтельство принца де-Линя: „M. de Constant lui [у Вольтера] demanda en ma présence, son *Histoire de Russie*. „Vous êtes fou, dit-il: si vous voulez savoir quelque chose, prenez celle de Lacombe. Il n'a reçu ni medaille, ni fourrures, celui-là“ [3]). Книга Лакомба (Histoire des révolutions de l'empire de Russie) вышла въ 1760 году; новое изданіе, дополненное (разсказъ доведенъ до 1775 года) появилось въ 1778 году; Вольтеръ умеръ 30-го мая 1778 г.; поэтому, надо думать, онъ могъ имѣть въ виду только первое изданіе.

---

[1]) Мишцловъ, Петръ Великій, 64.

[2]) Oeuvres, XVI, 371.

[3]) Oeuvres, I, 351, заимствовано изъ „Lettres et Pensées du maréchal prince de Ligne, publiés par la baronne de Stael-Holstein. Paris. 1809. Въ русскомъ пересказѣ въ *Вѣстникѣ Европы* 1809, ч. 46, № 15, стр. 188 (Свиданія маршала принца де-Линя съ Ж. Ж. Руссо и Вольтеромъ) и у Бильбасова, Историческія монографіи, т. IV, С.-Пб. 1901, стр. 471, по тексту „Mélanges militaires, littéraires et sentimentaires du prince de Ligne“. Dresden. 1795, vol. X, pag. 263.

КЪ ГЛАВѢ ЧЕТВЕРТОЙ.

35 35) Къ стр. 62.

а) Въ стихотворномъ послѣсловіи къ своему „Нумѣ“, говоря о позднѣйшихъ законодателяхъ, Херасковъ такъ отзывается о Петрѣ: „Превыше всѣхъ царей, законодатель Петръ:—трудится, бодрствуетъ, Россію оживляетъ; — ей новы небеса и новый міръ являетъ;—разсудкамъ свѣтъ даетъ, чувствительность сердцамъ,—прославилъ подданныхъ и сталъ безсмертнымъ“ [1]). Онъ же, въ VIII-й пѣснѣ своей „Россіяды“, заставляетъ старца Вассіана показывать Іоанну IV будущихъ его преемниковъ на русскомъ престолѣ; дойдя до Петра, Іоаннъ съ удивленіемъ замѣчаетъ, какъ вокругъ него „цвѣтутъ кругомъ художества, науки“, а „у Белта раждается пышный градъ“. Ему это кажется сномъ и онъ восклицаетъ: „Се Богъ иль человѣкъ“? на что получаетъ отвѣтъ: „Се твой потомокъ Петръ!—Онъ людямъ дастъ умы, дастъ образъ нравамъ дикимъ,—Россіи нову жизнь, и будетъ слыть Великимъ“ [2]).

б) Державинъ, Сочиненія, изд. Академіи Наукъ, I, 17—23, 315—316, 432; III, 250, 252, 280—281, 383, 468.

в) 1) Я. Большаковъ, Стихи на прибытіе Петра Великаго въ Архангельскъ, въ книгѣ: „О высочайшихъ пришествіяхъ Петра изъ града Москвы на Двину“. М. 1783, стр. 6.—2) А. Лопухинъ, Мадригалъ Петру Великому. *Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій* 1793, ч. X, стр. 3: „Дѣла его столь громки—что поздые потомки—когда Петрову жизнь прочтутъ—за вымыслъ, можетъ быть, почтутъ“. — 3) Н. Николевъ, Рондо Петру Великому. *Аониды*, кн. I. М. 1796, стр. 78—81: „Россъ Петромъ лишь просіялъ,—и полсвѣта повторяетъ,—и полсвѣта восклицаетъ—гласомъ сердца, безъ уликъ:—Петръ великъ!“ Петръ смягчилъ грубые нравы, и при томъ не мечемъ, „но разсудки изощряя, даръ на пользу обращая“.

г) 1) Слово митроп. Платона надъ гробомъ Петра Великаго по случаю празднованія Чесменской побѣды. Продолженіе седьмое поучительныхъ словъ при Высочайшемъ дворѣ, стр. 2, 3.—2) Артемьевъ, Описаніе рукописей, хранящ. въ библіотекѣ Казанскаго университета. С.-Пб. 1882, стр. 26 (слово протоіерея Александра Левшина, брата митроп. Платона).

---

[1]) Нума или процвѣтающій Римъ. М. 1768, стр. 178.

[2]) Россіяда. М. 1779, стр. 179.

д) Новѣйшее повѣствовательное землеописаніе всѣхъ четырехъ частей свѣта. 35—37
Сочинено... ученымъ россіянами. С.-Пб. 1795, ч. II, стр. 23.

е) Сравн. еще: 1) Ал. Ржевскій, Ода имп. Петру Великому. *Полезное Увеселеніе* 1761, декабрь, № 22, стр. 193 — 199: Россія пребывала во тьмѣ, „расхищаемая“ внутренними раздорами, но Богъ послалъ ей „спасителя“ въ лицѣ Петра Великаго. „Куда я взоръ ни обращаю,—вездѣ Петра я обрѣтаю...—отечества отецъ прямой!—Хоть Богомъ счесть тебя не можно,—но послашъ былъ ты къ намъ не ложно,—отъ воли вышнія святой!—чтобъ грубость нашу просвѣтити,—отъ бѣдъ Россію оградить,—чтобъ жить безбѣдно научити — и чтобъ злодѣевъ низложить“.—2) А. Карпнъ, Сонъ. Храмъ добродѣтели, *тамъ же*, 1761, декабрь, № 26, стр. 249—259: Среди многихъ государей, удостоившихся попасть, по смерти, въ храмъ Добродѣтели, авторъ видитъ и Петра Великаго: „престолъ его другихъ всѣхъ выше тамъ поставленъ“. Упоенный видѣніемъ, авторъ падаетъ ницъ предъ тѣмъ, кто „отечество свое изъ мрака темныхъ нѣдръ—невѣжества, его на ясной свѣтъ выводитъ, — и замерзѣлые обычьи переводитъ“ (стр. 259).—3) М. Х(ераскова), Стансъ, сочиненной въ С.-Пб. въ 1761 году, *тамъ же*, 1761, май, № 19, стр. 168: „отчаянъ славныя дѣла его исчислить,—не пѣть, но, вѣкъ дивясь, объ нихъ вѣкъ стану мыслить“.—4) Историч. надписи къ росс. государямъ: LV. Петръ I Великій. *Разныя письменныя матеріи, собранныя для удовольствія любопытныхъ читателей М. Камаровымъ*. Изд. первое. М. 1791, стр. 122: „Законы, воинство, художество и флотъ,—науки, ремесла, его трудовъ суть плодъ;—и, словомъ, мы на что свой взоръ ни обращаемъ,—повсюду дѣлъ его предметы созерцаемъ“.—5) Голиковъ, XIII (2 изд.), 731 приводитъ стихи, положенные въ его время на ноты и распѣваемые въ честь „безсмертнаго“ Петра.

ж) См. также: 1) В. Р., Надпись на положеніе Екатериною В. предъ надгробіе Петра I флага, взятаго у турокъ на Архипелагѣ, августа 29 дня 1772 г. *Живописецъ*, л. 23 (по изд. седьмому. С.-Пб. 1864, стр. 139). — 2) Надписи: I. Переславль-Залѣсскому озеру. II. Хранящемуся на берегу онаго въ селѣ Бельковѣ ботику, на которомъ, забавляяся прогулкою по озеру во время пребыванія своего во градѣ Переславлѣ, великій Петръ возымѣлъ охоту къ мореплаванію. *Муза* 1796 г., ч. II, стр. 244 (сравн. ч. I, стр. 173, гдѣ приведена поговорка Петра: „Науки объѣзжаютъ свѣтъ“).—3) Надгробіе блаженныя и вѣчно достойныя памяти г. и. Петру Великому. *Россійскій Магазинъ*, ч. II. С.-Пб. 1793, стр. 350: „Петръ камень есть,—его же камень покрываетъ;—и камень тотъ,—о немъ кто вспомня, не рыдаетъ“.

з) Княжнинъ оставилъ послѣ себя начатую поэму о Петрѣ (Собраніе сочиненій Я. Б. Княжнина. М. 1802, томъ I, стр. 10).

36) Къ стр. 63.

1) *Кошелекъ*, стр. 124 (по изд. 1858 г.).—2) Генеральный планъ Московскаго воспитательнаго дома. С.-Пб. 1767, стр. VIII.—3) Сумароковъ, Полн. собр. сочиненій, изд. 2-е, ч. I, стр. 268.—4) Херасковъ, Нума или процвѣтающій Римъ. М. 1768, стр. 180.

37) Къ стр. 64.

а) „Государыня Екатерина II говаривала: „когда хочу заняться какимъ-

37 нибудь новымъ установленіемъ, я приказываю порыться въ архивахъ и отыскать, не говорено ли было уже о томъ при Петрѣ Великомъ,—и почти всегда открывается, что предполагаемое дѣло было уже имъ обдумано" (Пушкинъ, Сочиненія, изд. Суворина, ред. Ефремова, V, 193; изд. Анскаго, V, 319). На тотъ же „учительный" характеръ Петра указываетъ и Державинъ въ рѣчи 1803 года (Сочиненія, VII, 416).

б) 1) О перстнѣ съ портретомъ Петра см. Разсказы Е. Н. Львовой. *Русская Старина* 1880, т. 29, сентябрь, 199.—2) „Elle portait toujours en voyage le portrait de Pierre I-er sur sa tabatière et elle me disait: „c'est pour que je me demande à moi-même à chaque instant de la journée: qu'ordonnerait-il, que défendrait-il, que ferait-il, s'il était à ma place?". Іосифъ II напоминалъ ей Петра и правился „pour l'activité et le désir de s'instruire et d'instruire, et son dévouement à l'État" (Prince de Ligne, Portrait de Cathérine le Grand. Oeuvres (édit. 1860), tom. III, p. 17. Сравн. Бильбасовъ, Князь де Линь въ Россіи. *Русская Старина* 1892, т. 73, мартъ, 546; апр., 29, 37; его же, Историч. монографіи, IV, 434, 436, 487, 515). Сравн. также П. С., Духъ Екатерины Великія. С.-Пб. 1814, ч. I, 75—80; II, 79; П. Сумароковъ, Черты Екатерины Великія. С.-Пб. 1819, стр. 70, 172 слѣд.: „Бесѣдовать о его дѣяніяхъ, превозносить его при всякомъ случаѣ, благоговѣть къ нему составляли ея услажденія... Она подбирала все, что Петръ разметалъ на неприготовленной нивѣ, и при ней созрѣлъ насажденный имъ плодъ". — 3) Письмо Вольтеру въ Oeuvres complètes de Voltaire, новое изд., XLIII, 16 (рус. перев. въ „Перепискѣ росс. имп. Екатерины II и господина Вольтера". С.-Пб. 1803, стр. 4).—4) Собственноручная замѣтка Екатерины объ ошибкахъ въ государств. управленіи послѣ кончины Петра Великаго. *Русс. Старина* 1880, т. 29, декабрь, 1047.—5) Отзывъ Екатерины, сохраненный Грибовскимъ: „Онъ, Петръ, самъ не зналъ, какіе законы учредить для государства надобно" (Записки. М. 1864, стр. 9) едва ли можетъ служить къ опроверженію сказаннаго: положительная оцѣнка преобразовательной дѣятельности царя во всемъ ея объемѣ не исключала, конечно, возможности видѣть несовершенства отдѣльныхъ ея частей.

в) А. Ѳ. Бычковъ полагалъ, что Екатерина II „приказала сообщить Вольтеру всѣ нужные ему матеріалы для исторіи Петра Великаго" [1]); но предположеніе это основано, кажется, на ошибочномъ толкованіи упомянутаго въ предыдущемъ пунктѣ письма императрицы, въ которомъ она, благодаря Вольтера за присылку второй части его „Исторіи Россіи при Петрѣ Великомъ", выражаетъ сожалѣніе, что не была въ „нынѣшнемъ положеніи" въ то время, когда писалась его книга, иначе бы она снабдила его гораздо лучшимъ матеріаломъ, чѣмъ какой былъ ему присланъ, и при этомъ сообщаетъ, что она намѣрена издать письма Петра и уже распорядилась собрать ихъ. Сравн. ниже примѣч. 48, пунктъ а.

г) Сравн. В. С. Иконниковъ, Значеніе царствованія Екатерины II. Кіевъ. 1897, стр. 18, гдѣ въ числѣ другихъ указаній находимъ слѣдующія: „Фридрихъ II полагалъ, что Екатерина II въ своихъ планахъ слѣдовала наставленіямъ Петра В., извлеченнымъ изъ его бумагъ. Имя Петра, дѣйствительно,

---

[1]) *Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общ.*, т. XIII, предисловіе, стр. IX.

вліяло на нее обаятельно. Его портретъ находился на ея письменномъ столѣ 37
и вдохновлялъ ее въ дѣлахъ правленія".

д) Еще въ послѣдніе годы жизни императрицы Елизаветы Петровны Штелинъ занятъ былъ составленіемъ медалей на событія Петровскаго царствованія [1]). Въ 1770 году появилось особое изданіе: „Слава Россіи или собраніе медалей дѣлъ Петра Великаго и еще нѣкоторые 1770 г. іюня 4-го": 21 листъ рисунковъ и гравированный портретъ Петра. Въ маѣ 1772 г. Екатерина распорядилась организовать особый комитетъ или, вѣрнѣе, цѣлыхъ два, для сочиненія медалей. Первый, распорядительный, состоялъ изъ кн. М. М. Щербатова, Хераскова и Нартова; онъ выбиралъ темы и составлялъ описанія; второй— изъ Штелина, Девилье (французъ-медальеръ) и Козлова (профессоръ Академіи Художествъ)—проектировалъ самыя медали и наблюдалъ за ихъ рѣзьбою. Рѣшено было „медалическую исторію начать съ рожденія Петра Великаго, къ чему потребные матеріалы какъ въ россійскихъ, такъ и въ чужестранныхъ писателяхъ читать, а паче тѣ, которые находятся въ архивѣ Петра Великаго, пріобщая къ тѣмъ чтеніе указовъ, регламентовъ, газетъ и прочее, что до исторіи сихъ новѣйшихъ временъ принадлежитъ, сбирая оное по годамъ. Сего ради и разсудили употребить: во-первыхъ, изъ архивы государя императора Петра Великаго № 1 исторію, писанную Прокоповичемъ, исторію о его рожденіи и бунтахъ, писанную, какъ мнятъ, Матвѣевымъ, и другихъ писателей, служащихъ къ сему теченію времени" [2]). Видно, что къ дѣлу желали отнестись не поверхностно; при возникавшихъ недоразумѣніяхъ или отсутствіи прямыхъ свѣдѣній распорядительный комитетъ обращался за необходимыми разъясненіями къ соотвѣтствующимъ вѣдомствамъ. Къ августу 1774 года сочиненіе медалей, числомъ 122, охватывающихъ событія Петровскаго времени, съ рожденія государя по его кончину, было закончено; рисунки были поднесены императрицѣ, но на этомъ все дѣло, кажется, и остановилось [3]). Проектированныя медали, кромѣ одной, остались не выполненными. Комитетъ оказался совсѣмъ не подготовленнымъ къ возложенной на него задачѣ: ошибки, допущенныя при составленіи рисунковъ,—неправильныя даты и пр.—такъ и остались безъ исправленія [4]).

е) Желая сохранить „на предбудущіе годы" домикъ Петра Великаго, что на Петербургской сторонѣ въ Петербургѣ, Екатерина II „повелѣла въ 1784 г.

---

[1]) Пекарскій, Истор. Акад. Наукъ, I, 565.

[2]) *Записки Археол. Общ.*, III, 172.

[3]) См. Указъ Правител. Сенату 9-го мая 1772 г. П. С. Зак. XIX, № 13798; Артемьевъ, Медальные комитеты, учрежденные имп. Екатериною II. *Записки Археол. Общ.*, т. III. С.-Пб. 1851, стр. 163 — 204; его же, Описаніе рукоп., хранящ. въ библ. Казанск. универс. С.-Пб. 1882, стр. 77 — 84; Нѣчто о комитетахъ, составленныхъ въ 1772 г. для сочиненія медалей. *Отеч. Записки* 1821, ч. VII, № 16, августъ, 180—191; Реестръ медалей на высокославныя дѣянія всепресв. и держави. россійск. великихъ монарховъ. *Труды Общ. Ист. и Древн. Росс.*, VIII, стр. 34 слѣд. Сравн. Лонгиновъ, Русскіе писатели XVIII вѣка. *Русская Старина* 1873, XIII, 582.

[4]) *Ю. Иверсенъ*, Медали на дѣянія имп. Петра Великаго. С.-Пб. 1872, стр. XVII.

37—39 огородить его каменнымъ шатромъ или футляромъ на прочномъ фундаментѣ съ крышею, покрытою кровельнымъ желѣзомъ“ [1]).

ж) О памятникѣ, который поставилъ П. Я. Руденко, бунчуковый товарищъ и бургомистръ полтавскаго магистрата, см.: 1) *Санктпетербургскій Вѣстникъ*, ч. VII (1781), мартъ, 237: краткое сообщеніе, въ отдѣлѣ „Разныя извѣстія“; 2) И. Фр. Павловскій, Битва подъ Полтавой 27 іюня 1709 г. и ея памятники, изд. 2-е. Полтава. 1909, стр. 186 слѣд. (съ рисункомъ памятника и портретомъ Руденка).

з) О Ломоносовскомъ проектѣ памятника черезъ Неву см. Пекарскій, Исторія Акад. Наукъ, II, 799.

и) Въ Архангельскѣ мѣстное купечество и мѣщанство постановило, въ 1778 году, въ память Петра, дѣлать добровольный сборъ денегъ на содержаніе воспитательнаго дома. *Санктпетербургскій Вѣстникъ*, ч. III (1779), апрѣль, стр. 324, въ отдѣлѣ „Разныхъ происшествій“.

38) Къ стр. 66.

а) П. И. Челищевъ, Путешествіе по сѣверу Россіи въ 1791 г. С.-Пб. 1887, passim. Въ книгѣ разсѣяно не мало мѣстъ, свидѣтельствующихъ о глубокомъ уваженіи и благодарной памяти автора къ Петру.—Суворовъ удивлялся генію Петра „и на Ладожскомъ каналѣ, и на Полтавскомъ полѣ“; находилъ, что одинъ только Петръ „обладалъ тайной выбора людей“, и совѣтовалъ иностранцамъ „учиться по-русски для того, чтобы познакомиться съ этимъ великимъ человѣкомъ“ [2]).

б) Montesquieu, De l'esprit des loix, livre XIX, chap. XIV. Genève. 1749, стр. 309: „Pierre I donnant les moeurs et les manières de l'Europe à une nation d'Europe, trouva des facilités qu'il n'attendoit pas lui-même“. Сравн. Наказъ, гл. I, пар. 6 и 7.

в) Карамзинъ, Сочиненія, изд. 1848, т. II, стр. 513—516; Погодинъ, Н. М. Карамзинъ, часть I, стр. 277, 294; Сравн. Галаховъ, Исторія русской словесности, II, 4.

г) Письмо С. Р. Воронцова брату Ал-ру Ром—чу, 14-го декабря 1789 г. (*Архивъ кн. Воронцова*, IX, 158—161; сравн. Д. Рябининъ, Графъ С. Р. Воронцовъ. *Русскій Архивъ* 1879, кн. I, стр. 495—496); письмо его же, 6-го мая 1801 г. (*Арх. кн. Воронцова*, XI, 181 или Брикнеръ, Матеріалы для жизнеописанія гр. Н. И. Панина, VI, 458).

39) Къ стр. 72.

а) 1) Манштейнъ, Записки о Россіи, изд. 1875 г., стр. 327—328.—2) Сумароковъ, Первый и главный стрѣлецкій бунтъ, бывшій въ Москвѣ въ 1682 г. въ мѣсяцѣ маѣ (С.-Пб. 1768), стр. 10; также Полн. собр. сочин., изд. 2-е, ч. VI, стр. 172 и Туманскій, IV, 246.—3) Рукописная „Исторія жизни и царствованія Ѳедора Алексѣевича“, предисловіе (приведено у Соловьева, Г. Ф. Мюллеръ. *Современникъ* 1854, окт., 142 и у Замысловскаго, Царствованіе Ѳедора Але-

[1]) Д. Булгаковскій, Домикъ Петра Великаго и его святыня. С.-Пб. 1891, стр. 12.

[2]) А. Петрушевскій, Генералиссимусъ князь Суворовъ, т. III. С.-Пб. 1884, стр. 338.

ксѣевича, стр. 08).—4) Новиковъ, предисловіе къ первому тому *Древн. Росс. Вивліоѳики.* — 5) Духовная в. кн. Владимира Всеволодовича Мономаха дѣтямъ своимъ. С.-Пб. 1793, примѣчанія 9, 11, 20, 31, 41, 42, 43, 44, 49. 39

б) Кн. М. Оболенскій, Сенакъ де Мельянъ, французскій эмигрантъ XVIII вѣка и его отношенія къ Россіи. *Русскій Архивъ* 1866, столбцы 421—459; Сочиненія имп. Екатерины II, изд. Смирдина, т. III, стр. 413—418 (письмо къ Мордвинову); письма Екатерины къ де Мельяну въ *Сбор. И. Р. Ист. Общ.*, XLII, стр. 175 и друг. Переписка съ де Мельяномъ въ „Сочиненіяхъ имп. Екатерины II“, академ. изд., XI (С.-Пб. 1906), 523 (письмо Мордвинову 4-го октября 1790 г.): „Il [Сенакъ де Мельянъ] me propose entre autre d'écrire l'histoire de la Russie au 18 siècle. Mais pour que je puisse consentir à ce projet, il faudrait que je fusse sûre que celui qui se chargerait de ce travail renonçât aux préjugés que la plupart des étrangers ont contractés contre la Russie, comme par exemple de voir tout en noir sur son compte, sans avoir égard à ce qui se passait dans le même temps dans les autres pays; d'avancer que cet empire n'avait ni loix, ni administration avant Pierre I, tandis que le contraire existait; il est vrai que les troubles qui ont suivi la mort du Czar Ivan Wassiliéwitz avaient arriéré la Russie de 40 à 50 ans, mais avant ce temps elle allait de pair avec toute l'Europe“. „Записки касательно Россійской исторіи“ помѣщались первоначально въ *Собесѣдникѣ Любителей Росс. Слова* 1783—1784 гг., позже вышли отдѣльнымъ изданіемъ въ 6 частяхъ. Энергичной защитницей до-Петровской старины является Екатерина въ своемъ „Антидотѣ“: „Въ теченіе слишкомъ 700 лѣтъ [такъ между прочимъ говоритъ она], т. е. до смерти Ѳеодора Алексѣевича, Россія управлялась, имѣла приблизительно тѣ же правы, шла тѣмъ же путемъ и находилась почти на одномъ уровнѣ, какъ и всѣ государства Европы... Земскіе судьи съ незапамятныхъ временъ назначались ежегодно, и никто не подвергался приговору безъ предварительнаго суда. Всѣ дѣла вершились приказами, для этого назначенными. Какъ и повсюду, о всѣхъ важныхъ дѣлахъ совѣтовались съ духовенствомъ“ [1]). Впрочемъ эти послѣднія мысли нельзя подводить подъ одну категорію съ тѣми, что̀ высказаны императрицею въ ея указаніяхъ де Мельяну или въ „Запискахъ касательно Россійской исторіи“: въ „Антидотѣ“ государыня руководилась соображеніями далеко не объективными; истинная точка ея зрѣнія на бытъ и состояніе до-Петровской Руси заслонена полемическими задачами книги: обѣлить старую Русь оказывалось прямо необходимымъ, разъ на нее нападалъ авторъ *Voyage en Sibérie.*

в) „Мысли о Россіи“ [2]) писаны во время французской революціи (стр. 111), „лѣтъ за 15“ до своего появленія въ свѣтъ (4). У этого сочиненія есть несомнѣнныя точки соприкосновенія съ предисловіемъ и комментаріями къ „Духовной вел. князя Владимира Всевол. Мономаха“, изданной графомъ А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ, одновременно съ тѣмъ, какъ составлялись и „Мысли“ (С.-Пб. 1793). Бросается въ глаза прежде всего тожественность основныхъ

[1]) *Осмнадцатый вѣкъ*, Бартенева, IV, 289—290. Спорный вопросъ объ авторствѣ „Антидота“ см. въ предисловіи А. Н. Пыпина къ т. VII академич. изданія „Сочиненій имп. Екатерины II“.

[2]) *Вѣстникъ Европы* 1807, ч. XXXI, январь, №№ 1 и 2, стр. 3—29, 107—120.

39 воззрѣній и взглядовъ на русскую жизнь. Тамъ и тутъ одинаково сильное уваженіе къ родной старинѣ, къ добродѣтелямъ предковъ; тамъ и тутъ горячіе нападки на французоманію и заимствованіе иноземныхъ обычаевъ; тамъ и тутъ, наконецъ, старина ставится въ образецъ современному поколѣнію, въ силу ея моральнаго преимущества. Сходство между двумя произведеніями, мѣстами, можно прослѣдить вплоть до мелочей. Сравн. строки о гостепріимствѣ нашихъ предковъ, какъ моральномъ долгѣ: Мысли, 13 и Дух., 23, прим. 41; Мысли, 108 и Дух., 24, прим. 42; уваженіе къ старшимъ: Мысли 18, 108 и Дух., 19, прим. 30; указаніе на ошибочность взгляда, будто русскіе до Петра были народомъ варварскимъ: Мысли, 23 и Дух., предисловіе, стр. V. Можно, наконецъ, отмѣтить случаи, когда, излагая одну и ту же мысль, оба сочиненія пользуются одними и тѣми же выраженіями, поговорками. Сравн. о призываніяхъ Бога: Мысли, 23 и Дух., 17, 18, прим. 23 и 25. Старая поговорка: „А кто не устоитъ въ словѣ, тому будетъ стыдно“ (Мысли, 8) повторена и въ Духовной (VI, пред.): „кто попятится, тому будетъ стыдно“. Формальныя отличія того и другого выраженія легко объяснимы тѣмъ, что „Мысли“ мы знаемъ лишь въ переводѣ съ французскаго.

При всемъ томъ категорическое признаніе Мусина-Пушкина авторомъ „Мыслей“ невозможно, пока не будутъ устранены (едва ли устранимыя) помѣхи такого рода: „Мысли“ писаны заграницей (стр. 3), при чемъ авторъ ихъ говоритъ: „если нынѣшнею зимою не возвращусь въ отечество, гдѣ мои должности не позволятъ имѣть много свободнаго времени... надѣюсь получить отсрочку отъ милосердой моей государыни. Въ Вѣнѣ опять займусь воспоминаніями объ отечествѣ“ (стр. 119). Между тѣмъ Мусинъ-Пушкинъ, если судить по его автобіографіи [1]), за предѣлами Россіи былъ съ 1772 по 1775 г. [2]). Авторъ „Мыслей“ говоритъ про себя: „будучи отъ природы склоненъ къ задумчивости... я любилъ поэзію... Теперь я сталъ дряхлъ и принужденъ сидѣть въ своей комнатѣ, будучи удаленъ отъ милаго отечества, отъ друзей“ (стр. 4, 5). Далѣе, авторъ „Мыслей“ называетъ своимъ „наставникомъ“ „нынѣшняго“ архіепископа рижскаго и псковскаго Иннокентія (стр. 4). Рѣчь идетъ, конечно, объ извѣстномъ Иннокентіи Нечаевѣ, но какое „наставничество“, въ примѣненіи къ Мусину-Пушкину, можно имѣть здѣсь въ виду? Иннокентій, въ юные годы Мусина, состоялъ преподавателемъ въ Московской славяно-греко-латинской академіи, но былъ ли онъ въ то же время учителемъ и молодого графа? И слѣдуетъ ли наставничество понимать въ прямомъ смыслѣ школы, обученія, или только фигурально? Въ сходствѣ основного взгляда на древнюю Русь нѣтъ ничего особеннаго: единичнымъ онъ отнюдь не былъ (сравн. ниже выдержку изъ „Антидота“ имп. Екатерины II); что же до совпаденія „Мыслей“ и „Духовной“ въ отдѣльныхъ частныхъ случаяхъ, то нельзя ли допустить, что работа одного изъ авторовъ сложилась не безъ вліянія на нее и даже содѣйствія другого? Въ печати уже было указано (В. С. Иконниковымъ) на возможность участія Болтина въ составленіи примѣчаній къ „Духовной“ [3]).

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, Словарь достоп. людей, II, 468.

[2]) *Записки и Труды Общ. Ист. и Др. Росс.*, ч. II (М. 1824), стр. 5.

[3]) Русскій Біографич. Словарь: Болтинъ, стр. 192.

г) Сравн. „Антидотъ“: „Существовалъ обычай, чтобы въ городахъ каждый взрослый мужчина, около полудня, отправлялся къ тому мѣсту, гдѣ творился судъ и расправа. Такимъ мѣстомъ въ Москвѣ была Кремлевская площадь, именуемая Ивановскою. Тамъ толковали они о своихъ дѣлахъ, общественныхъ и частныхъ. Когда какой либо старикъ замѣчалъ, что знатный молодой человѣкъ день или два не являлся на площадь, онъ дѣлалъ ему упреки и грозилъ ему извѣстить о томъ его отца: не присутствовать на этихъ собраніяхъ считалось признакомъ дурнаго поведенія и лѣни; на нихъ можно было получить свѣдѣнія объ общественныхъ дѣлахъ и состояніи государства и видѣть знакомыхъ“ [1]). Сопоставленіе этихъ словъ съ словами, приведенными у насъ въ текстѣ [2]), даетъ основаніе думать, что авторъ „Мыслей о Россіи“, при составленіи своей статьи, пользовался, между прочимъ, и сочиненіемъ императрицы Екатерины II. 39—40

д) Порошину непріятно было, что графъ А. С. Строгановъ хвалилъ историческіе труды Г. Фр. Миллера и ни словомъ не обмолвился о Татищевѣ (Записки Порошина, изд. 2-е. С.-Пб. 1882, стлбц. 81).

40) Къ стр. 79.

а) De Fontenelle, Éloge du czar Pierre I, prononcé à l'assemblée publique de l'Académie des Sciences le 14 Novembre 1725. Paris. 1727.—2) Lacombe, Histoire des revolutions de l'empire de Russie P. 1760, pag. 134, 355, 363, 380.—3) L'abbé Millot, Élémens d'histoire générale. T. IX. Seconde partie: Histoire moderne. T. V. Lausanne. 1775, p. 172, 176, 246, 249.—4) Montesquieu, De l'ésprit des loix. A Genève. 1749, p. 309 (livre XIX, chap. XIV).—5) J. J. Rousseau, Du contrat social. Amsterdam. 1762, p. 61—62.—6) L'abbé de Mably, De l'étude de l'histoire. A Mastreicht. 1778, p. 306—324 (troisième partie, chap. II).—7) Levesque, Histoire de Russie, tom. V. Yverdon. 1783, pag. 164—178.—8) Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Neufchatel. 1765. Tom. 12, pag. 464; tom. 14, p. 445. Сравн. Ал. Веселовскій, Этюды и характеристики, изд. 2-е. М. 1903, стр. 222: личность Петра рисовалась Дидро „идеальною“. — 9) Oeuvres de Condillac. Tom. 20: Cours d'études. Histoire moderne, tom. VI. Paris. 1798, p. 63.—10) A. Ferrand, L'ésprit de l'histoire ou Lettres politiques et morales d'un père à son fils. Paris. 1809. Nouvelle édition, t. IV, p. 15, 167 (перепечатка изданія 1802 года безъ перемѣнъ).

б) Оцѣнку Петра Фридрихомъ Великимъ нельзя назвать устойчивою: наслѣднымъ принцемъ онъ считаетъ царя лишеннымъ малѣйшаго признака человѣчности или доблести. Крайне невѣжественный, дѣйствовавшій всегда подъ вліяніемъ ничѣмъ не сдерживаемыхъ порывовъ, трусливый и малодушный, жестокій во время мира и слабый на войнѣ, Петръ, по мнѣнію Фридриха, былъ обязанъ въ жизни счастію, но не уму. Позже, самъ ставъ государемъ и пройдя трудную школу управленія государствомъ, Фридрихъ высказывается уже иначе: роль Петра по отношенію къ русской націи та же, что азотной кислоты (крѣп-

[1]) *Осмнадцатый Вѣкъ*, IV, 293.

[2]) Стр. 71.

40—41 кой водки) при ея воздѣйствіи на желѣзо; законодатель, основатель обширной монархіи, онъ создалъ людей, солдатъ и министровъ, подобно тому, какъ создалъ самый Петербургъ, воздвигъ на морѣ силу, достойную удивленія и, поставивъ свой народъ на виду всей Европы, заставилъ ее признать свои рѣдкостныя способности [1]).

в) „Богъ извлекъ сей великій народъ изъ мрака... даровалъ ему самодержца, который въ подсолнечной навѣки пребудетъ чудомъ... Если какой либо государь достоинъ имени великаго, то сей Петръ Первый есть не только великій, но и величайшій изъ всѣхъ монарховъ“ [2]).

г) Рѣчь Леклерка (извѣстнаго впослѣдствіи автора „Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne et moderne“,—сочиненія, вызвавшаго критику Болтина), произнесенная въ 1765 году, по случаю принятія его въ члены Петербургской Академіи Наукъ, риторичная по формѣ, слишкомъ обилуетъ общими мѣстами, чтобы претендовать на новизну и оригинальность содержанія. Ораторъ, вступая въ учрежденіе, духовнымъ творцомъ котораго былъ Петръ, уже тѣмъ самымъ считалъ своимъ долгомъ хвалить его: у Петра Великаго не было дѣтства; онъ, подобно Минервѣ, во всеоружіи своихъ талантовъ и силъ, сразу выступилъ на жизненное поприще; слишкомъ великій, чтобъ убояться стать ничтожнымъ, онъ пошелъ на голландскія верфи; жизнь этого героя одна сплошная сказка, и если задаваться цѣлью славословить его, то не знаешь, съ чего начать и гдѣ кончить. Куда героямъ древности до него! [3]).

41) Къ стр. 83.

а) Бецкій въ Полн. Собр. Закон. XVI; № 12103, стр. 669.

б) И. Болтинъ, Примѣчанія на исторію древнія и нынѣшнія Россіи г. Леклерка. 2 чч. С.-Пб. 1788. Томъ II, стр. 104, 152—153, 252—253, 349—350; сравн. стр. 309, 355, 362. Сравн. Сухомлиновъ, Исторія Росс. Акад., V, 188; Иконниковъ (Русск. біограф. словарь, стр. 199).

в) Иные записываютъ Болтина въ категорію славянофиловъ; но „славянофильство“ Болтина совсѣмъ особой статьи: славянофилы сороковыхъ годовъ XIX столѣтія чурались Европы, утверждая, будто русскіе по самой *натурѣ* своей другіе люди; Болтинъ, наоборотъ, негодуетъ на Леклерка за отказъ признать въ насъ тожество основы и доказываетъ, что русскіе *такіе же* европейцы, съ *такою же* способностью къ цивилизаціи. Такимъ образомъ евро-

---

[1]) Письма Вольтеру 13-го ноября 1737 г. и 28-го марта 1738 г.; Histoire de mon temps. T. I, chap. I, pag. 21, въ Oeuvres de Frédéric le Grand. T. II, изд. 1846 г.; сравн. Sadler, Peter der Grosse als Mensch und Regent. Stbg. 1872. стр. 31, 221.

[2]) Слово на празднованіе мира Пруссіи съ Россіею, говоренное въ 1763 году проповѣдникомъ Даніиломъ Гейнрихомъ Пургольдомъ въ Пархенѣ, въ Магдебургскомъ княжествѣ. *Сынъ Отечества* 1813, ч. VI, № 25, стр. 219.

[3]) Полностью рѣчь напечатана у Сухомлинова, Исторія Росс. Акад., V, 385; сравн. Пекарскій, Исторія Акад. Наукъ, II, 877 и *Записки Акад. Наукъ*, т. X, кн. 2, стр. 178.

пензмъ Болтина мирно уживался съ національнымъ самоуваженіемъ, что̀ и не 41—42
удивительно, такъ какъ одно отнюдь не противорѣчитъ другому.

г) Петръ Великій, Меншиковъ и Лейбницъ. Разговоръ, бывшій въ Торгау 1711 года. Берлинъ. 1861. 20 стр. Печатано по рукописи, найденной „въ бумагахъ одного русскаго сановника, умершаго въ началѣ нынѣшняго [т. е. XIX] столѣтія. Рукопись, по всѣмъ признакамъ, относится ко второй половинѣ прошлаго [т. е. XVIII] вѣка". Издатель основательно предполагаетъ, что темою „Разговора" послужили преданія и еще живыя воспоминанія о свиданіи, дѣйствительно, происходившемъ въ 1711 г. въ Торгау.

д) Автобіографія кн. Дашковой— Histoire de ma vie—въ *Архивѣ кн. Воронцова*, XXI, стр. 219 — 222, 361. Мнѣніе Дашковой, что „совсѣмъ не дѣло Петра было лазить по мачтамъ и работать съ топоромъ на верфяхъ", можно сопоставить съ отзывомъ Наполеона I: „Въ Сардамѣ, при осмотрѣ домика Петра Великаго, Наполеонъ выразился, что можно бы для блага страны своей заниматься чѣмъ либо получше, чѣмъ плотничнымъ дѣломъ" [1]).

е) Едва ли не графа Александ. Серг. Строгонова имѣетъ въ виду Порошинъ (сопоставь стбц. 86, 89, 94), разсказывая о томъ, какъ „нѣкто" выставлялъ въ смѣшномъ видѣ и подчеркивалъ недостатки Петра: „твердить разсудилъ за благо, что государь часто напивался до пьяна и билъ министровъ своихъ палкою... что только-де и извѣстно государей-драчуновъ по исторіи, что Петръ Первой, да покойной король прусской. Я говорилъ о письмахъ государевыхъ... то оной первой *никто* никакого болѣе на то примѣчанія не изволилъ сдѣлать, какъ только, какъ смѣшны оныя письма тѣмъ, что государь въ нихъ писывалъ иногда: *Минъ-Геръ адмиралъ*, и подписывался: *Питеръ*. Признаюсь, что таковыя рѣчи жестоко меня тронули, и много труда мнѣ стоило скрыть свое неудовольствіе и удержать запальчивость" [2]).

42) Къ стр. 90.

а) Письмо къ другу, жительствующему въ Тобольскѣ, по долгу званія своего. С.-Пб. 1789. Перепечатано въ *Русской Старинѣ* 1871, т. IV, стр. 295—299. О Радищевѣ, какъ переводчикѣ Мабли, см. Сухомлиновъ, А. Н. Радищевъ, авторъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву". С.-Пб. 1883, стр. 26—27.

б) Сочиненія Щербатова: „Отвѣтъ гражданина на рѣчь, говоренную ея императорскому величеству оберъ-прокуроромъ сената Неклюдовымъ, по причинѣ торжества шведскаго мира 1790 г., сентября 5 числа" и „Разсмотрѣніе о порокахъ и самовластіи Петра Великаго" см. въ Сочиненіяхъ кн. М. М. Щербатова, т. II. С.-Пб. 1898 (также въ *Библ. Запискахъ* 1859, №№ 12, 13 и въ *Чтеніяхъ* 1860, кн. I и III); „О поврежденіи нравовъ въ Россіи" (гл. I и III) въ Сочиненіяхъ (тамъ же) и въ *Русской Старинѣ* 1870, т. II. Ср. В. Э. Вальденбергъ, Щербатовъ о Петрѣ Великомъ. С.-Пб. 1903. 16 стр.

в) Расчетъ Щербатова, или (такъ названа его особая статья) „Примѣрное времяисчислительное положеніе, во сколько бы лѣтъ, при благополучнѣйшихъ обстоятельствахъ, могла Россія сама собою, безъ самовластія Петра Великаго,

---

[1]) Изъ записокъ Гогендорпа. *Русскій Архивъ* 1888, № 8, стр. 119.

[2]) Порошинъ, Записки, изд. 2-е (С.-Пб. 1882), стбц. 96—97.

12 дойти до того состоянія, въ какомъ она нынѣ есть, въ разсужденіи просвѣщенія и славы“ [1]), таковъ: считая отъ 1682 г., когда заведена была Заиконоспасская школа, понадобилось бы не менѣе двухъ поколѣній, т. е. 60 лѣтъ, чтобы только познать пользу науки; три поколѣнія (90 л.)—преодолѣть ненависть къ чужеземцамъ; одно поколѣніе (30 л.)—привыкнуть видѣть надъ собою (въ роли учителя) чужестранца и незнатнаго человѣка и обучиться необходимому; и столько же—вести войну, завоевать гавани, словомъ, и въ международныхъ отношеніяхъ занять мѣсто европейской державы. Все это подъ непремѣннымъ условіемъ, если не будетъ никакихъ помѣхъ.

---

[1]) Въ Сочиненіяхъ, т. II, въ *Отеч. Запискахъ* 1858, № 3, и въ *Чтеніяхъ* 1860, кн. I.

КЪ ГЛАВѢ ПЯТОЙ.

43) Къ стр. 95. 43

а) Біографическія данныя о жизни Голикова и о составленіи имъ своего монументальнаго труда см. въ „Дѣяніяхъ“, предисловія къ тт. I и X; въ „Дополненіяхъ“, предисловія къ тт. I, IV и XI; т. XIV, 404; т. XVI, 241, 462; т. XVIII, 571. Сравн. Рябининъ, графъ С. Р. Воронцовъ. *Русскій Архивъ* 1879, I, 488, примѣч. Митрополитъ Евгеній [1]), а за нимъ Старчевскій [2]) говорятъ, что „императрица Екатерина II повелѣла открыть сочинителю всѣ по исторіи архивы“. Сравн. нашу біографію Голикова въ Энцикл. Словарѣ Брокгауза и Ефрона, IX, 45.

б) Изданіе первыхъ томовъ „Дополненій“ было обезпечено денежною поддержкою Никиты Никит. Демидова [3]); но уже въ предисловіи къ четвертому тому (вышедшему, какъ и первый, въ 1790 г.) Голиковъ заявлялъ, что „для напечатанія сего тома не имѣвъ уже такихъ пособій, принужденъ былъ дожидаться, пока соберется потребная на то сумма“. Объявляя о подпискѣ, Голиковъ не рѣшался обязываться болѣе чѣмъ на десять томовъ и съ выходомъ десятаго тома „Дополненій“ (въ 1792 г.), доведя хронологическую канву біографическихъ данныхъ лишь до 1716 г., временно пріостановилъ свое изданіе. Впрочемъ еще раньше отъ открылъ подписку на новые 8—10 томовъ, но подписка шла туго: за 5 мѣсяцевъ не набралось и 50 подписчиковъ, т. е. и десятой части необходимой на изданіе суммы. Прежде чѣмъ однако отказаться отъ предпріятія и вернуть подписчикамъ деньги, Голиковъ рѣшился выждать 2—3 мѣсяца [4]); надежда на этотъ разъ его не обманула: не столько впрочемъ „пренумераты“, сколько два лица помогли Голикову. Демидовъ, ранѣе давшій на первые десять томовъ „Дополненій“ 3.000 рублей, выдалъ теперь еще 1.500 руб., и Гр. Ив. Шелеховъ, приславшій 2.000 руб. Благодаря этому, томъ XI могъ появиться въ 1794 г. [5]). Задуманныя біографіи сподвижниковъ Петра Ве-

[1]) Словарь русск. свѣтск. писат., I, 148.

[2]) Очеркъ литературы русск. исторіи до Карамзина, стр. 174.

[3]) Дополн. I, предисловіе.

[4]) Дополн. X, стр. 379 и послѣднія, ненумерованныя страницы въ концѣ тома.

[5]) Дополн. XI, предисловіе.

43 ликаго осуществились нѣсколько позже, но въ самой малой части: Голиковъ выпустилъ въ свѣтъ „Историческое изображеніе жизни и всѣхъ дѣлъ славнаго женевца Фр. Я. Лефорта... и Патрика Гордона...“ (М. 1800), но на этомъ и остановился.

в) Отношеніе *историка* Голикова къ Петру Великому достаточно обрисовывается на стр. 401 тома XIV „Дополненій“: передавъ текстъ словъ Фридриха II, о намѣреніи Петра сконцентрировать все населеніе своего государства въ наиболѣе плодородныхъ областяхъ, выведя его изъ степей, прилегающихъ къ Персіи, Турціи и Крымской ордѣ, Голиковъ замѣчаетъ: „Откуду сіе взялъ его прусское величество, мнѣ неизвѣстно; ибо сего я ни въ какихъ запискахъ нашихъ не нахожу, да, кажется, завоеванія его и распространенія границъ имперіи и совершенно сему заключенію противурѣчатъ; но быть можетъ, что толико чрезвычайный государь имѣлъ наконецъ и сіе намѣреніе. И ежели въ самомъ дѣлѣ имѣлъ онъ таковое намѣреніе, то... [точки въ текстѣ]. *Но не мое дѣло входить въ разсматриваніе сего великаго плана*“. Сравн. „Дополненія“ VII, 221; по 2-му изд., XIII, 736.

г) Содержаніе „Дѣяній“. Томъ I: „Введеніе, заключающее въ себѣ опроверженіе Страленберговыхъ нареканій на Петра Великаго“ (стр. 1—136) и Дѣянія за 1672—1699 гг. Томъ II—VIII: Дѣянія съ 1700 по 1723 г. включительно. Томъ IX: Дѣянія за 1724—1725 гг. (первая половина книги); черты, характеризующія Петра, какъ человѣка и государя (стр. 252—340); похвальное слово Фонтенеля (341—376); отзывы о Петрѣ иностранцевъ (377—395); разборъ мнѣній Фридриха II (396—415) и аббата Мабли о Петрѣ Великомъ (415—465); эпитафія Петру, составленная Хр. Вивилемъ (466—467), и перечень книгъ, изданныхъ въ царствованіе Петра (468—499). Томы X—XII: Письма Петра съ 1693 г. по 1711 г. включительно, 1427 №№.

д) Содержаніе „Дополненій“. Томы I—III: „Изображеніе предшествовавшихъ временъ Петру Великому“ (1598—1682 гг., съ предварительною біографіею Бориса Годунова). Томы IV—IX: Дополненія къ Дѣяніямъ за 1682—1713 гг. Томъ X: Дополненія къ Дѣяніямъ за 1713—1715 гг. включительно и „Разсужденіе о упадкѣ нынѣшняго курса монеты нашей“ (стр. 380—479). Томы XI—XIV: Дополненія къ Дѣяніямъ за 1716—1725 гг. Томъ XV содержитъ „полное описаніе славныя Полтавскія побѣды и предшествовавшія измѣны Мазепы“. Томъ XVI содержитъ „послѣдствіе славной Полтавской побѣды, особливо же плѣненіе у Днѣпра подъ Переволочною избывшей отъ меча россійскаго подъ Полтавою всей остальной шведской арміи и торжественное вшествіе побѣдоноснаго проя въ Москву, и проч.“. Это „и проч.“ есть самостоятельный отдѣлъ, занимающій цѣлую половину книги, а именно: „Реэстръ хранящимся бумагамъ въ кабинетѣ его величества, писаннымъ и правленнымъ собственною его рукою“ (стр. 241—462). Томъ XVII: Анекдоты, числомъ 120. Томъ XVIII: „содержащій въ себѣ состояніе Россіи, въ какомъ сей великій государь оставилъ ее по себѣ“.

е) Второе изданіе „Дѣяній“ и „Дополненій“ подъ общимъ заглавіемъ: „Дѣянія Петра Великаго“ вышло въ 15 томахъ (М. 1837—1843). Его преимущество передъ первымъ—указатель личныхъ именъ при послѣднемъ томѣ. Порядокъ размѣщенія матеріала иной: Дополненія напечатаны непосредственно вслѣдъ за тѣми годами Дѣяній, къ которымъ относятся. Хронологическая нить событій умѣстилась въ томахъ I—X; тутъ же разборъ Страленберга (т. III) и разсу-

жденіе объ упадкѣ курса (т. VII). Томъ XI—Мазепа съ Полтавой и реэстромъ кабинетскихъ бумагъ; т. XII=1-му и 2-му томамъ „Дополненій“ перваго изданія; т. XII=3-му и 18-му томамъ тѣхъ же „Дополненій“; наконецъ, въ томахъ XIV и XV письма и анекдоты. 43—46

ж) Трудъ Голикова положилъ основу и для научной критики; съ появленіемъ „Дѣяній“ стало возможнымъ указывать на ошибки, допущенныя въ другихъ сочиненіяхъ о Петрѣ, напримѣръ, у Ѳеодози (Допол. IV, предисл.). Объ ошибкахъ самого Голикова (въ „анекдотахъ“ о Петрѣ) см. „Письмо В. Н. Берха къ издателю Телеграфа“. *Московск. Телеграфъ* 1826, ч. XII, № 24, стр. 237—242.

44) Къ стр. 96.

а) Собраніе разныхъ записокъ и сочиненій, служащихъ къ доставленію полнаго свѣдѣнія о жизни и дѣяніяхъ государя императора Петра Великаго. Изданное трудами и иждивеніемъ Ѳеодора Туманскаго. Во градѣ святаго Петра. 10 частей: первыя семь въ 1787, остальныя три въ 1788 году. Нѣкоторыя данныя о ходѣ изданія и о подпискѣ на него см. въ Сочиненіяхъ Державина, изд. Акад. Наукъ, V, 574, 602, 660.

б) Полное описаніе дѣяній его величества государя императора Петра Великаго. Сочиненное Ѳеодоромъ Туманскимъ, часть первая. С.-Пб. 1788. LVI+282+VIII (ненум.) стр. Къ тексту приложено 12 гравированныхъ портретовъ.

в) Статьи Миллера въ „Собраніи“ Туманскаго были перепечатаны изъ *Опыта Трудовъ Вол. Росс. Собранія*, кромѣ небольшой замѣтки: „Поправленіе къ исторіи о воспитаніи Петра Великаго“ (Тум., V, 143–150), которая появилась здѣсь впервые.—О Туманскомъ, какъ издателѣ, см. подробнѣе въ статьѣ нашей: „О запискахъ Сильвестра Медвѣдева“ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1889, № 4.—О взаимоотношеніи между „Собраніемъ“ и „Полнымъ описаніемъ“ см. „Собраніе“, т. I, предисловіе; о взглядѣ на исторію—„Полное описаніе“, предисловіе, стр. XVIII—XXI.

45) Къ стр. 97.

Матеріалъ *Др. Росс. Вивліоѳики*, касающійся времени Петра Великаго, съ указаніемъ на томы и страницы, приведенъ въ нашей книгѣ: „Петръ Великій въ русской литературѣ“. С.-Пб. 1889, стр. 85—86. Сравн. еще: Описаніе бракосочетанія въ Бозѣ почивающихъ Петра Алексіевича Перваго императора и самодержца всероссійскаго и Екатерины Алексіевны первой императрицы и самодержицы всероссійской дщери, а нынѣ благополучно царствующаго императора Павла Петровича Перваго самодержца всероссійскаго праматери, цесаревны Анны Петровны съ Карломъ Фридрихомъ герцогомъ Голштейнъ-Готторпскимъ въ лѣто 1725, мая въ 21 день совершившагося. Москва. 1798. Въ универс. типографіи, у Хр. Ридигера и Хр. Клаудія. 8°. 16 стр. Подъ посвященіемъ императору Павлу подпись игумена Ювеналія Воейкова. На 16-й страницѣ послѣдняя строка: „Выписано изъ Древней Россійской Вивліоѳики“. Ср. *Др. Росс. Вивліоѳика*, т. XIII, 235—247.

46) Къ стр. 98.

а) Журналъ или Поденная Записка блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго съ 1698 года, даже до заключенія Нейш-

46 штатскаго мира. Напечатанъ съ обрѣтающихся въ кабинетной архивѣ списковъ, правленныхъ собственною рукою его императорскаго величества. 2 части. С.-Пб. 1770—1772. 4°. 460+763+8 стр. Страницы 193—763 второй части состоятъ изъ приложеній, документовъ, относящихся преимущественно къ внѣшней политикѣ. Современный отзывъ въ *Russische Bibliothek*, II (1774), 36—42. Поденная Записка тогда же переведена была Бакмейстеромъ на нѣмецкій языкъ въ Beyträge zur Geschichte Peters des Grossen, Bände I, II u. III. Riga. 1774—1784 [1]). Давая отчетъ о первомъ томѣ, Бакмейстеръ [2]) сопоставляетъ русскій текстъ Записки съ нѣкоторыми ея переводами на французскій и нѣмецкій языки. Въ числѣ переводовъ (о нихъ у Мишцлова, 201—202) любопытно стокгольмское изданіе съ дополненіями переводчика (шведскаго офицера), который основывался на шведскихъ источникахъ и могъ исправить нѣкоторыя ошибки подлинника въ правописаніи шведскихъ именъ [3]).

б) Тетрати записныя всякимъ писмамъ и дѣламъ, кому что приказано и въ которомъ числѣ отъ его имп. величества Петра Великаго 1704, 1705 и 1706 годовъ, съ приложеніемъ примѣчаній о службахъ тѣхъ людей, къ которымъ сей государь писывалъ. С.-Пб. 1774. 4°. XXVIII (нен)+271 стр. Обширныя выдержки изъ „Тетратей“ въ *St.-Petersburg. Journal* 1778, т. V, янв., февр., мартъ, май, іюнь; т. VI, сент., окт.

в) Книга Марсова или воинскихъ дѣлъ отъ войскъ царскаго величества россійскихъ во взятіи преславныхъ фортификацей и на разныхъ мѣстахъ храбрыхъ баталій учиненныхъ надъ войски его королевскаго величества свѣйскаго. Съ перваго санктпетербургскаго 1713 года изданія вторымъ тиснѣніемъ напечатанная. С.-Пб. 1766. 4°. 193 стр.+23 листа плановъ.

г) Здѣсь умѣстно будетъ упомянуть объ изданіи указовъ Петра Великаго: „Указы блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго самодержца всероссійскаго, состоявшіеся съ 1714, по кончину е. и. величества, генваря по 28 число 1725 году. Напечаны по указу всепресвѣтлѣйшей державнѣйшей в. г. и—цы Анны Іоанновны самодержицы всероссійской“. С.-Пб. 1739. 1024 стр. 4°, съ портретомъ Петра Великаго. — 2-е (?) изданіе. „Указы.... всероссійской“. С.-Пб. 1780 [sic]. 1096 стр. 4°, безъ указанія, какое это, по порядку, изданіе.—3-е изд.: „Указы.... по 28 число 1725 году. Печатаны третьимъ тиснѣніемъ“. С.-Пб. 1777. 1096 стр. 4°. Наборъ 1777 года, несомнѣнно, иной, чѣмъ наборъ 1780 года, хотя текстъ почти каждой страницы одного изданія совпадаетъ съ текстомъ другого. Намъ не удалось видѣть изданія „второго“ съ прямымъ указаніемъ, что оно таковое. Нельзя ли допустить предположеніе, что „1780“ есть опечатка вмѣсто „1740“, тѣмъ болѣе, что только въ изданіяхъ 1739 и 1780 гг. имѣется указаніе на то, что они явились въ свѣтъ по указу имп. Анны Іоанновны; но имѣемъ ли мы на это право? — 4-е изд.: „Указы.... по 28 число 1725 году. Печатаны четвертымъ тиснѣніемъ“. С.-Пб. 1799. 1096 стр. 4°. Печаталось, повидимому, по набору 1777 года; лишь выбро-

---

[1]) Подробнѣе см. Мишцловъ, Pierre le Grand, 202—204.

[2]) *Russische Bibliothek*, III, 272 — 283; объ остальныхъ двухъ: IV, 287; IX, 113—120.

[3]) Библіографическіе отрывки. *Отеч. Записки* 1858, т. 118-й (№ 6), стр. 534.

шены переносы съ одной страницы на другую, печатавшіеся въ старинныхъ изданіяхъ подъ послѣдней строкой справа. 46—47

47) Къ стр. 98.

а) Анекдоты, касающіеся до государя императора Петра Великаго, собранные И. Голиковымъ. Изданіе 2-е, исправленное, дополненное и умноженное. М. 1798. 535 стр. Какъ заявлено въ предисловіи, это есть повтореніе изданныхъ въ XVII томѣ „Дополненій къ Дѣяніямъ Петра Великаго", съ прибавкою „не малаго числа новыхъ" (въ „Дополненіяхъ" 120 анекдотовъ; въ изд. 1798 г.—132) и „многихъ историческихъ соравненій, подобій и разныхъ примѣчаній". Изданіе, по словамъ Голикова, обязано Никитѣ Никит. Демидову, главнымъ образомъ на средства котораго [1]) изданы были и всѣ 18 томовъ „Дополненій къ Дѣяніямъ Петра Великаго". Въ 1807 г. вышло 3-е изданіе „Анекдотовъ" (тѣ же 535 стр.)—точное воспроизведеніе предыдущаго.

б) Сборникъ Штелина, въ оригиналѣ, появился на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: Originalanekdoten von Peter dem Grossen. Aus dem Munde angesehener Personen zu Moskau und Petersburg vernommen und der Vergessenheit entrissen von J. von Stählin. Lpzg. 1785. 22+422 стр. Переводъ на русскій языкъ дѣлался неоднократно: 1) Любопытныя и достопамятныя сказанія о имп. Петрѣ Великомъ, изображающія истинное свойство сего премудраго государя и отца отечества, собранныя въ теченіе сорока лѣтъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Я. Штелинымъ. С.-Пб. 1786. XVI+386 стр., съ 1 политипажемъ (конной статуей Петра на Сенатской площади).—Любопытныя... Штелинымъ. Вторымъ тисненіемъ. С.-Пб. 1787. XX+468 стр., съ 3 политипажами (кромѣ конной статуи, медальоны Петра и Екатерины I). Въ обоихъ изданіяхъ текстъ тожественъ, содержитъ 110 „анекдотовъ" и кромѣ того: описаніе достопамятностей, хранящихся въ кабинетѣ Петра Великаго; письмо Петра Апраксину съ Полтавскаго поля; объ исторіи Петра, Вольтера; отзывъ гр. Н. И. Панина объ анекдотахъ Штелина; предсказаніе о рожденіи Петра (Полоцкій, Гревіусъ): краткія біографіи лицъ, сообщившихъ Штелину настоящіе „анекдоты".—2) Подлинные анекдоты Петра Великаго, слышанные изъ устъ знатныхъ особъ въ Москвѣ и Санктпетербургѣ, изданные въ свѣтъ Я. фонъ Штелинымъ, на россійской языкъ переведенные Карломъ Рембовскимъ. VI (нен)+XVI+592 стр.—Подлинные... Рембовскимъ. Изд. 2-е. М. 1787. VI (нен.)+X+X (нен.)+592 стр., съ 1 портрет. Петра.—Подлинные... Рембовскимъ. Изд. 3-е. М. 1789. VI (нен.)+VI+VIII (нен)+592 стр. съ портретомъ Петра. Заглавіе книги въ первомъ изданіи приведено по второму изданію, такъ какъ экземпляръ перваго изданія, бывшій въ нашихъ рукахъ (Имп. Публ. Библіотеки), безъ заглавнаго листа. Сопиковъ (II, 27) показываетъ годъ перваго изданія 1787-й, въ Москвѣ. Текстъ во всѣхъ трехъ изданіяхъ тожественъ, въ послѣднихъ двухъ даже строка въ строку (кромѣ предисловія и посвященія). Содержаніе: посвященіе имп. Екатеринѣ II, предисловіе; 113 анекдотовъ; отзывъ Панина; біографіи лицъ, доставившихъ свѣдѣнія. Что же до описанія достопамятностей, письма Апраксину, предсказаній о рожденіи и замѣчаній объ исторіи Вольтера, то все это вошло подъ рубрику „анекдотовъ".—3) Подлинные анекдоты о Петрѣ Великомъ, слышанные изъ устъ

[1]) См. выше, примѣч. 43, пунктъ б.

47 знаменитыхъ особъ въ Москвѣ и Санктпетербургѣ и извлеченные изъ забвенія Я. фонъ Штелинымъ. Нынѣ же вновь переведенные съ нѣмецкаго на россійскій языкъ; съ прибавленіемъ многихъ другихъ на россійскомъ языкѣ неизданныхъ анекдотовъ. Съ присовокупленіемъ гравированныхъ фигуръ. Часть первая. М. 1800. IV (нен.)+V+VIII+II (нен.)+304 стр., съ портретомъ Петра. Часть вторая. М. 1793 (sic). 259+IV стр. Содержаніе: предисловіе; посвященіе Екатеринѣ II; 143 анекдота, при чемъ послѣдніе изъ нихъ являются біографіями лицъ, снабдившихъ автора матерьяломъ. „Новый“ переводъ этотъ едва ли не правильнѣе назвать очень близкимъ воспроизведеніемъ перевода Рембовскаго; по крайней мѣрѣ можно указать на страницы почти дословно схожія (ср., напримѣръ, анекдоть № 26).—4) Полное собраніе анекдотовъ о Петрѣ Великомъ, открывающихъ духъ и свойства и изображающихъ отличнѣйшія дѣянія сего неустрашимаго героя, премудраго законодателя и преобразителя Россіи; собранные на нѣмецкомъ языкѣ г. Штелиномъ и съ послѣдняго изданія вновь переведенные, съ приобщеніемъ многихъ новѣйшихъ анекдотовъ, выбранныхъ изъ разныхъ иностранныхъ и россійскихъ писателей. 2 чч. М. 1801. VIII+X+213+VIII+248 стр., безъ портретовъ. Содержаніе: предисловіе и 176 анекдотовъ, въ число которыхъ включено и все, что въ изданіяхъ 1786 и 1787 гг. печаталось, какъ приложеніе. Новымъ „анекдотомъ“-приложеніемъ было описаніе памятника Петру на Сенатской площади.—5) Подлинные анекдоты о Петрѣ Великомъ, собранные Я. Штелинымъ. 4 части. 2-е изданіе, вновь исправленное. М. 1820. XVI+231+VI+191+VIII+208+VII+214 стр. Въ первыхъ двухъ частяхъ 138 анекдотовъ; по тексту они сходны съ изданіемъ 1793—1800 гг., содержа въ себѣ только пятью анекдотами меньше; остальныя двѣ части содержатъ 120 анекдотовъ и носятъ особый заголовокъ: „Подлинные анекдоты о Петрѣ Великомъ, собранные г. Голиковымъ“.—6) То же. 3-е изданіе, вновь исправленное. М. 1830. XVI+260+IV+179+X+210+IV+214 стр. Всего 356 анекдотовъ: 142 въ первыхъ двухъ и 214 въ послѣднихъ двухъ частяхъ. На этотъ разъ всѣ 4 части обозначены, какъ „собранныя“ Я. Штелинымъ. Оцѣнку анекдотовъ Штелина и ихъ изданій далъ А. Бюшингъ въ *Wöchentliche Nachrichten von neuen Landcharten, geografischen, statist. u. historischen Büchern u. Schriften.* Berlin. 1786, стр. 201—206 (см. Пекарскій, Исторія Акад. Наукъ, I, 560; ср. 542, 553, 559). Сравн. также вышеуказанное (прим. 43, пунктъ ж) письмо В. Н. Берха въ *Москвск. Телеграфѣ* 1826, ч. XII, № 24, стр. 237—242.

в) Духъ Петра Великаго, императора всероссійскаго, и соперника его Карла XII, короля шведскаго. Издано трудами и иждивеніемъ Императорской Академіи Наукъ унтеръ-библіотекаря Осипа Бѣлаева. С.-Пб. 1798. 250+57 стр. Всего 224 анекдота о Петрѣ и 40 анекдотовъ о Карлѣ.

г) Никита Ивановичъ Кашинъ, унтеръ-офицеръ, служившій при Петрѣ I въ гвардіи, составилъ 14 разсказовъ, относящихся, по времени, къ 1717—1725 гг. Разсказы эти частью напечатаны въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1808, № 10, октябрь, 39—49; въ „Русскихъ Анекдотахъ“, изданныхъ С. Глинкою, ч. II (М. 1822), 17—33; въ „Словарѣ достопамятныхъ людей“ (М. 1836) Бантыша-Каменскаго: ч. I, стр. 57 (біографія Ѳ. М. Апраксина); ч. V, стр. 104 (Стефанъ Яворскій); полностью же изданы только въ 1895 г. въ *Памятникахъ Древн. Письменности*, № CX: „Поступки и забавы императора Петра Великаго“, съ предисловіемъ В. В. Майкова, который первый указалъ на заимствованія Б.-Каменскаго. Въ

числѣ разсказовъ Кашина есть одинъ, общеизвѣстный (сравненіе дѣлъ Петра 47
съ дѣлами отца его, царя Алексѣя, сдѣланное кн. Долгоруковымъ), напечатанный впервые Татищевымъ въ его „Исторіи Россійской“ (I, стр. XVII—XVIII). Опираясь на это, позднѣйшій издатель разсказовъ Кашина говоритъ: „То обстоятельство, что въ одномъ изъ разсказовъ упоминается о построеніи въ 1736 году церкви Казанской Божіей Матери на Адмиралтейской сторонѣ, указываетъ, что Кашинъ записалъ разсказы послѣ 1736 года, *однако не позднѣе 1750*, если предположить, что разсказъ о сравненіи дѣлъ Петра Великаго съ дѣлами его отца заимствованъ составителемъ еще изъ рукописи Татищева, и при жизни его; какъ извѣстно, исторія Татищева напечатана лишь въ 1768 году, послѣ его смерти, послѣдовавшей въ 1750 году“. Предположеніе вполнѣ допустимое, но возможно и другое: Кашинъ заимствовалъ не у Татищева, а изъ другого, имъ общаго, источника; наконецъ, рукописью Татищевской исторіи Кашинъ могъ пользоваться и по смерти ея автора, что допускаетъ новое предположеніе: составленіе разсказовъ позже 1750 г.

д) Андрей Константиновичъ Нартовъ, главный токарь и механикъ Петра Великаго, въ продолженіе многихъ лѣтъ видавшій государя въ повседневной обстановкѣ, записалъ нѣсколько случаевъ изъ жизни царя, напечатанныхъ, неполностью, подъ именемъ „Достопамятныхъ повѣствованій и рѣчей Петра Великаго“, первоначально въ *Сынѣ Отечества* 1819, чч. 54—58, позже въ *Москвитянинѣ* 1842, №№ 4, 6, 7, 8, 11, гдѣ время составленія разсказовъ отнесено было къ 1727 году. Издатель перваго полнаго собранія разсказовъ Нартова (Разсказы Нартова о Петрѣ Великомъ. С.-Пб. 1891. XX+138 стр.), Л. Н. Майковъ убѣдительно доказалъ, что составитель „Повѣствованій“ не могъ руководствоваться только своими личными воспоминаніями, а искалъ и находилъ пособія въ другихъ источникахъ—преданіяхъ и извѣстіяхъ, почерпнутыхъ изъ книгъ; что дошедшая до насъ редакція не моложе семидесятыхъ годовъ XVIII стол., составлена по смерти Нартова (ум. 1756 г.), и по всей вѣроятности должна быть приписана сыну Нартова, Андрею Андреевичу; что непосредственныя воспоминанія Нартова-отца, относящіяся къ послѣднимъ 5—6 годамъ жизни государя, составляютъ около половины нашего памятника и „внушаютъ къ себѣ тѣмъ большее довѣріе, что въ нихъ нестро перемѣшано важное съ неважнымъ, шутки Петра съ его серьезными рѣчами“ (стр. XII).

е) Андрей Ивановичъ Ригельманъ—авторъ „Малороссійской исторіи“. Его анекдоты (числомъ всего четыре) изданы въ *Москвитянинѣ* 1842, № 1, стр. 84—88. Передъ Полтавскимъ боемъ, въ отвѣтъ на просьбу окружающихъ щадить себя, Петръ говоритъ: „вы поставлены теперь вооруженные не за Петра, но за государство, Петру врученное, за родъ свой и за народъ россійской; и для того не страшитесь славы непріятельской, но помните сколько кратъ они былъ отъ васъ самихъ побѣжденъ, слѣдовательно и нынѣ по храбрости своей побѣдить можете“ (анекд. 2-й, стр. 86, со ссылкою на „Малороссійское лѣтописное повѣствованіе“, какъ на источникъ).

ж) Къ категоріи „анекдотовъ“, какъ ихъ обыкновенно понимали въ XVIII столѣтіи, т. е. разсказовъ о фактахъ изъ *личной* жизни, можно отнести и книгу свящ. П. Иродіонова: „Историческія, географическія и политическія извѣстія до города Торопца и его округа касающіяся. Собраны изъ россійскихъ лѣтописей и достовѣрныхъ свидѣтельствъ. С.-Пб. 1778“. Здѣсь, между

47—48 прочимъ, разсказано объ остановкѣ Петра въ 1698 году, на пути изъ Вѣны въ Москву, въ домѣ мѣстнаго купца Туфонова и о вторичномъ проѣздѣ царя черезъ Торопецъ, 17-го марта 1706 г. (стр. 23—26). Разсказъ носитъ несомнѣнныя черты достовѣрности, непосредственнаго источника и обилуетъ живыми бытовыми подробностями. См. нѣмецкій переводъ И. Бакмейстера въ статьѣ „Historische, geogr. u. politische Nachricht von der Stadt Toropez (*St.-Petersburg. Journal* 1778, августъ, 81 слѣд.).

48) Къ стр. 98.

а) Письмо Екатерины II къ Вольтеру о собираніи писемъ Петра Великаго въ Oeuvres complètes de Voltaire. Nouv. édition, т. XLIII (P. 1881), стр. 16; Переписка императрицы Екатерины II съ Вольтеромъ. С.-Пб. 1803, ч. I, стр. 4. Ср. выше примѣч. 37, пунктъ в.

б) Письма Петра Великаго, писанныя къ генералу-фельдмаршалу... графу Б. П. Шереметеву, по большой части собственною государевою рукою, а нныя съ подлинниковъ, хранящихся въ Имп. Кабинетской архивѣ, списанныя, сколько оныхъ нашлось у ... гр. П. Б. Шереметева, котораго желаніемъ и стараніемъ оныя нынѣ на свѣтъ изданы, и съ предисловіемъ о происхожденіи и о службахъ предковъ Шереметевыхъ, особливо же о славныхъ дѣлахъ фельдмаршала гр. Б. П. и о потомкахъ его. М. 1774, въ листъ. LXXVIII+172 стр., съ портретомъ Б. П. Ш—ва. Предисловіе составлено Г. Ф. Миллеромъ. Въ текстѣ 238 писемъ, съ 5-го декабря 1700 по 9-е октября 1718 г., въ томъ числѣ донесенія Шереметева съ отвѣтными на нихъ резолюціями государя; нѣкоторыя реляціи о битвахъ; „пункты, предложенные магистрату города Гданска“ и „расположеніе въ Украинѣ въ будущую кампанію“, по подлинникамъ (оба за подписью государя); письмо гр. Головкина къ Ильгену (по копіи). Отчетъ о книгѣ, съ краткою біографіей Ш—ва, въ *Russische Bibliothek*, Бакмейстера, III (1775), 204—215. Часть писемъ, въ нѣмецкомъ переводѣ была *напеч.* въ *St.-Petersb. Journal* 1777, февраль, мартъ, май, августъ, сентябрь.

в) Письма къ государю императору Петру Великому отъ генералъ-фельдмаршала... графа Б. П. Шереметева. 4 чч. М. 1778—1779. Здѣсь помѣщено 400 писемъ, съ 3-го ноября 1700 по 19-е октября 1718 г.; кромѣ того „Журналъ походу подъ Деритъ“ того же Шереметева (I, 1—43) и рисунокъ крѣпостныхъ ключей города Риги, выданныхъ Шереметеву въ 1710 г. (ч. II). Выдержки изъ „писемъ“ печатались, на нѣмецкомъ языкѣ въ *St.-Petersburg. Journal* 1778, іюнь, августъ; 1779, октябрь, ноябрь; 1780, май, іюнь, іюль. Отзывы о русскомъ изданіи, съ перепечаткой нѣкоторыхъ писемъ, далъ *Санктпетерб. Вѣстникъ*, ч. I (май 1778), 393—396, о первой части; ч. II (августъ 1778), 134—140, о 2-й части (письма 7-го мая и 5-го октября 1708 г.); ч. IV (окт. 1779), 283—289, о 3-й части (п. 16-го іюня и 10-го іюля 1711 г.); ч. V (мартъ 1780), 214—218 (п. 29-го октября 1718 г.). См. также *Russ. Bibliothek*, V (1778), 336—340, 493—496; VI (1780), 353—361; 488—491 (обзоръ содержанія).

г) Письма государя императора Петра Великаго къ С. А. Колычеву и отвѣты его на оныя. М. 1785. 12°. 110 стр. Всего 63 №№; отвѣтовъ Колычева меньше, чѣмъ царскихъ писемъ. Въ число 63 №№ входятъ и письма Макарова къ Колычеву, указы Петра на всю Россію; стр. 10—36 заняты „обстоятельною реляціею“ о Полтавской побѣдѣ и подробнымъ перечнемъ захваченныхъ плѣн-

ныхъ. Переписка обнимаетъ 1708—1719 гг. Краткое предисловіе говоритъ „о службѣ и происхожденіи въ оной С. А. Колычева". 48—49

д) Письма и указы е. п. в. г. п. Петра Великаго, писанныя къ Н. А. Спиявину. С.-Пб. 1786. 4°. XVIII+75+X стр. Содержаніе: послужной списокъ Спиявина; 48 писемъ и указовъ Петра съ 27-го іюля 1711 по 22-е декабря 1722 г.; три жалованныхъ грамоты предкамъ Спиявиныхъ. Матеріалъ преимущественно по исторіи Шведской войны (борьба на сушѣ и на морѣ). Обзоръ содержанія въ *Russ. Bibliothek*, XI (1787), 113—116.

е) Письма императора Петра Великаго къ брату своему царю Іоанну Алексѣевичу и патріарху Адріану съ отвѣтомъ на оныя и на отзывы боярина и воеводы А. С. Шеина, кн. Б. А. Голицына и боярина и воеводы Б. П. Шереметева. С.-Пб. 1788. 12°. 82 стр. Всего 17 писемъ за 1695—1697 гг.; ихъ содержаніе—Азовскія событія.—Переписка царя съ Адріаномъ издана кромѣ того Новиковымъ въ *Повѣствователѣ Древностей Россійскихъ* 1776, ч. I, № 1, стр. 61—66 (4 письма: изъ нихъ одно письмо *перепеч.* въ *Санктпетерб. Вѣстникѣ* 1778, ч. I, январь, стр. 61, и въ *Др. Россійск. Вивліовикѣ*, т. XV, 2-е изд. (М. 1790).

ж) Адмиралъ Ал. И. Нагаевъ (ум. 1780) собиралъ письма Петра Великаго; этимъ собраніемъ позже воспользовался Берхъ для своего изданія (Собраніе писемъ имп. Петра I, ч. I. С.-Пб. 1829, предисловіе). Тотъ же Нагаевъ собиралъ и списки флагмановъ и кораблей Петровскаго времени, позже послужившихъ матеріаломъ для „Жизнеописанія первыхъ россійскихъ адмираловъ" того же Берга [1]).

з) Въ *Санктпетербургскомъ Вѣстникѣ* за 1779 годъ, ч. III, апрѣль, 297—300, было помѣщено въ подлинномъ голландскомъ текстѣ съ русскимъ переводомъ, „письмо къ государю Петру Великому, писанное отъ двухъ голландскихъ мужиковъ"; позже оно перепечатывалось не однажды: въ „Историческомъ описаніи россійской коммерціи" М. Чулкова, т. I, кн. II (С.-Пб. 1782), стр. 17; въ „Дѣяніяхъ" Голикова, V, 290; въ „Русскихъ Анекдотахъ", изд. С. Глинкою. М. 1822, ч. II, стр. 40 (выдержка); въ анекдотахъ, собранныхъ Схельтемою (Peter de Groote, Keizer van Rusland, in Holland en te Zaandam, in 1697 en 1717, door Mr. I. Scheltema. Amsterdam. MDCCCXIV. Eerste deel, 272—274), откуда было воспроизведено Бергманомъ (Исторія Петра Великаго, изд. 2-е, т. IV, 59) и французскимъ переводчикомъ „Peter de Groote" (Anecdotes historiques sur le Pierre le Grand et sur ses voyages en Hollande et à Zaandam, dans les années 1697 et 1717, par I. Scheltema, traduit par. N. P. Muilman. Lausanne. 1842, стр. 215—217). Подробнѣе см. въ нашей рецензіи перваго тома „Писемъ и бумагъ имп. Петра Великаго" въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1889, дек., 419—421.

49) Къ стр. 99.

а) Исторія о невинномъ заточеніи ближняго боярина А. С. Матвѣева, состоящая изъ челобитенъ, писанныхъ имъ къ царю и патріарху, также изъ писемъ къ разнымъ особамъ, съ пріобщеніемъ объявленія о причинахъ его заточенія и о возвращеніи изъ онаго, изданная И. Новиковымъ. М. 1776;

---

[1]) Зеленый въ *Отчетѣ о 19-мъ присужд. нагр. гр. Уварова*, 138, 139.

49 XX+400 стр.—Изд. 2-е. М. 1785. XVI+440 стр. Строевъ предпочиталъ первое изданіе второму [1]). Въ предисловіи къ первому изданію Новиковъ заявлялъ, что печатаетъ по рукописи князя Мещерскаго, свѣривъ ее со списками Академіи Наукъ, Хлѣбникова и собственнымъ. „Всѣ сіи четыре списка сходствовали между собою совершенно, кромѣ того, что въ трехъ послѣднихъ спискахъ весьма много погрѣшностей отъ переписчиковъ учиненныхъ“. Академическій списокъ [2]), дѣйствительно, во всемъ сходный съ печатнымъ изданіемъ 1776 г. (за исключеніемъ, конечно, примѣчанія, что̀ на стр. 43, и „надписей“, что̀ на стр. 397—400 печатнаго изданія), содержитъ на первомъ листѣ слѣдующее показаніе: „Сія книга писана Артамономъ Сергѣевичемъ Матвѣевымъ, собственнымъ ево изложеніемъ и трудами, будучи в ссылкѣ впусто «зерскомъ остроге, — о безвинномъ ево 7 лѣтнемъ заточеніи и разоренiи, ради своего оправданія, в лѣто отъ сотворенія мира 7184-го по се 7190 годъ, отъ рожества же бога слова 1682-го года. Нынѣ же вновь преписася в лѣто отъ сотворенія мира 7257 году, отъ рожества же по плоти бога слова 1749 году, сентября 13, в царствующемъ и великомъ градѣ Москвѣ“. Отзывъ о первомъ изданіи въ *Russ. Bibliothek*, V (1778), 146—149.

б) Походъ боярина и большаго полку воеводы Алексѣя Семеновича Шепна къ Азову, взятіе сего и Лютика города и торжественное оттуды съ побѣдоноснымъ воинствомъ возвращеніе въ Москву, съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ военныхъ и торжественныхъ произшествій и съ именнымъ спискомъ бывшихъ при томъ: сухопутныхъ и морскихъ, великороссійскихъ и малороссійскихъ, вышнихъ и нижнихъ военачальниковъ, числѣ всѣхъ войскъ и учиненнымъ оныхъ наградъ. Издалъ въ свѣтъ Василій Рубанъ. С.-Пб. 1773. 12. 226 стр. Оглавленіе довольно полно передаетъ содержаніе книги. Это описаніе похода 1696 г., скорѣе даже сырой, почти не тронутый матеріалъ, извлеченный изъ канцелярiи въ видѣ отчетовъ, донесеній, списковъ и т. п. Современный отзывъ о книгѣ въ *Russ. Bibliothek*, III (1775), 248—251.

в) Записная книжка любопытныхъ замѣчаній великой особы, странствовавшей подъ именемъ дворянина россійскаго посольства въ 1697 и 1698 году. С.-Пб. 1788. 12°. 50 стр. Авторъ этого любопытнаго дневника и до сихъ поръ не опредѣленъ. Погодинъ, печатая эти записки въ *Московскомъ Вѣстникѣ* [3]), обозначаетъ ихъ, какъ „журналъ, веденный однимъ изъ чиновниковъ посольства“; князь Вл. К—въ считалъ возможнымъ приписать Петру Великому только начало [4]); Свиньинъ же, печатая дневникъ въ своемъ журналѣ [5]), прямо назвалъ его „путевыми записками, веденными самимъ государемъ Петромъ Ве-

---

[1]) Барсуковъ, Жизнь и труды П. М. Строева, 436 и Протоколы Археогр. Комиссіи, II, 180.

[2]) Рукоп. Имп. Акад. Наукъ № 93 или № 60. 132. VI. 23, въ листъ; 169 листовъ чистаго письма, однимъ почеркомъ.

[3]) 1830, ч. VI, стр. 83—131.

[4]) Матеріалы для исторіи Петра Великаго. *Отеч. Записки* 1846, № 8, стр. 126—156.

[5]) *Отеч. Записки* 1830, ч. 43, іюль, № 123, стр. 31—69; августъ, № 124, стр. 119—161.

ликимъ". Существуетъ еще малоизвѣстная редакція дневника въ *Отеч. Запи-* 49
скахъ 1848 г., т. 57, стр. 111—127, и тоже подъ именемъ „журнала Петра I". Новый списокъ этого путешествія помѣщенъ И. Ѳ. Горбуновымъ въ *Русской Старинѣ* 1879, № 5.

г) Записка путешествія... графа Б. П. Шереметева... въ Европейскія государства въ Краковъ, въ Вѣну, въ Венецію, въ Римъ и на Мальтійскій островъ, изданная по подлинному описанію, находящемуся въ библіотекѣ сына его.. гр. П. Б. Шереметева. М. 1773, въ листъ, 90 стр. съ 6 рисунками. Перепечатано, подъ именемъ „Статейнаго списка", въ *Древ. Росс. Вивліовикѣ* (2-е изд.), ч. V, 252—432. Кромѣ того, въ Памятникахъ Дипломатич. Сношеній, т. X, 1581—1698, напечатано „Похожденіе въ Малтійскій островъ боярина Б. П. Шереметева", по списку довольно неисправному и лишенному текста грамотъ, находящихся въ предыдущихъ изданіяхъ. Современный отзывъ въ *Russ. Bibliothek*, II (1774), 363—368.

д) Ѳеофана Прокоповича..... Слова и Рѣчи, поучительныя, похвальныя и поздравительныя, собранныя и нѣкоторыя вторымъ тисненіемъ, а другія вновь напечатанныя. 4 части. С.-Пб. 1760—1761. 24 слова, произнесенныя Ѳеофаномъ въ царствованіе Петра Великаго, включая сюда и двѣ рѣчи „на погребеніе" и „въ похвалу" преобразователя, занимаютъ весь первый томъ и страницы 1—169 второго.

е) „Дворцовая записка по случаю рожденія Петра Великаго". *Опытъ Трудовъ Вол. Росс. Собранія*, V, 158—184 (напечатана И. А. Навроцкимъ); отсюда Туманскій перепечаталъ ее, не упомянувъ имени Навроцкаго, въ своемъ „Собраніи разныхъ записокъ", V, 181—202.

ж) Лѣтописецъ Соловецкаго монастыря, въ коемъ повѣствуется о началѣ построенія его, о бывшихъ въ немъ начальникахъ, о знаменитыхъ пришествіяхъ во оной блаженной памяти г. п. Петра Великаго и о другихъ многихъ произшествіяхъ по 1760 годъ. Иждивеніемъ Г. Бороздина. М. 1790. 94 стр. Печатано по списку Соловецкаго монастыря. „Первое" (1694) и „второе пришествіе великаго государя" (1702) разсказаны, сравнительно съ остальнымъ, съ большими фактическими подробностями (стр. 60—81); сообщаемые факты носятъ несомнѣнныя черты современности; приведенъ списокъ лицъ, составлявшихъ свиту государеву въ 1702 году.

з) Лѣтописецъ Соловецкой, или краткое лѣтописаніе о начальномъ житіи на Соловецкомъ островѣ.... до нынѣшнихъ временъ доведенное. Издано Соловецкаго монастыря архимандритомъ Паисіемъ съ братіею. М. 1815. 87 стр. На эту книгу можно было бы смотрѣть, какъ на второе дополненное (до 1814 г.) изданіе предыдущаго „Лѣтописца", такъ какъ факты (за соотвѣтствующіе годы) тѣ же самые, если бы они не были изложены инымъ языкомъ и вся конструкція рѣчи не была бы другою; по внѣшности, оба изданія скорѣе напоминаютъ два разныхъ перевода одного и того же оригинала. Есть даже мелкія отличія не въ пользу изданія 1815 г.: указаніе на цѣну (25 рублей) Евангелія, пожертвованнаго въ 1694 году патріархомъ Адріаномъ въ Соловецкій монастырь (изд. 1760, стр. 63), опущено въ немъ (изд. 1815, стр. 49); слова государя, сказанныя 12-го августа 1702 г. архимандриту, въ изданіи Бороздина переданы (стр. 71) дословно,—по крайней мѣрѣ имъ придана форма собственныхъ словъ; въ новомъ же изданіи рѣчь Петра лишь пересказана составителемъ книги

49 (стр. 54). Объ изданіи 1815 года и соотношеніи съ оригиналомъ, по которому оно было составлено, см. Описаніе рукописей Соловецкаго монастыря, ч. II (Каз. 1885), стр. 528.

н) Лѣтописецъ Двинской. *Опытъ Трудовъ Вол. Росс. Собранія*, ч. I (М. 1774), 113—195. Лѣтописецъ (доведенъ до 1705 г.) былъ доставленъ епископомъ архангелогородскимъ Антоніемъ, сведенъ съ другимъ спискомъ и дополненъ Г. Ф. Миллеромъ. Время Петра (съ 1682 г.)—со стр. 169. Свѣдѣнія изложены кратко; безъ особыхъ подробностей и пріѣздъ Петра въ Архангельскъ.

і) Россіянинъ прошедшаго вѣка, или предложеніе Ивана Посошкова, поданное боярину Ѳ. А. Головину 1701 года; съ присовокупленіемъ отеческаго завѣщательнаго поученія, посланному для ученія въ дальнія страны, юному сыну, писанное въ 1708 году. Иждивеніемъ Ѳ. Розанова. М. 1793. 12°. 123 стр. То и другое, и „предложеніе“, и „поученіе“, перепечатано Погодинымъ въ „Сочиненіяхъ И. Посошкова“. М. 1842. Уже Бестужевъ-Рюминъ [1]) замѣтилъ несоотвѣтствіе „Завѣщательнаго поученія“ съ „Завѣщаніемъ отеческимъ къ сыну“, указавъ, между прочимъ, на то, что въ „Поученіи“ о крѣпости Ригѣ говорится, какъ о завоеванной (что произошло лишь въ 1710 г.); подробный же анализъ Брикнера [2]) показалъ, что „Поученіе“ отнюдь не есть произведеніе Посошкова и что „одно лишь недоразумѣніе, а именно, неясность заглавія въ изданіи Розанова, было причиною ошибочнаго приписанія Посошкову этого сочиненія“. Въ новѣйшее время „Предложеніе Головину“, въ русской литературѣ болѣе извѣстное подъ именемъ сочиненія „О ратномъ поведеніи“, было снова напечатано С. А. Бѣлокуровымъ въ *Чтеніяхъ* 1888, кн. II и въ „Матеріалахъ для русской исторіи“. М. 1888. См. Прилежаевъ, Завѣщаніе Отеческое. С.-Пб. 1893, стр. LXXI, перечень литературныхъ оцѣнокъ „Ратнаго поведенія“.

к) 1) Дворцовыя записки 1696 года. *Россійскій Магазинъ*, ч. III (октябрь 1793?, стр. 77—126? Въ нашихъ рукахъ былъ экземпляръ Имп. Публ. Библіотеки, въ которомъ указанныхъ страницъ не хватаетъ); ч. III, ноябрь 1793; ч. III, кн. пятая, январь 1794; ч. III, кн. шестая, февраль 1794, стр. 157—204, 370—398, 399—435; 2) Дворцовыя записки 1700 года. *Тамъ же*, ч. II (1793), стр. 291—349.

л) 1) Ѳ. Т[уманскій], Въ примѣръ россійскаго прежняго домостроительства. *Россійскій Магазинъ*, ч. I (С.-Пб. 1792), стр. 83—143, 208—257, 539—543: выписка изъ Розметной книги 1700 года о расходѣ на кушанье, питье и прочее, что до стола при царскомъ дворѣ употребляемо было: А. царю Петру Алексѣевичу (90—100). Б. царицѣ Маѳѣ Матвѣевнѣ (100—111). В. царицѣ Парасковіи Ѳедоровнѣ (112—121). Г. царевичу Алексѣю Петровичу (121—132). Д. царевнѣ Татіанѣ Михайловнѣ (132—143). Е. царевнамъ Евдокіи, Екатеринѣ, Маріи и Ѳеодосіи Алексѣевнамъ (208—216). Ж. царевнѣ Наталіи Алексѣевнѣ (217—224). З. инокѣ Сусаннѣ (224—229). И. инокѣ Маѳѣ Алексѣевнѣ (229—232). І. царевнамъ Екатеринѣ, Аннѣ и Парасковіи Іоанновнамъ (232—237). К. Общій расчетъ расходовъ (237—245). Со стр. 245, какъ непосредственное продолже-

[1]) *Голосъ* 13-го іюля 1873 г., № 192.

[2]) О нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, приписываемыхъ И. Посошкову. *Русскій Вѣстникъ* 1874, августъ.

ніе, помѣщено: Л. „Вѣдомость 7207 года объ отпускѣ свѣчъ и воску государева дворца въ хоромы и на поставцы во время столовъ“ (245—251). М. Указъ 22-го августа 1700 г. о новыхъ штатахъ дворцовыхъ и указъ 27-го января 1703 г. объ измѣненіяхъ въ штатѣ царевны Маріи Алексѣевны (251—257). Выводы, сдѣланные Туманскимъ изъ приведенныхъ данныхъ, изложены на стр. 539—543.—2) Вѣдомость о кормѣ нищихъ по комнатамъ прошлаго 207 года. *Тамъ же*, ч. I, 421—426: изъ дворцовыхъ записокъ.—3) Вѣдомость, что и сколько чего и для чего въ московскіе и другихъ разныхъ городовъ монастыри ежегодно отъ государева дворца жаловано было по 207 годъ? *Тамъ же*, ч. I, 485—498.—4) Разные по дворцу питейные и кормовые расходы въ 7207 году по особой книгѣ подписанной: перечневая по взходничью списку въ годъ. *Тамъ же*, ч. I, 499—502. 19—50

м) Сравн. еще: 1) *Повѣствователь Древностей Россійскихъ* 1776, ч. I, № 1, помѣстилъ Выписки изъ Разрядной архивы, въ томъ числѣ двѣ записи изъ Переписныхъ книгъ 1700 г. (стр. 47—49) и изъ Переписныхъ разборныхъ 1703 г. (стр. 49—50).—2) Рѣчь императора Петра Великаго къ россійскимъ генераламъ, произнесенная послѣ торжества за морскую побѣду и по принятіи имъ на себя адмиральскаго чина въ 1714 году. *Трудолюбивый Муравей* (Рубана) 1771 г., № 25, стр. 199.—3) Списокъ письма, которое хранится въ архивѣ Адмиралтействъ коллегіи, писаннаго отъ вдовствующей царицы Прасковьи, супруги царевича Іоанна Алексѣевича. *Зеркало Свѣта*, ч. VI (1787), сентябрь, 619—620: письмо 27-го марта 1721 г., изъ Марціальныхъ водъ, къ Вилиму Ивановичу (Брюсу) съ просьбою обезпечить доставку въ Петербургъ посланныхъ царицею шести оленей.

50) Къ стр. 101.

а) Объ изданіяхъ Крекшина см. выше примѣч. 26, пунктъ б.

б) Объ „Исторіи императора Петра Великаго“ Ѳ. Прокоповича см. выше примѣч. 6, пункты г. и д.

в) Ядро Россійской исторіи, сочиненное ближнимъ стольникомъ и бывшимъ въ Швеціи резидентомъ, князь Андреемъ Яковлевичемъ Хилковымъ, въ пользу россійскаго юношества, и для всѣхъ о Россійской исторіи краткое понятіе имѣть желающихъ въ печать изданное, съ предисловіемъ о сочинителѣ сей книги и о фамиліи князей Хилковыхъ. М. 1770, 392 стр. (были еще изданія 1784, 1791 и 1799 гг.). Заголовокъ, приведенный въ текстѣ, взятъ у Востокова, Описаніе рукоп. Румянц. музея, 391. О событіяхъ 1682—1712 гг. въ „Ядрѣ“ говорится на стр. 369—384. Миллеръ, издавшій въ свѣтъ „Ядро“ Хилкова, озаботился и переводомъ его на нѣмецкій языкъ: Des Fürsten A. J. Chilkows... Kern Russischer Geschichte... 2-te verbesserte, erläuterste u. vermehrte Ausgabe von G. Fr. Müller... übersetzet von A. Exter. Moskau. 368 стр. Бакмейстеръ, давая отчетъ объ этомъ изданіи въ *Russische Bibliothek*, X (1786), 180—184, добавляетъ отъ себя: „Ist in Leipzig aus der Presse gekommen“ (180). *Перваго* нѣмецкаго изданія, кажется, никогда не было: „вторымъ“ названо оно лишь по сравненію съ русскимъ, ранѣе вышедшимъ; что же до „исправленій и дополненій“, то таковыя (не касаясь совсѣмъ эпохи Петра, стр. 349—368) состояли не столько въ измѣненіи первоначальнаго текста, сколько въ снабженіи его нѣкоторыми примѣчаніями.

г) Закулисную сторону нѣмецкаго перевода „Ядра“ Хилкова раскрылъ Бюшингъ въ Beyträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen, 3-er Theil. Halle. 1785, стр. 133: „Der Fürst Chilkow als er in Schweden in der Kriegsgefangenschaft war, verfertigte daselbst dieses Buch, welches Müller in dem 5-ten Bande der „Sammlung russischer Geschichte“, unter dem Namen „Kern der russischen Geschichte“, oft angeführet hat. Als es gedruckt wurde, verbesserte er es, und begleitete mit einer Vorrede von dem Verfasser und von desselben Familie. Müller fing einige Jahre hernach an eine neue starkumgearbeitete Ausgabe desselben herauzugeben, von welcher schon das ganze erste Buch und 3 Kapitel des zweyten Buchs gedrucket waren, als der Druck gewisser mir unbekannter Hindernisse wegen aufhörete. Unterdessen richtete Herr Exter seine deutsche Uebersetzung des Buchs nach dieser neuen Ausgabe ein, und die Anmerkungen von den ehemaligen Ständen in Russland, welche er beyfügte, zog er aus einer Müllerischen Handschrift, welche ihm, aber nicht zu diesem Gebrauch, war mitgetheilt worden“.

д) Начертаніе, подающее понятіе о достославномъ царствованіи Петра Великаго, съ приобщеніемъ хронологической росписи главнѣйшихъ дѣлъ и приключеній жизни сего великаго государя. С.-Пб. 1778. 32 стр. Подъ посвященіемъ графу З. Г. Чернышеву подписался В. Рубанъ. Событія, предшествующія Азовскимъ походамъ, изложены кратко, поскольку это казалось необходимымъ для пониманія послѣдующаго. Говоря о Крымскомъ походѣ 1689 года, авторъ замѣчаетъ: „Я зналъ одного старика, именемъ Василчикова, который былъ въ семъ походѣ, онъ мнѣ сказывалъ, что дворяне, составлявшіе сіе воинство, были *молодцы, какъ орлы*, что изъ нихъ каждый имѣлъ при себѣ отъ 10 до 20 и до 30 холопей, или *боярскихъ людей*, на хорошихъ лошадяхъ, вооруженныхъ саблями, винтовками, луками, стрѣлами и копьями; что были полки, отъ 20 до 25 тысящъ человѣкъ, состоявшіе изъ выбранныхъ людей“ (стр. 4). Хронологія обилуетъ опечатками, переходящими иногда въ прямое незнаніе (начало единодержавія неоднократно отнесено къ 1690 году). Вступительныя строки: „Россійской народъ былъ въ то время знакомъ въ Европѣ подъ именемъ московитовъ, Россійское государство подъ именемъ Москвы, а россійской государь подъ именемъ великаго князя или московскаго царя, что̀ значитъ то же, что и цесарь“ (стр. 1),—наводятъ на мысль, что книжка Рубана, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ, есть простая передѣлка иностраннаго сочиненія; къ тому же, какъ ни кратко изложена исторія бунта 15-го мая 1682 г., но въ русскихъ произведеніяхъ мы не привыкли видѣть совершенно опущеннымъ имя Матвѣева, хотя объ убійствѣ „генераловъ“ Долгорукаго и Ромодановскаго, а „также нѣмцевъ, врачей покойнаго царя Ѳеодора“—говорится. Завоеваніе Шлиссельбурга даетъ автору поводъ замѣтить: „Шлютенбургъ взятъ 11-го октября по россійскому исчисленію 1702 года. См. примѣчаніе Г. Беера“. Далѣе, указаніе на то, что Петръ „первыя мѣста во всѣхъ засѣданіяхъ отдавалъ природнымъ русскимъ, а вторыя чужестранцамъ“ (стр. 21—22, при чемъ, въ доказательство своего положенія, Рубанъ перечисляетъ лица, занимавшія должности президентовъ и вице-президентовъ коллегій), напоминаетъ мысль, высказанную фельдмаршаломъ графомъ Минихомъ въ его извѣстномъ „Ébauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'empire de Russie“ (1774). См. русск. перев. подъ ред. Шубинскаго. С.-Пб.

1874, стр. 24. Бестужевъ-Рюминъ въ предисловіи къ этому переводу: „онъ [Минихъ] уловилъ систему Петра назначать на первыя мѣста русскихъ и только на подчиненныя иностранцевъ. Система эта долго почти не останавливала на себѣ вниманія нашихъ историковъ“ (стр. XXII). Смерть царевны Натальи Петровны показана 15-го (вм. 4-го) марта, а погребеніе ея, состоявшее одновременно съ погребеніемъ Петра Великаго—21-го (вм. 8-го) марта 1725 г. (стр. 32). Характерно, что совершенно тѣ же даты, 15-го и 21-го марта, показаны и въ матеріалахъ, посланныхъ Вольтеру при посредствѣ И. И. Шувалова и Академіи Наукъ [1]). 50

е) 1) Ив.... Н.х.ч.нъ, Ядро исторіи государя Петра Великаго, перваго императора всероссійскаго, съ присовокупленіемъ описанія монумента, воздвигнутаго въ память сему отцу отечества Екатериною II Великою, и съ краткою исторіею сына его, царевича Алексѣя Петровича. Иждивеніемъ Ивана Водопьянова. М. 1795. 447 стр., изъ нихъ послѣднія 30—описаніе памятника на Сенатской площади.—2) Иванъ Нехачинъ, Новое ядро россійской исторіи, отъ самой древности россіянъ и до нынѣшнихъ дней благополучнаго царствованія Екатерины II Великія, на пять періодовъ раздѣленное. 2 чч. М. 1795. Событія 1682—1725 гг. во 2-й части, на стр. 344—400. Во второмъ, трехтомномъ, „исправленномъ и дополненномъ“ изданіи (Новое ядро... и до дней благополучно нынѣ царствующаго императора Александра Перваго, на пять періодовъ раздѣленное. М. 1809) текстъ, касающійся событій 1682—1725 гг. (ч. II, стр. 356—414), совершенно тожественъ съ первымъ изданіемъ.

ж) Подробная лѣтопись отъ начала Россіи до Полтавской баталіи. 4 чч. С.-Пб. 1798—1799. Событія 1672—1709 гг. въ ч. IV, стр. 17—199 (до конца). Изъ нихъ стр. 17—36, 67—145 (предсказанія Симеона Полоцкаго, Кирилла Новоезерскаго и др.; рѣчи умирающаго царя Алексѣя Михайловича и окружавшихъ его лицъ; воспитаніе Петра; событія въ апрѣлѣ—октябрѣ 1682 г.; Крымскіе походы и паденіе Софьи) являются ничѣмъ инымъ, какъ сокращеніемъ Крекшинскаго повѣствованія. Далѣе, стр. 146—199 повѣствуютъ о поѣздкѣ Петра за-границу и о битвахъ при Лѣсной и подъ Полтавой. Возможно, что и эти страницы составлены по Крекшину, на основаніи утерянныхъ для нашего времени частей его сочиненія (по крайней мѣрѣ то, что намъ извѣстно въ разсказѣ Крекшина, не доведено и до Полтавской битвы. Ср. выше, примѣч. 26, пунктъ а: „Журналъ“ 1709 г., напечатанный въ *Библіотекѣ для Чтенія* 1849 г., окапчивается 31-мъ мая).

з) Гилмара Кураса, Сокращенная универсальная исторія, содержащая всѣ достопамятные въ свѣтѣ случаи отъ сотворенія міра по нынѣшнее время, со многимъ пополненіемъ вновь переведенная и съ пріобщеніемъ краткой россійской исторіи вопросами и отвѣтами въ пользу учащагося юношества. С.-Пб. 1762. 323 стр. То же, 2-е изданіе. С.-Пб. 1762. 390 стр. Выраженіе: „вновь переведенная“ объясняется тѣмъ, что раньше тотъ же учебникъ былъ изданъ въ русскомъ переводѣ, только безъ добавленій изъ исторіи русской („Введеніе в генеральную історію, изданное на нѣмецкомъ языкѣ от Гільмара Кураса, а на россійской языкъ переведено канцеляріи Академіи Наукъ секретаремъ

[1]) Имп. Пуб. Библ. Рукописи Вольтера. № 242, т. I: Abregé chronologique des évenements les plus remarquables du règne de Pierre le Grand.

50—51 Сергѣемъ Волчковымъ. С.-Пб. 1747“). Ср. *Ежемѣсяч. Сочиненія* 1763, май, 461—совѣтъ Вольтеру.

и) Въ *Собесѣдникѣ Любителей Росс. Слова*, ч. VII (С.-Пб. 1783), стр. 169—177 (ср. 167) былъ помѣщенъ отрывокъ предисловія къ исторіи Петра Великаго графа С. П. Румянцова [1]). Восхваляя царя, какъ несравненнаго и единственнаго въ своемъ родѣ государя, авторъ отозвался объ императрицѣ Екатеринѣ, какъ о „порожденіи Петровомъ“, а говоря о полнотѣ содѣяннаго Петромъ, замѣтилъ, что если на долю императрицы и осталось „утвердить гражданское наше положеніе“, то единственно потому, что продолжительная война помѣшала ея великому предшественнику позаботиться и объ этой сторонѣ государственной жизни (стр. 173, 175). Слова эти, повидимому, задѣли Екатерину, и *Собесѣдникъ* отвѣтилъ автору рядомъ нападокъ, въ составленіи которыхъ главное участіе принимала сама императрица и кн. Дашкова [2]); надъ авторомъ подсмѣивались, говоря, что онъ, писавъ по-русски, думалъ по-французски, и выражали сожалѣніе, что „безсмертныя дѣла его [Петра] списывались перомъ, могущимъ скорѣе помрачить, нежели достойнымъ образомъ восхвалить оныя“ [3]); послѣ этого Румянцову не оставалось ничего иного, какъ бросить свое писаніе [4]). См. подробности у Пекарскаго, Матеріалы для исторіи журнал. и литер. дѣятельности Екатерины II, стр. 29—33, 77. Ср. Гротъ, Жизнь Державина. С.-Пб. 1880, стр. 333.

і) Первый и главный стрѣлецкій бунтъ, бывшій въ Москвѣ, въ 1682 году въ мѣсяцѣ маіи. С.-Пб. 1768. 50 стр. малое 8°. Перепечатано въ „Полномъ собраніи сочиненій“ Сумарокова, изд. 2-е. М. 1787, ч. VI, 167—202. Тогда же появился и нѣмецкій переводъ отдѣльною книжкою: Der erste und wichtigste Aufstand der Strelizen in Moskau, im J. 1682 im Maymonate. Aus dem Russischen des... Hrn. A. Sumarokows übersetzt von Ai. Riga. 1772. 12°. 88 стр. („Leipzig gedruckt“). *Russische Bibliothek*, II (1774), 76 вскрыла имя переводчика: Arendt, указавъ, что „Ai“ опечатка вм. „Ar.“ Другія статьи Сумарокова: 1) Второй стрѣлецкій бунтъ (П. Собр. соч., изд. 2-е, ч. VI, 205—212); 2) Приступленіе къ исторіи Петра Великаго (тамъ же, VI, 215—224).

к) О Карамзинѣ см. Погодинъ, Н. М. Карамзинъ, т. I, стр. 277, 294.

51) Къ стр. 101.

а) Работы Г. Ф. Миллера, непосредственно посвященныя эпохѣ Петра Великаго или, въ отдѣльныхъ частяхъ своихъ, близко касающіяся ея, можно свести въ слѣдующія пять группъ: 1) „Исторія жизни и царствованія Ѳедора Алексѣевича“, какъ необходимое вступленіе въ исторію царствованія Петра,

---

[1]) О принадлежности ему этого отрывка см. автобіографію Румянцова въ *Русскомъ Архивѣ* 1869, 850.

[2]) *Собесѣдникъ*, VII, 177—181; VIII, 26—33; IX, 7—16.

[3]) Тамъ же, VIII, 32.

[4]) „Второе мое сочиненіе, при которомъ я приложилъ отрывокъ до государя Петра Великаго касающійся, совсѣмъ былъ неудаченъ. Императрица была крайне недовольна и препоручила княгинѣ Дашковой сдѣлать сего моего сочиненія пересмотръ строгій и мнѣ чрезъ журналъ объявить“. *Р. Архивъ* 1869, 850.

въ виду внутренней связи, какую признавалъ Миллеръ между тѣмъ и другимъ царствованіемъ; 2) изданія чужихъ трудовъ; 3) статьи по исторіи сношеній Россіи съ Азіей вообще и съ Китаемъ въ особенности; 4) работы болѣе или менѣе случайнаго характера, одна съ другой не связанныя и 5) работы, касающіяся начальныхъ лѣтъ жизни и царствованія Петра Великаго, которыя можно разсматривать, какъ первыя главы систематически изложенной исторіи царствованія. 51

б) *Первая* группа. Свѣдѣнія объ исторіи Ѳедора Алексѣевича, съ краткими извлеченіями изъ нея, см. у Соловьева [1]) и у Замысловскаго [2]). „Трудъ... не былъ оконченъ. Однако, онъ [Миллеръ] успѣлъ, на основаніи собранныхъ имъ матеріаловъ, составить краткій историческій очеркъ царствованія Ѳедора Алексѣевича“ [3]).

в) *Вторая* группа. 1) Собраніе нѣкоторыхъ проповѣдей, говоренныхъ съ 1719 по 1726 г. въ присутствіи Петра Великаго и при гробѣ сего государя преосвященнымъ Гавріиломъ Бужинскимъ. М. 1768. „Къ сему изданію Миллеръ приступилъ потому, что въ сихъ проповѣдяхъ нашелъ онъ нѣкоторыя историческія современныя извѣстія, и въ началѣ книги присовокупилъ предисловіе съ жизнеописаніемъ сочинителя“ [4]).—2) Ядро Россійской исторіи, Хилкова-Манкіева. М. 1770.—3) Письма Петра Великаго, писанныя къ г.-ф.... графу Б. П. Шереметеву... съ предисловіемъ о происхожденіи и о службахъ предковъ Шереметевыхъ, особливо же о славныхъ дѣлахъ фельдмаршала Б. П. Шереметева и о потомкахъ его. М. 1774. „Въ обширномъ предисловіи Мюллеръ описалъ жизнь фельдмаршала и сообщилъ подробности о родѣ Шереметьевыхъ на основаніи разныхъ печатныхъ и рукописныхъ источниковъ, такъ что это изданіе можетъ считаться любопытнымъ и полезнымъ матеріаломъ для исторіи временъ Петра Великаго“ [5]). Въ основу біографіи фельдмаршала положена его переписка съ царемъ, матеріалъ архивный, „Журналъ Петра Великаго“, „Марсова книга“, „Исторія“ Ѳеодозіи и др. Сокращенный переводъ предисловія Миллера, подъ разными титлами, *напеч. St.-Petersb. Journal* 1776: Leben des Feldmarschals Grafen B. P. Scheremetew (іюль, 29—48); Auszug einiger Nachrichten von dem gewesenen Grosskanzler Fürsten A. M. Tcherkaski (дек., 34 – 42); Merkwürdige Anecdoten von dem Hetman Mazepa u. seinen Neffen Woinarowski (дек., 42—48). Полный переводъ Л. Хр. Бакмейстера: Lebensbeschreibung des Gen.-Feldm. Grafen B. P. Scheremetew, mit eingestreueten Erläuterungen über die Geschichte Peters des Grossen. Abgefasst von dem ehemaligen Russischen Historiographen G. Fr. Müller. Stpg., Riga u. Lpzg. 1789. 180 стр., 4 генеалог. таблицы, портретъ.

г) *Третья* группа. 1) Nachricht von einem raren Wercke betitult „Noord-en Oost-Tartarye“ durch Nicolaes Witsen. *Sammlung Russischer Geschichte*, I, 3-es Stück (1733), 196—221.—2) Register über N. Witsens „Nord-und Ost-Tartarey“

---

[1]) *Современникъ* 1854, октябрь, 141—144.

[2]) Царствованіе Ѳедора Алексѣевича, стр. 07—012.

[3]) Замысловскій, стр. 07.

[4]) Митроп. Евгеній, Словарь русск. свѣтск. писат., II, 75.

[5]) Пекарскій, Исторія Ак. Наукъ, I, 423.

51 erster und anderer Edition. *Тамъ же*, 222—272.—3) Von der Stadt Albassin und denen darüber erregten russischen und chinesischen Streitigkeiten. *Тамъ же*, I, 4-es St. (1734), 315—326 (составлено по сочиненію Витзена).—4) Auszug einer chinesischen Reise-Beschreibung von Peking durch Sibirien nach der Astrachanischen-Chalmückey. *Тамъ же*, 4-es St. (1734), 327—348. Это есть описаніе путешествія китайскаго посольства въ 1712—1715 гг. къ калмыцкому хану Аюкѣ, переводъ французскаго текста, составленнаго (*съ сокращеніи*) P. Souciet въ его „Observations mathématiques, astronomiques, géographiques etc.“, tom. I, на основаніи текста *китайскаго*. Нѣмецкій переводъ Миллеръ снабдилъ своими примѣчаніями. Позже онъ имѣлъ возможность получить русскій текстъ—*полный* переводъ (Ларіона Россохина) съ *манджурскаго* языка, „яко съ самаго первоначальнаго оригинала“; дополнивъ переводъ этотъ новыми примѣчаніями, Миллеръ напечаталъ его подъ заглавіемъ: „Описаніе путешествія, коимъ ѣздили китайскіе посланники въ Россію, бывшіе въ 1714 году у калмыцкаго хана Аюки на Волгѣ“ въ *Ежемьсяч. Сочиненіяхъ* 1764, іюль, 3—48; августъ, 99—150; сентябрь, 195—234; октябрь, 291—353; ноябрь, 387—413, и кромѣ того вслѣдъ за этимъ „Прибавленіе къ китайскому путешественному описанію“ (ноябрь, 414—427). Ср. тутъ же, ноябрь, 428—440: „Записка шведскаго капитана І. Х. Шничера, который былъ у китайскихъ посланниковъ, бывшихъ въ 1714 г. у Аюки-хана, въ провожатыхъ“.—5) Chalmuckische Geschichte und Begebenheiten aus Nic. Witsens „Noord-en Oost-Tartarye“ zweiten Auflage, in die Kürtze verfasset. *Sammlung Rus. Geschichte*, I, 5-es St. (1734), 420—437.—6) Russische und chinesische Friedens-Handlungen im Jahr 1689 den 27 Augusti in der Gegend von Nerschinskoi zu Stande gebracht. *Тамъ же*, I, 6-es St. (1735), 495—516 (по Витзену).—7) Изъясненіе сумнительствъ, находящихся при постановленіи границъ между Россійскимъ и Китайскимъ государствами 7197 (1689) года. *Ежемьсяч. Сочиненія* 1757, апрѣль, 305—321 (статья, по содержанію, отличная отъ предыдущей).—8) Исторія о странахъ при р. Амурѣ лежащихъ, когда оныя состояли подъ Россійскимъ владѣніемъ. *Ежемьсяч. Сочиненія* 1757, іюль, августъ, сентябрь, октябрь (много говорится о событіяхъ въ 1680-хъ годахъ); то же на нѣм. яз.: Geschichte der Gegenden an dem Flusse Amur, von der Zeit, da selbige unter russischer Oberherschaft gestanden. *Sammlung Rus. Geschichte*, II, 5-es u. 6-es St. (1758), 293—448.—9) Nachricht von der russischen Handlung nach China. *Тамъ же*, VIII, 6-es St. (1764), 504—520. Въ примѣчаніи отмѣчено, что Вольтеръ во второмъ томѣ своей „Исторіи Петра Великаго“, частью уже использовалъ это „Извѣстіе“, такъ какъ оно было сообщено ему въ рукописи (стр. 504).—10) Извѣстіе о несошномъ золотѣ въ Бухаріи, о чиненныхъ для оного отправленіяхъ, и о строеніи крѣпостей при р. Иртышѣ, которыхъ имена: Омская, Желѣзинская, Ямышевская, Семипалатная и Устькаменогорская. *Ежемьсяч. Сочиненія* 1760, январь, 3—55; февраль, 103—142 (объ экспедиціяхъ Бековича и Лихарева); то же на нѣм. яз.: Gold-Sande in der Bucharey, von denen deshalb unternommenen Reisen, und von Erbauung der am Flusse Irtisch gelegenen Festungen. *Sammlung Rus. Geschichte*, IV, 3-es St. (1760), 183—274.—11) Auszug aus dem Tage-Buche des... Herrn F. J. Soimonow, von seiner Schiffart auf der Caspischen See. *Тамъ же*, VII, 3-es u. 4-es St. (1762), 155—342; 5-es u. 6-es St. (1763), 343—530; то же на русск. яз.: Описаніе Каспійскаго моря и чиненныхъ на ономъ россійскихъ завоеваній, яко часть

исторіи Петра Великаго, трудами Ѳ. И. Соймонова, выбранное изъ журнала 51
его прев-ва, въ бытность его службы морскимъ офицеромъ. *Ежемѣсяч. Сочиненія* 1763 года, въ первыхъ одиннадцати номерахъ (и отдѣльно. С.-Пб. 1763; см. ниже, прим. 52, пунктъ б) [x]).

д) *Четвертая* группа. 1) Въ 1749—1750 гг. участвовалъ въ разборѣ бумагъ бывшей походной канцеляріи кн. Меншикова [1]).—2) Извѣстіе о бывшемъ городѣ Ніэншанцѣ. *Ежемѣсяч. Сочиненія* 1755, мартъ, 179—187; то же на нѣм. яз. въ *Hannöversche Nützliche Sammlung* 1756, Stück 62 и вторично, по свидѣтельству А. Ф. Бюшинга [2]), „mit einigen Verbesserungen", въ *Sammlung Russ. Geschichte*, V, 5-es u. 6-es Stück (1761), 573 — 584: Nachricht von der ehemaligen Stadt Nyenschanz. Сравн. Пекарскій, Ист. Акад. Н., I, 410. — 3) Содѣйствіе Вольтеру въ его работахъ надъ составленіемъ „Исторіи Петра Великаго". См. выше, примѣч. № 33, гдѣ перечислены всѣ, относящіяся сюда печатныя статьи Миллера; сравн. также Пекарскій, Исторія Ак. Наукъ, I, 381—387. — 4) Vermälungs-Tractat zwischen dem zarischen Kron-Prinzen Alexei Petrowitch und der braunschweig. Prinzessin Christina Sophia, nebst Beylagen, welche sich darauf beziehen. *Büsching's Magazin für die neue Historie u. Geogr.*, XV (1781), 234—240. Второе изъ этихъ „приложеній", подъ особымъ заголовкомъ: „Von der Prinzessin von Wolfenbüttel, als vermählten russischen Kronprinzessin" (стр. 234—240), составлено Миллеромъ и написано въ опроверженіе ходившихъ слуховъ о бѣгствѣ жены царевича Алексѣя изъ Россіи и о ея романическихъ приключеніяхъ заграницей,—слуховъ, нашедшихъ себѣ мѣсто и въ современной печати, въ Nouveaux voyages dans l'Amérique septentrionale, par Bossu. Amsterdam. 1777. Ср. Рукописи Вольтера, № 242, т. II, № 32: L'histoire de la fausse princesse russe (4 листа).—5) Снабдилъ Голикова грамотами, письмами, инструкціями Петра Великаго и докладами ему, въ количествѣ до 500 номеровъ [3]); „пользовалъ" указаніями Ѳеодози [4]).—6) Anmerkungen über

---

[1]) Въ 1717 году нѣкій докторъ Готлибъ Шоберъ ѣздилъ, по порученію Петра Великаго, обслѣдовать теплицы при рѣкѣ Терки, и въ *Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ* 1760 г., ноябрь, были напечатаны двѣ его статьи: „Описаніе теплицъ св. Петра при р. Терки находящихся" (стр. 387—405) и „Описаніе сѣрнаго ключа у пригорода Сергіевскаго при р. Сокѣ" (стр. 406—414). Кромѣ того въ *Sammlung Russisch. Geschichte*, т. VII (1763), появились его же Memorabilia (нѣмецкій переводъ латинскаго текста): 1-es Buch. Memorabilia Russico-Asiatica; 2-es Buch. M. Wolgensia; 3-es Buch. M. Turcico-Asiatica, съ небольшими объяснительными примѣчаніями издателя. Кромѣ нѣмецкаго перевода Миллеръ намѣревался напечатать и русскій,—кажется, однако, лишь страницы, непосредственно касающіяся Россіи (*Ежемѣсячн. Сочиненія* 1763, апрѣль, 364—365: извѣстія о ученыхъ дѣлахъ). Не этотъ ли переводъ имѣютъ въ виду Соловьевъ (*Современникъ* 1854, октябрь, 147), а за нимъ Пекарскій (Исторія Акад. Наукъ, I, 430), говоря, какъ о рукописныхъ, о „Примѣчаніяхъ на сочиненія Шобера—Memorabilia?"

[1]) Пекарскій, Исторія Ак. Наукъ, I, 356—359.

[2]) Beyträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen. 3-er Theil (Halle. 1785), стр. 145.

[3]) Дѣянія Петра Великаго, X, предисловіе.

[4]) Житіе и славныя дѣла г. и. Петра Великаго. Венеція. 1772, т. I, предисловіе.

51 Alexander Gordon „History of Peter the Great“, vol. I. „Эта статья была въ рукахъ Бюшинга“ [1]).—7) Извѣстіе объ изданныхъ противъ раскольниковъ книгахъ: а) Увѣтѣ духовномъ; б) Пращицѣ и в) Возраженіи [2]).

е) *Пятая* группа. Въ 1777 г. „князь Потемкинъ-Таврическій, предполагая издать въ свѣтъ исторію Преображенскаго полка, велѣлъ Мюллеру написать изслѣдованіе о потѣшныхъ, а графъ Никита Панинъ приказалъ ему же составить извѣстіе о малолѣтствѣ Петра Великаго“ [3]). Порученіе это, судя по даннымъ, приведеннымъ у Пекарскаго, слѣдуетъ отнести къ первой половинѣ 1777 года или къ концу 1776 года; во всякомъ случаѣ въ 1775 году, въ „Описаніи моихъ службъ“ [4]), перечисляя свои работы, Миллеръ еще ни словомъ не упоминаетъ о составленіи исторіи Петра Великаго. Миллеръ, повидимому, взялся за порученіе съ обычной энергіей. Черновыя бумаги его даютъ возможность возстановить довольно точно ходъ работъ и опредѣлить, что успѣлъ онъ сдѣлать. Мы имѣемъ въ виду четыре портфеля Миллера, хранящіеся въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ: № 55а: „Minorität Peters des I“; № 55б: „Извѣстія до исторіи государя Петра I касающіяся“; № 139: „Хронологическій перечень достопамятныхъ дѣлъ Петра Великаго“ и № 149, портф. VI, док. 4 (новая нумерація: № 150, VI, 4): „Исторія о потѣшныхъ“, собственноручная черновая Миллера (на 14 листахъ). Анализъ этихъ бумагъ приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1. Намѣреніемъ Миллера было изложить не отдѣльные *эпизоды* изъ жизни Петра Великаго, а *исторію* царствованія, хотя бы только въ первой, меньшей ея половинѣ. 2. Въ предѣлахъ 1672—1695 годовъ, съ рожденія до Азовскихъ походовъ, планъ этой исторіи уже былъ намѣченъ, но фактически разработать его Миллеру удалось лишь до паденія царевны Софьи (1689). 3. При жизни своей Миллеръ успѣлъ напечатать (въ *Опытѣ Трудовъ Вол. Росс. Собранія*) только первыя главы. 4. Остальное (почти все?) напечатано было уже по смерти Миллера въ „Собраніи разныхъ записокъ“ Туманскаго, и при томъ въ формѣ, лишавшей возможности признать напечатанныя страницы принадлежащими перу дѣйствительнаго ихъ автора. 5. Кромѣ, собственно, „Исторіи“ Туманскій извлекъ изъ бумагъ Миллера и напечаталъ въ своемъ сборникѣ нѣкоторые документы, служившіе Миллеру подготовительнымъ матеріаломъ для его труда. 6. Миллеромъ приготовлено было къ изданію „Созерцаніе краткое лѣтъ“ Сильвестра Медвѣдева, позже тоже напечатанное Туманскимъ, но въ разбивку, отдѣльными кусками, въ произвольномъ порядкѣ.

ж) Предварительно укажемъ статьи, извлеченныя изъ портфелей и напечатанныя, что̀ облегчитъ въ дальнѣйшемъ анализъ самыхъ бумагъ Миллера. Самимъ Миллеромъ было напечатано пять главъ, изъ коихъ двѣ послѣднихъ (мы перечисляемъ ихъ въ порядкѣ не составленія — опредѣленіе чего при на-

---

[1]) Пекарскій, Ист. Ак. Наукъ, I, 429.

[2]) Соловьевъ, Г. Ф. Мюллеръ. *Современникъ* 1854, окт., 147; Пекарскій, I, 430.

[3]) Пекарскій, Исторія Академіи Наукъ, I, 397; сравн. Соловьевъ, Г. Ф. Миллеръ. *Современникъ* 1854, окт., 141.

[4]) Кн. Н. В. Голицынъ, Портфели Г. Ф. Миллера. *Сборникъ Моск. Гл. Архива Мин. Ин. Дѣлъ*, вып. 6-й, стр. 536—548.

личныхъ данныхъ невозможно — а содержанія) явились въ печати раньше 51
первыхъ трехъ:

1) Рожденіе гос. имп. Петра Великаго—*Опытъ Трудовъ Вол. Росс. Собранія*, V (1780), 87—105. Переведено въ *St.-Petersburgisches Journal*, IX (1780), январь, 1—13. Перепечатано въ „Собраніи разныхъ Записокъ“ Туманскаго, т. V (1787), 117—131.

2) Воспитаніе г. п. Петра Великаго—*Опытъ Тр. В. Р. Собр.*, V (1780), 106—118. Перев.: *St.-Petersb. Journal*, IX (1780), январь, 14—23. Перепеч.: Туманскій, V (1787), 132—143.

3) Первое воцареніе Петра Великаго—*Опытъ Тр. В. Р. Собр.*, V (1780), 119—157. Перев.: *St.-Pet. Journal*, IX (1780), февраль, 67—82. Перепеч.: Туманскій, V (1787), 150—181 и *Древн. Росс. Виваіов.*, 2-е изд., VII (1788), 372—402.

4) О вѣнчаніи царскимъ вѣнцемъ на царство в. г. царей и в. кн. Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всея в. и м. и б. Россіи самодержцевъ—*Опытъ Тр. В. Р. Собр.*, IV (1778), 1—103. Перев.: *St.-Pet. Journal*, VII (1779), январь, 40—46; февраль, 115—125; мартъ, 164—170. Перепеч.: Туманскій, VII (1787), 3—87 и *Древн. Росс. Виваіов.*, 2-е изд., VII (1788), 403—484.

5) Извѣстіе о началѣ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ гвардіи—*Опытъ Тр. В. Р. Собр.*, IV (1778), 107—144 („Бюшингъ указываетъ также на отдѣльное изданіе этой статьи на русскомъ языкѣ въ Петербургѣ, 1778 года“. Пекарскій, Исторія Ак. Наукъ, I, 416). Непосредственно за этою статьею въ *Опытѣ* помѣщена небольшая замѣтка того же Миллера: „Къ предъидущей статьѣ прибавленіе, о журналѣ генерала Гордона“, стр. 145—147. Перев. (совмѣстно съ „прибавленіемъ“): *St.-Pet. Journal*, V (1778), мартъ, 165—180; апрѣль, 241—260. Перепеч. (безъ „прибавленія“): Туманскій, VII (1787), 299—328. Черновой текстъ „Извѣстія“ [1]) очень близокъ къ тексту печатному: отличія лишь стилистическія; еще нѣкоторое несходство замѣчается въ первыхъ фразахъ, въ томъ числѣ слова: „малое начало сего новаго войска правительницѣ было не подозрительно“—въ печатномъ отсутствуютъ.

3) Напечатанное Туманскимъ послѣ смерти Миллера:

1. Поправленіе къ исторіи о воспитаніи Петра Великаго, V, 143—150; единственная статья съ указаніемъ, что „сіе писано такъ же покойнымъ господиномъ Миллеромъ“.

2. Описаніе перьваго стрѣлецкаго бунта, VI, 3—84.

3. Воцареніе царя Іоанна Алексѣевича обще съ царемъ Петромъ Алексѣевичемъ, и начатіе правительства царевны Софіи Алексѣевны, V, 203—213.

4. Общее правленіе обоихъ государей и царевны Софіи Алексѣевны, V, 213—230.

5. Прощеніе стрѣльцовъ въ бывшемъ ихъ бунтѣ, VI, 117—133.

6. Перьвой Троицкой походъ, VI, 85—111.

7. О царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ выписано изъ статейныхъ книгъ пріѣздовъ греческихъ духовныхъ особъ, VI, 255—259.

8. О причинѣ лишенія чиновъ князей Голицыныхъ, VI, 259—261.

9. Записка о монахѣ Сильвестрѣ Медвѣдевѣ, VI, 261.

---

[1]) Портфели Миллера, № 150, VI, 4.

51 10. О зачатіи и о рожденіи в. г. имп. Петра Перьваго самодержца всероссійскаго и о прочемъ, I, 233—309.

11. Мятежъ отъ раскольниковъ, VI, 134—158.

12. Слѣдствіе стрѣлецкаго бунта по 31 число августа, VI, 111—117.

13. Наказаніе кн. Хованскому и слѣдствія онаго въ Москвѣ даже до 8 числа октября 1682 года, V, 230—288.

14. Статьи для стрѣльцовъ въ октябрѣ мѣсяцѣ. Таковы статьи присланы изъ похода и даны стрѣльцомъ, VI, 158—176.

15. О разломаніи столба въ честь стрѣльцамъ поставленнаго, VI, 176—179.

16. Епистолія святѣйшаго патріарха Іоакима октября отъ 10 дня 1682 г., посланная къ государямъ въ Сергіевъ Троицкой монастырь, Воздвиженскаго монастыря съ игуменомъ Ефремомъ, VI, 180—188.

17. Граммата отъ государей къ патріарху отъ 13-го октября 1682 г., VI, 188—193.

18. Указъ е. ц. в. о стрѣльцахъ отъ 25-го октября 1682 г. стольникомъ и разныхъ строевъ полковникомъ, и стряпчимъ, и дворяномъ московскимъ, и жильцомъ сказанъ въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ таковъ, VI, 194—200.

18. Возвращеніе государей въ Москву и простительная грамота стрѣльцамъ въ ноябрѣ или декабрѣ мѣсяцахъ 1682 года, VI, 200—214.

19. Выписка о стрѣльцахъ. 1682—1684, VI, 214—255 [1]).

№№ 11—19 и, въ значительной части, №№ 3 и 4 ничто иное, какъ отдѣльные отрывки изъ „Созерцанія“ Медвѣдева; не мало страницъ изъ него и въ №№ 2 и 6. Вообще не трудно замѣтить, какъ широко использовалъ Туманскій портфели Миллера: томы I (233—309), VII (3—87, 299—328), значительная часть V (117—181, 203—288) и сплошь весь томъ VI (3—261) его „Собранія записокъ“ обязаны петербургскому академику.

и) Портфель № 55а содержитъ четыре тетради, сшитыхъ, каждая, отдѣльно; на обложкѣ, общей для всѣхъ ихъ, перечислено, за собственноручною подписью Н. Н. Бантыша-Каменскаго, ихъ содержаніе, при чемъ послѣднее суммировано такъ: „Портфель подъ заглавіемъ «Minorité Petri I», то есть, о малолѣтствѣ государя Петра I“. Вотъ полный перечень этого содержанія, составленный, по всей вѣроятности, вскорѣ послѣ смерти Миллера (отъ себя мы прибавили, въ скобкахъ, лишь даты, для большей наглядности):

Тетрадь 1-я: 307 листовъ.

1. Рожденіе и воспитаніе Петра I.

2. Первое избраніе гос. Петра I на царскій престолъ (27. IV. 1682).

3. Описаніе перваго стрѣлецкаго бунта (15. V. 1682).

4. Воцареніе царя Іоанна Алексѣевича обще съ царемъ Петромъ Але-

---

[1]) „Хронологическій порядокъ достопамятнѣйшихъ дѣлъ къ исторіи имп. Петра Великаго принадлежащихъ“ (Тум., V, 1—20), по заявленію издателя, печатался „по рукописи московской, сочиненной въ царствованіе гос. имп. Елисаветы Петровны“. Аналогичный трудъ, „Хронологія Россійская съ 1682 по 1725 годъ“, имѣется и въ портфеляхъ Миллера, № 139. То и другое намъ пришлось имѣть въ рукахъ неодновременно, и мы не можемъ съ полной увѣренностью сказать, что Туманскій и въ данномъ случаѣ пользовался матеріаломъ петербургскаго академика.

ксѣевичемъ, и начатіе правительства царевны Софіи Алексѣевны (23. V. 1682). 51

5. Общее правленіе обоихъ государей и царевны Софіи Алексѣевны (26. V. 1682).

6. Прощеніе стрѣльцовъ въ бывшемъ ихъ бунтѣ (іюнь 1682 г.).

7. Мятежъ отъ раскольниковъ (5. VII. 1682).

8. Коронація обоихъ государей (25. VII. 1682).

9. Первый Троицкій походъ (1—17. IX. 1682).

10. Походъ ц. Іоанна Алексѣевича съ царевною Софіею Алексѣевною въ Савинъ монастырь (30. XI. 1685).

Тетрадь 2-я. 24 листа: Извѣстіе о зачатіи и рожденіи государя Петра I, взятое изъ исторіи Татищева (поправлено: „Крекшина“).

Тетрадь 3-я. 32 листа. Выписки и разныя записки, служащія къ исторіи о малолѣтствѣ государя Петра I, собранныя Миллеромъ.

Тетрадь 4-я. 4 листа. Записка о монахѣ Силвестрѣ Медвѣдевѣ и указъ о ношеніи кафтановъ вмѣсто охобней и однорядковъ.

і) Уже изъ этого перечня можно видѣть, что послѣднія три тетради заключаютъ матеріалъ, обработка же его—въ тетради первой. Въ этой послѣдней вниманіе наше останавливается прежде всего на л. 1,—на предисловіи и на „росписи главамъ“, которая даетъ возможность судить, въ какомъ видѣ представлялась автору будущая его книга: „Извѣстія, до исторіи Петра Великаго касающіяся, по болшой части изъ государственныхъ архивъ и изъ другихъ достовѣрныхъ документовъ собранныя. *Предисловіе.* Предлагаемыя до Петра Великаго касающіяся извѣстія исторіею сего безсмертнаго императора называться могутъ. Для исторіи матеріаловъ собирать, въ удобный оные порядокъ приводить, исторіописателю въ выработываніи путь изготовить, всякія обстоятельства притомъ упоминаемыя изъяснять,—сіе есть мое намѣреніе, по коему читатель о сихъ извѣстіяхъ разсудить долженъ. Если много здѣсь являться будетъ для исторіи недовольно важнаго, то историкъ оное обходить можетъ; но любитель своего отечества ничего не презираетъ, что ко умноженію своего знанія о прешедшихъ временахъ и въ самыхъ малѣйшихъ обстоятельствахъ служить можетъ. По большому числу удержалъ я точныя слова тѣхъ записокъ, изъ которыхъ я черпалъ, дабы тѣмъ меньше о подлинности приведеннаго сумнѣваться можно было“. *Роспись главамъ.* I. О рожденіи и воспитаніи Петра Великаго даже до возведенія его на царскій престолъ. II. О возшествіи Петра Великаго на царской престолъ, даже до ужаснаго мятежа стрѣлецкаго 1682 г. III. Описаніе перваго стрѣлецкаго бунта. IV. Вступленіе во общее государственное правленіе обѣихъ [sic] государей царей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и сестры ихъ государыни царевны Софіи Алексѣевны. V. Продолженіе государственнаго правленія царевны Софіи Алексѣевны во время малолѣтствія Петра Великаго даже до 1689 г. VI. Посолскія и воинскія дѣла царевны Софіи Алексѣевны. VII. Первые успѣхи въ правленіи государствомъ Петра Великаго даже до военныхъ азовскихъ походовъ“. Такимъ образомъ, передъ нами планъ исторіи жизни и царствованія Петра Великаго за первые

---

[1]) *Напеч. Опытъ*, IV, 105; Тум., V, 117—131.

51 23 года (1672—1695). Какъ онъ былъ выполненъ—это будетъ видно изъ нижеслѣдующаго анализа первой тетради.

к) 1) Лл. 2—47. Что „роспись главамъ“ (л. 1) соотвѣтствовала лишь *первоначальному* плану, видно изъ того, что первая глава о „рожденіи и воспитаніи“ (л. 2—9) еще въ черновомъ незаконченномъ видѣ распалась на двѣ отдѣльныхъ, независимыхъ одна отъ другой; первая ея половина во второмъ черненіи (л. 10—16) превратилась въ „Рожденіе г. и. Петра Великаго“ [1]; остальное (л. 16 об.—21) въ новой, дважды произведенной (л. 22—31 и 32—37) передѣлкѣ составило вторую главу „Воспитаніе г. и. Петра Великаго“ [1]. Въ бумагахъ, при этой главѣ, сохранилась особая замѣтка, въ трехъ редакціяхъ: „Поправленіе къ исторіи о воспитаніи Петра Великаго“ (л. 38—41; 42—44; 45—47); всѣ три начинаются словами: „послѣ родословія должно быть такъ“ и кончаются: „по сему слѣдуетъ параграфъ: *Что въ шесть лѣтъ*“. Смыслъ этихъ помѣтъ таковъ: „Поправленіе“ было не отдѣльной статьей или главой, даже не дополнительной замѣткой къ главѣ о „воспитаніи“, а просто *вставкою* въ эту главу,—вставкою, не нашедшею, по своимъ размѣрамъ, мѣста на поляхъ манускрипта и лишь потому записанною на отдѣльныхъ листахъ. Миллеръ, самъ печатавшій главу о „воспитаніи“ въ *Опытѣ*, дѣйствительно и помѣстилъ эту вставку [2] на надлежащемъ мѣстѣ, послѣ „родословія“ (стр. 107—110, вплоть до словъ: „какія въ шесть лѣтъ“). Туманскій, цѣликомъ перепечатавъ изъ *Опыта* „Воспитаніе“, напечаталъ кромѣ того и „Поправленіе“, въ редакціи близкой къ третьей (л. 45—47), въ видѣ отдѣльной и самостоятельной статьи [3], настолько будучи далекъ отъ мысли о прямомъ его назначеніи, что работѣнно воспроизвелъ даже тѣ помѣты Миллера, которыя, самое большее, должны были служить указаніемъ для одного переписчика („По сему слѣдуетъ параграфъ: *Какія въ шесть лѣтъ и проч.*“).

2) Лл. 48—68. Глава вторая, какъ и въ „росписи главамъ“ (л. 1), первоначально носила названіе „О возшествіи Петра Великаго на царской престолъ даже до ужаснаго мятежа стрѣлецкаго 1682 г.“; но уже во второй редакціи (л. 59—68) Миллеръ измѣнилъ ее въ „Первое воцареніе Петра Великаго“, подъ каковымъ заглавіемъ она и напечатана [4], однако по списку отличному отъ находящагося въ портфелѣ № 55а.

3) Лл. 69—108. Изъ печатнаго текста вышеупомянутыхъ двухъ (трехъ) главъ не трудно видѣть, что значительную часть ихъ содержанія составляютъ выдержки изъ Разрядныхъ записокъ въ перемежку съ собственными замѣчаніями Миллера. Въ новой главѣ „Описаніе новаго стрѣлецкаго бунта“ Миллеръ пошелъ еще дальше: за исключеніемъ немногихъ вступительныхъ словъ, все остальное отрывки изъ записокъ Матвѣева и „Созерцанія“ Медвѣдева. Передъ соотвѣтственнымъ текстомъ (въ бѣловомъ писарскомъ спискѣ) Миллеръ собственноручно внесъ заголовки: „Описаніе графа Матвѣева“ [5] и „Описаніе

---

[1]) *Напеч. Опытъ*, V, 106—118; Тум., V, 132—143.

[2]) Въ редакціи отличной отъ всѣхъ трехъ сохранившихся, но ближе всего подходящей къ редакціи первой: л. 38—41.

[3]) Тум., V, 143—150.

[4]) *Опытъ*, V, 119—157; Тум., 150—181.

[5]) Л. 70 об.; сравн. Тум., VI, 8.

Силвестра Медвѣдева“ [1]). Вся эта глава, въ томъ видѣ, какъ она была составлена Миллеромъ, *напеч.* Тум., VI, 3—84. 51

4) Лл. 109—143; 157—159. Вслѣдъ за описаніемъ майскаго бунта Миллеръ, повидимому, намѣревался, непосредственно, перейти къ описанію событій съ 26-го мая и вести разсказъ особой главою „Общее правленіе обѣихъ [sic] государей и царевны Софіи Алексѣевны“ вплоть до коронованія включительно [2]); но позже онъ, надо думать, призналъ необходимымъ предварить двоецарствіе и правленіе царевны разсказомъ о воцареніи Іоанна (событія 23—25 мая), воспользовавшись для этого записками Матвѣева, разсказъ же о коронованіи былъ выдѣленъ въ особую статью [3]). Въ результатѣ явилась новая редакція главы, подъ именемъ „Воцареніе царя Ивана Алексѣевича обще съ царемъ Петромъ Алексѣевичемъ и начатіе правительства царевны Софіи Алексѣевны“ (л. 109—120), гдѣ лл. 109—113, сравнительно съ первой редакціею, вносятъ новыя данныя. Эти новые листы 109—113 напечатаны Туманскимъ, V, 203—213; а изъ первой редакціи (т. е. изъ лл. 121—140) имъ заимствована тоже лишь первая половина (л. 121—126 об.), подъ заголовкомъ, что̀ былъ данъ самимъ Миллеромъ [4]). Такимъ образомъ, разсказъ о коронованіи (къ тому же, какъ мы видѣли, незаконченный) былъ выдѣленъ Туманскимъ, согласно тому, какъ это имѣлъ въ виду сдѣлать и Миллеръ; но надлежащихъ границъ такого выдѣленія опредѣлить онъ не съумѣлъ. Несомнѣнно, что глава „Общее правленіе обѣихъ государей и царевны Софіи Алексѣевны“ по существу заканчивается на стр. 229; все же, что у Туманскаго помѣщено на стр. 230, относится къ разсказу о коронованіи [5]), какъ это и видимъ у самого Миллера [6]).

5) Лл. 144—156 съ черновымъ и бѣловыми списками главы „Прощеніе стрѣлцовъ въ бывшемъ ихъ бунтѣ“ [7]). Послѣднія строки („И по тому указу—со всѣхъ сторонъ прибили“) принадлежатъ Медвѣдеву [8]), что̀ Миллеръ внимательно и отмѣтилъ, собственноручно вставивъ передъ ними помѣту: „при концѣ грамоты Медвѣдевымъ приписано“. У Туманскаго эта помѣта выпущена.

6) Лл. 160—171: „Мятежъ отъ расколниковъ“; бѣловой писарской списокъ,

---

[1]) Л. 90 об.; сравн. Тум., VI, 74.

[2]) Л. 121—140. Сравн. первыя строки, которыми открывается эта глава: „Когда свирѣпствующіе стрѣльцы кровію и хищеніемъ насытились, Москва лежала нѣсколько дней якобы въ глубокомъ снѣ окруженная“; ср. Тум., V, 213.

[3]) Не даромъ, можетъ быть, описаніе коронованія въ настоящей редакціи (л. 126 об.—140) осталось не доконченнымъ.

[4]) Тум., V, 213—230.

[5]) Измѣнена лишь послѣдняя фраза: рукописное „священное дѣйствіе чинилось 25 іюня, по слѣдующему въ архивѣ находящемуся списку“ у Туманскаго замѣнено словами „священное дѣйствіе чинилось 25 іюня, какъ то видѣть можно въ седьмой части“.

[6]) См. Тум., VII, 4. На лл. 157—159, какъ и на л. 117—120, 124 об.—126, помѣщенъ списокъ указа 7190 года; ср. Тум., V, 224—229.

[7]) *Напеч.* Тум., VI, 117—133.

[8]) Ср. „Созерцаніе“ по изд. Прозоровскаго, стр. 75.

51 безъ поправокъ [1]). Послѣднія строки („По сіе мѣсто Медвѣдевъ—не явствуетъ“) писаны собственноручно Миллеромъ.

7) Лл. 172—280: „Коронація обѣихъ [sic] государей“, въ двухъ спискахъ: неполномъ [2]) и полномъ [3]). Тутъ же списки, собственноручный и писарскіе, съ перечнями пожалованій и наградъ, по случаю торжества коронованія, въ томъ числѣ: „рч҃. іюля въ к҃є҃. великіе гдри і великіе князи Іоаннъ Алексѣевичь Петръ Алексѣевичь всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцы изволили венчатися царскими венцы и диадимою и было по сему какъ на поляхъ и подъ статьями ниже сего подписано въ сей тетрадке“ (л. 252—276),—списокъ конца XVII столѣтія, съ изложеніемъ иным, чѣмъ то, которое Миллеръ заимствовалъ у Медвѣдева.

8) Лл. 281—304. „Первой Троицкой походъ“, въ двухъ одинаковыхъ спискахъ. Подобно тому, какъ въ главѣ „Описаніе перваго стрѣлецкаго бунта“ (см. выше) онъ ограничился ролью простого передатчика современныхъ свидѣтельствъ, такъ и здѣсь Миллеръ отказался отъ самостоятельнаго изложенія событій, предоставивъ читателю самому разбираться въ разнорѣчивыхъ показаніяхъ. „Соберемъ голосы“—говоритъ онъ—„поелику писатели сихъ дѣйствъ, графъ Матвѣевъ и монахъ Медвѣдевъ, между собою разнятся“. И дѣйствительно, вся названная глава состоитъ изъ коротенькаго предисловія Миллера (л. 282), изъ „Повѣсти Матвѣева“ (л. 281 об.—286) и „Повѣсти Медвѣдева“ (л. 286—292 об.). Туманскій, печатая эту главу [4]), руководился для медвѣдевскаго текста, по всей вѣроятности, портфелемъ № 55б, тетр. 6 (см. ниже), такъ какъ только оттуда могъ заимствовать заголовокъ „Открытіе злыхъ намѣреній князя Ивана Хованскаго“ (стр. 97), совсѣмъ излишній по плану Миллера.

9) Лл. 305—307: „О походѣ государскомъ въ Савинъ монастырь“; писарской списокъ, съ ничтожными исправленіями Миллера. Нач.: „В нынѣшнемъ во рч҃д году в. г. ц. і в. князь Іоаннъ Ал—чъ всеа в. и м. и б. р. с. и государыня царица і в. княгиня Парасковія Ѳедоровна, и государыни царевны и в. княжны Софія Ал—на, Ѳеодосія Ал—на по своему царскому обѣщанію изволили итти в монастырь Рождества Бц҃ы, для празднества Саввы чюдотворца Сторожевскаго“. Собственноручная помѣта Миллера: „Сіе и двѣ первые [sic] строки на послѣдующей страницѣ должно писать при концѣ“ показываютъ, что имѣлся въ виду еще другой списокъ новаго черненія.

л) Тетрадь вторая портфеля № 55а содержитъ извѣстный разсказъ Крекшина [5]). Писарской списокъ, съ немногими слѣдами руки Миллера, изъ коихъ видно, что послѣдній не только вставлялъ, повидимому, случайные пропуски писца [6]); но измѣнялъ самый текстъ Крекшина: такъ первоначальное „вся отъ сокровищъ своихъ не оскудно дая и давать повелѣвая, всѣ неимущи, яко къ

---

[1]) *Напеч.* Тум., VI, 134—158.

[2]) Соотвѣтствуетъ *Опыт.*, IV, 1—97 и Тум., VII, 3—79.

[3]) Соотвѣтствуетъ *Опыт.*, IV, 1—106 и Тум., VII, 3—87.

[4]) Тум., VI, 85—111.

[5]) *Напеч.* Тум., I, 233—309.

[6]) „Себе елеемъ во имя Іисуса Христово; по освященіи елеемъ“; ср. Тум., I, 243, строки 10—12; или: „поклоненія ради, темницы“; ср. Тум., I, 251, строки 13—14.

извѣстному пристанищу, притекаху“ превратилось въ „вся отъ сокровищъ 51
своихъ не оскудно подавая, повелѣвая всѣмъ неимущимъ, яко къ извѣстному пристанищу, ходить безопасно“ [1]).

м) Въ тетради третьей собранъ матеріалъ и предварительная его обработка: замѣтки, наброски, вошедшіе позже въ ту или иную главу исторіи, въ томъ числѣ: 1) „Situs planetarum die 28 Augusti, ex regulis astrologiae valde fortunatus erat“, съ собственноручнымъ переводомъ на русскій языкъ; оба текста, латинскій и русскій, вошли въ первую редакцію главы „Рожденіе и воспитаніе“ (тетрадь 1-я, л. 2—9); 2) копія письма Гревіуса къ Гейнзіусу, 9-го апрѣля 1673 г., изъ Утрехта, на латинскомъ языкѣ—вторая половина его вошла въ главу „Рожденіе“ [2]); 3) Выписка изъ статейныхъ книгъ о пріѣздахъ греческихъ духовныхъ особъ; *напеч.* Тум., VI, 255—259; 4) Выписка изъ донесенія въ канцелярію сената, 9-го апрѣля 1716 г.; *напеч.* Тум. VI, 259—261. 5) Кромѣ того тутъ же находимъ одну изъ наиболѣе раннихъ редакцій „Поправленія къ исторіи о воспитаніи Петра Великаго“, въ которой, оспаривая заявленіе Залусскаго о попыткѣ Матвѣева воцарить Петра въ 1676 году [3]), Миллеръ говоритъ: „Правда, что всегда въ самодержавной власти россійскихъ государей состояло въ наслѣдники себѣ опредѣлять, кого заблагоразсудили. Тѣлесныя слабости царевича Ѳеодора могли государя царя, въ разсужденіе сего сына своего, въ сумнѣніе привести, будетъ ли онъ къ наслѣдію способенъ? Но младенчество царевича Петра имѣло тако же своихъ неудобностей. Царь любилъ царицу, но не видно, чтобъ она, яко тихая и скромная государыня, при жизни супруга своего въ государственномъ правленіи участіе имѣла. Царевичъ Ѳеодоръ, по добронравію своему, почиталъ ея всегда, яко мать родную, и сіе надежду подало отцу, что и впредь отъ него оставлена не будетъ, какъ то и воспослѣдовало. Матвѣевъ былъ при государѣ въ послѣдніе годы, хотя не по старшинству, но по заслугамъ, первымъ боярином; его мудростію и искусствомъ государь въ правленіи государственныхъ дѣлъ, а наче иностранныхъ, наибольше пользовался, почему надѣяться было можно, что онъ и при царевичѣ Ѳеодорѣ, какъ на престолъ вступитъ, въ той же должности остаться и равномѣрно о царицѣ, какъ и о царевичѣ Петрѣ, надлежащее попеченіе имѣть будетъ. Царевичъ Ѳеодоръ слабъ здравіемъ, но здравіе съ лѣтами поправиться можетъ. Поживетъ онъ только до тѣхъ поръ, пока царевичъ Петръ до зрѣлыхъ лѣтъ достигнетъ, то упованіе всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ, единственно отъ сего младенца истинное благоденствіе Россіи ожидающихъ, исполнится“.

н) Въ тетради 4-й двѣ небольшихъ замѣтки: о С. Медвѣдевѣ и указъ о пошеніи кафтановъ. Первая *напеч.* полностью у Тум., VI, 261, вторая составляетъ выдержку изъ „Созерцанія“ [4]).

о) Извѣстно, что въ „Рожденіи Петра Великаго“ Миллеръ удѣлилъ не мало мѣста астрологическимъ предсказаніямъ. Но туда вошелъ не весь матеріалъ, бывшій въ его распоряженіи. См. въ *Москвитянинѣ* 1842, № 1, стр. 58—76 статью „Гороскопъ Петра Великаго“ съ замѣчаніями Д. М. Перевощикова:

---

[1]) Ср. Тум., I, 251, строки 19—22.

[2]) См. *Опытъ*, V, 91—95; Тум., V, 122—123.

[3]) Ср. Тум., V, 143 слѣд.

[4]) См. стр. 34 по изд. Прозоровскаго.

51 „сообщаемый гороскопъ найденъ въ портфеляхъ Миллера вмѣстѣ съ объясненіями на латинскомъ языкѣ и переводомъ на русскій“ (58). Сохранилось также [1]) нижеслѣдующее письмо Миллера, 31-го августа 1775 г., изъ Москвы, писанное, кажется, въ канцелярію Академіи Наукъ, съ просьбою разсмотрѣть положеніе планетъ въ день рожденія Петра I.

Der ... Herr Professor Fischer hat eine Abschrift von Briefen des berühmten Holländischen Gelehrten Nicolaus Heinsius besessen, welche vermuthlich nach dessen Tode in die Academische Bibliothek gekommen seyn wird. Ich erinnere mich, darin einen Brief gesehen zu haben, den Nic. Heinsius, der in den Jahren 1671 und 1672 mit einer Holländischen Gesandtschaft in Russland gewesen, zu der Zeit da Peter der Grosse geboren worden, von Moscau geschrieben hat, worin einer ungewöhnlichen Constellation, die damahls am Himmel gesehen worden, gedenket. Ein Russischer Schriftsteller selbiger Zeit thut eben dieses Umstandes Erwehnung [sic] nur dass er die Himmels Erscheinung auf die Zeit der Empfängniss des Grossen Kaisers ansetzet. Es kann damahls eine zwar seltene, doch gewöhnliche, Constellation, zu Moscau, und auch von Nic. Heinsius, der kein Sternkündiger war, für ungewöhnlich angesehen seyn worden. Dabey aber bleibt es doch allemahl schön, wenn sich die Sache, durch astronomische Rechnungen, entweder auf den 30-ten Maj 1672 nach Heinsius, oder nach dem Russischen Schriftsteller auf den 30-ten August 1671 möchte bewähren lassen. In dieser Absicht bitte ich die Herren Glieder der Academie, welche Kunstverständige sind, zur Ehre Peters des Grossen diese Mühe zu übernehmen, und den Planeten-Stand von beyden obbesagten Tagen, ob etwas besonderes oder ungewöhnliches dabey vorkomme, zu berechnen, überdem auch darauf Acht zu geben, ob aus denenselben Constellationen, nach den ehmahligen Astrologischen Regeln, etwas auf die Grossen Thaten des Kaisers habe geschlossen werden können. Für die Mittheilung dieser Untersuchungen werde ich mich desto mehr verpflichtet erkennen, als solche bey einer mir aufgetragenen Arbeit, die Lebensgeschichte Peters des I von seiner Geburth [sic] an in ein helleres Licht zu setzen, nicht übergangen werden können. Sollte die Brief-Sammlung des Nicol. Heinsius sich in der Bibliothek nicht finden, so kann der würkliche ... Stats Rath v. Stählin doch den Brief, wovon hier die Rede ist, weil er davon ehmahls eine Abschrift genommen, der Academie mittheilen. Müller. Moscau.

и) Особенное вниманіе удѣлилъ Миллеръ „Созерцанію краткому лѣтъ“ Сильвестра Медвѣдева. Онъ не только использовалъ его, какъ источникъ, но и подготовилъ къ изданію. Въ основу послѣдняго было положено приведеніе матеріала „въ удобный порядокъ“, въ цѣляхъ облегчить работу будущаго изслѣдователя. Первыя страницы „Созерцанія“, т. е. событія послѣднихъ мѣсяцевъ царствованія Ѳедора Алексѣевича [2]), были выдѣлены, какъ не относящіяся къ дѣлу; остальной же текстъ, начинающійся непосредственно съ волненій стрѣлецкихъ, разбитъ на 16 отдѣльныхъ частей или главъ, съ соотвѣтственными заголовками при каждой. Эти 16 главъ дошли до насъ въ 14 запумерованныхъ тетрадяхъ и составляютъ то, что извѣстно подъ именемъ Милле-

[1]) Архивъ Конференціи Имп. Академіи Наукъ. Портфели Миллера, № 57.

[2]) Прозор., 1—40, точнѣе говоря: 17—40; см. ниже пунктъ с.

ровскаго портфеля № 55б: текстъ писанъ набѣло переписчикомъ, безъ поправокъ, если не считать двухъ-трехъ незначительныхъ измѣненій и вставокъ рукою Миллера, которому принадлежатъ также и заголовки, писанные (кромѣ одного) по-нѣмецки и снабженные русскимъ переводомъ (рукою, если не ошибаюсь, Н. Н. Бантыша-Каменскаго). Кому принадлежитъ порядокъ расположенія и нумераціи статей, самому ли Миллеру или Бантышу-Каменскому, рѣшить не легко. Всему сборнику имѣется оглавленіе, подобное какъ портфелю № 55а, и также за подписью Бантыша-Каменскаго. Сравнительно съ Миллеровскимъ, оглавленіе это многословнѣе и пытается, мѣстами, не только *озаглавить* статью, но и опредѣлить ея содержаніе. Туманскій пользовался и тѣмъ, и другимъ, а потому въ дальнѣйшемъ перечисленіи главъ, указывая при каждой ея содержаніе по изданію г. Прозоровскаго, мы приводимъ также и всѣ соотвѣтствующіе заголовки (первое—составленное администраціей архива; второе—нѣмецкое, Миллера; третье—переводное). 51

р) Тетрадь *первая*: „I. Первый стрѣлецкій бунтъ Медвѣдевымъ описанный апрѣля 30-го и мая 4-го и 15-го по 26-е мая, въ который день избраны два государя царь Іоаннъ Алексѣевичъ и братъ его царь Петръ Алексѣевичъ единоцарствующими“. „1682. Erster Aufruhr der Strelizen. Первой стрѣлецкой бунтъ. Описаніе Силвестра Медвѣдева“ (Прозор., 40—65: „Первое же къ народному возмущенію—къ руке по два жъ полка въ день“); *напеч.* Тум., VI, 54—84; V, 203—212.—Тетрадь *вторая*: „II. Слѣдствіе онаго бунта мая 29-го и поставленіе на площади каменнаго столпа съ жалованной стрельцамъ грамотою іюня 6-го“. „Folgen des ersten Aufruhrs der Strelizen biss m. Iunius. Слѣдствіе стрѣлецкаго бунта до мѣсяца іюня“ (Прозор., 65—75: „И по семъ, якоже прежде салдаты—со всѣхъ четырехъ странъ прибили“); бо́льшая часть *напеч.* Тум., VI, 119—133.—Тетрадь *третья*: „III. Коронованіе царское 25-го іюня“. „1682. Die zarische Krönung. Коронованіе царское“ (Прозор., 96—97: „Того жъ 190-го лѣта іюня мѣсяца въ 25-й день—святыхъ Божіихъ угодниковъ“.—Тетрадь *четвертая*: „IV. Бунтъ раскольническій и прѣніе съ ними патріарха Іоакима въ Грановитой Палатѣ іюля 5-го“. Изъ двухъ половинъ: 1) л. 1: „1682. Предисловіе къ описанію раскольничьяго бунта, сочиненное покойнымъ Г. Миллеромъ“ (рукою Бантыша-Каменскаго): „Расколъ церковный—описаніе его слѣдующее“; *напеч.* Тум., VI, 134—135 (у Прозоровскаго, конечно, нѣтъ этихъ строкъ); 2) л. 2 слѣд.: „1682. Aufruhr der Raskolniken im Mon. Julius. Бунтъ раскольничей въ іюлѣ мѣсяцѣ“ (Прозор., 76—92: „Въ то же время, видяще служивыхъ дерзость—и слушати человѣческимъ ушесамъ странно“); *напеч.* Тум., VI, 135—158. Сличеніе настоящей тетради 4-й съ портфелемъ № 55а, тетр. I, л. 160—171 позволяетъ признать, что текстъ этой послѣдней (и предисловіе Миллера, и текстъ, взятый изъ „Созерцанія“) служилъ оригиналомъ для текста тетради 4-й. Глава о раскольникахъ, по мысли Миллера, должна была называться не „бунтомъ“, а „мятежомъ“.—Тетрадь *пятая*: „V. Слѣдствія стрелецкаго бунта съ 12-го іюля по 31-го августа“. „1682. Folgen der Strelezkischen Unruhen bis Ult. Augusti. Слѣдствія стрѣлецкаго бунта по 31 число августа“ (Прозор., 92—96: „Іюніа же мѣсяца въ 12 и 13 день—въ Коломенскомъ и на Воробьевой горѣ“); *напеч.* Тум. VI., 111—117.—Тетрадь *шестая*: „VI. Открытіе злыхъ намѣреній князя Ивана Хованскаго, сентября 2-го дня“. „1682. Entdeckte böse Ansichten des Kn. Iwan Chowanski den 2 Septbr. Открытіе злыхъ намѣреній кн. Івана Хован-

51 скаго, 2-го сентября"; *напеч.* Тум., VI, 97—101.—Тетрадь *седьмая*: „VII. Грамота государей въ города и къ дворянамъ: о присылкѣ помощи противу стрѣльцовъ, въ мѣсяцѣ сентябрѣ". „1682. Ausschreiben der Zaren an die Städte und den Adel um Hülfe gegen die Aufrührer. M. Septbr. Грамота государская въ города и къ дворянамъ, о помощи противъ стрѣльцовъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ"; *напеч.* Тум., VI, 101—111. Обѣ эти тетради, шестая и седьмая, составляютъ одно цѣлое: вторая непосредственно продолжаетъ собою первую; въ этомъ видѣ онѣ соотвѣтствуютъ Прозор., 97—105: „И идущу убо къ концу 7190-му лѣту—въ Савинѣ монастырѣ Сторожевскаго. Лѣта 7191, сентеврія въ день".—Тетрадь *восьмая*: „VIII. Наказаніе князя Хованскаго и сына его, сентября 17-го, слѣдствіе онаго въ Москвѣ и переписка патріарха Іоакима съ государями, въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ бывшими, даже до 8-го числа октября". „1682. Bestrafung des Kn. Iwan Chowanski den 18 Septbr. und dessen Folgen zu Moscau bis auf den 8 Octobr. Наказаніе князю Хованскому и слѣдствія онаго въ Москвѣ даже до 8-го октября" (Прозор., 105—141: „Видяще же благочестивыя наши самодержцы—и въ приказахъ своихъ всѣмъ прочиташа); *напеч.* Тум., V, 230—288.—Тетрадь *девятая*: „IX и X. Прозьба стрельцовъ съ повинною о помилованіи ихъ и одиннадцать статей, данные о бытіи имъ во всякомъ послушаніи у нихъ, государей, октября 2-го". Изъ двухъ половинъ (главъ: 9-й и 10-й): а) „1682. Verordnung wegen der Strelizen im M. Octobr. Статьи для стрѣльцовъ въ октябрѣ мѣсяцѣ"; *напеч.* Тум., VI, 158—170; б) „Статьи для стрѣлцовъ М. октября 1682 [рукою Миллера]. Статьи для стрѣльцовъ октября 1682 года [рукою Баптыша-Каменскаго]"; *напеч.* Тум., VI, 170—176 (Прозор. (для обѣихъ половинъ), 141—151: „Таковы статі присланы псъ похода—не мыслимъ никакимъ образомъ").—Тетрадь *десятая*: „XI. Уничтоженіе столпа, въ честь стрельцамъ на площади поставленнаго, 28-го октября". „1682. Vernichtung der Säule die den Strelizen zu Ehren errichtet war. О разломаніи столпа въ честь стрѣльцамъ поставленнаго" (Прозор., 163—165: „Октоврія же въ 28 день—сазжены того же дня"); *напеч.* Тум., VI, 176—179.—Тетрадь *одиннадцатая*: „XII, XIII. Письмо патріарха Іоакима къ государямъ о утушеніи въ Москвѣ стрелецкаго мятежа, отъ 10-го октября, и благодарственная отъ государей грамота къ патріарху Іоакиму, отъ 13-го октября, изъ Троицкаго Сергіева монастыря". Изъ двухъ половинъ (главъ: 12-й и 13-й): а) „1682. Schreiben des Patriarchen an die Zaren vom 10 Octobr." (рукою Миллера, безъ перевода, который показался излишнимъ, такъ какъ его замѣнялъ текстъ самого Медвѣдева: „Епистолія и проч."); *напеч.* Тум., VI, 180—188; б) „Schreiben der Zaren an die Patriarchen vom 13 Octobr. Грамота отъ государей къ патріарху отъ 13 октября"; *напеч.* Тум., VI, 188—193 (Прозор. (для обѣихъ половинъ), 151—158: „И о всемъ томъ, что учинися на Москвѣ—подана въ 14 день").—Тетрадь *двенадцатая*: „XIV. Государскій указъ, сказанный въ Троицкомъ монастырѣ всѣму дворянству, на помощь къ нимъ, государямъ, пришедшему, отъ 25-го октября". „1682. Zarische Verordnung wegen den Strelizen vom 25 Octobr. Государскій указъ о стрѣльцахъ отъ 25-го октября" (Прозор., 159—163: „И октября въ 25 день—по тому же безъ пощады"); *напеч.* Тум., VI, 194—200.—Тетрадь *тринадцатая*: „XV. Возвращеніе обоихъ государей изъ Троицкаго похода въ Москву ноября 6-го и простительная стрельцамъ грамота (въ декабрѣ)". „1682. Zurückkunft der Zaren nach Moscau und Begnadigungs-Brief der Strelizen, im Novbr. oder

Decbr. Возвращеніе государей царей въ Москву и простительная грамота стрѣльцамъ въ ноябрѣ или декабрѣ“ (Прозор., 165—172: „Мѣсяца же поемврія въ 6 день — Емельяна Украинцова“); *напеч.* Тум., VI, 200 — 214. — Тетрадь *четырнадцатая*: „XVI. Докладная выписка о стрельцахъ и разсылка оныхъ изъ Москвы по разнымъ городамъ ради опасенія отъ нихъ въ предбудущія времена“. „1682—1684 [рукою Миллера]. Выписка о стрѣльцахъ [рукою Бантыша-Каменскаго]“ (Прозор., 172—197: „Декемврія же мѣсяца въ 10 день — и въ Курскъ или однолично“); *напеч.* Тум., VI, 214—255. Въ рукописи, вслѣдъ за послѣднею фразою („въ Курскъ или однолично“) приписка рукою Миллера: „Reliqua desunt“. 51

с) Сопоставленіе 14 Миллеровскихъ тетрадей съ текстомъ Медвѣдевскаго „Созерцанія“, по изданію Прозоровскаго, приводитъ насъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) „Созерцаніе“, если не считать начальныхъ страницъ, посвященныхъ исключительно царствованію Ѳеодора Алексѣевича, съ особенно обстоятельнымъ изложеніемъ исторіи уничтоженія мѣстничества и участія въ этомъ дѣлѣ кн. В. В. Голицына [1]), Миллеромъ было использовано, примѣнительно къ царствованію Петра Великаго, полностью [2]).—2) „Созерцаніемъ“ Миллеръ пользовался по списку библіотеки Академіи Наукъ, № 46 [3]), чѣмъ и объясняется отсутствіе виршей, толкованія солнечнаго затменія и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ фразъ, которыя читаются только въ изданіи Прозоровскаго, стр. 92, 117, 124, 126, 178—179 и др.—3) Согласно тексту „Созерцанія“, тетради Миллера должны бы слѣдовать въ такомъ порядкѣ: 1, 2, 4, 5, 3, 6, 7, 8, 9, 11, 12, 10, 13, 14,—иначе говоря, Миллеръ отступилъ отъ порядка рукописи въ двухъ случаяхъ. Въ первомъ—онъ, несомнѣнно, руководился соображеніями хронологической послѣдовательности, такъ какъ коротенькій разсказъ Медвѣдева о короновапіи царей 25-го іюня [4]), будучи вставленъ между событіями августовскими, дѣйствительно, оказался не на своемъ мѣстѣ. Во второмъ же случаѣ, запося въ десятую тетрадь разсказъ объ уничтоженіи столпа, поставленнаго на Красной площади, Миллеръ, видимо, смотрѣлъ на него, какъ на непосредственное продолженіе разсказа, занесеннаго въ девятую тетрадь, и такимъ образомъ заботился о сохраненіи внутренней связи событій.

т) Миллеръ умеръ въ 1783 году и не успѣлъ опубликовать своего „Медвѣдева“; послѣдній увидѣлъ свѣтъ лишь въ 1787 году, въ „Собраніи разныхъ записокъ“ Туманскаго. Доказательствомъ того, что Туманскій печаталъ текстъ не непосредственно по Академической рукописи, а по списку, приготовленному Миллеромъ, служитъ слѣдующее: 1) Текстъ „Созерцанія“ въ изданіи Туманскаго разбитъ, какъ и у Миллера, на отдѣльныя статьи, большею частью въ тѣхъ же предѣлахъ, что и у Миллера; 2) Заголовки къ статьямъ у Туман-

[1]) Прозоровскій, 17—40. Напомнимъ, что въ Академическомъ спискѣ совершенно нѣтъ обширнаго введенія, которое занимаетъ въ изданіи Прозоровскаго, стр. 1—16; сравн. нашу статью „О запискахъ Сильвестра Медвѣдева“. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1889, апрѣль, 358, 366; отд. отт. (С.-Пб. 1889), стр. 26, 34.

[2]) Прозоровскій, 40—197. Исключеніе составляютъ лишь тѣ строки, что у Прозор., 158—159 и въ статьѣ „О запискахъ Сильвестра Медвѣдева“, 21—23.

[3]) См. о немъ въ нашей статьѣ, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1889, апрѣль, гл. 4.

[4]) Прозоровскій, 96—97.

51—52 скаго или прямо тожественны съ заголовками Миллера въ его тетрадяхъ, или носятъ явные слѣды зависимости отъ нихъ; 3) Текстъ, внесенный въ тетрадь 4-ую („Бунтъ раскольническій"), Миллеръ счелъ нужнымъ снабдить вступительнымъ объясненіемъ, а также послѣсловіемъ—то и другое вошло цѣликомъ, на соотвѣтственномъ мѣстѣ, и въ изданіе Туманскаго (VI, 134, 158); 4) Текстъ „Созерцанія" въ Миллеровской копіи не лишенъ орѳографическихъ ошибокъ, устарѣлыхъ формъ; нѣкоторыя изъ нихъ исправлены карандашомъ, напримѣръ: *лутчимъ* замѣнено *лучшимъ*; *сиалогахъ—въ калогахъ*; слитное *понаговору* раздѣлено на два слова; передъ *дабы* поставлена запятая и проч. Какъ разъ эти самыя измѣненія текста встрѣчаемъ и у Туманскаго (см. въ данномъ случаѣ VI, стр. 54, содержащую выше указанныя поправки).

у) Порядокъ распредѣленія матеріала у Туманскаго совершенно произвольный; чтобы возстановить „Созерцаніе" въ первоначальномъ видѣ, приходится брать его въ „Собраніи Записокъ" въ такой послѣдовательности: VI, 54—84; V, 203-212; VI, 119—133; 134—158; 111—117; 97—111; V, 230—288; VI, 158—176; 176—179; 180—193; 194—200; 200—214; 214—255. Сравн. статью нашу „О запискахъ С. Медвѣдева", стр. 17 отд. отт.

52) Къ стр. 102.

а) Біографическія данныя о Ѳ. М. Соймоновѣ см. въ Русскомъ Біографическомъ Словарѣ. С.-Пб. 1909 и въ Отчетѣ Императорской Публичной Библіотеки за 1896 годъ. С.-Пб. 1900, стр. 158—159.

б) Описаніе Каспійскаго моря и чиненныхъ на ономъ россійскихъ завоеваній, яко часть исторіи г. и. Петра Великаго, трудами тайн. сов., губернатора Сибири и орд. св. Александра кавалера, Федора Ивановича Соймонова, выбранное изъ журнала его прев-ва, въ бытность его службы морскимъ офицеромъ и съ внесенными, гдѣ потребно было, дополненіями Академіи Наукъ конференцъ-секретаря, профессора исторіи и историографа, Г. Ф. Миллера. С.-Пб. 1763. 380 стр.—Первоначально въ *Ежемѣсяч. Сочиненіяхъ* 1763, №№ 1—11; кромѣ того нѣмецкій переводъ въ *Sammlung Russisch. Geschichte*, т. VII (см. выше, примѣч. 51, пунктъ г).—Титулъ „Описанія" въ *Ежемѣсяч. Сочиненіяхъ* короче, безъ послѣднихъ словъ („и съ внесенными, гдѣ потребно было, дополненіями—Г. Ф. Миллера"), хотя такая подробность была бы тамъ вполнѣ умѣстною; *дополнялъ* Миллеръ одинаково и въ журналѣ, потому что помѣщенное тамъ было позже не „дополнено", а только переверстано въ отдѣльную книгу. Сравн., напримѣръ, разсужденіе о томъ, почему Астрабатъ долженъ называться не Ферабатомъ, какъ его называетъ Соймоновъ [1]): и по формѣ, и по существу, строки эти рѣзко отличаются отъ остальныхъ страницъ „Описанія" и, представляя, по содержанію, ученое изслѣдованіе, тѣмъ менѣе могли принадлежать перу Соймонова. Подъ „дополненіями" Миллеръ, повидимому, понималъ двѣ статьи, приложенныя въ концѣ книги (стр. 353—378) и перепечатанныя (переверстанныя) изъ *Ежемѣсяч. Сочиненій* 1763, ноябрь: 1) Изъясненіе о способахъ къ произведенію россійской коммерціи изъ Оренбурга съ бухарскою, а изъ оной и съ индѣйскими областьми (сравн. ниже, пунктъ ж) и 2) Извѣстіе о бунтѣ и

[1]) *Ежемѣсяч. Сочин.* 1763, іюль, 17 слѣд. и отд. изд., 218 слѣд.

о злодѣйствіяхъ донскаго козака Стеньки Разина.—Вообще точно разграничить 52
трудъ Соймонова отъ дополненій Миллера едва ли всегда окажется возможнымъ: послѣднія иной разъ совершенно слиты съ основнымъ текстомъ. Такъ, объявляя о выходѣ труда Соймонова отдѣльною книгою [1]), Миллеръ заявилъ, что въ своихъ „прибавленіяхъ“ [2]) онъ ошибся, сказавъ, будто Екатерина не сопутствовала царю въ его Персидскомъ походѣ, а оставалась въ Астрахани. Не предупреди объ этомъ самъ Миллеръ, обвинять въ ошибкѣ пришлось бы Соймонова—настолько строки о пребываніи императрицы Екатерины въ Астрахани, по формѣ, не носятъ ничего „дополнительнаго“ и вставочнаго. Впрочемъ „дополнялъ“ Соймонова Миллеръ самимъ же Соймоновымъ. Послѣдній составилъ въ 1728 году „Екстрактъ журналовъ мореплаванія и описанія Каспискаго моря, которое происходило въ 1715, 16, 18, 19, 20, 1727 годехъ, а при томъ описаніе жъ о высокославномъ г. и. Петра Великаго, походѣ въ Астрахань, и черезъ оное море до Аграханскаго залива, и оттуду сухимъ путемъ до города Дербента, и возвратно черезъ оное же море до Астрахани, и о протчихъ приключеніяхъ, что при томъ, такоже прежде и послѣ, на томъ морѣ происходило“ [3]). Рукописью этою, говоритъ А. Ѳ. Бычковъ, Миллеръ пользовался при изданіи „Описанія Каспійскаго моря“ [4]). Въ „Предъизъявленіи“ къ своему труду Соймоновъ между прочимъ сообщаетъ два „анекдота“ изъ жизни царя, свидѣтелемъ и участникомъ которыхъ былъ онъ самъ; одинъ изъ нихъ приведенъ въ сокращеніи Миллеромъ, а полностью оба см. у А. Соколова, Русская Морская Библіотека, въ *Запискахъ Гидрогр. Департ.*, X, 545—553. Въ рукописномъ „Извѣстіи о жизни и службѣ Ѳ. И. Соймонова“, бывшемъ въ рукахъ В. Берха, второй анекдотъ [5]) разсказанъ нѣсколько иначе [6]). Указаніями Берха воспользовался впослѣдствіи Баптышъ-Каменскій въ біографіи Соймонова [7]). Объ „Описаніи Каспійскаго моря“ см. еще ниже, пунктъ ж, въ выдержкахъ изъ переписки Миллера съ Соймоновымъ.

в) „Сокращенное описаніе о приращеніяхъ Всероссійской имперіи по разнымъ достопамятнымъ случаямъ, а паче в царствованіе государя императора Петра Великаго и како в [ны]нѣшнѣе цвѣтущее и во всемъ свете славное состояние приведена, о техъ единыхъ случаяхъ, которые передъ протчими за важнейшие почитаются, на подобие краткаго екстракта собрано, выписано и сочинено лѣта Христова MDCCLIV“. Рукоп. Имп. Публ. Библ. Бумаги Д. В.

---

[1]) *Ежемѣсяч. Сочин.* 1763, № 12, стр. 558, отдѣлъ „Извѣстія о ученыхъ дѣлахъ“.

[2]) *Ежемѣсяч. Сочин.* 1763, мартъ, 208; отдѣл. изд., стр. 67.

[3]) Имп. Публ. Библ. Q. IV. № 63.

[4]) Письма Петра Великаго, хранящ. въ Имп. Публ. Библ. С.-Пб. 1872, стр. 127.

[5]) Отвѣтъ Петра на мысль Соймонова о возможности установить сношеніе съ Камчаткой водянымъ путемъ, вокругъ Африки и Южной Азіи: „Знаешь ли, что отъ Астрабата до Балха и Водокшана [Бадакшана] и на верблюдахъ только 12 дней ходу? А тамъ во всей Бухаріи средина всѣхъ восточныхъ коммерцій. И видишь ты горы? Вѣдь и берегъ подлѣ оныхъ до самаго Астрабата простирается. И тому пути никто помѣшать не можетъ“.

[6]) Жизнеописанія первыхъ россійск. адмираловъ, ч. II, 121—124.

[7]) Словарь достопам. людей. С.-Пб. 1847, т. III, 269—271; ср. стр. 278, примѣч.

52 Полѣнова. № 18, отдѣльная тетрадь, in 4°, л.л. 14—22. Въ краткомъ „Предисловіи к читателю“ [1]) Соймоновъ скромно замѣчаетъ, что не рѣшается писать иной исторіи, какъ только „сокращенную“, въ родѣ того, какъ іезуитъ Скарга 12 томовъ исторіи кардинала Баронія сжалъ въ два тома; ибо „на толь пространное описаніе толь великие и пространныя имперіи Всероссійской, а паче на описаніе великихъ делъ и въ величестве отъ всего свѣта прославляющаго государя императора Петра Великаго, смысла и силъ моихъ ни на маленшую часть не достастъ“ (л. 14[1].

За „Предисловіемъ к читателю“ идетъ „Оглавленіе о приращеніяхъ и достопаметныхъ случаяхъ Всероссійской имперіи“ — оглавленіе это и представляетъ собою все содержаніе рукописи. Авторъ намѣтилъ русскую исторію въ 12-ти частяхъ. Части 1—8 должны были охватывать время отъ Владиміра св. до 1682 г.; ч. 9-я—царствованіе Петра Великаго (1682—1725); части 10—12—событія до конца царствованія имп. Анны Іоанновны (1725—1740). Конспектъ 9-й части [2]) изложенъ значительно подробнѣе, чѣмъ всѣ остальные; ниже приводится полный текстъ его:

„В девятой изъясняется все то, что в царствованіе г-ря ім-ра Петра Великаго отъ рожденія его вел-ва до кончины чрезъ 54 года происходило і словомъ заключается верхъ славы і возобновленіе Россіи во всякомъ роде, какъ в политическихъ, гражданскихъ, военныхъ і во всехъ безъ изъятія правленіяхъ і учрежденіяхъ, отчего его в—ва [3]) милосердыми отеческими неусыпными трудами Россія (еще повторяю) во всякомъ роде безъ изъятія на театръ всесвѣтные славы произведена, в которой и до ныне неотменно пребываетъ. Числомъ оная часть по достопаметныхъ случаяхъ изъявляетъ: 1. О рожденіи его ім-го в-ва. 2. О воспріятіи престола всероссійскаго. 3. О некоторыхъ опасныхъ случаяхъ во время сметенія. 4. О походе его в-ва въ чюжіе краи при свите посла Леорта. 5. О возвращеніи е. в-ва в Москву із Вены і о усмереніи нутренныхъ стрелецкихъ смятеней. 6. Порядокъ і умноженіе регулярного войска. 7. Начало к надежде російскаго флота. 8. Война с турками, о возвращеніи Азова и о взятіи онаго. 9. Приуготовленіе і умноженіе росіского флота на Воронеже противу Оттоманской Порты, миръ с турками 30-летней чрезъ посла Украинцова. 10. Союзъ с польскимъ королемъ Августомъ II и о объявленіи Швецкой войны по законнымъ притчинамъ о возвращеніи росписких городовъ. 11. По взятіи Нарвы перенесеніе войны с королемъ швецкимъ в Польшу. 12. Король Карлъ XII, Августа, короля польскаго, лишивъ короны Польской, определилъ Лещинскаго. 13. Петръ Великій учинилъ бы і в томъ ему вспоможеніи, но онъ, не дождався, самовольно от короны Польской отказался. 14. Разбитіе швецкой армии подъ Полтавою и ухотъ короля Карла XII в Турецкую область. 15. Завоеваніе Финляндіи, Лифляндіи, городовъ Выборха, Риги, Ревеля и протчихъ. 16. Послы швецкой і францускоі вымыслами своими возбудили Атаманскую Порту с Росспею в

[1]) Авторъ по имени себя не назвалъ, но подписался „благосклонныхъ читателей всепокорнѣйшимъ слугою Всероссійскаго отечества всенижайшимъ патриотомъ“.

[2]) А не десятой, какъ ошибочно указано въ Отчетѣ Имп. Публ. Библ. за 1897 г., стр. 32.

[3]) Ркп.: величество.

войну вступить. 17. Турецкая акция і миръ с турками. 18. Перенесены военные действа в Помаранию і о взятии многихъ городовъ [1]) и протчихъ. 19. О походе е. і. в-ва в Датскую зѣмлю и по оликціи [2]) о намерении учинения десанту на швецкую войну. 20. О командованіи его в-мъ четырмя корабельными ѳлотами россійскимъ, агленскимъ, дацкимъ и голанскимъ. 21. О походе е. в-ва в Голандию і во Ѳранцию, і возвращение г. ім-ра і г-ни і-цы в Петербургъ изъ чюжихъ краевъ і продолжение войны швецкой; о определении галанскаго [3]) конгреса і о походе в Швецию обоихъ ѳлотовъ, корабельного і галерного, с войскомъ і о действіяхъ росписками войски в Швеции. 22. О заключении мира со Швецией. 23. О походе г. і-ра в Астрахань і в Персию. 24. О возвращении іс Персии в Москву і в Петербургъ. 25. О коронации г-ни ім-цы Екатерины Алексѣевны в Москве і о возвращении в Петербургъ і о кончине е. в-ва въ 725-мъ году генваря 28 дня“ [4]). 52

г) „Краткое описаніе“ [5]) дошло до насъ [6]) въ незаконченномъ видѣ (разсказъ обрывается на 1721 годѣ), и при томъ въ черновой редакціи, писанной разными почерками, съ многочисленными поправками, даже пропусками, которые, очевидно, предполагалось заполнить впослѣдствіи. Много отдѣльныхъ фразъ осталось не дописанными; мѣстами письмо становится прямо безграмотнымъ; даже титулъ самаго сочиненія представляетъ собою лишь набросокъ, который въ перебѣленной редакціи авторъ, разумѣется, не сохранилъ бы: „Краткое описан[іе] оставляя все протчая где оные до ныне в орегиналахъ находятся, но и следующаго пятаго периода о достопамятныхъ случияхъ в жизни государя Императора Петра Великаго от рождения 1672-го году до кончины 1725 году краткое описание какъ слѣдуетъ часть 1-я“ (томъ I, л. 12). Разсказъ о волненіяхъ стрѣльцовъ послѣ казни Хованскаго только начатъ и оборванъ; нѣкоторыя главы имѣются въ двухъ редакціяхъ, напримѣръ, „О корпусе под именемъ потѣшныхъ“: одна редакція (т. I, л. 22) цѣликомъ напечатана въ Отчетѣ за 1896 г., стр. 159; въ другой (т. I, л. 15) читается такая фраза, отсутствующая въ первой: „отправлялъ должность барабанщика, а потомъ салдатомъ и сержантомъ, и ту должность исполняя с протчими наряду“, при чемъ сдѣлана ссылка на „журналъ капита[на] лентинанта Соимонова сочиненіи гдна Миллера“. Точно также и глава о ботикѣ имѣется въ двухъ спискахъ (т. I, лл. 15 об., 22 об.). Годовъ указано мало, а указанные иногда ошибочны: 1684—первый походъ кн. В. В. Голицына на Крымъ; 1698—поѣздка Петра Великаго заграницу. Къ рукописи приложено нѣсколько гравюръ и рисунковъ отъ руки, въ томъ числѣ изображеніе Петра во весь ростъ и группа подъ балдахиномъ: Владиміръ Св., Іоаннъ Грозный, Петръ Великій, Елизавета Петровна и Екатерина II, всѣ въ коронахъ на головѣ и съ царскими регаліями въ рукахъ. См. описаніе въ Отчетѣ Имп. Публ. Библ. за 1896 г., стр. 165.

---

[1]) Пустое мѣсто.

[2]) Слова „и по оликціи“ вставлены другой рукою; читай: и по елекціи.

[3]) Sic; вм. Аландскаго.

[4]) Л. 19 об.—21 об.

[5]) Ркп. Имп. Публ. Библ. F. IV. № 736.

[6]) См. о немъ Отчетъ Имп. Публ. Библ. за 1896 г. С.-Пб. 1900, стр. 158 слѣд.; Отчетъ за 1897 г. С.-Пб. 1900, стр. 144—145.

52 Время составленія „Краткаго описанія“ опредѣляется ссылкою автора на „Ядро Россійской исторіи“ (издано въ 1770 году) и ссылкою Г. Ф. Миллера на трудъ Соймонова въ предисловіи къ „Письмамъ Петра Великаго, писаннымъ гр. Б. П. Шереметеву“ (появились въ 1774 году).

д) „Краткое описаніе“ дошло до насъ въ пяти отдѣльныхъ переплетахъ. Переплетъ первый—„часть 1-я“; переплетъ второй, судя по счету страницъ, которыя продолжаютъ пагинацію предыдущаго переплета, слѣдуетъ разсматривать, какъ вторую половину той же „части 1-й“; на переплетѣ третьемъ два обозначенія: въ началѣ: „перваго тома часть 3-я“; и на послѣднемъ листѣ: „конецъ втораго тома“. Такимъ образомъ и самое дѣленіе труда по томамъ еще не было окончательно установлено. Переплетъ четвертый—„Россійской исторіи о достопамятныхъ случаяхъ томъ третій“. Слово „третій“ зачеркнуто и замѣнено „вторымъ“; но рядомъ съ этимъ идетъ „оглавленіе *четвертаго* тома о достопамятнѣйшихъ случаяхъ часть первая“, „часть вторая“ и „часть третія“. Переплетъ пятый—„Второго тома часть 2-я“, съ текстомъ (1716—1721 гг.), гдѣ характеръ черновика выступаетъ особенно сильно.

Въ „Предувѣдомленіи читателю“ авторъ, какъ и раньше въ „Сокращенномъ описаніи“, работу свою уподобляетъ „екстракту“ іезуита Скарги изъ анналовъ Баронія, а отказъ описывать древнія времена мотивируетъ ихъ „баснословностью“ и „неимовѣрностью“, тѣмъ болѣе что, замѣчаетъ Соймоновъ, время отъ Рюрика до Ивана Грознаго изложено нашими историками не безъ „великихъ разностей“, „изъ которыхъ, чтобъ предпочесть одному противъ другихъ, того учинить не в состояніи“. Впрочемъ авторъ отдаетъ предпочтеніе „Ядру“ Хилкова, какъ изданному съ оригинала („съ его манускрыпта“) проф. Миллеромъ, а потому „уповательно, что оное сочиненіе безъ разсмотрѣнія и безъ поправленія оставлено не было“.—Что касается до „второй части царствованія Росиской имперіи“, отъ Грознаго до смерти Ѳедора Алексѣевича, то это время „пространно описано господиномъ профессоромъ Миллеромъ подъ титуломъ Опыта к росиской исторіи, и потому какъ о княженіи великихъ князей, такъ и о царствованіи государей, какъ оные уже изданы и напечатаны, в моемъ повествованіи повторять оставилъ“. „Я при семъ случае не могу удержатся, чтобъ должнаго благодаренія не пренести господину советнику Миллеру, уже толь знаемому многими его трудами о россійской [sic] исторіи, чтобъ успехъ сего труда многою от него получилъ помощь, какъ чрезъ сообщение мне разныхъ списковъ, такъ и от его советовъ; я долженъ признатся, что онъ не токмо мне вложилъ охоту къ познанію исторіи отечества моего, но, увидя мое прилежание, и побудило [sic] меня къ сочиненію оной. И тако естьли исторія сия будетъ состоять некоего уваженія, что справедливо почитаю сию часть [sic] съ симъ почтеннымъ мужемъ разделять; но равномерно и я не могу же удержаться, чтобъ и мое благодареніе г. п. М[иллеру] не принесть за одолженіе меня труда его в сочиненіи мною описание [sic] моря Каспискаго, равномерно и другіе сочиненіе мною о торгахъ за Каспиское море, в которомъ имъ дополнено то, что мне извесно не было. Что же принадлежитъ до царства г. п. П[етра] В., в томъ я следовалъ тогдашнихъ временъ газетамъ, реляціямъ и воинскимъ журналомъ, а притомъ изъ разныхъ иностранныхъ исторіямъ, в которыхъ отмено от росискихъ дополненіе находятся, а паче в такихъ делахъ, в которые в тагдашніе времена в секретныхъ кабинетахъ содер-

жался, а особливо по внешнимъ деламъ; что же касается до нутренности достопамятныхъ в Росіи делъ, то по иностраннымъ исторіямъ в некоторыхъ вовсе умолчено, а в некоторыхъ хотя и упомянуто, но не ясно и не справѣдливо, о чемъ я упоминать за излишнее нахожу. Однако для примеру о некоторой упомянуть за нужное почелъ [1]). А в дополнение всехъ техъ писменныхъ свидетелствъ, но и словесныя от техъ, которые в тогдашнее время при его величеству служили, изъ которыхъ я осмеливаюся о себѣ самомъ объявить". 52

е) Перелетъ первый содержитъ событія съ рожденія Петра Великаго до начала Шведской войны, остальные четыре—ходъ военныхъ дѣйствій во время борьбы со шведами (1700—1721). Подробности, въ родѣ тѣхъ, что̀ указаны въ Отчетѣ Имп. Публ. Библ. за 1896 годъ, стр. 160 слѣд. („Объ осадѣ Нарвы въ 1700 году"), не мѣняютъ основного характера сочиненія Соймонова: оно основано на Поденной Записке, на Марсовой книгѣ,—вообще на матеріалахъ, въ настоящее время уже опубликованныхъ и извѣстныхъ. Мы отмѣтимъ лишь главу „О началѣ съ турками войны" (т. I, л. 44—54), именно описаніе тріумфальнаго вступленія русскихъ войскъ въ Москву 30-го сентября 1696 года, по случаю взятія Азова. Описаніе этого вступленія, сохранившееся въ извѣстномъ „Походѣ боярина А. С. Шеина къ Азову" [2]), въ общемъ богаче подробностями, но у Соймонова есть детали, которыхъ нѣтъ тамъ; встрѣчаются также и кое-какія отличія отъ текста, изданнаго Рубаномъ. Приводимъ тѣ и другія, отмѣчая подробности курсивомъ, а несходства—указаніемъ, въ примѣчаніи, на соотвѣтственный текстъ „Похода".

Въ шествіи принимали участіе: 1) впереди всѣхъ ѣхалъ Н. М. Зотовъ „в корете о шти лошадяхъ *вороныхъ, держа пред собою саблю, оправленную зо́лотымъ* [sic] *и дорогими каменьями*, да щитъ *на золотой цепи з дорогими жъ каменьями, которую саблю и щитъ в подарокъ поднесъ е. ц. в-ву гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа, встречая е. в-во в пути за Рыбнымъ городомъ*"; 2) Θед. Ал. Головинъ, въ каретѣ о 2 [3]) возникахъ, съ кравчимъ Кир. Алекс. Нарышкинымъ, „*а прочие, до того жъ чину принадлежащіе люди, верхами*"; 3) Фр. Лефортъ въ *позолоченой царской* каретѣ [4]) о 6 лошадяхъ *темносырыхъ съ богатымъ убором; свиту* Лефорта составляли *подначальные его люди, капитаны и матросы, числомъ 3.000 человѣкъ*. Передъ каретой вели 12 [5]) верховыхъ лошадей въ нарядныхъ уборахъ; 4) А. С. Шеинъ верхомъ, *съ бѣлымъ перомъ на шляпѣ*; 5) Автам. Мих. Головинъ съ подначальными своими генералами и прочими штабъ-оберъ- и унтеръ-офицерами и солдатами; 6) „Потомъ шли" вице-адмиралъ Юрій Лима *и шаутбенахтъ Карлъ Лозеръ съ однимъ морскимъ пол-*

[1]) „Для примеру, коль важны и достопамятны случаи были в жизни П[етра] В. первое въ 716 году четырмя флотами, которыми командовать изволилъ, а другое, что въ 722 году на боту черезъ Каспиское море и з государанию императрицею болше 200 верстъ переехать изволилъ".

[2]) См. выше, примѣч. 49, пунктъ б.

[3]) Походъ Шеина, 186: о 6 возникахъ.

[4]) Походъ Шеина, 186: „Позади лошадей двѣ коляски по 6 возниковъ въ колясцѣ, сани о 6 возникахъ цвѣтныхъ, ѣхалъ на нихъ... Лефортъ".

[5]) Походъ Шеина, 186: 14.

52 комъ; 7) цесарскіе и бранденбургскіе инженеры; 8) „*съ замке*“ шелъ *генералъ Петръ Иван. Гордонъ съ своими солдатами и съ турецкими и „володскими“ пленными.*—По прибытіи Лефорта къ тріумфальнымъ воротамъ, стрѣляли изъ пушекъ и „*происходило пьяние при инструменталной музыке*“ (л. 53—54).

ж) Въ какой мѣрѣ и въ какой формѣ участвовалъ Г. Ф. Миллеръ въ работахъ Соймонова, можно, до извѣстной степени, выяснить по ихъ перепискѣ [5]). 12-го марта 1761 г. Соймоновъ отправилъ Миллеру изъ Тобольска „журналъ Каспискаго моря и притомъ некоторые манускрыпты“, а именно: „начало і реестръ о достопаметныхъ случаяхъ сочиненного ілн, справедливее сказать, собранного экстракта о приращении всероссиской имперіи“, „для вашего единого любопытства“ и для поправокъ и дополненій, на случай если бы въ таковыхъ оказалась надобность, при чемъ Соймоновъ обращалъ вниманіе своего корреспондента на нѣкоторыя новыя подробности, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ самъ: о пребываніи Петра Великаго въ Копенгагенѣ (1716) и о походѣ государя въ Астрахань и въ Дербентъ. „А ежели изволите, то я и весь тотъ экстрактъ къ вамъ сообщу, однако жъ для васъ единого, ибо о толь великомъ и важномъ дѣлѣ, что до описанія дѣлъ имп. Петра В. принадлежитъ, то, какъ я и въ предисловіи упомянулъ, что то не моего скудоумія дѣло, а сочинилъ или собралъ я такъ только для меня самого и для моихъ дѣтей, для единой памяти, а не для всенароднаго извѣстія. И для того я бъ единое то за милость отъ Академіи почелъ, ежели бъ удостоено было, чтобъ одинъ началной листокъ лутчею работою в грыдырованіи учинить позволено было, а коштъ, во что не станетъ, заплачу“.

Благодаря за присылку Журнала Каспійскаго моря, Миллеръ обѣщалъ напечатать его въ *Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ* и перевести также на нѣмецкій языкъ. „Токмо я прошу вашего въ томъ позволенія, чтобъ я могъ къ тому еще присовокупить, что прежде и послѣ того на Каспійскомъ морѣ учинилось, дабы исторія сего моря здѣлалась тѣмъ обстоятельнѣе и совершеннѣе. Такую же великую надежду имѣю я и о другомъ вашего превосходительства сочиненіи, О приращеніяхъ Россійской имперіи, а паче въ царствованіе Петра Великаго. Сіе въ нынѣшнее врѣмя очень будетъ къ статѣ, потому что исторію Петра Великаго, по опредѣленію его пр-ва Івана Івановича Шувалова, сочиняетъ славной господинъ Волтеръ на французскомъ языкѣ, которому для того сообщено много до оной касающихся извѣстіевъ; но первая часть его трудовъ, которая уже напечатана, здѣсь весма не апровуется. Того ради, если в. пр-во соизволите ко мнѣ прислать помянутое ваше сочиненіе о приращеніяхъ и о дѣлахъ Петра В., то оное весма полезно служить можетъ къ поправленію и пополненію Волтеровой исторіи, особливо въ тѣхъ дѣлахъ, при которыхъ вы самъ присутствовали, или во оныхъ участія имѣли, въ чемъ, конечно, великую услугу здѣлаете помянутому его пр-ву Івану Ивановичу, а буде прикажете, то и напечатано быть можетъ. Рисунокъ для оной книги приготовленной отдалъ я обрѣтающемуся при нашей Академіи архитектору італіянцу,

---

[5]) Архивъ Конференціи Имп. Академіи Наукъ. Портфели Миллера. № 29: подлинныя, за собственноручною подписью, письма Соймонова Миллеру; №№ 37 и 38: собственноручныя черновыя письма Миллера къ разнымъ особамъ за 1761—1762 и 1763—1764 гг.

которой въ рисовалномъ дѣлѣ весма искусенъ, чтобъ по исправнѣе срисовалъ, а потомъ и о грыдрованіи старатся буду“ (п. 12-го мая 1761 г.). 52—54

Поправки и переписка задержали Соймонова, и только 28-го августа 1761 г. онъ отправилъ Миллеру „Краткое собраніе о приращеніяхъ всероссійской имперіи и о протчихъ нѣкоторыхъ достопамятныхъ случаяхъ“, гдѣ онъ выдѣлялъ, по большей обстоятельности изложенія, разсказъ о пребываніи государя въ Копенгагенѣ, въ 1716 году, когда „я честь имѣлъ быть на томъ е. в-ва кораблѣ *Ингермоландии* шичманомъ; а другое въ Низовомъ походѣ 722 году, по тому же случаю, что я былъ на томъ гукаре порутчикомъ и командиромъ, на которомъ былъ главной всего войска и флотиліи командиръ ген.-адм. Ѳ. М. Апраксинъ“.

Присылкой вышеназваннаго Соймоновъ однако не ограничился. Посылая ему декабрьскій номеръ *Ежемѣсячныхъ Сочиненій*, Миллеръ сообщалъ: „во ономъ изволите найти сочиненіе ваше о пословицѣ: *Сибирь золотое дно*; а совѣтованіе *о воеводствахъ* принужденъ я былъ оставить, по разсужденіи нѣкотораго знатнаго министра“ (п. 4-го февраля 1762 г.).

14-го апрѣля 1763 г., уже изъ Москвы, послѣ того какъ первыя главы его „Описанія Каспійскаго моря“ появились въ *Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ*, Соймоновъ проситъ „XII часть о комерціи и съ прибавленіемъ къ ней до увѣдомленія отъ меня не печатать“; на что Миллеръ отвѣчалъ: „Глава о комерціи, яко послѣдняя, по чиненному расположенію, печатана быть имѣетъ не прежде какъ въ октябрѣ или ноябрѣ мѣсяцахъ [1]); между тѣмъ изволите, милостивый государь, усмотрѣть по нѣмецкому изданію, которое уже все напечатано, какимъ образомъ я поступалъ при описаніи сей матеріи, и есть ли разсудится вамъ нѣчто отмѣнить или прибавить, то оное при россійскомъ изданіи удобно учиниться можетъ, въ чемъ полагаюсь совершенно на ваше разсужденіе, толко бы я о томъ увѣдомленъ былъ заблаговременно; а для иностранныхъ можно такія прибавленія внесть и въ нѣмецкую книгу, потому что она также, какъ и *Ежемѣсячныя Сочиненія*, безпрерывно продолжаться имѣетъ, а нѣмецкое сочиненіе при семъ прилагаю“ (п. 28-го апрѣля 1763 г.).

53) Къ стр. 103.

а) Краткая исторія жизни и дѣяній Петра Великаго. 12°. 36 стр. (на послѣдней страницѣ: „Москва. 1796. у В. Окорокова“). Это скорѣе простой и краткій перечень фактовъ, чѣмъ разсказъ и „исторія“, хотя повѣствовательная форма и сохранена.

б) Словарь историческій, или сокращенная библіотека, ч. XI (М. 1793), стр. 8—24: жизнеописаніе Петра, компилятивное; описаніе его „солдатской“ жизни въ дѣтскомъ возрастѣ перепечатано (безъ указанія) изъ „Краткаго россійскаго лѣтописца“ Ломоносова: „Двѣнадцати лѣтъ сталъ рядовымъ солдатомъ и проч.“ (стр. 10); см. соотвѣтственную выдержку изъ Ломоносова, приведенную выше, примѣч. 26, пунктъ г.

54) Къ стр. 104.

а) На титульномъ листѣ исторіи Петра, составленной Катифоро, имя

[1]) Дѣйствительно, она появилась въ ноябрьскомъ номерѣ 1763 года.

54— 55 автора не показано: Житіе Петра Великаго, імператора и самодержца Всероссійскаго, отца отечества, собранное изъ разныхъ книгъ, во Франціи и Голландіи изданныхъ, и напечатанное въ Венеціи, Медіоланѣ и Неаполѣ на діалектѣ італіанскомъ, а потомъ и на греческомъ, съ коего на Россійской языкъ перевелъ статскій совѣтникъ Стефанъ Писаревъ. С.-Пб. 1772. 4°. XII (нен.)+511 стр. Изданіе второе („Житіе Петра Великаго, императора и самодержца Всероссійскаго, отца отечества. Переводъ съ греческаго“) вышло въ Москвѣ въ 1788 году: 8°. IV (нен.)+556 стр. Сравнительно съ первымъ, въ немъ не достаетъ портрета Петра, посвященія вел. князю Павлу Петровичу и „дополненія къ історическому въ сей книгѣ, о Китайскомъ государствѣ, описанію“. Ср. выше примѣч. 25.

б) Имя Ѳеодозіи, какъ автора, также не показано на титульномъ листѣ его книги: Житіе и славныя дѣла государя императора Петра Великаго, самодержца Всероссійскаго, съ предположеніемъ краткой географической и политической исторіи о Россійскомъ царствѣ, нынѣ первѣе на славенскомъ языкѣ списана и издана. Въ Венеціи. Въ типографіи Димитрія Ѳеодозія. 1772. 4°. 2 части. XVII (нен.)+400+362 стр.—Житіе и славныя дѣла Петра Великаго, самодержца Всероссійскаго, съ предположеніемъ краткой географической и политической исторіи о Россійскомъ государствѣ, первѣе на славенскомъ языкѣ изданное въ Венеціи; а нынѣ вновь съ пополненіемъ и поправленіемъ какъ самой исторіи, такъ и съ преложеніемъ нѣкоторыхъ славено-сербскихъ словъ на россійскій, съ гравированными планами баталій и взятыхъ крѣпостей, и на всѣ великія дѣйствія медалями напечатано. Печатано иждивеніемъ купцовъ, Санктпетербургскаго Сергея Копнина и Иркуцкаго Ивана Байбородина. 2 части. С.-Пб. 1774. 4°. XXV (нен.)+367+333+111 (нен.) стр. См., по первому изданію, т. I, стр. 155—156, 160—162, 170—173, 177, 184—185, откуда извлечены примѣры, приведенные въ текстѣ. О содѣйствіи Шафирова и Миллера см. предисловіе къ первому тому. Современный отзывъ о 2-мъ изданіи въ *Russ. Bibliothek*, V (1779), 496—503.

55) Къ стр. 104.

а) Храмъ безсмертныя славы императора Петра Перваго. Съ французскаго языка перевелъ, исправилъ и умножилъ Василій Березайскій. С.-Пб. 1789. 208 стр.

б) Сокращенное описаніе жизни Петра Великаго, императора всея Россіи. Переведено съ французскаго. С.-Пб. 1771. 51 стр. Посвященіе графу П. Б. Шереметеву подписано „Вараблевскимъ“. Изъ „предъувѣдомленія“ видно, что предлагаемая книга есть переводъ изъ четырехтомнаго сочиненія Алеца: Les princes célèbres. Paris. 1769.

в) Краткое описаніе жизни и славныхъ дѣлъ Петра Великаго, перваго императора всероссійскаго. С.-Пб. 1788. 12°. 89 стр. Содержаніе совершенно сходно съ предыдущимъ „Сокращеннымъ описаніемъ“: тѣ же ошибки (напримѣръ, Петръ ѣдетъ въ 1697 г. между прочимъ въ *Данію*; Лефортъ—уроженецъ *Піэмонта*); тѣ же рубрики и заголовки; только слогъ болѣе новый и гладкій, да сдѣланы нѣкоторыя сокращенія. Такъ, напримѣръ, нѣтъ первыхъ вступительныхъ строкъ изданія 1771 года, выпущено троекратное прогнаніе шведскаго флота изъ-подъ Петербурга (изд. 1771 г., стр. 24; изд. 1788 г., стр. 42)

или фраза: „онъ [Петръ] имѣлъ съ нею [Екатериною] трехъ дочерей“ (изд. 1771 г., стр. 32; изд. 1778 г., стр. 57). Сравн. также страницу 21, изд. 1771 г., о „старикахъ и робяткахъ“, со страницею 36, изд. 1788 г. Обиліе сходныхъ выраженій въ обоихъ изданіяхъ позволяетъ думать, что издатель 1788 года не столько переводилъ, сколько перелагалъ текстъ своего предшественника. Впрочемъ въ изданіи 1778 г. есть и особенность: основаніе Петербурга разсказано по *Московскимъ Вѣдомостямъ* 1703 года, на каковыя и сдѣлана ссылка [1]), не совсѣмъ впрочемъ точная (4-го сентября и 15-го декабря, № 23): повидимому, имѣлись въ виду данныя (если не всѣ, то часть) отъ 18-го іюля, 24-го августа, 11-го сентября, 4-го октября и 15-го декабря, въ №№ 23, 26, 27, 29 и 37 [2]). 55

г) О перепечаткѣ книги Алеца въ 1795 году, вмѣстѣ со „Сказаніемъ“ Крекшина, см. выше, примѣч. 26, пунктъ б.

д) Въ 1782 г. появилась „Хронологія, переведенная тщаніемъ сочинителя философа дворянина, изъ науки, которую сочинилъ г. де-Шепиньи, дополнилъ г. де-Лиміеръ... съ прибавленіемъ россійской хронологіи, подражая... исторіи г. Ломоносова... Эмина и Несторовой лѣтописи. Часть I. Иждивеніемъ Н. Новикова и компаніи. М. 1782. 4°“. На стр. 248—250 изложенъ взглядъ де-Шепиньи на Петра: „Петръ Великій, признавая благодѣяніе, которое онъ получилъ отъ неба, чрезъ Нейстадской миръ, повелѣлъ обнародовать во всемъ своемъ государствѣ прощеніе всѣмъ своимъ подданнымъ, которые были въ заключеніи и осуждены какъ за государственные долги, такъ за самыя важныя злодѣйства; и се есть то, что принудило всѣ чины Россіи поднесть сему государю славный титулъ Петра Великаго *отца отечества всей Россіи*. А чтобъ учинить владѣніе свое еще больше цвѣтущимъ, то пренесъ онъ въ Петербургъ величайшую часть коммерціи, которая отправлялась въ Архангельскомъ городѣ, чтобъ здѣлать изъ С.-Петербурга другой Амстердамъ, или другой Лондонъ; и сколь великія затрудненія тому ни препятствовали, однако жъ все оное его намѣреніе исполнено и къ концу приведено. Впрочемъ сей великой государь искалъ всѣ способы облегчить и привесть въ цвѣтущее состояніе свой народъ, научить мореплаванію и коммерціи, и для того опредѣлилъ онъ нѣкоторой родъ учрежденныхъ пакетботовъ, между Любека и Петербурга, для способности коммерціи и путешествующихъ. Публиковалъ указъ, который содержалъ новое учрежденіе числу монастырей и числу монаховъ и ихъ прихода, и издалъ еще многіе весьма полезные указы. Сей государь имѣлъ весьма хорошій нравъ, много талантовъ и былъ хорошаго и нѣжнаго вкуса. Онъ могъ почитаться искуснымъ богословомъ, знающимъ математикомъ, глубокимъ физикомъ и проворнымъ механистомъ. Россійскую исторію зналъ онъ столько, сколько токмо возможно оную знать. А долгое употребленіе научило его основательно искусству войны и политики“.

е) Разговоръ Петра Великаго съ Лудовикомъ четвертымъ надесять, сочиненный г. Литтельтономъ, перев. съ англ. С. Б. *Новый Санктпетерб. Вѣстникъ* 1786, кн. I, 109—115. Во вкусѣ того времени авторъ заставляетъ Петра перечислять свои дѣянія, сдѣлавшія его „великимъ“ и, противупоставляя ихъ дѣя-

[1]) Стр. 38—40. Ср. изд. 1771 г., стр. 22.

[2]) Ср. Вѣдомости времени Петра Великаго. Вып. первый. М. 1903, стр. 62, 73—74, 76, 82, 95.

55—56 шімъ Людовика, воздавать хвалу самому себѣ, собесѣдника же его сознаваться въ собственныхъ ошибкахъ. „Отличная сила моего духа въ разсужденіи другихъ государей“—говоритъ Петръ—„оказывалась въ томъ, что я нимало не почиталъ за уничиженіе или умаленіе своего величія сойти съ престола, удалиться и работать на чужестранныхъ морскихъ верфяхъ, служить матросомъ въ своемъ флотѣ и простымъ воинномъ въ собственномъ же войскѣ“. „Иройство“ Петра выше Александрова или Кесарева (Юлія Цезаря), потому что тѣ правили народами несравненно болѣе мужественными и опытными въ военномъ дѣлѣ; ему же пришлось сражаться съ такимъ опаснымъ врагомъ, какъ Карлъ Шведскій. Обвиненіе въ „суровости собственнаго своего права“ Петръ парируетъ указаніемъ на то, что страхъ наказанія былъ единственнымъ средствомъ заставить повиноваться его грубыхъ сердцами подданныхъ. Эти суровыя мѣры во всякомъ случаѣ болѣе извинительныя, чѣмъ та „жестокая наглость“, которую французскій король проявилъ къ своимъ протестантскимъ подданнымъ. Заявленіе Людовика, что виною всему былъ его духовникъ, даетъ поводъ царю замѣтить: „ежели бы и я полагался на своего патріарха такъ, какъ вы положились на своего іерея, то бы не былъ столь великъ, какъ былъ“.

ж) Письмо барона Гольдберга къ пріятелю о сравненіи Александра Македонскаго съ Карломъ XII. С.-Пб. 1788, стр. 23: „Въ лѣтописяхъ не обрѣтается примѣра къ толикому величію духа, къ толикому мужеству, къ толикой прозорливости и мудрости, какою сіялъ порфироносный наперсникъ земли и неба, Петръ Великій“ (заимств. у М. Бородкина, Исторія Финляндіи. Время Петра Великаго. С.-Пб. 1910, стр. 94).

56) Къ стр. 105.

а) О высочайшихъ пришествіяхъ в. г-ря, ц. и в. кн. Петра Алексѣевича, всея в. и м. и б. Россіи самодержца, изъ царствующаго града Москвы на Двину, къ Архангельскому городу, троекратно бывшихъ; о нахожденіи шведскихъ непріятельскихъ кораблей на ту же Двину, къ Архангельскому городу; о зачатіи Новодвинской крѣпости и о освященіи новаго храма въ сей крѣпости. Изданіемъ Н. Новикова и К°. М. 1783. 111 стр. Издатели предваряли, что описаніе „собрано изъ старинныхъ записокъ, въ Двинскихъ церквахъ найденныхъ, и внесено сюда для вѣрности тѣми же словами, какія и въ запискахъ находились; перемѣны же онымъ словамъ никакой чинено не было“. Разсказъ о пришествіи шведскихъ судовъ подъ Архангельскъ въ 1701 году составленъ преосв. Аѳанасіемъ, а издателями „оное здѣсь предлагается слово въ слово“ (стр. 68). Кромѣ упомянутаго прихода шведовъ, книга содержитъ разсказъ о трехъ пріѣздахъ царя въ 1693, 1694 и 1702 годахъ.

б) Кабинетъ Петра Великаго или подробное и обстоятельное описаніе восковаго его величества изображенія, военной и гражданской одежды, собственноручныхъ его издѣлій и прочихъ достопамятныхъ вещей, лично великому сему монарху принадлежавшихъ. С.-Пб. 1793. 2 чч. 170+154+IV стр. Новое изданіе (С.-Пб. 1800. 4°. 215+287+278 стр., съ 4 гравюрами), подъ общимъ заглавіемъ „Кабинетъ Петра Великаго“, было значительно дополнено и составило три „отдѣленія“, каждое съ самостоятельной пагинаціей и своимъ особымъ титуломъ, въ зависимости отъ детальныхъ отличій въ содержаніи со-

ответственнаго отдѣленія. Непосредственно къ Петру имѣетъ отношеніе лишь первое отдѣленіе, остальныя два—описаніе кунсткамеры Академіи Наукъ, въ числѣ которой лишь немногое (нѣкоторыя медали; во второмъ отдѣленіи) имѣетъ связь съ именемъ Петра. 56—57

57) Къ стр. 106.

а) *Sammlung Russischer Geschichte*, Bnd. II, Stück I, II, III (St.-Pet. 1736—1737), стр. 36—270, безъ подписи автора и безъ общаго титула, но какъ рядъ самостоятельныхъ статей по исторіи Крыма въ древніе, средніе и новые вѣка. Въ статьѣ „Was Azows halben bis 1695 vorgefallen“ встрѣчаемъ ссылку на Гордона: „Folgende Nachrichten haben wir aus des General Gordons eingenhändigem Journal gezogen“ (стр. 141). Изложеніе событій доведено до возвращенія Азова турками по договору Прутскому. Въ дополненіи къ своему труду Байеръ приложилъ переводъ напечатанныхъ на латинскомъ языкѣ въ Lunigii Litteris Procerum Europae, pars. III, p. 1038, писемъ, коими обмѣнялись въ 1710—1711 годахъ Петръ I и турецкій султанъ Ахметъ III. Письма эти въ русскихъ изданіяхъ сочиненія Байера воспроизводимы не были.

б) Краткое описаніе всѣхъ случаевъ, касающихся до Азова, отъ созданія сего города до возвращенія онаго подъ Россійскую державу. Переведено съ нѣмецкаго языка чрезъ І. К. Тауберта Академіи Наукъ адъюнкта. С.-Пб. 1738. 284 стр. Малое 8. Изд. 2-е. С.-Пб. 1768. Мал. 8. 292 стр. Изд. 3-е. С.-Пб. 1782. 244 стр.

в) „Древнія Азовскія и Крымскія произшествія; изъ собранія, касающ. до Россійской исторіи покойнаго... Г. Ф. Миллера, изданнаго на нѣмецкомъ языкѣ, часть II, членъ 4“. *Нов. Ежем. Сочиненія* 1792, декабрь; 1793, мартъ, апрѣль, май, іюнь, іюль, сентябрь, ноябрь (въ этомъ № подпись переводчика: В. Муратовъ); 1795, іюнь, іюль, октябрь, ноябрь, декабрь. Событія обрываются на 1689 годѣ; обѣщаннаго продолженія не было, хотя самый журналъ и издавался еще въ теченіе 1796 года. Такимъ образомъ, сравнительно съ переводомъ Тауберта, здѣсь не хватаетъ описанія событій за 1695—1711 годы.

г) Статьи Миллера о потѣшныхъ полкахъ, а также его „прибавленіе о журналѣ генерала Гордона“, на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, указаны выше, примѣч. 51, пунктъ ж. Сравн. *Чтенія* 1891, кн. IV, стр. 12.

д) Lebensbeschreibung des ehemaligen russischen Generals Patrick Gordon. *Neues Stptbg. Journal* 1781, т. IV, стр. 1—45, за подписью инициалами J. G. St[ritter], съ приложеніемъ слѣдующаго содержанія: „Den Stof zu dieser Lebensbeschreibung hat mir das eigenhändige Tagebuch des ehemaligen russischen Generals P. Gordon dargeboten. Dieses Tagebuch scheint aus 8 bis 9 Bänden in 4-to bestanden zu haben, von welchen jedoch jetzt nicht mehr als 6 Bände übrig sind. Vier davon fanden sich bey der Wittwe eines von Gordons Nachkommen, welcher Translateur bey der Admiralität gewesen ist. Se. Erlaucht der Herr Graf Alexander Serg. Strogonow kauften selbige von der Wittwe und haben sie, als ein grosser Beförderer der Geschichte dem Herrn Staatsrath Müller zum Gebrauche überlassen. *Zwey* andere Bände haben sich nachher in dem Archive des Kaiserl. Kollegii der auswärtigen Angelegenheiten in Moskau gefunden“. — Русскій переводъ этой біографіи, безъ имени автора: Описаніе жизни бывшаго россійск. генерала Гордона. *Мѣсяцословъ исторической и гео-*

57 *графической на 1782 годъ*, стр. 1—64; перепечатано въ „Собраніи Сочиненій, выбранныхъ изъ мѣсяцослововъ на разные годы“, ч. V, С.-Пб. 1790, стр. 34—86. Имя автора не указано.

е) Извѣстіе объ осадѣ Азова въ 1695 году. *Мьсяцословъ истор. и географической на 1783 годъ*, стр. 1—51; перепечатано въ томъ же „Собраніи“, ч. V, 165—207 („Извѣстія объ осадѣ Азова въ 1695 году“). Статья составлена „изъ своеручныхъ дневныхъ записокъ ген. Гордона“. Одновременно вышелъ и нѣмецкій текстъ, за подписью составителя: Stritter, Nachricht von der Belagerung von Asow im Jahr 1695. *Neues Stptbg. Journal* 1783, т. II, 3—38.

ж) Объ осадѣ и взятіи города Азова въ 1696 году. *Мьсяцословъ истор. и геогр. на 1784 годъ*, стр. 57—107; перепеч. въ томъ же „Собраніи“, ч. V, стр. 319—369. „Сіи извѣстія взяты большею частію изъ рукописныхъ дневныхъ записокъ ген. П. Гордона, частію же изъ выписокъ“, сдѣланныхъ Миллеромъ изъ Разрядной книги, изъ „Азовской исторіи“ Байера и „Похода боярина Шеина къ Азову“. Ссылки тѣ же (за исключеніемъ „Похода Шеина“), что и въ „Извѣстіи объ осадѣ Азова въ 1695 г.“, что, совмѣстно съ характеромъ содержанія, позволяетъ и эту статью приписать перу Стритера.

з) Статьи въ *Новыхъ Ежемьсяч. Сочиненіяхъ* печатались (за подписью *К.*, въ послѣднемъ заключительномъ номерѣ) подъ разными заголовками: 1) „Осада крѣпости Чигирина турками въ 1677 году“: чч. 29 [a]), 30, 35; ноябрь [a]), декабрь 1788; май 1789—событія съ 1677 по 13-е марта 1678 г., съ помѣтою, что „не достаетъ описанія произшествій съ 14 марта по 28 число апрѣля“; 2) „Походъ и осада Чигирина турками въ 1678 году“, чч. 36, 37; іюнь, іюль 1789—событія 28-го апрѣля—28-го іюля 1678 г.; 3) „Осада крѣпости Чигирина турками въ 1678 году“; чч. 39, 40; сентябрь, октябрь 1789 — событія 29-го іюля—26-го августа 1678 г. За исключеніемъ немногихъ коротенькихъ поясненій составителя, все остальное является непосредственнымъ текстомъ записокъ Гордона.

и) „Дневныя записки Патрикія (Петра) Іоанновича Гордона, содержащія достопамятныя приключенія его жизни, времени и бытности въ Россіи; съ англійской рукописи переведены стараніемъ и подъ смотрѣніемъ Ѳ. Туманскаго. Англійской подлинникъ досталъ мнѣ благодѣтельный другъ“. *Россійскій Магазинъ*, ч. II (1793), 389 — 466; ч. III, кн. четвертая (декабрь 1793), 237—280; ч. III, кн. пятая (январь 1794), 317—370. Въ этихъ трехъ выпускахъ помѣщены полностью два года: съ января 1684 по декабрь 1685 включительно; „продолженіе съ 1686 года“ обѣщано было (стр. 370) въ IV-й части *Р. Магазина*, которая въ свѣтъ не появлялась. Сравн. *Чтенія Общ. Ист. Др. Росс.* 1891, кн. IV (отдѣльно: Дневникъ ген. П. Гордона. Часть I. М. 1892), стр. 13—14.— Въ предисловіи къ своему изданію дневника Гордона Туманскій сообщалъ: «Предлагаемый здѣсь важный дневникъ начинается съ 1684 года и продолжается до кончины писателя, а прежденписанныхъ у меня нѣтъ, да и въ рядъ ли найти будетъ можно, поелику и стараніе о семъ покойнаго г. Миллера, въ

[a]) Въ экземплярѣ *Нов. Ежем. Сочиненій*, бывшемъ въ нашихъ рукахъ, не достаетъ части 29 (ноябрь 1788); указанія на нее заимствованы изъ ссылки въ ч. 30-й и изъ Историч. Розысканія Неустроева, 410, который переводчиками (съ нѣмецкаго) называетъ Н. С. и К. Штриттера. Ср. *Чтенія* 1891, IV, 13.

лучшихъ предъ моими обстоятельствами бывшаго, было тщетно. Рѣдкость сего 57
дневника заставляетъ меня надѣяться, что соотчичи мои съ великимъ удовольствіемъ увидятъ оный напечатаннымъ на россійскомъ языкѣ, вмѣсто того что и на англинскомъ печатнаго нѣтъ, да и рукопись едва ли кто имѣетъ. Переводили многіе то по знакомству, то за деньги, иногда на нѣмецкій, иногда на французскій, колико же труда мнѣ стоило привесть все въ порядокъ, согласить и написать сей дневникъ поруски: о красотѣ слога нѣкогда было стараться, да и подлинникъ не красоту слога предметомъ имѣлъ. Трудность больше состояла въ правописаніи именъ упоминаемыхъ людей и селеній; гдѣ возможно было, занималъ я сіи по соображенію временъ и обстоятельствъ изъ русскихъ, малороссійскихъ и польскихъ лѣтописцевъ, изъ чертежей и проч. Но еще нѣчто осталось неисправленнаго до времени». Ссылаясь на свѣдѣнія о Гордонѣ, опубликованныя Миллеромъ въ IV-й части *Опыта Трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія*, Туманскій, съ своей стороны, добавлялъ къ нимъ еще: а) „рукописное извѣстіе, писанное 6 іюля 1766 года на французскомъ языкѣ“ и б) переводъ грамоты англійскаго короля Якова II, отъ 29-го мая 1686 г., къ царямъ Іоанну и Петру, съ просьбою отпустить изъ Россіи Гордона и его семью (стр. 389 слѣд.).—О судьбѣ рукописи Гордона см. *Чтенія Общ. Ист. Др. Росс.* 1891, кн. IV (отд. М. 1892), стр. 10 слѣд.

і) *И. Голиковъ*, Историческое изображеніе жизни и всѣхъ дѣлъ славнаго женевца Франца Яковлевича Лефорта, перваго любимца Петра Великаго... и сослужебника его, подобно же посвятившаго себя службѣ отечества нашего, знаменитаго шотландца... Патрика Гордона. М. 1800. XVI+307 стр.

к) *Ильинскій*, Житіе Франца Яковлевича Лефорта, россійскаго генерала и описаніе жизни нижегородскаго купца Козьмы Минина. С.-Пб. 1799. 12°. 144+78 стр. Біографія изложена старательно, не безъ (относительныхъ, впрочемъ) достоинствъ.

л) Сокращенное описаніе жизни росс. генерала и генерала-адмирала Фр. Як. Лефорта. *Зеркало Свѣта*, ч. I, 15-го мая 1786 г., стр. 328—340. Изложеніе фактическихъ данныхъ.

м) Сокращенное описаніе жизни бывшаго генерала-фельдмаршала и кавалера кн. Ал. Дан. Меньщикова. *Зеркало Свѣта*, ч. II, № 31, 31-го іюля 1786 г., стр. 237—250; № 32, 7-го авг. 1786 г., 255—264. Одни біографическія данныя; оцѣнкою авторъ не задавался.—Авторомъ двухъ послѣднихъ біографій былъ Ѳ. Туманскій. Позже, со ссылкою на Голикова, Дѣянія, IV, 235; Дополн., VII, 24 (гдѣ, дѣйствительно, есть тоже ссылки на *Зеркало Свѣта*), онъ говорилъ по ихъ поводу: „другіе противъ всякаго чаянія моего сіи отрывки вмѣнили во источники для исторіи величайшаго монарха“ (*Росс. Магазинъ*, ч. I, стр. 270).—Сравн. еще: 1) Дипломъ на княжеское священныя Римскія имперіи достоинство, данъ отъ е. и. в. Іосифа I, избраннаго римскаго императора, Алекс. Дан. Меншикову и его потомству съ титуломъ свѣтлѣйшаго, въ Вѣнѣ 1706 г. января 21 дня. М. 1774, въ листъ: латинскій текстъ съ русскимъ переводомъ. *Russische Bibliothek*, III (1775), 239: „Diese Ausgabe stimmt mit der zu Moskau in dem Archiv des Collegii der auswärtigen Geschäfte befindlichen Originalurkunde nicht genau überein“. 2) Дипломъ на княжеское Россійскія имперіи достоинство съ подтвержденіемъ Римскаго императорскаго диплома, данный отъ е. в. г. и. Петра Великаго самод-ца всероссійскаго фамиліи князей Менши-

57—58 ковыхъ, 1707 года. Печатано 1779 года (sine loco). 8 стр. въ листъ. Намъ осталось неизвѣстнымъ изданіе 1774 г. (печат. при типографіи моск. ун-та), 3 листа in-folio, съ гравированнымъ изображеніемъ княжескаго герба Меншикова, на которое указываетъ *Russ. Bibliothek*, III (1775), 240, говоря, что подлинникъ диплома хранится въ Московскомъ архивѣ. Въ изданіи 1779 г. гербъ отсутствуетъ. Дипломъ выданъ 1-го іюня 1707 г., въ главномъ стану при Казимирѣ; А. Д. Меншиковъ былъ пожалованъ „княземъ Ижерскія земли“, съ титуломъ „свѣтлѣйшаго“.

58) Къ стр. 106.

а) Историческое, географическое и топографическое описаніе Санктпетербурга, отъ начала заведенія его, съ 1703 по 1751 годъ, сочиненное Г. Богдановымъ; со многими изображеніями первыхъ зданій, а нынѣ дополненное и изданное .... В. Рубаномъ. Изданіе первое. С.-Пб. 1779. VI (нен.)+528+XXIX (нен.) стр. Книга, въ рукописи, готова была еще въ 1752 году; самъ авторъ отзывался о ней, что она „состоитъ отчасти изъ славныхъ и достопамятныхъ дѣлъ государя Петра Великаго“ [1]).—Обзоръ содержанія дань въ *Russ. Bibliothek*, VII (1781), 83—87 и (значительно подробнѣе) въ *St.-Petersburgisches Journal* 1779, Bnd. VII, іюнь, 410—418; Bnd. VIII, іюль, 30—37. Часть книги предварительно выхода ея полностью въ свѣтъ, была напечатана въ *Мѣсяцесловѣ на 1778 годъ*, подъ именемъ „Краткаго описанія начала и приращенія царствующаго города Санктпетербурга, съ начала по 1748 годъ (выписка изъ топографіи архиваріуса Андрея Богданова)“ и перепечатана въ „Собраніи сочиненій, выбр. изъ мѣсяцесословъ на разные годы“, ч. II. С.-Пб. 1787, стр. 306—348.

б) Ѳ. Т[уманскій], Описаніе города Санктпетербурга. *Россійскій Магазинъ* 1792—1793, ч. I. С.-Пб. 1792, стр. 11—52, 143—186; ч. II. С.-Пб. 1793, стр. 113—208.

в) (П. Безакъ), Описаніе столичнаго города Санктпетербурга. 1794. 757 стр., въ трехъ частяхъ, съ общей пагинаціею. Дополненіе и переработка изданія 1791 года, на нѣмецкомъ языкѣ. Это есть собственно описаніе современнаго автору Петербурга; часть историческая почти отсутствуетъ.

г) А. Н[артовъ], Похвала Петербургу. *Ежемѣсяч. Сочиненія* 1756, декабрь, 551—552. „Похвала Петербургу“ въ сущности явилась похвалою его „зиждителю“:—„Чтобъ слава намъ его всечасно воображалась,—поставимъ мы ему премного пирамидъ,—гдѣбъ славна жизнь его и мудрость начерталась,—и симъ усердія покажемъ ясный видъ“.

д) И. Бакмейстеръ, Историческое извѣстіе о изваянномъ конномъ изображеніи Петра Великаго. Переведено Н. Карандашевымъ. С.-Пб. 1786. 100 стр. Обстоятельное описаніе перевозки камня, выбраннаго подъ пьедесталъ, работъ надъ сооруженіемъ самаго памятника; характеристика изображеннаго Фальконетомъ момента; торжество открытія памятника.—Подлинный текстъ (Historische Nachricht von der metallenen Bildsäule Peter des Grossen) въ *Neues St.-Petersburgisches Journal* vom Jahre 1782, 4-ter Band, 3—71 и отдѣльно.

---

[1]) Пекарскій, Исторія Акад. Наукъ, II, 200.

С.-Пб. 1789 [1]). Еще раньше Бакмейстеръ помѣстилъ небольшую статью (Von der Bildsäule Peters des Grossen) въ *Russische Bibliothek*, т. IV (1776), стр. 160—167 (о ходѣ работъ; идея статуи); сравн. тамъ же, т. VIII (1783), 128—130, подъ тѣмъ же заголовкомъ (открытіе памятника). 58

е) О работѣ Фальконета надъ статуей и объ обстановкѣ, въ какой она выполнялась, см. переписку Фальконета съ имп. Екатериной въ *Сборн. Рус. Ист. Общ.*, т. XVII и составленную на ея основаніи статью Рамбо: Cathérine II et ses correspondants français, въ *Revue des deux Mondes* 1877, tom. XIX, 15 Janvier, 278—309; 1 Février, 570—604; русскій переводъ въ *Русск. Архивѣ* 1877, II.

ж) Въ журналѣ *Собраніе Новостей* 1775, окт., 45—46 была помѣщена замѣтка о томъ, какъ рабочій Кайловъ, при отливкѣ Фальконетовской статуи Петра Великаго, когда плавка пошла было неправильно и грозила порчею работы съ опасностью для жизни окружающихъ, одинъ изъ всѣхъ не покинулъ своего поста и „проводилъ растопленной металлъ въ форму до послѣдней капли", чѣмъ спасъ все дѣло. Сравн. Петровъ, Исторія С.-Петербурга. С.-Пб. 1885, стр. 807 и примѣчанія, стр. 96.

з) Ода на торжественное открытіе монумента Петра Великаго, августа въ 7 день 1782 г. *Утрѣ*, еженед. изданіе, 1782, августъ, 89—96. Авторъ изображаетъ Петра воскресшимъ изъ нѣдръ и озирающимъ свое твореніе; Нептунъ привѣтствуетъ и славословитъ царя; его смѣняетъ Марсъ и Минерва. Впрочемъ авторъ не забываетъ и современниковъ: хвала Петру тѣсно переплетена съ дифирамбами имп. Екатеринѣ II.

и) Надпись монументу Петра Великаго поставл., предъ сенатомъ авг. 7 дня 1782 г. *Санктпетербургская Вивліовика* (мѣсяцъ іюль, 1783), стр. 177 [2]). 2) Надпись къ камню, составляющ. подножіе лицеподобія имп. Петра Великаго въ Санктпетербургѣ, сочиненная въ Германіи Гиршбергскихъ училищъ ректоромъ К. Л. Бауеромъ въ 1771 г., перев. съ лат. В. Р[убанъ]. *Новыя Ежемѣсячныя Сочиненія*, ч. 83, 1793 г., май, стр. 3—4; 3) В. Рубанъ. Надписи на открытіе гос. императрицею Екатериною II въ С.-Пб. изваяннаго бронзоваго лицеподобія имп. Петра Великаго (7 авг. 1782 г.), *тамъ же*, ч. 86, 1793 г., авг., 3—4. Изъ двухъ надписей ниже приводится полностью текстъ второй: „Іона три дня бывъ у кита во утробѣ,—цѣлъ въ Ниневійскій градъ къ народу принесенъ;—полъвѣка цѣлаго скрываясь Петръ во гробѣ,—явился нынѣ въ свѣтъ межъ созданныхъ имъ стѣнъ.—Зря видъ его теперь, Балтійски плещутъ воды,—играетъ моюща гранитный брегъ Нева,—и въ новой красотѣ сіяютъ острова,—на конхъ первые онъ водворилъ народы:—въ восторгѣ радостномъ является весь градъ,—съ Екатериной Петръ виною спхъ отрадъ"; 4) Похвальныя надписи: Къ статуѣ Петра Великаго. *Разныя письменныя матеріи, собранныя для удовольствія любопытн. читателей М. Камаровымъ.* Москва. 1791, стр. 1—5 (всего семь надписей; тутъ же, стр. 6—7, надписи „Къ столпу на Полтавскомъ

---

[1]) См. объ этомъ отдѣльномъ изданіи сообщеніе въ *Russ. Bibliothek*, VIII (1783), 219—225.

[2]) Заимствовано у Неустроева, Историч. Розысканіе, 352: самаго журнала нѣтъ ни въ Имп. Публ. Библіотекѣ, ни въ Академіи Наукъ.

58—59 полѣ", „Къ ботику", „Къ домику Петра Великаго, которой построенъ при начатіи Санктпетербурга").

і) С. Любецкій, Открытіе памятника Петру I Екатериною II. *Вѣстникъ Московск. Политехнич. Выставки* 1872, № 6.

к) „Въ 1766 году, т. е. при началѣ работъ надъ статуею Петра Великаго", возникла мысль о постановкѣ памятника самой Екатеринѣ II. Нѣкто Билленштейнъ предлагалъ, между прочимъ, „поставить памятникъ Петру Великому на Васильевскомъ островѣ, площадь же между Сенатомъ и Адмиралтействомъ, какъ самую приличную для такого сооруженія, употребить для памятника императрицѣ и переименовать ее Екатерининскою" [1]).

59) Къ стр. 107.

а) Описаніе похода г. и. Петра Великаго къ лежащимъ при Каспійскомъ морѣ Персійскимъ провинціямъ. *Россійск. Магазинъ*, ч. III (1793), сент. 1 [2]).

б) Рѣдкое и достопамятное извѣстіе о бывшей изъ Россіи въ Великую Татарію экспедиціи, подъ именемъ посольства, принадлежащее къ пользѣ, къ службѣ находящимся и въ коммерціи упражняющимся, всеавгустѣйшей монархіи посвященное. С.-Пб. 1777. 63 стр.—По даннымъ, сообщеннымъ генераломъ Тевкелевымъ. Содержаніе: обзоръ сношеній Россіи въ XVIII в. съ народами Средней Азіи; разсказъ объ экспедиціи Бековича (стр. 9—27); описаніе морей Каспійскаго и Аральскаго; „о сухомъ пути въ полуденную Азію" и „о восточной Индіи". Посвященіе имп. Екатеринѣ II подписано ротмистромъ Васпліемъ Могутовымъ. Сравн. поправку въ рецензіи *Санктпетербургскаго Вѣстника* 1778, ч. 1, январь, № 1, стр. 61—65: напрасно-де Могутовъ заявляетъ, что Г. Ф. Миллеръ изложилъ исторію экспедиціи Бековича въ Бухару [3]) сокращенно: на ту же тему и въ томъ же журналѣ, въ другой статьѣ [4]) Миллеръ имѣлъ случай говорить обстоятельнѣе; но, очевидно-де, Могутову эта вторая статья осталась непзвѣстною. Оба они, и Миллеръ, и Могутовъ, пользовались для своей работы устными сообщеніями ген.-маіора Тевкелева.

в) Описаніе путешествія, коимъ ѣздили китайскіе посланники въ Россію, бывшіе въ 1714 году у калмыцкаго хана Аюки на Волгѣ. *Ежемѣсяч. Сочин.* 1764, ч. II; іюль-ноябрь [5]). Описаніе составлено участникомъ посольства Тулишиномъ. Ѣхали на Селенгинскъ, Иркутскъ, Тобольскъ, Верхотурье, Соликамскъ, Казань, Волгой; тѣмъ же путемъ и обратно. Описаніе обилуетъ свѣдѣніями географическими, бытовыми, по вопросамъ дипломатіи и политики.

г) Белевы путешествія чрезъ Россію въ разныя Асіятскія земли, а именно: въ Испаганъ, въ Пекинъ, въ Дербентъ и Константинополь. Перевелъ съ франц.

---

[1]) Я. К. Гротъ, въ *Сборникѣ Имп. Русск. Истории. Общ.*, т. XIII, предисл., стр. XX. Самый проектъ Билленштейна тамъ же, т. XVII, 331—361.

[2]) Заимствовано у Неустроева, Историч. Розысканіе, 731.

[3]) *Ежемѣсяч. Сочиненія*. 1760, январь: „Извѣстіе о несомномъ золотѣ въ Бухаріи"; ср. выше примѣч. 51, пунктъ г.

[4]) 1763, январь, „Описаніе Каспійскаго моря" Ѳ. И. Соймонова, ср. выше то же примѣчаніе.

[5]) См. выше примѣч. 51, пунктъ г.

Михайло Поповъ. 3 чч. С.-Пб. 1776. Въ первыхъ главахъ первой части описаніе пути изъ Петербурга черезъ Казань и Волгой до Шемахи. Сравн. Иконниковъ, Опытъ русск. исторіогр., I, 752. 59—60

60) Къ стр. 108.

а) Списокъ кораблямъ и прочимъ судамъ всего россійскаго флота отъ начала заведенія онаго до нынѣшнихъ временъ, съ историческими вообще о дѣйствіяхъ флотовъ и о каждомъ суднѣ примѣчаніями. Часть I, содержащая въ себѣ царствованіе государя Петра Великаго. Собралъ изъ достовѣрныхъ записокъ и журналовъ контръ-адмиралъ А. Шишковъ. С.-Пб. 1799. 4. 323 стр.

б) Со II-й части *Россійскаго Магазина* Туманскій началъ печатать „Лѣтописецъ Малыя Россіи“ (со временъ Богдана Хмельницкаго); послѣднія главы излагаютъ гетманство Самойловича, Мазепино и „повѣсть, откуда Палѣй повсталъ“ (ч. III, 213—236; 280—311).

в) Договоръ 1698 декабря 25 между Россіею и Оттоманскою Портою о перемиріи на два года, въ Карловичахъ заключенный. *Росс. Магазинъ*, ч. III (1793), 312—316.

г) Ѳ. Т[уманскій], Извѣстіе о цѣнѣ нѣкоторыхъ товаровъ, какъ оные въ Москвѣ 1704 года продаваемы были; изъ извѣстій П. І. Марпергера. *Росс. Магазинъ*, ч. I, 429—430.

д) Историческій опытъ о внѣшней торговлѣ г. и. Петра Великаго, отъ 1693 г. по 1719 г. сочиненъ архангелогородскимъ гражданиномъ Василіемъ Крестининымъ 1792 года. *Мѣсяцословъ историческій и географическій на 1795 годъ*, стр. 1—111. Въ приложеніи помѣщены 12 указовъ Петра 1714—1720 гг., по подлинникамъ, хранившимся въ губернскомъ правленіи Архангелогородскаго намѣстничества. Крестининъ, видимо, вложилъ много любви и усердія въ свой трудъ. „Недостатки“ его онъ объяснялъ пожаромъ, сгубившимъ въ Архангельскѣ два архива: канцелярскій и таможенный. „Въ приказныхъ запискахъ, которыя были въ сихъ архивахъ, содержался, во-первыхъ, вѣрныя свидѣтельства обо всѣхъ товарахъ и капиталѣ въ царскихъ торгахъ; во-вторыхъ, обстоятельныя извѣстія о торговыхъ и военныхъ корабляхъ его величества, построенныхъ на двинскомъ островѣ Соломбалѣ, близъ города лежащемъ. Огонь истребилъ въ 1779 году архиву Архангелогородской губернской канцеляріи; а таможенныя дѣла утрачены. Послѣдніе же въ городѣ Архангельскомъ остатки свидѣтельствъ о торгахъ и о самыхъ первыхъ корабляхъ Петра Великаго зримые въ настоящемъ историческомъ опытѣ, суть аки крупицы, оставшіяся отъ богатыя трапезы“ (стр. 6). Сочиненіе Крестинина было готово въ 1792 году, и авторъ хотѣлъ было въ слѣдующемъ году, „въ самую столѣтнюю годину торговли Петра Великаго“, отправить его для напечатанія въ Академію Наукъ, какъ 26-го іюня пожаръ уничтожилъ рукопись. Она была возстановлена по черновой, бывшей въ рукахъ другого лица (стр. 69).

е) М. Чулковъ, Историческое описаніе россійской коммерціи при всѣхъ портахъ и границахъ, отъ древнихъ временъ до нынѣ настоящаго, и всѣхъ преимущественныхъ узаконеній по оной г. и. Петра Великаго и нынѣ благополучно царствующей г. и. Екатерины Великія. С.-Пб. 1781—1786. 7 томовъ въ 21 книгѣ. О торговлѣ при Архангелогородскомъ портѣ см. т. I, кн. II. С.-Пб. 1782.

60 ж) Преобладаніе лицъ нѣмецкаго происхожденія въ составѣ Петербургской Академіи Наукъ въ XVIII вѣкѣ не могло не сказаться на томъ, что значительная часть серьезныхъ трудовъ, появившихся въ Россіи за эту пору, были написаны на нѣмецкомъ языкѣ, какъ самими академиками, такъ и лицами, близко стоявшими къ нимъ по своимъ литературнымъ работамъ. Мы уже имѣли случай отмѣтить такія изданія, какъ *Sammlung Russischer Geschichte*, *Petersburgisches Journal*, *Neues Petersburgische Journal*; сочиненія Тауберта, Миллера, Бакмейстера. Издававшійся заграницею *Magazin für die neue Historie und Geographie* Бюшинга, по содержанію, а главное по литературнымъ связямъ его издателя, можно считать до извѣстной степени такимъ же русскимъ изданіемъ, какъ и только что упомянутыя. Сверхъ указаннаго выше изъ литературы на нѣмецкомъ языкѣ, посвященной Петру Великому, можно отмѣтить еще слѣдующее.

Въ *Magazin'*ѣ Бюшинга: 1) указъ 31-го января 1724 г. о монастырскихъ имуществахъ: т. I (Hamb. 1773), стр. 78 — 90; 2) регламентъ о коллегіяхъ 27-го февраля 1720 г.: т. I, стр. 109—144; 3) Anecdoten von Kaiser Petern I: т. III (Hamb. 1769), стр. 183—188; 4) Anecdoten von der Kaiserin Cathrina I: т. III, стр. 189—192; 5) Табель о рангахъ, съ указомъ 24-го января 1722 г.: т. VII (Halle. 1773), стр. 347—360; 6) Exlaircissemens sur plusieurs faits, relatifs au règne de Pierre le Grand; extraits en l'an 1761 à la requisition d'un savant des papiers du feu comte Henningue Frédéric de Bassevitz, conseiller privé de L. M. Imperiales Romaine et Russienne, chevalier de St.-André: т. IX (Halle. 1775), стр. 281—380: французскій пересказъ нѣмецкой рукописи Бассевича (ум. 1749 г.); 7) Abgestatteter Bericht an den römisch-kaiserlichen Hof von der russischen Kaiserin Katharina der ersten Herkunft und Gelangung zum Thron. Wien, am 28 September 1725: т. XI (Halle. 1777), стр. 479—522; 8) J. H. Brockhausens Anerbietungen, Manufakturen und Fabriken im russischen Reich anlegen zu wollen. 1702—1703: т. XI, стр. 471—478; 9) Schreiben des P. Gerbillon eines französischen Jesuiten vom 22 August 1689: т. XIV (Halle. 1780), стр. 385—408: данныя по исторіи заключенія мира между Россіей и Китаемъ; 10) Матеріалы (брачные контракты и проч.) по исторіи заключенія браковъ царевны Анны Іоанновны (1710 г.), царевича Алексѣя Петровича (1711 г.) и царевны Екатерины Іоанновны (1716 г.): т. XV (Halle. 1781), стр. 199 — 278; 11) Patkuls Anschläge und Begebenheiten: т. XV, стр. 279—302; 12) Abgedruckte Original-Briefe des Freyherrn P. von Schaphirof... an den... Grafen von Bassewitz: т. XV, стр. 303—312 (за 1725—1727 гг.); 13) Fr. W. von Bergholz Tagebuch, welches er in Russland von 1721 bis 1725 als holsteinischer Kammerjunker geführet hat: т. XIX (H. 1785), стр. 3—202; т. XX (H. 1786), стр. 331—592; т. XXI (H. 1787); стр. 178—360; т. XXII (H. 1788), стр. 425—552 (за 1721—1725 гг.).—Въ *St.-Petersb. Journal*:—1) Memorial des Baron Huyssen an den Fürsten Menschikow gerichtet, 1704: т. V, 1778, апрѣль, 417—428; 2) Extrakt aus dem Testament des vorletzten russischen Patriarche Joakim: т. X, 1780, октябрь, 284 — 294. Переводъ съ подлинника, хранящагося въ Патріаршей библіотекѣ въ Москвѣ. — Въ *Neues St.-Petersburg. Journal*: Ueber den Ursprung der russischen Flote: 1781, III, 62 — 83. Кромѣ того, въ 1770 годахъ Бакмейстеръ задумалъ серію публикацій, спеціально посвященныхъ Петру Великому и его времени: „Beyträge zur Geschichte Peters des Gros-

sen“. Программа изданія расчитана была главнымъ образомъ на переводы русскихъ книгъ и статей; въ виду имѣлись: письма государя къ Б. П. Шереметеву; выдержки изъ его указовъ; извлеченія изъ сочиненій Татищева, Ѳеодози; статьи журнальныя, о молодыхъ годахъ и первыхъ годахъ царствованія, а также библіографія. Планъ былъ довольно обширный, но исполненіе пріостановилось на первыхъ выпускахъ: далѣе перевода и изданія Поденной Записки Бакмейстеръ не пошелъ.

ОПЕЧАТКИ.

1-я пагинація.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ.*
52	2	чего-то	нѣсколько

2-я пагинація.

82	7 сн.	т. I.	т. V.
82	1 сн.	т. I.	т. V.
98	28	напечаны	напечатаны
103	2 сн.	И. Новиковымъ.	Н. Новиковымъ.
117	11 сн.	царскій	царской
118	7	[1]) .	[1a])
126	19	Θ. М.	Θ. И.
131	33	12 [6])	12 [5])
142	1 сн.	пунктъ	пунктъ
144	19	Exlaircissemens	Eclaircissemens

[1a]) *Напеч. Опытъ*, V, 87—105; Тум., V, 117—132.

УКАЗАТЕЛЬ.

Указатель къ этой книгѣ разбитъ на 5 отдѣловъ: личный, географическій, учрежденій, рукописей, которыми пользовался авторъ при составленіи своего труда, и сочиненій, полностью или въ извѣстныхъ частяхъ своихъ, посвященныхъ Петру Великому и событіямъ его царствованія. Въ послѣднюю группу однако вошли лишь произведенія анонимныя или вообще лишенныя признаковъ, позволяющихъ, тѣмъ или инымъ путемъ, отыскать данную книгу. Такія же, напримѣръ, книги или статьи, какъ „Исторія о невинномъ заточеніи А. С. Матвѣева“, „Походъ боярина А. С. Шеина“, „Извѣстіе объ осадѣ Азова“, „Петръ Великій, Меншиковъ и Лейбницъ“ и т. п., сюда не вошли—ихъ надо искать въ указателяхъ личномъ и географическомъ, подъ словами „Матвѣевъ“, „Шеинъ“, „Азовъ“, „Меншиковъ“ (или „Лейбницъ“, „Петръ“).

Тѣмъ болѣе это относится къ сочиненіямъ, авторъ которыхъ извѣстенъ и, слѣдовательно, упомянутъ въ указателѣ личныхъ именъ. Наконецъ, совершенно выдѣлены изъ указателя книги и статьи (равно и имена ихъ авторовъ), служившія лишь простымъ источникомъ сообщаемыхъ свѣдѣній.

I. УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫЙ.

Августъ, имп., 43.
Августъ II, король, *11*, *18*, *128*.
Адріанъ, патр., 96, 97, 99, *103*, *105*.
Аксаковъ, И. С., *20*.
Александръ I, имп., 26, 64, *81*, *109*.
Александръ II, имп., 26.
Александръ Македонскій, 55, 100, *37*, *62*, *136*.
Алексѣй Михайловичъ, царь, 1, 20, 23, 24, 25, 68, 71, 78, 96, 101, *6*, *43*, *44*, *75*, *101*, *109*, *121*.
Алексѣй Петровичъ, царевичъ, 52, 65, 77, 78, 88, 100, *2*, *7*, *12*, *33*, *34*, *43*, *53*, *76*, *77*, *79*, *106*, *109*, *113*, *114*.
Алецъ, 104, *57*, *134*, *135*.
Аллилуева жена, 27, *31*.
Д'Альонъ, 53, *70*.
Д'Анвиль, *74*.
Андреевъ, Кузьма, *3*.
Андреевъ, Тимоѳей, *22*.
Андрей, св., архіеп., *28*.
Андрей, попъ, *3*.
Анна, королева, *62*.
Анна Іоанновна, имп-ца, 38, 46, 47, 63, 106, *19*, *23*, *42*, *47*, *49*, *50*, *98*, *106*, *128*, *144*.
Анна Петровна, дочь Петра Великаго 89, 96, *97*.

Антихристъ, 5, 6, 14, 16, 18, 19, 20, 24—27, 31, 67, 87, *2*, *3*, *21*, *25—30*, *36*, *38*.
Антоній, еп., *106*.
Антоній Закинѳъ (Катифоро), *52*.
Апраксина, Марія Матв., *44*.
Апраксинъ, Э. М., 55, 83, 95, *43*, *99*, *100*, *133*.
Арсеній грекъ, 24.
Арчилъ, царь, 97.
Ассуръ, царь, *59*.
Ахметъ III, султанъ, *13*, *137*.
Аюка, ханъ, *112*, *142*.
Аѳанасій, преосв., *136*.

Б., С., *135*.
Байбородинъ, Ив., *134*.
Байеръ, акад., 106, *138*, *139*.
Бакмейстеръ, И., *102*, *140*, *141*.
Бакмейстеръ, Л. Хр., *64*, *98*, *107*, *111*, *144*, *145*.
Банксъ, 51.
Бантышъ-Каменскій, Н. Н., *80*, *81*, *100*, *116*, *123*, *124*, *125*, *127*.
Барма, воръ, *36*.
Бароній, кард., *128*, *130*.
Барсовъ, Е. В., *3*, *23*, *32*.
Бассевичъ, *144*.
Бауэръ, К. Л., *141*.
Бееръ (Байеръ), акад., *108*.
Безакъ, П., *140*.
Безсоновъ, *34*.
Бековичъ, 106, *112*, *142*.
Белль, 106.
Бергманъ, 95, *82*, *103*.
Березайскій, В., *134*.
Бергольцъ, В., фонъ, *22*, *144*.
Берхъ, В. Н., *100*, *103*, *127*.
Бестужевъ-Рюминъ, канцлеръ, 53, 54, *70*.
Бестужевъ-Рюминъ, К. Н., *16*, *106*, *109*.
Бестужевъ-Рюминъ, М. П., *71*.
Бецкій, И. И., 62, 79, 80.
Билленштейнъ, *142*.
Бирономъ, 38, 39, *44*.
Богдановъ, *140*.
Болотовъ, 66.
Болтинъ, И. Н., 80, 81 *20*, *58*, *90*, *92*, *93*.
Большаковъ, Я., 61, *84*.
Борисъ, попъ, *3*.
Бороздинъ, Г., *105*.
Брайловскій, *7*, *15*.
Брикнеръ, *69*, *106*.
Брюсъ, Вил. Ив., *107*.
Бургъ, фонъ-деръ, *39*.
Буслаевъ, 4, *1*.
Бычковъ, А. Ѳ., 50, 86, 127.
Бѣлокуровъ, С. А., *106*.
Бѣляевъ, 23, 98, 105, *25*, *100*.
Бюшингъ, А. Ф., *77*, *78*, *79*, *81*, *100*, *108*, *113*, *114*, *115*, *144*.

Вараблевскій, см. Вороблевскій.
Василій Ивановичъ, вел. кн., *15*.
Василій Новый, *30*.
Васильчиковъ, старикъ, *108*.
Вассіанъ, старецъ, *84*.
Веберъ, 57, *7*, *10*.
Вергилій, 42, *45*.
Веспасіанъ, имп., *63*.
Вешняковъ, живоп., *47*.
Вивиль, *96*.
Витвортъ, посолъ, *53*.
Витзенъ, Н., *111*, *112*.
Владиміръ Св., *128*, *129*.
Владыкинъ, И., *40*.
Водопьяновъ, Ив., *109*.
Воейковъ, Ювеналій, игуменъ, *97*.
Возницынъ, Прок. Богд., *44*.
Войнаровскій, *111*.
Воланъ (Volland, m-lle), *80*.
Волковъ, актеръ, 45, *46*.
Волчковъ, С., *110*.
Волынскій, Артемій, 39.
Вольтеръ, 49, 50, 52—60, 63, 98, 100, 101, *45*, *69—83*, *86*, *87*, *99*, *102*, *109*, *110*, *112*, *113*, *132*.
Вороблевскій, В., 104, *57*, *58*, *134*.
Воронцовъ, М. Л., графъ, 46, *70*.
Воронцовъ, Сем. Ром., графъ, 65, 66.
Выморковъ, Самуилъ, *2*.
Вяземскій, кн., *82*.

Гавріилъ Бужинскій, еп., 8, 33, 34, 35, 101, *5*, *40*.
Галаховъ, *45*.
Галемъ, 95.
Галлезъ, Теоф., *82*.
Гассе, 51.
Гедеонъ, іеромонахъ, 40, *45*.
Гейнзіусъ, *121*, *122*.
Германнъ, проф., *69*.
Гёрцъ, *76*.
Гизенъ, см. Гюйссенъ.
Глинка, С., *62*, *103*.
Гогъ и Магогъ, *28*.
Годуновъ, Борисъ, *96*.
Голиковъ, 64, 91—95, 98—101, 106, *22*, *27*, *39*, *58*, *85*, *95*, *96*, *99*, *100*, *113*, *139*.
Голицынъ, кн., 29.
Голицынъ, кн., *43*.
Голицынъ, Б. А., *44*, *75*, *103*.
Голицынъ, В. В., 103, *32*, *125*, *129*; см. *115*.
Голицынъ, Д. М., *13*.
Голицыны, князья, *115*.
Головинъ, Автам. Мих., *131*.
Головинъ, Ѳ. А., *62*, *106*, *131*.
Головкинъ, Г. И., канцлеръ, 8, 35, *4*, *13*, *65*, *102*.
Гольдбергъ, *138*.
Горбуновъ, И. Ѳ., *105*.
Гордонъ, Ал., 51, *114*.
Гордонъ, Патрикъ, 101, 107, *61*, *115*, *132*, *137*, *138*, *139*.
Горлицкій, И., *48*.
Готская принцесса, *80*.
Гревіусъ, *99*, *121*.
Грибовскій, *86*.
Григорій, ученикъ, *30*.
Губе, І. М., *79*.
Гюйссенъ (Гизенъ), баронъ, 9, 10, 11, 51, 95, *5—8*, *10*, *12*, *13*, *15*, *16*, *144*.

Давидъ, царь, псалмопѣвецъ, 24, 34, *4*, *45*.
Даль, *31*.
Дальбергъ, *5*.
Даніилъ, пророкъ, 24.
Дашкова, Ек. Ром., 81, 82, 83, 87, *93*, *110*.
Девилье, *87*.
Де-ла-Бомель, *81*.
Делифовскій, Т., *19*.
Демидовъ, Н. Н., *95*, *99*.
Денисовъ, Андрей, 7, *3*, *36*.
Державинъ, 61, *86*.
Дидона, *45*.
Дидро, 59, 60, 78, 79, *80*, *91*.
Димитрій Константиновъ, *53*.
Димитрій Ростовскій, 6, 18, *3*, *4*, *24*, *64*.
Димитрій Самозванецъ, 5.
Докукинъ, Ларіонъ, *2*.
Долгорукій, В. Л., *13*.
Долгорукій, Мих. Юр., *108*.
Долгорукій, Як. Ѳед., *101*.

Евгеній, митр., *16*, *41*, *53*, *62*, *95*.
Евдокія Алексѣевна, царевна, *106*.
Евдокія Ѳеодоровна Лопухина, первая жена Петра Великаго, 87, 89, *33*, *34*, *43*.
Евѳимій, солдатъ, 19—24, 27, 88, *23*, *24*.
Екатерина I, имп., 13, 14, 34, 35, 52, 57, 62, 72, 87, 89, *19*, *33*, *41*, *49*, *50*, *76*, *77*, *97*, *99*, *127*, *129*, *131*, *135*, *144*.
Екатерина II, имп., 11, 12, 18, 25, 28, 37, 46, 48, 50, 59, 61—68, 73, 79, 80, 83, 85, 86, 90, 91, 93, 98, 99, 101, 105, *21*, *22*, *23*, *44*, *46*, *85*, *86*, *87*, *89*, *90*, *91*, *95*, *99*, *100*, *102*, *109*, *110*, *129*, *141*, *142*.
Екатерина Алексѣевна, царевна, *106*.
Екатерина Іоанновна, царевна, *106*, *144*.
Екатерина Медичи, 103.
Елагинъ, *59*.
Елизавета Петровна, имп., 15, 22, 25, 26, 38, 40, 41, 42, 45—49, 52, 53, 54, 59, 72, 89, 94, *20*, *21*, *30*, *44*, *45*, *47*, *51*, *52*, *53*, *55*, *68*, *70*, *81*, *87*, *129*.
Енохъ, *28*, *29*.
Ермаковъ, 26, *30*, *31*.
Ефремъ, игуменъ, *116*.

Желябужскій, 95.
Жербильонъ, *144.*
де-Жокуръ, 78.

Залусскій, *121.*
Замятнинъ, Г., *48.*
Зевсъ, 65.
Зеленый, С., *7*, *50.*
Златоустъ, св., 21.
Зміевъ (?), 47, *50*, *65.*
Золотаревъ, *70.*
Зотовъ, Кононъ, *4.*
Зотовъ, Н. М., 96, *21*, *44*, *68*, *131.*
Зумъ, *69.*

Ивановъ, Андрей, *2.*
Ивановъ, В., *52*, *53.*
Иванъ Алексѣевичъ, царь, см. Іоаннъ Алексѣевичъ.
Иванъ III, см. Іоаннъ III.
Иванъ Грозный, см. Іоаннъ Грозный.
Игорь, кн., *75.*
Избрандесъ, 96.
Иконниковъ, В. С., *86*, *96.*
Илія, *28*, *29.*
Ильинскій, 106.
Ильгенъ. *102.*
Илья Муромецъ, *37.*
Иннокентій Нечаевъ, архіеп., *90.*
Ипполитъ, папа римскій, 16, 19, 21, 25, *29*, *30.*
Иродіоновъ, П., свящ., *101.*
Исаія, пророкъ, 16.

Іафетъ, 34.
Іезекіиль, пророкъ, 24.
Іоакимъ, патр., 97.
Іоаннъ Алексѣевичъ, царь, 26, 72, 98, *43*, *54*, *59*, *60*, *103*, *107*, *115*, *116*, *117*, *119*, *120*, *123*, *124*, *125*, *139.*
Іоаннъ Антоновичъ, царь, 26.
Іоаннъ III, 1.
Іоаннъ Грозный, 1, 61, 101, *5*, *61*, *62*, *75*, *84*, *89*, *129*, *130.*
Іовъ, митр., *3.*
Іовъ, патр., *61.*
Іона, пророкъ, *141.*
Іосифъ II, имп., 63, *86.*
Іуда, апостолъ, 26.

К., *138.*
К—въ, Вл., князь, *58*, *104.*
Кайловъ, рабочій, *141.*
Кампредонъ, 32, *40.*
Кантемиръ, 33.
Карамзинъ, 65, 101, *110.*
Каринъ, А., *85.*
Карлъ IX, *6.*
Карлъ XII, 9, 40, 98, *12*, *18*, *36*, *43*, *62*, *65*, *66*, *76*, *81*, *128*, *136.*
Карлъ-Фридрихъ Голштинскій, мужъ царевны Анны Петровны, 96, *97.*
Катифоро, аббатъ, 48, 50, 51, 103, *52*, *133.*
Катонъ, 43.
Кауницъ, графъ, *74.*
Качановскій, М., *45*, *82.*
Кашинъ, Н. И., 98, *100*, *101.*
Квинтій, диктаторъ, *62.*
Кельсіевъ, *26.*
Кераръ, *79.*
Кириллъ іерусалимскій, св., 20, *29.*
Кириллъ новоезерскій, *109.*
Кириловъ, инвалидъ, 36, *41.*
Кириловъ, И. И., *42.*
Киръ, царь, 100.
Кирѣевскій, *31.*
Княжнинъ, *85.*
Кодоманъ, см. Персія.
Козеръ, *70.*
Козловъ, *87.*
Колло, m-lle, 64.
Колычевъ, С. А., 98, *102*, *103.*
Кондильякъ, 78, 79.
Коноваловъ, Ив. Степ., *28.*
Консетъ, Ѳома, *40.*
Константинъ Барамба, *53.*
Константинъ Великій, имп., 34, *63.*
Констанъ, *83.*
Копнинъ, С., *134.*
Косма Святогорецъ, *5.*
Костомаровъ, *16.*
Кохъ, *60.*
Коцебу, *46.*

Крекшинъ, 36, 46, 48, 49, 50, 92, 95, 100, 104, *41*, *50*, *53—65*, *109*, *117*, *120*, *135*.
Крелль, 95.
Крестининъ, В., 107, *143*.
Крюйсъ, 95, *8*, *9*.
Курасъ, Гильмаръ, 100.
Кургановъ, *31*.

Лавровскій, П., 29, *31*, *34*, *35*.
Лакомбъ, 72, *83*.
Лангъ, 106, 107.
Ларіоновъ, П., *9*.
Левекъ, 76, 77, 78.
Левинъ, Варлаамъ, *1*.
Левшинъ, А., прот., 62, *84*.
Лейбницъ, 81, *93*.
Левъ Мудрый, *63*.
Леклеркъ, 80, *92*.
Леруа, *29*.
Лефортъ, Фр., 58, 70, 93, 96, 101, *128*, *131*, *132*, *134*.
Лещинскій, король, *128*.
Ликургъ, 65.
Лима, Юрій, *131*.
де-Линь, 63, *83*.
Литтельтонъ, *135*.
Лихаревъ, *112*.
Лозеръ, Карлъ, *131*.
Локценій, *13*.
Ломоносовъ, 23, 41—45, 57, 58, 59, 64, 88, *20*, *25*, *45—48*, *63*, *71*, *72*, *75*, *88*, *133*.
Лопухинъ, А., 62, *84*.
Лоэнштейнъ, 50, 51.
Львовъ, 100, *58*.
Любопытный, Павелъ, 27, 28.
Людовикъ XIV, *136*.
Людовикъ XV, 70.
Лященко, А., *34*.

Мабли, 74, 75, 76, 79, 84, *93*, *96*.
Мазепа, Ив. Ст., 92, 93, 107, *96*, *97*, *111*, *131*, *143*.
Майковъ, В. В., *100*, *101*.
Майковъ, Л. Н., *101*.
Майръ, *71*.
Макаровъ, А. В., 10, 11, 12, *9*, *12*, *14*, *15*, *39*, *102*.
Макіавелли, 103.
Максимиліанъ I, имп., *65*.
Манкіевъ, 50, 99, 100, 101, *111*.
Манштейнъ, 68.
Марія Алексѣевна, царевна, *106*, *107*.
Маркеллъ, 43.
Марпергеръ, П. І., 107, *143*.
Марсъ, 32, 43, *141*.
Мартелли, 45.
Мартинъ, еретикъ, 6, 7, *4*.
Мартиньеръ, *74*.
Марѳа Алексѣевна, инока, 106.
Марѳа Матвѣевна, царица, *106*.
Масловскій, Д. Ѳ., *8—12*, *17*, *18*.
Матвѣевъ, А. А., 36, 47, 49, *12*, *39*, *41*, *50*, *87*, *104*.
Матвѣевъ, Арт. Серг., *103*, *104*, *108*, *121*.
Матвѣевъ, Данилъ, *23*.
Медвѣдевъ, Сильвестръ, 95, 97, *114*, *115*, *117—123*, *125*.
Мельниковъ, 6, *4*.
Менезій, П. (Manesius), *44*.
Меншиковъ, А. Д., 46, 55, 78, 81, 106, *5*, *8*, *15*, *18*, *93*, *113*, *140*, *144*.
Мерзляковъ, *45*.
Метеллъ, 43.
Мещерскій, кн., *104*.
Мидъ, *59*.
Миллеръ, Всев., *33*.
Миллеръ, Г. Фр., 55, 58, 59, 60, 71, 95, 97, 101, 102, 104, 106, *70*, *74*, *77—81*, *91*, *97*, *102*, *106*, *107*, *108*, *110*, *111*, *113—127*, *129*, *130*, *132*, *133*, *134*, *137*, *138*, *142*, *144*.
Милло, 70, 72.
Милославскіе, 72.
Милославскій, 103.
Минерва, 24, 25, 43, *92*, *141*.
Миних, 38, *108*, *109*.
Минцловъ, *46*, *69*, *70*, *83*.
Митрофанъ, воронежскій, *33*.
Михаилъ, архангелъ, 33.
Михаилъ Ѳеодоровичъ, царь, 95, *61*, 72, 75.

Мовильонъ, 51.
Могутовъ, В., 106, *142*.
Модзалевскій, Б. Л., *44*.
Моисей, пророкъ, 34, *56*, *57*.
Монтескье, 65, 73, 79, 80.
Мордвиновъ, адмиралъ, 92.
Морери, *74*.
Морозовъ, П. О., *17*.
Москвинъ, Василій, 24, *27*.
Мосохъ, *59*.
Мотлей, 51.
Муравьевъ, М. Н., *45*.
Муратовъ, В., 106, *137*.
Мусинъ-Пушкинъ, А. И., 69, *53*, *89*, *90*.
Мышецкій, Андрей Діонис., кн., *27*.

Навроцкій, И. А., *105*.
Навуходоносоръ, царь, 100.
Нагаевъ, Ал. Н., адмиралъ, 92, *103*.
Надеждинъ, Н. И., *27*.
Наполеонъ I, *93*.
Нартовъ, А. А., *101*, *140*.
Нартовъ, А. К., 32, 98, *41*, *47*, *87*, *101*.
Нарышкина, Наст. Алекс., 15.
Нарышкинъ, Кир. Алекс., *131*.
Нарышкинъ, Кир. Пол., *59*.
Нарышкинъ, Левъ Кир., *44*, *75*.
Нарышкины, 15, 16, 25, 72.
Настасья, королевична (Евдокія), 33.
Наталья Алексѣевна, царевна, *106*.
Наталья Кирилловна, царица, 37, 96, 103, *57—60*, *64*, *121*.
Наталья Петровна, дочь Петра Великаго, 35, *41*, *109*.
Нащинскій, Давидъ, архим., *4*.
Немвродъ, *59*.
Неплюевъ, 32, 35, 37, 62, 68, 92, *41*.
Непотъ, 43.
Нептунъ, *141*.
Нестессураной, 51, 57.
Нехачинъ, Ив., 100.
Никита (Никонъ), 20.
Николай I, имп., 26, *20*, *31*.
Николевъ, Н., 62, *84*.
Никонъ, патр., 6, 20, 24.
Новиковъ, Н. И., 68, 96, 98, 99, *40*, *103*, *104*, *135*, *136*.
Носовъ, канониръ, *34*.

Обрядины, *31*.
Овидій, *12*.
Октавіанъ, *63*.
Окуловъ, И., попъ, *11*.
Олинъ, *58*.
Ольга (Оля), вел. княгиня, *75*.
Орлеанскій герцогъ, 70.
Отрепьевъ, Гришка, 5.

Павелъ I, имп., *46*, *97*, *134*.
Павелъ, архим., *4*.
Павловъ, Иванъ, 17, *21*.
Паисій, архим., *80*, *105*.
Паисій Великій, *30*.
Паллада, 32.
Палѣй, 107, *143*.
Панинъ, Н. И., *99*, *114*.
Парасковія Іоанновна, царевна, *106*.
Парасковія Ѳеодоровна, царица, *106*, *107*. *120*.
Патвуль, *13*, *144*.
Пекарскій, П. П., *6*, *10*, *34*, *39*, *45*, *113*, *114*.
Перевощиковъ, Д. М., *121*.
Перри, 4, *1*, *72*.
Петръ I Великій, имп., 1—3, 5—57, 59—70, 72—107, *1—18*, *21—51*, *53—68*, *70*, *71*, *73*, *75*, *76*, *77*, *80—93*, *95—137*, *139—145*.
Петръ II, имп., 14, 34, *19*, *49*.
Петръ III, имп., 26, 40, 43, 44.
Пикаръ, *37*, *38*.
Пиперъ, *73*.
Писаревъ, Стеф., 48, *51*, *52*, *134*.
Питиримъ, еп., 6, 7, 97.
Платонъ, митр., 62, *84*.
Плиній Младшій, 42, *45*.
Плутархъ, *20*.
Погодинъ, М. П., *10*, *104*.
Полевой, Н., *82*.
Поликарповъ, Ѳ., 10, 97, *7*, *15*.
Полоцкій, Симеонъ, 37, *42*, *63*, *64*, *99*, *109*.
Полторацкій, С. Д., *70*.
Поповъ, Мих., *143*.

Порошинъ, *91*, *93*.
Посошковъ, Ив., 99, *106*.
Потемкинъ, Иванъ, *52*.
Потемкинъ-Таврическій, князь, *80*, *114*.
Прилежаевъ, *106*.
Прозоровскій, *75*.
Пургольдъ, Д. Г., *92*.
Пуффендорфъ, *13*.
Пушкинъ, А. С., 1.
Пыпинъ, А. Н., *21*, *34*, *35*, *89*.
Пятницкій, И. К., *24*.

Р., В., *85*.
Рабенеръ, 9, 50, 51, *5*.
Радищевъ, А. Н., 64, 84, *93*.
Разинъ, Стенька, *127*.
Разумовскій, Кир. Григ., 54, *70*, *81*.
Растрелли, 45.
Регулъ, 43.
Рембовскій, К., *99*, *100*.
Рёншильдъ, *77*.
Ржевскій, Ал., *85*.
Ригельманъ, А. И., 98, *101*.
Ровинскій, 13, 14, *37*.
Роговскій, Палладій, 96, 97.
Розановъ, Ѳ., *106*.
Розовъ, 26, 27, *22*, *23*, *25*.
Ромодановскій, Григор. Петр., *108*.
Ромодановскій, Ѳед. Юр., *75*, *76*.
Россохинъ, Л., *112*.
Рубанъ, В., 100, *48*, *104*, *108*, *131*, *141*.
Руденко, П. Я., 64, *88*.
Румянцовъ, С. П., 100, 101, *110*.
Руссо, Ж. Ж., 51, 73, 74, 76, 79, 84, *80*.
Рычковъ, П. И., 92.
Рюрикъ, *50*, *130*.

С., Н., книгопрод., *57*.
С., Н., переводчикъ, *138*.
Савва, чудотворецъ сторожевскій, *120*.
Салтыковъ, Ѳ., *6*.
Самойловичъ, гетманъ, 107, *143*.
Самсонъ, 34.
Сатурнъ, 25.
Сахаровъ, издат., *54*, *58*, *59*, *62*.
Сахаровъ, Н., *29*.
Свиньинъ, *104*.
Селлій, А. Б., *46*.
Семеновъ, Никита, 19.
Сенакъ де-Мельянъ, 69, *89*.
Синявинъ (Сенявинъ), Н. А., 98, *9*, *103*.
Синявины, *103*.
Скарга, іезуитъ, *128*, *130*.
Скіада, 51.
Соболевскій, А. И., *40*.
Соймоновъ, Ѳ. И., 101, 102, 106, *39*, *112*, *113*, *126—133*.
Соковнинъ, 96.
Соловьевъ, С. М., 89, 90, *10*, *16*, *41*, *113*.
Соломонъ, 34, *62*.
Сопиковъ, В. С., *53*, *99*.
Софья Алексѣевна, царевна, 72, 97, 103, *32*, *61*, *63*, *75*, *106*, *109*, *114*, *115*, *116*, *119*, *120*.
Старчевскій, *95*.
Стасовъ, В. В., 14, *37*, *38*.
Стефанъ Яворскій, *3*, *17*, *22*, *24*, *36*, *100*.
Страленбергъ, *71*, *96*.
Странгуріо, 33.
Стриттеръ, І. Г., 106, *137*, *138*.
Строгановъ, Ал. Гр., баронъ, *47*.
Строгановъ, Ал. С., графъ, *91*, *93*, *137*.
Строгановы, 17.
Строевъ, *104*.
Стрѣшневъ, Т. Н., *44*, *75*.
Суворовъ, А. В., *88*.
Сулла, 43.
Сумароковъ, 24, 36, 44, 45, 63, 68, 71, 95, 101, *41*, *46*, *110*.
Сусанна, инока, см. Софья Алексѣевна.
Сусіэ, *112*.
Сухомлиновъ, академикъ, *45*.
Схельтема, *103*.
Сципіонъ, 43.

Талицкій, Григорій, 26, *2*, *3*.
Таллеранъ, *79*, *80*.
Талызинъ, адмир., 92.
Татищевъ, историкъ, 37, *41*, *58*, *91*, *101*, *117*, *145*.
Татіана Михайловна, царевна, *106*.

Таубертъ, 58, 106, *77*, *78*, *137*, *144*.
Тевкелевъ, генералъ, *142*.
Тепловъ, *45*.
Тиммерманъ, *61*.
Тимоѳей Архипычъ, 15, *1*, *21*.
Толбухинъ, *9*.
Толстой, П. А, *13*, *67*.
Траянъ, *63*.
Тредьяковскій, В., 32, 42, *40*, *48*.
Тулишинъ, *142*.
Туманскій, Ѳ., 11, 95, 96, 99, 101, 107, *7*, *8*, *58*, *97*, *105*, *107*, *114*, *116*, *118*, *119*, *123*, *125*, *126*, *138*, *139*, *140*, *143*.
Туфоновъ, купецъ, *102*.

Унтвортъ, *12*.
Украинцовъ, Ем., *125*, *128*.
Улиссъ, 100, *8*.
Устряловъ, *10*, *16*, *17*, *54*, *58*.
Ушаковъ, майоръ, *67*.
Ушаковъ, Ѳ. И., 37, *41*.

Фабій, *62*.
Фальконетъ, 24, 64, 106, *140*, *141*.
Ферранъ, 79.
Фидій, 65.
Филаретъ, митр., 25, *75*.
Фишеръ, *122*.
Фокеродтъ, 53, *69*.
Фонтенель, 57, 72, *47*, *96*.
Фридрихъ II, король, 45, 53, *69*, *71*, *86*, *91*, *92*, *96*.
Фридрихъ Вильгельмъ I, отецъ Фридриха II, *93*.

Херасковъ, 61, 63, *84*, *85*, *87*.
Хилковъ, А. Я., 99, *107*, *108*, *111*, *130*.
Хилковы, князья, *107*.
Хлѣбниковъ, *104*.
Хмельницкій, Богданъ, *143*.
Хованскіе, князья, *61*.
Хованскій, И., князь, 103, *116*, *123*, *124*, *129*.
Хованскій, сынъ Ивана, *124*.
Христина Софія, принцесса, *113*.

Цицеронъ, *45*.
Цыклеръ, 96, *61*.

Челищевъ, П. И., 64, *88*.
Черкасскій, А. М., *111*.
Чернышевъ, З. Г., *108*.
Чижовъ, Ѳ. В., *20*.
Чингисъ-ханъ, 55.
Чистовичъ, *16*, *17*.
Чудь, *45*, *46*.
Чулковъ, М., 107, 108, *103*.

Шакловитый, *61*.
Шафировъ, П., 9, 10, 36, 46, 49, 55, 102, 104, *6—9*, *14*, *15*, *41*, *50*, *134*, *144*.
Шеинъ, А. С., 58, 96, *62*, *103*, *104*, *131*.
Шелеховъ, Гр. Ив., *95*.
де-Шепиньи, *135*.
Шереметевъ, Б. П., 55, 58, 96, 99, 101, *13*, *53*, *62*, *102*, *103*, *105*, *111*, *145*.
Шереметевъ, П. Б., 98, *57*, *102*, *105*, *134*.
Шереметевы, *102*, *111*.
Шиллингъ, 10, *7*.
Шишковъ, А., 107, *143*.
Шлейзингъ, 57, *71*.
Шлиппенбахъ, *53*.
Шничеръ, І. Х., *112*.
Шоберъ, Г., *113*.
Штелинъ, академикъ, 45, 98, *46*, *77*, *87*, *99*, *100*, *122*.
Штриттеръ, см. Стриттеръ.
Шуваловъ, И. И., 54, 55, 59, *46*, *70—74*, *76*, *77*, *109*, *132*.
Шульгинъ, И. П., *34*.
Шумахеръ, академикъ, *41*.
Шхонебекъ, А., *37*, *38*.

Щаповъ, *23*, *25*.
Щепкинъ, В. Н., 17, *21*, *30*.
Щербатовъ, М. М., 11, 64, 84—90, 97, 99, *9*, *16*, *41*, *48*, *87*, *93*.

д'Эксидейль, см. Таллеранъ.
Эней, *45*.
д'Этре, *4*.

Юлій Цесарь, *63*, *136*.

Юреневъ, Олимпій, *50*.
Юстинъ, имп., *63*.

Ягужинскій, 55.
Яковъ II, король, *139*.

Ѳедоръ царевичъ (Алексѣй), *33*.
Ѳеодози, Дм., 103, 104, *97*, *111*, *113*, *134*, *145*.
Ѳеодоръ Алексѣевичъ, царь, 68, 71, 101, *43*, *54*, *89*, *110*, *111*, *121*, *122*, *125*, *130*.
Ѳеодоръ Іоанновичъ, царь, *61*.
Ѳеодосій, имп., *63*.
Ѳеодосій Новгородскій, *24*.
Ѳеодосій Яновскій, шляхтичъ, *24*, *25*.
Ѳеодосія Алексѣевна, царевна, *106*, *120*.
Ѳеофанъ Прокоповичъ, 8, 10, 11, 12, 33, 34, 35, 46, 50, 99, 100, 102, *4*, *5*, *10*, *14—18*, *25*, *26*, *40*, *41*, *45*, *48*, *49*, *50*, *58*, *87*, *105*.

Бѣгуны (странники), 19, *21—24*, *31*.
Вытегоры, *31*, *32*.
Морельщики, *31*.
Поморцы, поморскіе старообрядцы, поморскій толкъ, 14, 18, *23*.
Сопѣлковцы, *31*.
Странники, см. бѣгуны.
Филипповцы, 19.
Ѳедосѣевцы, ѳедосѣевскій толкъ, 18, 26, *31*.

II. УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ.

Аграханскій заливъ, *127*.
Азія, *111*.
Азія полуденная, *142*.
Азія средняя, 106, *142*.
Азія южная, *127*.
Азовское море, 66.
Азовъ (городъ; азовскіе походы), 29, 96, 100, 106, *31*, *36*, *43*, *54*, *59*, *108*, *114*, *117*, *128*, *131*, *137*, *138*.
Аландскіе о-ва, *43*, *75*.
Албазинъ, *112*.
Амстердамъ, 32, *39*, *135*.
Амуръ, *112*.
Англія, 75, 76, *43*, *62*.
Ангутъ, см. Гангеудъ.
Андрусово, *18*.
Аральское море, *142*.
Архангельскъ (городъ, портъ; Архангелогородскъ), 42, 107, 108, *18*, *75*, *88*, *106*, *135*, *136*, *143*.
Ассирія, *59*.
Астрабатъ, *126*, *127*.
Астраханское царство, 82.
Астрахань, *127*, *129*, *132*.
Африка, *127*.

Бадакшанъ, *127*.
Балтійское море, 42, 75.
Балтійское побережье, 9.
Балтійскія воды, *141*.
Балхъ, *127*.
Бауске, *43*.
Белтъ, *84*.
Бельково, село, *85*.
Борго, *43*.
Брайловъ, *43*.
Бухара (Бухарія), 106, *112*, *127*, *142*.
Быховъ, *43*.
Бѣлая Церковь, *43*.
Бѣлградъ (миръ), 38.
Бѣлое море, 42, *75*.

Вавилонъ градъ, 24.
Ваза, *43*.
Валахія, *53*.
Венеція, 47.
Версаль, *73*.
Верхотурье, *142*.
Вивлеемъ, 36.
Византія, 2.
Водокшанъ, см. Бадакшанъ.

Волга, 78, *36*, *112*, *142*, *143*.
Воробьева гора, *123*.
Воробьево село, *60*.
Воронежъ, 46, 59, *9*, *12*, *43*, *44*, *59*, *128*.
Выборгъ, *11*, *15*, *128*.
Выга, р., *23*.
Вѣна, *90*, *102*, *128*.

Гамбургъ, *4*.
Гангеудъ (Гангутъ), *5*, *43*, *66*.
Гданскъ, *102*.
Гельсингфорсъ, *43*.
Германія, 76, *43*, *78*.
Голландія, 74, *39*, *43*, *129*.
Гольштейнъ, *43*.
Греція, *65*.
Гуммельсгофъ (бой), 11.

Данія (Датская земля), *13*, *43*, *129*, *134*.
Двина, *136*.
Двинская провинція, *75*.
Двинской край, 105.
Дербентъ, 32, 107, *39*, *127*, *132*, *142*.
Дерптъ, *43*, *102*.
Днѣпръ, *96*.
Доброе, *43*.

Европа, см. Западная Европа.
Египетъ, *29*.

Желѣзинская крѣпость, *112*.
Жолква, *18*.

Западная Европа, 2, 8, 9, 42, 49, 50, 52, 55, 65—69, 72, 74, 75, 76, 78, 79, 80, 82, 96, *35*, *42*, *44*, *66*, *75*, *83*, *89*, *92*, *108*.
Западъ, см. Западная Европа.
Запорожье, *18*.

Ивангородъ, *43*.
Ингерманландія, *56*.
Ингрія, *43*.
Индія восточная, *142*.
Иркутскъ, *142*.
Иртышъ, *112*.
Испагань, *142*.
Исселъ, *8*.
Италія, *65*.

Казанское царство, 82.
Казань, *142*, *143*.
Казикермень, *43*.
Казимиръ, *140*.
Калишъ, 38, *43*.
Кама, 78.
Камчатка, *127*.
Камышинка, *36*.
Карловичи, *43*, *143*.
Каспійское море, 42, 106, 107, *112*, *130*, *131*, *132*, *142*.
Керчь, *9*.
Китай, 44, 96, 106, 107, *71*, *111*, *112*, *134*, *144*.
Кіевъ, 6, 59, *11*, *17*, *43*, *61*, *74*, *75*.
Коломенское, *36*, *123*.
Константинополь, *13*, *142*.
Копенгагенъ, *132*, *133*.
Копорье, *43*.
Корелія, *56*.
Костинской дворъ, *8*.
Котлинъ, о—въ, *11*.
Кроншлотъ, *43*.
Кронштадтъ, 82, *66*.
Крымская орда, *96*.
Крымъ (Крымскіе походы), 97, 100, 103, 106, *43*, *108*, *109*, *129*, *137*.
Кубань, *43*.
Курскъ, *125*.

Ладожскій каналъ, *88*.
Ладожское озеро, *21*, *32*.
Ливонія, 58, *43*, *56*, *75*.
Лифляндія, *128*.
Лондонъ, *12*, *135*.
Лысая (Лисья) голова, *32*.
Лѣсная (бой), 38, *5*, *18*, *43*, *109*.
Любекъ, *135*.
Лютинъ (городокъ), *43*, *104*.

Малороссія, *107*.
Маріенбургъ, *43*.
Маріенвердеръ, *11*.

Марціальныя воды, *107.*
Машозерка, *32.*
Мидія, *59.*
Митава, *11*, *43.*
Молдавія, *43.*
Москва, 17, 18, 26, 32, 58, 70, 71, 97, *3*, *9*, *12*, *21*, *22*, *39*, *43*, *44*, *52*, *60*, *61*, *73*, *75*, *91*, *96*, *99*, *102*, *104*, *108*, *116*, *119*, *122—125*, *128*, *129*, *131*, *133*, *134*, *143.*
Вознесенскій м-рь, *60.*
Грановитая палата, *123.*
Красная площадь, 71.
Кремлевская (Ивановская) площадь, *91.*
Нѣмецкая слобода, 17, *21.*
Оружейная палата, *47.*
Потѣшный дворъ, *21.*
Преображенскій дворецъ, *47.*
Преображенскій лугъ, *61.*
Преображенское (село), 103, *47.*
Рождества Богородицы, мон—рь, *120.*
Спасскій мон—рь, 18.
Сухарева башня, *31.*
Успенскій соборъ, 96, *60*, *61.*
Чудовъ мон—рь, *60.*
Московское царство (гос-во), 73, *59.*
Мурома, рч., *32.*

Нарва, 59, *9*, *11*, *13*, *15*, *18*, *43*, *72*, *128*, *131.*
Нева, 64, *17*, *32*, *73*, *88*, *141.*
Нерчинскъ, *112.*
Николаевскій, на Угрѣшѣ, м-рь, *60.*
Ниневійскій градъ, *141.*
Ништадъ, 8, 10, 35, *5*, *10*, *65*, *135.*
Ніэншанцъ, *43*, *113.*
Новгородъ (Великій), 48, *3*, *53.*
Новодвинская крѣпость, *136.*
Новоспасскій м-рь, *60.*
Нотебургъ, *11*, *12*, *14.*
Нѣмечина, 39.

Океанъ, 42, 44.
Олонецкая губ., *31*, *32.*
Олонецъ, *32.*
Омская крѣпость, *112.*
Оренбургъ, *125.*
Остъиндиской (Остиндскій) дворъ, *8.*

Парижъ, *4.*
Пелькинъ, *43.*
Пекинъ, *112*, *142.*
Переволочная, *96.*
Переславль, *85.*
Переславль—Залѣсское озеро, *85.*
Персія, 38, 106, *44*, *50*, *75*, *96*, *127*, *129.*
Персія (Кодоманъ), *44.*
Петербургъ, 11, 24, 33, 39, 54, 55, 58, 64, 82, 83, 92, 106, *17*, *18*, *33*, *43*, *46*, *53*, *66*, *70*, *72*, *73*, *74*, *79*, *87*, *92*, *107*, *115*, *129*, *134*, *135*, *140*, *142*, *143.*
Адмиралтейская сторона, *101.*
Адмиралтейство, 82, *142.*
Академическая кунсткамера, *47*, *137.*
Васильевскій о-въ, *142.*
Инженерный замокъ, *46.*
Мойка, 83.
Памятникъ Петру В. на Сенатской площади, 24, 64, 84, 92, 106, *88*, *99*, *100*, *109*, *140*, *141*, *142.*
Петербургская сторона, *87.*
Петропавловская крѣпость, 46.
Петропавловскій соборъ, 45.
Сенатская площадь, 24, 64, 84, 106, *99*, *100*, *109.*
Троицкій соборъ, *48.*
Церковь Казанской Бож. Матери, *101.*
Петровскіе заводы, *32.*
Петрозаводскъ, *32.*
Печерскій монастырь, *17.*
Питенбургъ, см. Петербургъ.
Питеръ, см. Петербургъ.
Петровскіе заводы, *32.*
Піэмонтъ, *134.*
Повѣнецкій уѣздъ, *32.*
Полтава (Полтавскій бой), 9, 11, 12, 38, 45, 48, 53, 64, 75, 92, 93, 104, 105, *5*, *11*, *12*, *13*, *15*, *18*, *22*, *25*, *32*,

37, *38*, *43*, *49*, *73*, *77*, *96*, *97*, *101*, *102*, *109*, *128*.
Полтавское поле, *46*, *88*, *99*, *141*, *142*.
Польша, 66, 68, 95, *18*, *43*, *65*, *66*, *128*.
Померанія, *43*, *50*, *129*.
Поморье, *19*.
Порта Оттоманская, *43*, *128*, *143*.
Прутъ (походъ), 65, 104, *77*, *137*.

Ревель, *11*, *41*, *67*, *128*.
Рейнъ, 38.
Рига, *5*, *11*, *13*, *102*, *106*, *128*.
Римъ, 43.
Римская имперія, *63*.
Римская Восточная имперія, *62*.
Римская Западная имперія, *62*.
Россія (Россійская имперія, Россійское государство, Всероссійская имперія, Великороссійская держава), 3, 8, 12, 23, 24, 28, 32, 34, 35, 36, 38, 40, 41, 43, 44, 45, 47, 49, 51, 52, 53, 55, 59, 60, 62, 64, 65, 66, 69, 70, 71, 73, 75, 76, 78, 79, 80, 82, 84, 85, 87, 89, 93, 99, 102, 103, 106, 107, *5—8*, *15*, *16*, *17*, *25*, *29*, *31*, *42*, *43*, *44*, *49*, *50*, *51*, *55*, *56*, *59*, *60*, *61*, *63*, *65*, *66*, *67*, *69*, *70*, *75*, *76*, *79*, *81*, *82*, *83*, *85*, *89*, *90*, *92*, *96*, *108*, *111*, *112*, *113*, *120*, *121*, *122*, *128*, *131*, *132*, *135*, *139*, *142*, *143*, *144*.
Русская земля, 9, 31.
Русь, 4.
Русь древняя, 68, *90*.
Русь до-Петровская, 65, 69, 96, *72*, *89*.
Русь Московская, 3, 96.
Русь Петровская, *1*.
Русь Старая, 9, 69.
Русь Чермная, *74*.
Русь Черная, *74*.
Рыбный городокъ, *131*.

Савинъ Сторожевскій монастырь, *117*, *124*.
Сакъ, см. Яикъ.
Саксонія, *65*.
Самарскій край, *31*.
Сардамъ, *93*.
Свирь, р. *32*.
Святозеро, *32*.
Селенгинскъ, *142*.
Семипалатная крѣпость, *112*.
Сергіевскій пригородъ, *113*.
Сибирское царство, 82.
Сибирь, 92, *73*, *76*, *112*.
Симбирскъ, *3*.
Сіонъ, градъ, 24.
Смоленскъ, 43.
Содомъ, *29*.
Сока, р., *113*.
Соликамскъ, *1*, *142*.
Соловецкій монастырь, *45*, *105*.
Соловки, *32*.
Соломбала, островъ, *143*.
Спарта, 65.
Стекольное царство (Швеція), *2*.

Тавастгусъ, *43*.
Таврида, 66.
Таганрогъ, *59*.
Талицы, 26, 30.
Татарія, *74*.
Теннингенъ, *43*.
Терки, р., *113*.
Тобольскъ, *132*, *142*.
Торгау, *93*.
Торопецъ, *102*.
Троице-Сергіевъ монастырь, *60*, *77*, *116*, *124*.
Троя, *45*.
Турція, 66, 107, *66*, *96*, *128*.

Угрѣшъ, *60*.
Украина, *102*.
Устькаменогорская крѣпость, *112*.
Утрехтъ, *121*.

Ферабатъ, *126*.
Финляндія, *43*, *128*.
Финскій заливъ, *9*.
Франція, 70, 75, *43*, *66*, *129*.
Фридрихштадтъ, *43*.

Хина, см. Китай.

Черниговъ, *43*.

Черное море, 42, 66, 75, 107.
Чигиринъ, 106, *43*, *138*.

Швеція (Шведская, Сѣверная война), 10, 12, 29, 34, 38, 53, 68, 100, 102, 104, *5*, *6*, *8—10*, *14*, *43*, *50*, *54*, *57*, *64*, *65*, *103*, *128*, *129*, *131*.
Шемаха, *143*.
Шлиссельбургъ (Шлютенбургъ), 42, *5*, *11*, *15*, *43*, *108*.
Штетинъ, 38, *43*.

Эльбингъ, *11*, *43*.

Яикъ, р., *75*.
Ямъ, *43*.
Ямышевская крѣпость, *112*.
Яссы, *43*.

III. УКАЗАТЕЛЬ УЧРЕЖДЕНІЙ.

Академія Наукъ, въ Петербургѣ, 28, 45, 46, 53, 54, 55, 57, 58, *20*, *40*, *41*, *42*, *48*, *52*, *54*, *55*, *70*, *77*, *92*, *104*, *109*, *122*, *125*, *132*, *137*, *141*, *143*, *144*.
Академія Парижская, 70, 72.
Академія Римская, *46*.
Академія Московская, Славяно-греко-латинская, *90*.
Архивъ Государственный, въ Петербургѣ, *8*, *10*, *14*, *54*.
Архивъ Министерства Иностр. Дѣлъ, въ Москвѣ, *78*, *114*, *137*, *139*, *140*.
Архивъ Разрядный, *6*, *107*.
Библіотека, Имп. Публичная, *8*, *20*, *27*, *40*, *48—52*, *55*, *56*, *57*, *62—69*, *80*, *81*, *99*, *106*, *127*, *128*, *129*, *129*, *141*.
Библіотека Патріаршая, въ Москвѣ, *144*.
Библіотека Синодальная Типографская, 7.
Кабинетъ Петра В. (кабинетская архива), 64, 93, *9*, *10*, *48*, *87*, *96—99*, *102*.
Сенатъ, 15, 24, 26, 28, 35, 46, 75, 78, 103, *19*, *26*, *41*, *46*, *47*, *48*, *55*, *63*, *65*, *121*, *142*.
Синодъ, 22, 23, 24, 26, 28, *4*, *14*, *23*, *26*.
Соборъ всепьянѣйшій (всешутѣйшій), 13, 14, *21*.
Приказъ посольскій, 10, *7*.
Приказъ преображенскій, 6, 17, *3*.
Приказъ стрѣлецкій, *61*.
Университетъ московскій, *80*.
Школа Законоспасская, 97, *94*.

IV. УКАЗАТЕЛЬ РУКОПИСЕЙ.

Императорская Академія Наукъ:

№ 46: „Созерцаніе краткое лѣтъ“, С. Медвѣдева, *125*.
№ 93: „Исторія о невин. заточеніи А. С. Матвѣева“, *104*.

Архивъ Конференціи Императорской Академіи Наукъ:

Портфели Миллера (№№ 29, 37, 38, 57), *77*, *123*, *132*.
Св. 63, Lit. X: „L'Histoire de la grande Russie“, *42—44*.

Государственный архивъ:

Отд. I. № 10: „Журналъ г. Петра I“ (1695—1699 гг.), *8*.
Каб. Петра В. I, № 16: „Юрналъ 1702 г.“, *14*.
Каб. Петра В. I, № 25: то же, другая редакція, *14*.
Каб. Петра В. I, № 26: „Поденная роспись 1702 году“, *14*.
XXVII, 167: „Краткое описаніе“, Крекшина, *54*.

Московскій архивъ мин. ин. дѣлъ:

Портфели Миллера (№№ 55а, 55б, 139, 149), *78*, *79*, *114*, *115*.

Императорская Публичная Библіотека:

№ 40: „Славная Сѣверная война“, 49, *64*.
F. I. № 453: Раскольнич. Сборникъ, *27*.
F. IV. № 8: „Описаніе дѣлъ Петра В.“, *48*.
F. IV. № 312: „Журналъ“, т. 2-й, Крекшина, *55*.
F. IV. № 295: „Описаніе дѣлъ Петра В.“, *50*.
F. IV. № 549: „Краткое описаніе дѣлъ Петра В.“, *50*.
F. IV. № 560: „Житіе Петра В.“, Катифоро, *51*.
F. IV. № 736: „Краткое описаніе“, Соймонова, *129*.
Q. IV. № 4: „Экстрактъ изъ дѣлъ кесарей“, Крекшина, *62*.
Q. IV. № 63: „Екстрактъ журналовъ“, Соймонова, *127*.
Q. IV. № 266: „Описаніе дѣлъ Петра“, *49*.
Q. IV. № 281: „Описание о царствованіи“, *63*.
Q. IV. № 294: „Исторія от дня зачатія“, *64*.
Q. IV. № 295: „О зачати“, *64*.
Q. IV. № 362: Переводъ „Исторіи“ Вольтера, *80*.
Рукописи Вольтера (№ 242), *69* слѣд.
Собраніе Н. М. Михайловскаго. № 269: переводъ „Исторіи“ Вольтера, *80*.
Древл. Погодина. № 1731: „Экстрактъ изъ журналовъ“, т. I, Крекшина, *56*.
Древл. Погодина. № 1732: „Журналъ“, т. 28-й, Крекшина, *55*.
Бумаги Д. В. Полѣнова. № 18: „Сокращенное описаніе“, Соймонова, *127*.

Владикавказское реальное училище:

№ IV. 52: „Житіе“, Катифоро, *52*.

V. УКАЗАТЕЛЬ СОЧИНЕНІЙ.

Выписки изъ Разрядной архивы, 99, *107*.
Гисторія Свейской войны, 11, 12, 36, *6—14*.
Дворцовая записка по случаю рожденія Петра В., 99, *105*.
Дворцовыя записки 1696 г., *106*.
Дворцовыя записки 1700 г., *106*.
Древняя Росс. Вивліоѳика, 68, 96, 97, 98, *97*.
Журналъ или Поденная Записка, см. Поденная Записка.
Журналъ или описаніе лѣтъ, *68*.
Записная книжка любоп. замѣчаній великой особы, 99, *104*.

Книга Марсова, 98, 102, *7*, *11*, *17*, *98*, *111*, *131*.
Краткая исторія жизни и дѣяній Петра В., *133*.
Краткое описаніе жизни и славныхъ дѣлъ Петра В., *134*.
Лицевой сборникъ, 16, 17, *21*, *30*.
Лѣтописецъ Двинской, 97, 99, *106*.
Лѣтописецъ Соловецкаго м-ря, 99, *105*.
Лѣтописецъ Соловецкій, 99, *105*.
Мысли о Россіи, 69—72, *89—91*.
Надгробіе памяти Петру В., *85*.
Надписи, *85*.
Надпись монументу, *141*.
Начертаніе, подающее понятіе о достославн. царствованіи Петра В., *108*.
Новѣйшее повѣствовательное землеописаніе. *85*.
О высочайшихъ пришествіяхъ на Двину, 105, *136*.
Ода на торжественное открытіе монумента, *141*.
Описаніе похода къ Персійскимъ провинціямъ, *142*.
Поденная Записка, 11, 12, 46, 50, 56, 57, 97, 98, 102, *8—18*, *41*, *49*, *73*, *83*, *97*, *98*, *111*, *131*, *145*.
Похвальныя надписи, *141*.
Слава Россіи, *87*.
Словарь историческій, *133*.
Соборное дѣяніе, 6, 7.
Тетрати записныя, 97, *98*.
Указы съ 1714 генваря по 28 число 1724 году, *98*.
Храмъ безсмертныя славы, 105, *134*.

21452

4-

Магазин № 83
Ц 4 А

А.31
3
Ш
75-П
1